

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Новосибирский государственный
университет экономики и управления «НИНХ»

**ПРАВО И ЭКОНОМИКА:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ
И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ**

Сборник статей
по итогам III Новосибирского
международного юридического форума
(27–28 мая, 10 июня 2021 г.)

Часть 2

Новосибирск
2021

ББК 67.021

П68

Ответственные редакторы:

канд. юрид. наук *О. Н. Шерстобоев*;

канд. юрид. наук *М. В. Громоздина*;

канд. ист. наук *М. С. Саламатова*

П68 **Право** и экономика: национальный опыт и стратегии развития : сб. ст. по итогам III Новосиб. междунар. юрид. форума (27–28 мая, 10 июня 2021 г.) : в 2 ч. / Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. — Ч. 2 / под ред. О. Н. Шерстобоева, М. В. Громоздиной, М. С. Саламатовой. — Новосибирск : НГУЭУ, 2021. — 468 с.

ISBN 978-5-7014-1017-4

ISBN 978-5-7014-1019-8 (ч. 2)

В сборнике представлены научные статьи, подготовленные участниками III Новосибирского международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», который состоялся в г. Новосибирске 27–28 мая и 10 июня 2021 г.

Издание рекомендовано для научно-педагогических работников, сотрудников государственных и муниципальных органов, а также для всех читателей, интересующихся вопросами взаимодействия правовых систем.

Статьи представлены в авторской редакции.

ISBN 978-5-7014-1017-4

ISBN 978-5-7014-1019-8 (ч. 2)

ББК 67.021

© Новосибирский государственный
университет экономики
и управления «НИНХ», 2021

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА: ТРАДИЦИИ И ОЖИДАЕМЫЕ НОВЕЛЛЫ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ЦЕЛИ И МАРШРУТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА

О. Ю. Ильина

Тверской государственный университет
зав. кафедрой гражданского права юридического факультета
доктор юридических наук, профессор
kinder_advokat@rambler.ru

Аннотация. Автор акцентирует внимание на проблеме соотношения тенденций совершенствования семейного законодательства и развития науки семейного права. Отмечается необходимость трансформации или разработки новых понятий, формирования и теоретического обоснования признаков ряда институтов семейного права, что обусловлено проблемой соотношения частных и публичных интересов.

Ключевые слова: семейное законодательство; семейное право; гармонизация частных и публичных интересов.

Abstract. The author focuses on the problem of correlation between the trends of improving family legislation and the development of the science of family law. The necessity of transformation or development of new concepts, formation and theoretical substantiation of the features of a number of institutions of family law, which is due to the problem of the ratio of private and public interests, is noted.

Key words: family legislation; family law; harmonization of private and public interests.

Последнее десятилетие характеризуется усилением внимания и соответствующей активности по совершенствованию отечественного законодательства. Не осталось вне поля зрения профессионального сообщества юристов, политических

деятелей, представителей цивилистики и семейное законодательство. Поступавшие и поступающие на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации законопроекты о внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации [2] далее — СК РФ) и иные законодательные акты, регулирующие отношения с участием членов семьи, инициативные проекты, представленные в материалах временных рабочих групп, а также научные публикации свидетельствуют не только об актуальности вопроса совершенствования правового регулирования данной сферы общественных отношений, но и о необходимости теоретического обоснования предполагаемых новелл.

Сложившиеся в науке семейного права представления о содержании и признаках институтов семейного права, о взаимосвязи и взаимообусловленности семейно-правовых признаков того или иного явления с проявлениями иного (смежного) отраслевого регулирования объективно нуждаются в новом осмыслении, что, в свою очередь, может привести к формированию новых направлений в развитии цивилистики.

Безусловно, в рамках научной статьи не представляется возможным представить полноценную характеристику новых тенденций развития законодательства и теории семейного права, отметим лишь наиболее яркие.

Не вызывает сомнений, что точкой отсчета нового периода развития семейного законодательства и науки семейного права стало внесение поправки в Конституцию РФ [1]. Отметим соответствующие конституционные нормы.

Согласно ст.114 Конституции РФ Правительство РФ «обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области ... поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, ...». Таким образом, сохранение традиционных семейных ценностей отныне должно обеспечиваться при принятии любого решения в рамках реализации государственной политики, поскольку она должна быть единой.

Что послужило основанием для появления данной конституционной нормы? Осмелимся предположить, что иного спо-

соба укрепления ценностей, традиционных для нашего общества и менталитета, нет. К сожалению, стремительное распространение идеологии «свободы», ориентированной на приоритет прав и свобод человека при полном игнорировании прав и свобод окружающих, обязанностей и морально-нравственных принципов, стало реальной угрозой для государственного и социального устройства Российской Федерации. Пропаганда идеологии сексуальных меньшинств, сообществ «без детей» и подобных воззрений, на наш взгляд, привела к девальвации морально-нравственных устоев, в том числе и семейных ценностей.

Настораживает и то, что сфера семейных отношений утрачивает признак приватности, интимные по своей сути отношения становятся достоянием общественности (социальные сети, ток-шоу и т. п.), причем по инициативе самих супругов, родственников.

Очевидно, объективно сформировались предпосылки для изменения границ соотношения частных и публичных интересов в механизме регулирования отношений между членами семьи. Проблема гармонизации частных и публичных интересов, по нашему мнению, на современном этапе развития отечественного законодательства могла быть разрешена только посредством усиления публичных начал.

Обратим особое внимание на ст. 72 Конституции РФ. Отметим, что по критерию значимости сложно определить, что «во-первых», что «во-вторых» из установленных новелл. Конституционная норма содержит всего лишь один из признаков брака, но именно он демонстрирует предопределяющее значение традиционных семейных ценностей, признание брака как союза мужчины и женщины.

Заметим, что вполне обоснованно представители науки семейного права на протяжении многих лет дискутировали о признаках брака в контексте «фактического допуска» однополых союзов, именуемых браком. Действительно, и ст. 16 СК РФ не предусматривает такого основания прекращения брака как смена пола одним из супругов, и содержание ст. 156 СК РФ стимулирует формирование различных воззрений на практику ее применения. В то же время на сегодняшний день

есть все основания полагать, что публично-правовой формат брака установлен однозначно, и браком в нашем государстве может именоваться лишь союз мужчины и женщины, где бы и в каком порядке он не был заключен.

Безусловно, такой шаг законодателя не остановит научную дискуссию о понятии и признаках брака, поскольку природа данного социально-правового института весьма неоднозначна и привлекательна. Что предполагает такой признак брака как «союз», и как это соотносится с целью создания семьи при заключении брака и соответствующим основанием недействительности брака? Под каким углом преломляются в современной действительности признак равноправия супругов и добровольности брака (при его расторжении, в частности)?

На наш взгляд, для формирования нового направления в науке семейного права имеет значение усиление публичного интереса в регулировании отношений между супругами. Речь идет о принципиально новом институте — «защита брака».

Классический вариант «защита семьи, материнства, отцовства и детства» предполагает комплексный подход при реализации государственной семейной политики, в том числе по защите прав и интересов как отдельных членов семьи, так и интересов семьи в целом. Заметим, статус субъектов семейных правоотношений в данной норме до недавнего прошлого был определен на основе структуры родительского правоотношения, именно материнство и отцовство как особое состояние женщины и мужчины позволяли рассчитывать на особые меры поддержки и защиты.

Сохраняется такой подход законодателя и сейчас. Более того, в контексте защиты прав и интересов детей соотношение статуса родителя и статуса супруга не имеет практического значения, поскольку в ст. 53 СК РФ устанавливает равенство прав и обязанностей родителей по отношению к детям, если установлено отцовство, но родители не состоят в браке между собой.

Однако именно институт брака как союз мужчины и женщины теперь находится под защитой государства, а соответствующий вопрос входит в сферу совместного ведения Рос-

сийской Федерации и субъектов Российской Федерации. Какие правовые конструкции уже сейчас обеспечивают защиту брака, какие меры могут быть (должны быть) предприняты с целью совершенствования правового регулирования — эти и другие вопросы должны стать предметом теоретического осмысления и обоснования.

Особо внимания заслуживает и позиция государства по обеспечению достойного воспитания детей. Согласно ст. 67.1 Конституции РФ «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения».

Представляется, что в этой норме тоже явно прослеживается усиление публично-правовых начал в регулировании отношений по воспитанию детей. С одной стороны, родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми третьими лицами (ст. 63 СК РФ). Однако идеология воспитания четко обозначена в приведенной выше конституционной норме, что сопровождается акцентом на обязанности государства по созданию условий, способствующих воспитанию детей. С одной стороны, родители вправе требовать от государства предоставления названных условий, соответствующих мер государственной поддержки, но, с другой стороны, несут ответственность за воспитание ребенка не только в пределах свободы «родительского усмотрения» (очень удачный термин Л. Б. Максимович), но и с учетом публичных обязательств по воспитанию ребенка (патриотизм, гражданственность, уважение к старшим и т. д.).

На наш взгляд, данная новелла законодательства определяет и новые суждения в науке семейного права по вопросу содержания родительских прав, ответственности родителей за ненадлежащее осуществление родительских прав и обязанностей. И, что примечательно, критерии надлежащего воспитания детей установлены государством в конституционной

норме, что свидетельствует опять же об усилении публичного интереса в регулировании семейных отношений.

Традиционно, и это сохранено в ныне действующей редакции ст. 1 СК РФ, регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципом приоритета семейного воспитания детей. Даже в том случае, если ребенок остался без попечения родителей в силу тех или иных обстоятельств, его прежде всего попытаются передать на воспитание в семью. Ребенок может быть передан под опеку или попечительство, в том числе приемную семью, приоритетной формой устройства детей законодатель признает усыновление (ст. 124 СК РФ). При этом усыновитель в полном объеме приобретает права и обязанности родителей, опекун или попечитель на период осуществления своих полномочий также приобретают обязанности по представительству и защите прав и законных интересов ребенка, иные обязанности по воспитанию и содержанию ребенка.

Однако государство посчитало необходимым усилить гарантии обеспечения прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей, установив, что именно «государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения».

Полагаем, что данная норма также выступает посылом к научной дискуссии и, возможно, идеям о трансформации институтов семейного права.

Безусловно, эволюция семейного права и законодательства отнюдь не ограничивается лишь поправкой в Конституцию РФ. Достаточно интересна позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой некоторые семейно-правовые институты приобретают новое значение.

Например, утверждение, что дополнительные расходы являются разновидностью алиментных платежей, что влечет за собой возможность применения соответствующих норм [4]. Именно Пленум вводит в лексикон правоприменителя понятие «потенциальные родители» [3], что, в свою очередь, выступает и основанием для новых суждений и выводов о субъектном составе родительского правоотношения.

Справедливости ради заметим, что в настоящей статье представлены далеко не все реперные точки эволюции семейного права и законодательства на современном этапе, такая цель и не была поставлена. Полагаем необходимым лишь сделать однозначное заявление: в настоящее время существенно смещена граница между частно-правовыми и публично-правовыми началами в механизме правового регулирования семейных отношений, что, с одной стороны, потребует теоретического обоснования позиции не только законодателя, но и правоприменителя, и, с другой стороны, простимулирует научную дискуссию по проблематике гармонизации частных и публичных интересов и даст возможность ученым реализовать свои амбиции.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // Рос. газ. от 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1. Ст. 16.
3. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ №16 от 16 мая 2017 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА В АСПЕКТЕ ОТНОШЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

О. Ю. Косова

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

доктор юридических наук, доцент

olurko@mail.ru

Аннотация. На базе родительского правоотношения рассматриваются отдельные элементы механизма семейно-правовой защиты субъективных прав.

Ключевые слова: субъект защиты, лицо, инициирующее защиту, отношения родителей и детей, ребенок, родители.

Abstract. Separate elements of the mechanism of family legal protection of subjective rights are considered on the basis of the parental relationship.

Key words: subject of protection, person initiating protection, parent-child relationship, child, parents.

Для научного познания юридической действительности характерны высокий уровень абстрагирования и оперирование специальной лексикой, в связи с этим не удивительно, что представители разных правовых школ предлагают различное понимание базовой для юриспруденции терминологии. При повсеместном использовании значимых правовых конструкций и категорий годами не утихают научные споры, не приводящие к приемлемому для большинства научного сообщества решению. К такого рода проблематике относятся, например, теория правовых отношений и субъективного права, механизма правового регулирования и защиты субъективных прав. При этом научные позиции, существующие в общей теории права или даже в базовой для частного права науке гражданского права, экстраполируются в другие отрасли, в том числе в область семейного права.

Поэтому, говоря о семейно-правовой защите, следует оговорить отдельные, принципиально важные, с нашей точки зрения, положения, на которых в настоящей работе основаны представления об этом процессе [1]. Итак, право на защиту прав и свобод человека является конституционным правом граждан в политико-правовой области, которому корреспондирует опять-же конституционная обязанность государства осуществлять в полном смысле этого слова правозащитную деятельность, гарантирующую участникам отраслевых правовых отношений реальное осуществление принадлежащих им прав и пользование социально значимыми имущественными и неимущественными благами, в том числе, в семейных правоотношениях. Такого рода правозащитная деятельность невозможна без создания и функционирования предназначенного для этого юрисдикционного аппарата, т. е. системы особых органов, которые ведут такую деятельность («субъектов защиты»). Без него любое субъективное, да и объективное право, превращаются, образно говоря, не более чем в «декларацию намерений». С этих позиций семейно-правовая защита

может быть определена как юрисдикционная деятельность наделенных соответствующими полномочиями субъектов, которая заключается в юридической квалификации реальных семейных отношений и принятии правоприменительного акта, исполнение которого должно быть обеспечено силой государственной власти, что позволит участникам этих отношений реально обладать и (или) пользоваться соответствующими имущественными или неимущественными благами.

Что касается субъективных прав конкретных лиц, — участников семейных правоотношений, то сложно говорить об обладании ими отдельным материальным семейным «правом на защиту» наряду с правами, характерными для их семейного статуса (супруга, ребенка, родителя, бабушки, приемного родителя и других). В любом случае в структуре принадлежащих им субъективных прав наличествует юридически гарантированная возможность прибегнуть к деятельности субъекта защиты с целью: прекратить правовую связь (например, расторгнуть брак); устранить неопределенность и констатировать наличие прав (например, установить отцовство); понудить обязанное лицо (лиц) к исполнению лежащих на нем семейных обязанностей (например, взыскать алименты) или применить любой другой способ защиты. Без отвечающего требованиям административной или судебной формы защиты порядка обращения к соответствующим субъектам правозащитная деятельность начинаться не может.

Определение исходных позиций, с нашей точки зрения, важно, поскольку нередко допускается смешение субъектов, скрывающихся за понятиями: «субъект защиты», «субъект, инициирующий защиту» и «обладатель субъективного права». Что касается такой базовой разновидности семейных правоотношений, как родительские, связывающие любого из родителей с каждым из их несовершеннолетних детей по типу «родитель-ребенок», то представляет интерес, каким образом в них находят отражение эти понятия. Тем более, что в Семейном кодексе Российской Федерации [3] (далее — СК РФ), на наш взгляд, отсутствует системный взгляд на эту проблему.

В действующей редакции п. 1 ст. 8 СК РФ, именуемой «Защита семейных прав», четко сформулировано: «Защита

семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства». Если буквально толковать эту норму, то следует, что субъектами, которые выполняют защитные функции («субъектами защиты»), являются только органы, выполняющие государственную юрисдикционную функцию. И с этой установкой нельзя не согласиться, поскольку резонно правило «кто наделяет правом, тот и юридически обеспечивает его осуществление», а наделяет правом государственная власть.

Тогда, вернувшись к родительскому правоотношению, следует констатировать, что ни родитель, ни ребенок согласно ст. 8 СК РФ не могут быть отнесены к субъектам защиты и в отношении друг друга они юрисдикционными полномочиями не обладают. Субъект защиты находится за рамками родительского правоотношения. Если бы родители могли в каждом конкретном случае непосредственно самостоятельно предпринять законные и обоснованные меры, гарантирующие осуществление прав ребенка, объективно отпадала бы необходимость в административной и судебной формах защиты. Даже, если родитель лично реализует входящую в состав принадлежащего ребенку субъективного права возможность требовать от обязанной по отношению к ребенку стороны выполнения лежащих на ней обязанностей (например, обращение к другому родителю с требованием о предоставлении ребенку содержания), он не может самостоятельно в рамках закона принудить обязанное лицо к исполнению такой обязанности. Это своей властью способен сделать государственный орган, наделенный соответствующими полномочиями.

«Родитель» и «ребенок», будучи субъектами родительского правоотношения, являются носителями определенного семейно-правового статуса, а, значит, обладателями соответствующего набора прав в отношении друг друга, входящих в содержание родительского правоотношения, с учетом тех известных особенностей, что на несовершеннолетнего ребенка закон не возлагает каких-либо обязанностей в отношении родителя, а права родителей традиционно признаются

одновременно и их обязанностями. Статусные права сторон формируются на основе глав 11 и 12 СК РФ, в конструкции правоотношения они взаимоувязаны и призваны обеспечить осуществление заботы о ребенке в части его жизнеохраны и личностного развития. В каждом из субъективных прав, обеспечивающих достижение этой конечной цели, заложена возможность обращения в юрисдикционный орган в целях реального их осуществления.

И родители, и дети, как обладатели субъективных прав в родительском правоотношении, безусловно, обладают возможностью инициировать защиту принадлежащих им субъективных прав путем использования того или иного средства защиты, это может быть, например, подача заявления в делах особого производства или заявления о выдаче судебного приказа, искового заявления и др. Однако, реализация этой возможности в рамках имеющегося субъективного права зависит от дееспособности сторон. Если родитель, действуя в своем интересе и добиваясь защиты права на воспитание ребенка, может в судебном порядке потребовать его возврата от любого лица, в противоречии с законом удерживающего его у себя (п. 1 ст. 68 СК РФ), или, например, заявить иск о восстановлении в родительских правах (п. 2 ст. 72 СК РФ), то ребенок в течение большей части своего детства ввиду фактической социальной незрелости, а юридически при отсутствии у него необходимого объема дееспособности, самостоятельно за защитой своих прав обращаться в суд не может. Только с 14 лет и при наличии ряда условий гражданское процессуальное законодательство общей нормой ч. 4 ст. 37 ГПК РФ допускает такую возможность. Хотя на практике такие обращения большая редкость.

В механизме защиты субъективных прав действие негативного для ребенка фактора, — отсутствия полной дееспособности, компенсирует институт законного представительства, делегирующего, прежде всего, родителю возможность представительства в любых иных правовых отношениях, в том числе возможность обращения за защитой принадлежащих ребенку прав к субъекту защиты, обладающему необхо-

димыми полномочиями для того, чтобы они могли быть признаны и реально осуществлены.

В этой связи нужно обратить внимание на формулировку статьи 64 СК РФ, которая называется «Права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей». На наш взгляд, необходимо системно толковать название этой статьи и положения п. 1 ст. 64 СК РФ. Отсюда отчетливо просматривается вытекающая из функции законного представительства суть участия родителей в механизме защиты субъективных прав их детей, проистекающая из их родительского статуса: они «являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий». Анализ семейного, гражданского, гражданско-процессуального законодательства отчетливо показывает, что независимо от формы защиты, административной или судебной, родитель, действуя от лица недееспособного ребенка, является ее инициатором. Дополнительной гарантией реализации субъективных прав ребенка служит тот факт, что в случаях отсутствия родителя, невыполнения им этой функции за защитой прав ребенка могут обращаться иные лица, в частности, органы опеки, прокурор, администрация организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. п. 1 ст. 70, п. 3 ст. 73, п. 3 ст. 80 и др.). Предоставление родителю, действующему в качестве законного представителя, первоочередного права инициировать защитную деятельность юрисдикционного органа, безусловно оправданно и соответствует принципу родительского приоритета и презумпции их добросовестности, вытекающих из Конвенции о правах ребенка ООН [2] и СК РФ.

Итак, родители выполняют функцию инициирования защиты в механизме защиты субъективных прав ребенка, тем самым они одновременно исполняют свою обязанность представительства, однако от этого субъектами защиты прав ребенка не становятся. Вне зависимости от того, проживает ли родитель совместно с ребенком или отдельно с ним, например, вследствие развода родителей, он вправе обратиться в суд за защитой собственных родительских прав и одновре-

менно прав ребенка, например, путем заявления требований о взыскании алиментов с другого родителя или об установлении порядка общения с ребенком. Нельзя не согласиться с позицией Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ о том, что родитель, не лишенный родительских прав или не ограниченный в них, имеет право на обращение в суд в защиту прав и законных интересов своего ребенка, а положения ст. 66 СК РФ «сами по себе не ограничивают объем родительских прав родителя, проживающего отдельно от ребенка» [8].

Коллидирующей ст. 8 СК РФ видится редакция статьи 56 СК РФ «Право ребенка на защиту». В частности, нормами п. 1 ст. 56 СК РФ констатируется, что «ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов» (ч. 1), а защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, предусмотренных кодексом, «органом опеки и попечительства, прокурором и судом» (ч. 2). На наш взгляд, смысловое содержание права ребенка на защиту отнюдь не указывает на самостоятельное существование этого права в содержании родительского права в правоотношениях, или любого иного вида семейных правоотношений. Оно более масштабно, поскольку указывает на конституционную обязанность государства организовать механизм правовой защиты прав детей, применительно к сфере действия СК РФ — во всех регулируемых им видах правовых отношений. Тем самым обеспечивается существование и функционирование юрисдикционного механизма отраслевой, семейно-правовой. защиты субъективных прав ребенка. «Право ребенка на защиту», зафиксированное в названии и ч. 1 п. 1 ст. 56 СК, — это скорее право на осуществление «право-защитной» в отношении него деятельности юрисдикционного органа.

Согласно ч. 1 п. 2 ст. 56 СК РФ «ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих)». В ч. 2 этого же пункта ребенку предоставляется право самостоятельно обращаться в органы опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет — в суд за защитой своих нарушенных прав и законных интере-

сов (в том числе «при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями обязанностей по его воспитанию, образованию либо при злоупотреблении родительскими правами»). Отраженные в этом пункте ст. 56 СК РФ правовые подходы, во-первых, связывают реализацию права на защиту не с правозащитной деятельностью самого ребенка в качестве субъекта защиты, а с обращением ребенка за осуществлением таковой. Во-вторых, сомнение вызывает само наличие у ребенка субъективного «права на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих)», которое было бы самостоятельным относительно других его прав, входящих в содержание родительского правоотношения, поскольку в любом субъективном праве ребенка относительно родителей, например, на воспитание или содержание, уже содержится юридически гарантированная функционирующим механизмом семейно-правовой защиты возможность его осуществления. Такой вывод подтверждается формулировкой части 2 этого же пункта.

В-третьих, гипотеза ч. 2 п. 2 ст. 56 СК РФ указывает на нарушения родителями прав и интересов детей (злоупотребление вполне можно считать разновидностью нарушений). Эта норма носит общий характер, по сути обстоятельства п. 2 ст. 56 частично совпадают с основаниями для лишения родительских прав, предусмотренными специальной нормой ст. 69 СК РФ. Не случайно, что судебная практика стала формироваться противоречиво: одни суды отказывали в принятии исковых заявлений от несовершеннолетних четырнадцатилетнего возраста и старше, ссылаясь на п. 1 ст. 70 СК РФ, в которой за несовершеннолетним право обращения с такими исками прямо не закреплено; другие суды признавали за подростками такое право.

Что касается общесоциальной оценки ситуации, то нужно заметить, что норма поведения, осуждающая публичное обсуждение взаимоотношений родителей и детей по инициативе последних, вряд ли может считаться архаичной, она вполне традиционна с позиций присущей семье иерархии. Инициирование подростками судебной защиты против собственных родителей в течении многих веков не приветство-

валось ни российским правом, ни нормами нравственности или общественным мнением. Полагаем, что и сейчас, когда ювенальные западные технологии противопоставляют интересы детей и родителей, моральное оправдание поступка подростка выглядит не соответствующим традиционной культуре общества. Такие действия несовершеннолетнего представляют собой публично высказанное неуважение к отцу или матери, и в этом плане противоречащим официальной государственной позиции относительно правовой охраны семьи и традиционных семейных ценностей [4, 5], а предоставление ребенку права обращения в суд противоречащим презумпции добросовестности родителей.

Нельзя также не учитывать особый возраст подростка и повышенный потенциал конфликтности взаимоотношений родителей и детей, который характерен практически для любой семьи, в которой несовершеннолетний воспитывается. Законодатель, обязывая 14-летних получить паспорт, по-видимому, считает их вполне зрелыми гражданами государства, однако они не всегда способны объективно оценивать своих близких, жизненные ситуации и собственные интересы. Использование ими судебной процедуры защиты права способно окончательно разрушить отношения с родственниками, повлиять на его личность и дальнейшую судьбу, даже если суд, дав объективную оценку обстоятельствам дела, откажет ему в удовлетворении исковых требований.

Что касается сугубо юридической стороны ситуации, обращает на себя внимание позиция Верховного Суда РФ: в 2011 г. в одном из его обзоров [7] она сформулирована обтекаемо, «вряд ли правильной» была признана практика судов, которые отказывали несовершеннолетним в принятии исковых заявлений о лишении родительских прав со ссылкой на необходимость толкования одновременно п. 2 ст. 56 и п. 1 ст. 70 СК РФ.

Однако считаем, что нормы п. 2 ст. 56 СК РФ и ч. 4 ст. 37 ГПК РФ носят общий характер, а спорный вопрос должен решаться на основе принципа приоритета специальных норм (т. е. нормы п. 1 ст. 70 СК РФ о возможном круге заявителей) перед нормами общего характера. К тому же, обращает на себя внимание редакция п. 15 постановления Пленума Верховного

Суда от 14 ноября 2017 г № 44 [6], в нем несовершеннолетние дети, как и в СК РФ, не названы в числе возможных заявителей по делам о лишении родительских прав. Возможно, тем самым, Верховный суд РФ скорректировал свое ранее высказанное мнение по рассматриваемому вопросу.

Однако ранее складывавшаяся практика принятия исков о лишении родительских прав все еще имеет место. Для примера обратимся к одному из дел, рассмотренных по исковому заявлению несовершеннолетнего заявителя. Как можно судить из текста судебного решения [9], 3., действующий «с согласия органа опеки и попечительства Управления образованием администрации муниципального образования, обратился в суд с исковым заявлением о лишении родительских прав к своему отцу, указав, что «ответчик длительное время ненадлежащим образом осуществляет свои родительские права»: не осуществляет заботы о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии; в течении двух последних лет материально ему не помогает, учебой и жизнью не интересуется.

В ходе рассмотрения дела было установлено, что мать несовершеннолетнего полтора года назад была лишена родительских прав. Этим же судебным решением с отца были взысканы алименты, он предупреждался «о необходимости изменения своего отношения к выполнению родительских обязанностей», однако «отношения к сыну не изменил», в связи с чем привлекался к административной ответственности. На момент рассмотрения дела отец состоял в новом браке, имел в нем двух малолетних детей; проживал семьей в однокомнатном доме (40 кв. м); работал грузчиком с доходом 20 тыс. руб. в месяц. В его новой семье «сложились доброжелательные отношения». Отец пояснил, что «у него нет возможности заниматься воспитанием и содержанием сына», материально он помогает по мере возможности, но категорически возражает против проживания его сына в его семье из-за непонимания и поведения сына. В судебном заседании отец иск признал.

В свою очередь, подросток является учащимся 2 курса образовательного учреждения, проживает в комнате общежития (12 кв. м), находящейся в удовлетворительном санитарно-

гигиеническом состоянии. Материальное положение — получает алименты в размере 1900 рублей, 764 рубля стипендия. «Условия жизни удовлетворительные».

Орган опеки и прокурор поддержали исковые требования несовершеннолетнего. Суд, констатируя неисполнение ответчиком родительских обязанностей, что, в частности, «выражается в безразличии к жизни и здоровью ребенка, нежелании взять ребенка на воспитание в свою семью», иск удовлетворил.

Оставим без оценки общесоциальную подоплеку фабулы этого дела, в том числе размер стипендии, выплачиваемой подростку в социальном государстве, а также ординарность жизненных судеб членов его семьи в современной России. Но все же позволим себе усомниться в законности принятия от него искового заявления о лишении отца родительских прав, а также в профессионализме сотрудников органа опеки и попечительства, «давших согласие» на заявление им такого иска. С нашей точки зрения, они фактически самоустранились от выполнения своих обязанностей по защите прав подростка, не заявив соответствующего иска, ведь дача заключения по делу о лишении родительских прав не освобождает их от выполнения обязанности в необходимых случаях заявлять иски в защиту прав ребенка. Даже, если в какой-то мере они стремились поспособствовать ребенку попасть в категорию детей, оставшихся без попечения родителей, но не желали заявлять фиктивного иска. Само знакомство с конкретной жизненной ситуацией исключало формальное отношение к ней. Вникнув в нее, налицо необходимость со стороны педагогов-профессионалов попытаться нормализовать отношения сына с отцом, а не разрушать их окончательно участием близких родственников в публичной процедуре судопроизводства с открытым противопоставлением отца сыну, и самим инициировать защиту прав ребенка.

Следует заметить, что за несовершеннолетними, причем, без возрастной оговорки, п. 2 ст. 56 СК РФ признает в предусмотренных им ситуациях возможность обращаться в органы опеки и попечительства. Считаем, что применительно к случаям обращения за защитой прав со стороны самих детей

административная досудебная процедура в органах опеки и попечительства должна быть обязательной и в любом случае предшествовать судебной. Квалифицированные педагоги и психологи, а возможно, и иные привлекаемые участники, способны дать объективную оценку ситуации. Целью проведения административной процедуры должны стать оказание семье (родителям и детям), необходимой поддержки, стабилизация межличностных отношений между ее членами, в связи с чем норма п. 2 ст. 56 СК РФ нуждается в изменении. Что касается правоприменительной практики, то реализацию правомочия инициировать судебную защиту при нарушении прав ребенка на воспитание и содержание следует оставить за лицами, прямо обозначенными в п. 1 ст. 70 СК РФ, тем более, что широкий круг таких лиц, а также профессионализм лиц, обязанных работать с социально опасными семьями, является дополнительной гарантией возбуждения и осуществления правозащитной деятельности суда.

Литература

1. Косова О. Ю. Субъективное семейное право и «право» на его защиту // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 15–18.
2. Конвенция о правах ребенка Организации Объединенных Наций (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 02.06.2021).
3. Семейный кодекс Российской Федерации: Фед. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996, № 1, ст. 16 (с послед. изм. и доп.) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 04.06.2021).
4. Указ Президента РФ № 1351 от 9 октября 2007 г «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (дата обращения: 30.05.2021).
5. Распоряжение Правительства РФ от 14 августа 2014 г № 1618 «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/ (дата обращения 30.05.2021).
6. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 // КонсультантПлюс.

- URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/
(дата обращения: 30.05.2021).
7. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826/b08a976476f652ab6258914d59476aaabe9311af/
 8. Определение Верховного Суда РФ от 23 сентября 2014 г № 25-КГ14-3 // Договор-Юрист.РУ. URL: <https://dogovor-urist.ru>
 9. Решение Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 20 февраля 2020 г. по делу № 2 (1)-356/2020 // Бугурусланский районный суд Оренбургской области. URL: https://buguruslansky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=61893540&delo_id=1540005&new=0&text_number=1
(дата обращения: 19.05.2021).

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Н. А. Сартаева

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан,
Отдел конституционного, административного законодательства
и государственного управления
главный научный сотрудник,
доктор юридических наук, доцент
sartay12071969@mail.ru

Аннотация. Институт брака и семьи, материнства, отцовства и детства имеет особую значимость, что обуславливает необходимость создания правовых основ для эффективного государственного управления в сфере семейной политики, функционирования адекватной системы социальной защиты и обеспечения, гарантирующей реализацию прав граждан. Государственная семейная политика является частью социальной политики Казахстана и представляет собой систему принципов, оценок и мер правового, организационного, экономического, научного, информационного и кадрового обеспечения, направленную на улучшение условий и повышение качества жизни семьи. Реализация семейной политики базируется на системе законодательных и иных нормативных правовых актов, на основе которых функционирует государственное управление. В связи с чем в статье рассматривается система таких актов: конституционные основы; международные договора, ратифици-

рованные Республикой Казахстан, в сфере семейных и гендерных отношений, прав ребенка; законы, а также государственные программные документы, стратегические планы государственных органов.

Ключевые слова: семейная политика, правовые основы, права ребенка, гендерная политика, профилактика семейного насилия, правовая охрана семейных отношений.

Abstract. The institution of marriage and family, motherhood, fatherhood and childhood is of particular importance, which necessitates the creation of legal foundations for effective government in the field of family policy, the functioning of an adequate system of social protection and provision that guarantees the realization of citizens' rights. The state family policy is part of the social policy of Kazakhstan and is a system of principles, assessments and measures of legal, organizational, economic, scientific, and informational and personnel support, aimed at improving conditions and improving the quality of family life. The implementation of family policy is based on a system of legislative and other normative legal acts, based on which public administration functions. In this connection, the article examines the system of such acts: constitutional foundations; international treaties ratified by the Republic of Kazakhstan in the field of family and gender relations, child rights; laws, as well as state program documents, strategic plans of state bodies.

Key words: family policy, legal framework, child rights, gender policy, prevention of domestic violence, legal protection of family relations.

«Семья — это стержень казахстанского общества,
основа всех новых достижений нашей страны
в экономике, культуре, социальной политике»
Стратегия «Казахстан-2050».

Правовые основы государственного управления в сфере семейной политики можно разделить следующим образом.

1. Конституционные основы.

Статья 27 Конституции Республики Казахстан (далее — Конституция) утвердила, что брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства [1]. Это означает, что государство берет на себя ответственность за создание социально-экономических, политических, идеологических и нравственных условий во имя здоровой и прочной семьи как основной ячейки общества, заботу об охране и защите прав матери и ребенка.

Государственная защита брака и семьи, материнства, отцовства и детства исходит из высокой ответственности перед нынешним и будущими поколениями (преамбула Кон-

ституции), конституционных основ Казахстана как правового и социального государства и направлена на создание условий, обеспечивающих экономическое развитие на благо всего народа (статья 1 Конституции). Конституционный принцип социального государства обязывает Казахстан, руководствуясь общепринятыми социальными стандартами и гуманитарными ценностями, осуществлять охрану и государственную поддержку брака и семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливать государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты в случае потери кормильца, беременности женщины, рождения ребенка и в иных случаях.

Также в Конституции закреплены две взаимосвязанные обязанности — это забота о детях и их воспитание как естественное право и обязанность родителей, а также обязанность совершеннолетних трудоспособных детей заботиться о нетрудоспособных родителях.

Забота о детях и их воспитание — долг обоих родителей, независимо от того, состоят ли родители в браке, проживают ли они вместе. И это свидетельствует о том, что родительские обязанности обеспечиваются не только нормами морали, но и нормами права, а закрепление их в Конституции относит их к наиважнейшим обязанностям.

Конституционная обязанность совершеннолетних трудоспособных детей заботиться о нетрудоспособных родителях может быть различной — от любви, доброты, внимания до обязанности по их содержанию, оказанию им материальной помощи.

Таким образом, вышеизложенные положения Конституции имеют целью укрепление института семьи и семейно-брачных отношений, повышение престижа семьи, пропаганду ценностей брака и семьи, достижение полноценного равенства в семейных отношениях, обеспечивающих социальную и культурную преемственность поколений и являющихся фактором стабильности и устойчивого развития гражданского общества.

2. Международные договора, ратифицированные Республикой Казахстан, в сфере семейных и гендерных отношений, прав ребенка.

Совершенствование государственного управления в сфере семейной политики осуществляется в том числе, при учете международных правовых актов, участниками которых является Республика Казахстан.

На сегодняшний день Республикой Казахстан ратифицированы такие международные правовые документы, как: Конвенция о правах ребенка (ратифицирована постановлением Верховного Совета № 77 от 8 июня 1994 г.); Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (присоединение Законом РК от 29 июня 1998 г. № 248);); Конвенция политических правах женщин (присоединение Законом РК от 30 декабря 1999 г. № 18-II); Конвенция Международной организации труда № 100 о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности (ратифицирована Законом РК от 14 декабря 2000 г. № 115-II); Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, совершенный в Нью-Йорке 6 сентября 2000 г. (ратифицирован Законом РК от 4 июля 2001 г. № 220); Международный пакт о гражданских и политических правах (ратифицирован Законом РК от 28 ноября 2005 г. № 91), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ратифицирован Законом РК от 21 ноября 2005 г. № 87).

Так, Конвенция о правах ребенка определяет международные стандарты защиты прав и свобод личности ребенка, главная цель которых заключается в обеспечении интересов ребенка, связанных с реализацией таких основных положений документа, как выживание, развитие, защита и активное участие в жизни общества. Когда речь идет об охране прав ребенка, то имеются в виду следующие виды посягательств: а) произвольное или незаконное вмешательство в осуществление его права на личную жизнь, или посягательство на честь и достоинство; б) все формы физического или психического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации; в) экономическая эксплуатация и выполнение любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им обра-

зования, либо наносить ущерб его здоровью и физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию; г) незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ; д) все формы сексуальной эксплуатации и сексуального совращения; е) бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания; ж) все другие формы эксплуатации, наносящие ущерб любому аспекту благосостояния ребенка (ст. 16, 19, 32–35 и 37 Конвенции ООН о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) [2].

Международные организации, в том числе труда, здравоохранения, защиты детей рекомендуют странам расширять формы социальной защиты семьи, материнства, отцовства и детства. Казахстан в этом направлении проводит постоянную и целенаправленную работу.

3. Законы.

Брак, семья, материнство, отцовство и детство, базируясь на конституционных основах, получили свою правовую реализацию в действующем законодательстве Казахстана. В числе законов, которыми предусматривается регулирование вопросы семейной политики: Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», законы: «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», «О профилактике бытового насилия», «О минимальных социальных стандартах и их гарантиях», «Об образовании», «О государственной молодежной политике», «О правах ребенка в Республике Казахстан», «О государственных пособиях семьям, имеющим детей», «О специальных социальных услугах» и другие.

Так, в Республике Казахстан семейно-брачные отношения регулируются Кодексом Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» [3]. В нем определяются цели, задачи, принципы и правовые основы регулирования брачно-семейных (супружеско-семейных) отношений, а также закрепляются нормы об обеспечении защиты прав и интересов семьи.

Брачно-семейное законодательство Республики устанавливает: права и обязанности, имущественные и личные неимущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми, другими родственниками и иными

лицами; условия и порядок вступления в брак (супружество), прекращения брака (супружества) и признания его недействительным; определяет формы и порядок устройства в семью детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей; регулирует порядок государственной регистрации актов гражданского состояния и определяет функции государственных органов, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния и другие вопросы в сфере семейных отношений.

Брачно-семейное законодательство Республики основывается на принципах: добровольности брачного (супружеского) союза мужчины и женщины; равенства прав супругов в семье; недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи; разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию; приоритета семейного воспитания детей, заботы об их развитии и благосостоянии; приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних, пожилых и нетрудоспособных членов семьи; обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав и поддержания здорового образа жизни всех членов семьи.

Согласно кодекса, брак (супружество) — равноправный союз между мужчиной и женщиной, заключенный при свободном и полном согласии сторон в установленном законом Республики Казахстан порядке, с целью создания семьи, порождающий имущественные и личные неимущественные права, и обязанности между супругами. Семья — круг лиц, связанных имущественными и личными неимущественными правами, и обязанностями, вытекающими из брака (супружества), родства, свойства, усыновления (удочерения) или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений.

Также в кодексе получили свое развитие положения Конституции, закрепляющие право и обязанность родителей по воспитанию детей и заботе о них. Права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке. Все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются

родителями по их взаимному согласию, исходя из интересов и с учетом мнения детей. Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права). К числу родительских обязанностей кодексом отнесено: 1) обязанность заботиться о здоровье детей; 2) обязанность воспитывать своих детей. Родители, воспитывающие ребенка, несут ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, которые необходимы для его физического, психического, нравственного, духовного и иного развития; 3) обязанность по обеспечению получения детьми среднего образования, поскольку неотъемлемой составляющей процесса воспитания ребенка и формирования его как всесторонне развитой личности является образование.

В действующем законодательстве предусмотрены различные виды ответственности родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих родительских обязанностей. Так, к числу радикальных мер можно отнести ограничение или лишение родительских прав.

Одним из основных аспектов реализации семейной политики является обеспечение прав ребенка. Закон РК «О правах ребенка в Республике Казахстан» [4] регулирует отношения, возникающие в связи с реализацией основных прав и интересов ребенка, гарантированных Конституцией, исходя из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности, формирования национального самосознания на основе общечеловеческих ценностей мировой цивилизации.

По Закону о правах ребенка ребенок имеет право на охрану здоровья, на индивидуальность и ее сохранение, жизнь, личную свободу, неприкосновенность достоинства и частной жизни, на свободу слова и совести, информацию и участие в общественной жизни, на необходимый уровень жизни, право на имущество, жилище, образование, свободу труда, государственную помощь, на отдых и досуг.

Следует отметить, что в Казахстане ведется постоянная работа по созданию экономических, правовых, психолого-педагогических и организационных условий и гарантий реализации прав, свобод и законных интересов детей. Так, создан Комитет по охране прав детей при Министерстве образования и науки РК, в рамках ЮНИСЕФ учреждена Национальная программа «Дети Казахстана». По инициативе Детского Фонда ООН и рабочей группы НПО Казахстана по защите прав детей создана Национальная информационная сеть «Дети Казахстана», куда беспрепятственно может обратиться любой ребенок, подвергающийся унижениям и бытовому насилию. Детские телефонные линии дают возможность детям, независимо от их возраста, просигнализировать о возникшей в отношении них опасности.

Международная практика показывает, что существенное влияние на уровень функциональной устойчивости семьи оказывают модели гендерных отношений. Чем выше уровень гендерного равенства, тем больше ответственности, паритетности и результативности в выполнении членами семей бытовых, экономических, нравственно-воспитательных, защитных и других важных функций. Таким образом, формирование условий становления современной устойчивой семьи, семьи без насилия связано с достижением гендерного равенства.

В связи с чем, одной из законодательных основ государственного управления в сфере семейной политики определен Закон РК «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» [5]. Законодательное закрепление равных прав и возможностей женщин и мужчин создало необходимые благоприятные условия для участия женщин во всех сферах жизнедеятельности, и является ярким примером передовой стратегии взаимодействия государства и гражданского общества.

В этом законе определяется, что гендер — социальный аспект отношений между мужчинами и женщинами, который проявляется во всех сферах жизни, а гендерное равенство — это правовой статус, обеспечивающий мужчинам и женщинам равные права и равные возможности и реальный доступ

к участию в политической, экономической, социальной, общественной и культурной сферах жизни вне зависимости от половой принадлежности.

Основными задачами государственной политики по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин определены: обеспечение равных прав и равных возможностей мужчин и женщин во всех сферах государственной и общественной жизни; совершенствование и развитие законодательства Республики Казахстан; воспитание и пропаганда среди населения страны культуры равноправия мужчин и женщин, недопущение дискриминации по признаку пола; выполнение общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств; повышение уровня правовой и политической культуры общества для обеспечения равенства полов во всех сферах жизнедеятельности, включая политику, социально-трудовые и семейные отношения.

Обеспечение гендерного равенства прав и обязанностей мужчин и женщин в брачно-семейных отношениях и воспитании детей осуществляется путем: повышения престижа семьи, укрепления брачно-семейных отношений, пропаганды ценностей брака и семьи; равного разделения ответственности мужчин и женщин за воспитание детей и реализации социальной политики, направленной на поддержку и повышение качества жизни семьи.

Как результат по итогам третьего и четвертого периодических докладов о ходе выполнения положений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин Комитетом ООН дана положительная оценка созданию законодательной базы по вопросам равенства прав и возможностей для мужчин и женщин.

Одним из принципов семейной политики является нулевая терпимость ко всем видам бытового насилия, профилактика насилия в семье. 2009 г. принят Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» [6]. Им определяются правовые, экономические, социальные и организационные основы деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан в рассматриваемой сфере жизнедеятельности.

Принятие специального закона позволило достигнуть определенного прогресса в профилактике насилия в семье. В стране созданы специальные подразделения по защите женщин от насилия. С каждым годом растет количество защитных предписаний, которыми воспользовались жертвы домашнего насилия. Во всех регионах Казахстана функционируют кризисные центры, в которых оказывают жертвам насилия бесплатные медико-социальные, социально-правовые, социально-психологические услуги, а также услуги временных приютов.

Законодательно семейно-бытовые отношения определяются как отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими совместно, близкими родственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей). Бытовое насилие разъясняется как умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого (других), причиняющее или содержащее угрозу причинение физического и (или) психического насилия.

Для профилактики бытового насилия применяется комплекс правовых, экономических, социальных и организационных мер, осуществляемых субъектами профилактики бытового насилия, направленных на защиту конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в сфере семейно-бытовых отношений, предупреждение и пресечение бытового насилия, а также на выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению.

В законе закрепляются конкретные меры профилактики бытового насилия, в числе которых: профилактическая беседа; доставление в органы внутренних дел лица, совершившего бытовое насилие, для составления протокола об административном правонарушении либо вынесения защитного предписания; защитное предписание; административное задержание; принудительные меры медицинского характера; установление особых требований к поведению правонарушителя; административное взыскание; лишение либо ограничение родительских прав, отмена усыновления (удочерения) ребенка, освобождение и отстранение опекунов и попечителей от исполнения ими своих обязанностей, досрочное рас-

торжение договора о передаче ребенка на воспитание патронатному воспитателю; меры процессуального принуждения и меры безопасности потерпевших в уголовном процессе и меры, принимаемые по приговору суда. Эти меры применяются для систематического целенаправленного воздействия на правосознание и поведение лица, совершившего бытовое насилие, в целях предупреждения совершения новых правонарушений с его стороны и обеспечения безопасности потерпевшего.

Также в нем устанавливается, что потерпевшему, признанному в установленном законодательством порядке лицом, находящимся в трудной жизненной ситуации, предоставляются специальные социальные услуги.

Правовой основой предоставления специальных социальных услуг определен Закон Республики Казахстан «О специальных социальных услугах» [7]. В нем определяются основания, по которым лицо (семья) может быть признано находящимся в трудной жизненной ситуации: сиротство; отсутствие родительского попечения; безнадзорность несовершеннолетних, в том числе девиантное поведение; нахождение несовершеннолетних в специальных организациях образования, организациях образования с особым режимом содержания; ограничение возможностей раннего психофизического развития детей от рождения до трех лет; стойкие нарушения функций организма, обусловленные физическими и (или) умственными возможностями; ограничение жизнедеятельности вследствие социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих; неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, вследствие перенесенной болезни и (или) инвалидности; жестокое обращение, приведшее к социальной дезадаптации и социальной депривации; бездомность (лица без определенного места жительства); освобождение из мест лишения свободы; нахождение на учете службы пробации.

Оказываемые таким лицам, специальные социальные услуги включают гарантированный объем специальных социальных услуг и платные специальные социальные услуги. Перечень гарантированного объема специальных социаль-

ных услуг включает: социально-бытовые; социально-медицинские; социально-психологические; социально-педагогические; социально-трудовые; социально-культурные; социально-экономические; социально-правовые услуги.

Уголовно-правовая и административно-правовая охрана семейных отношений обеспечивается в соответствующих кодексах. Так, на приоритетность государственной защиты семьи и детства указывает наличие в Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее — УК РК) специальной главы, предусматривающей уголовную ответственность за уголовные правонарушения против семьи и несовершеннолетних (глава 2 УК РК) [8].

В главу входят такие уголовные правонарушения, как вовлечение несовершеннолетних в совершение уголовных правонарушений; вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий; вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией; торговля несовершеннолетними; подмена ребенка; незаконная деятельность по усыновлению (удочерению); разглашение тайны усыновления (удочерения); неисполнение обязанностей по уплате средств на содержание детей, уклонение от уплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей, нетрудоспособного супруга (супруги); неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего; ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни или здоровья детей; злоупотребление правами опекуна или попечителя; незаконный вывоз несовершеннолетнего лица за пределы Республики Казахстан и вовлечение несовершеннолетних в изготовление продукции эротического содержания (ст. 132–144 УК РК).

Административно-правовая охрана от насилия в семье выражается в статье, предусматривающей в Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее — КоАП РК) наказание за противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений (ст. 73 КоАП РК). Статья входит в главу 10 «Административные правонарушения, посягающие на права личности» [3].

Административная ответственность наступает за нецензурную брань, оскорбительное приставание, унижение, повреждение предметов домашнего обихода и другие действия, выражающие неуважение к лицам, состоящим с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, нарушающие их спокойствие, совершенные в индивидуальном жилом доме, квартире или ином жилище, если эти действия не содержат признаков уголовно-наказуемого деяния. Такие действия влекут предупреждение либо административный арест на срок до пяти суток. Также предусматривается ответственность за такие действия, если они совершены повторно в течение года после наложения административного взыскания. В этом случае они повлекут административный арест на срок до десяти суток.

4. Государственные программные документы и стратегические планы государственных органов, социальные программы органов местного государственного управления и самоуправления.

Учитывая важность и многогранность семейной политики и ее особое значение в контексте всей социально-экономической политики в Казахстане, ее реализация является предметом практически всех стратегических и программных документах государства. Так, Стратегия развития Казахстана до 2050 определяет семью, как стержень казахстанского общества, основу всех новых достижений нашей страны в экономике, культуре, социальной политике. Благополучие каждой казахстанской семьи — ключевая цель реализации Стратегии «Казахстан-2050» [10].

Согласно Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 г. поддержка, укрепление и защита семей, создание необходимых условий, способствующих всестороннему развитию семей, охрана материнства, отцовства и детства являются основами государственной семейной политики [11].

Также вопросы государственного управления в сфере семейной политики являются предметом научного интереса. В этом году Отдел конституционного, административного законодательства и государственного управления Института

законодательства и правовой информации Республики Казахстан (далее — Институт) проводит фундаментальное и прикладное исследование на тему: «Научное обеспечение законопроектной деятельности в Республике Казахстан», в рамках которого рассматриваются правовые основы совершенствования государственного управления в отраслях экономики и социальной сферы., в их числе и сферы семейных отношений. Кстати, сотрудниками Института на постоянной основе оказываются консультационные услуги по разработке проектов концепций и проектов законов, при рассмотрении которых Институт осуществляет беспристрастную и независимую правовую оценку, представляет свои научно-обоснованные рекомендации.

Подытоживая, следует отметить, что анализ развития зарубежных стран показывает, что единой универсальной модели государственного управления в сфере семейной политики, не существует. Каждая страна строит ее при учете национальных особенностей, культуры и с учетом других факторов.

В Республике Казахстан дальнейшая работа в этом направлении связана с реализацией Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 г., утвержденной Указом Президента Республики Казахстан 6 декабря 2016 г. [12]. В ней определяются основные принципы и подходы в формировании семейной политики, цели и задачи, сформированные при учете международных трендов устойчивого развития и национальных стратегических приоритетов.

Миссия государственной семейной политики определена — эта поддержка, укрепление и защита семей, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, культивирование позитивного образа семьи и брака, профилактика и преодоление семейного неблагополучия.

Литература

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. // Информационная система «Параграф»/Юрист/ (дата обращения: 15.05.2021).
2. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 18.05.2021).

3. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 г. № 518-IV ЗРК // Информационная система «Параграф»/Юрист/ (дата обращения: 22.05.2021).
4. Закон Республики Казахстан «О правах ребенка в Республике Казахстан» от 8 августа 2002 г. № 345-II // «Параграф»/Юрист/ (дата обращения: 25.05.2021).
5. Закон Республики Казахстан «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» от 8 декабря 2009 г. № 223-IV ЗРК // Информационная система «Параграф»/Юрист/ (дата обращения: 28.05.2021).
6. Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия в семье» от 4 декабря 2009 г. № 214-IV ЗРК // Информационная система «Параграф»/Юрист/ (дата обращения: 01.06.2021).
7. Закон Республики Казахстан «О специальных социальных услугах» от 29 декабря 2008 г. № 114-IV ЗРК // Информационная система «Параграф»/Юрист/ (дата обращения: 04.06.2021).
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК // Информационная система «Параграф»/Юрист/ (дата обращения: 08.06.2021).
9. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК // Информационная система «Параграф»/Юрист/ (дата обращения 11.06.2021).
10. Послание Президента Республики Казахстан — Лидера Нации Н. А. Назарбаева Народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства» (Астана, 14 декабря 2012 г.) // Информационная система «Параграф»/Юрист/ (дата обращения: 15.06.2021).
11. Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» от 15 февраля 2018 г. 636 // Информационная система «Параграф»/Юрист/ (дата обращения: 17.06.2021).
12. Указ Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 г. № 384 «Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года» // Информационная система «Параграф»/Юрист/ (дата обращения: 20.06.2021).

СЕМЕЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ПАРАДОКСЫ И СКАЧКИ ЭВОЛЮЦИИ

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
заведующая кафедрой социального и семейного законодательства,
кандидат юридических наук, профессор
nant@uniyar.ac.ru

Аннотация. В статье обобщаются и анализируются наиболее яркие, с точки зрения автора, законодательные решения различных периодов эволюции российского семейного законодательства. В частности, констатируются доктринальные предпосылки суверенности семейного права, сформулированные рядом цивилистов до 1917 года, значимые образцы законотворчества последующих этапов его развития, в том числе негативного характера, выявляются парадоксы, пробелы, дискуссии новейшего времени. При этом объектами внимания избраны далеко не все семейно-правовые институты, конструкции, коллизии — автор сосредоточился на проблемах дефинирования ключевых понятий семейного закона, некоторых аспектах правоотношений в браке, семейно-правового статуса ребенка, программы суррогатного материнства.

Ключевые слова: семья, российский закон, эволюция, парадоксы, предположения, проекты.

Abstract. The article summarizes and analyzes the most striking, from the point of view of legislative decisions of various periods of the evolution of Russian family legislation. In particular, the doctrinal prerequisites for the sovereignty of family law, formulated by a number of civilians before 1917, are stated, significant examples of the development of negative events, paradoxes, gaps, of modern times are revealed. At the same time, far from all family legal institutions, structures, collisions were selected as objects of attention — the author focused on the problems of defining the key concepts of family law, some aspects of legal relations in marriage, the family legal status of a child, and surrogacy programs.

Key words: family, Russian law, evolution, paradoxes, assumptions, projects.

Законодательные предпосылки становления российского семейного права в качестве самостоятельной отрасли, как известно, начали формироваться лишь с 1917 г. Однако доктринальные предпосылки восходят к концу 19 в. — началу 20 в. Разумеется, не без противоречий. С одной стороны, многие цивилисты того времени (Д. И. Мейер¹, К. П. Победоносцев,

¹ Д. И. Мейер не исключал принадлежности и к государственному праву (наряду с церковным) [6].

Г. Ф. Шершеневич и др. [16]) полагали семейное право институтом права гражданского, а часть норм, регулирующих заключение и прекращение брака — принадлежащих церковному (каноническому) праву, что соответствовало системе законодательства. С другой стороны, в цивилистической доктрине высказывались суждения, подвергавшие сомнению означенное место семейного законодательства и его сущностную принадлежность к классической цивилистике (А. Боровиковский, А. И. Загоровский, К. Д. Кавелин и др. [16]). Так, А. Боровиковский, среди прочих размышлений о сущности, особенностях семейных правоотношений, необходимости поиска специальных процедур для разрешения семейных тяжб, писал: «Право семейственное и кодексами, и систематиками обыкновенно приурочивается к области права гражданского. Но при этом остается несомненным, что, несмотря на такое приурочение, семейные правоотношения <...> особенностью своей природы существенно отличаются от прочих гражданских правоотношений» [2, с. 263–264].

Октябрь 1917 г., как бы кто ни относился к сущности событий и последствий, для семейного законодательства явился «турбированным двигателем» правового механизма, который позволил осуществить разгон принципиальных изменений и оставить далеко позади западное право: были декларированы принципы равенства прав мужчины и женщины, в том числе в сфере семьи, светскости брака и свободы развода, равенства статусов детей, независимо от обстоятельств их рождения; появилось первое в мире кодифицированное семейное законодательство (1918, 1926 годы); в 1926 г. — институты совместной собственности супругов и фактического брака (последний предполагался прообразом грядущего «коммунистического брака»). Однако на этой позитивной волне преобразований законодатель удержаться не сумел: в 1944 г. вывел за границы права фактические брачные отношения, существенным (по сути, «драконовским») образом усложнил бракоразводную процедуру, вернулся к конструкции незаконнорожденности детей — посредством запрета признавать и отыскивать внебрачное отцовство (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. — с известным весьма благим названием...).

Разумеется, тому находились объяснения: цель укрепления семейных связей в послевоенное и послевоенное время должна была оправдать и сомнительные решения, и парадоксальные средства. Эти действия, на наш взгляд, могут быть квалифицированы в качестве «семейно-правовой контрреволюции».

Ее последствия российский (советский) законодатель преодолевал долго и с большим трудом, так и не дезавуировав содеянное до конца: лишь в 1968–1969 годах «драконовская» процедура развода была заменена на почти «мягкую и пушистую», внебрачные дети вновь смогли получить юридического отца (хотя и не без ограничений со стороны предписаний нормы ст. 48 КоБС РСФСР), однако фактические супруги так и остались «сожителями» с нулевым семейно-правовым статусом. Выражаясь современным политологическим языком, произошла «революция достоинства»...

Очередная волна преобразований наполнила пространство семейного права самыми различными идеями и решениями в 1994–1995 годах. Она содержала в себе весьма разноразличные энергетические заряды. Со стороны некоторых представителей доктрины была возобновлена атака на отраслевую суверенность семейного права либо его отдельных институтов (супружеской собственности, алиментных обязательств, опеки и попечительства). Законодатель же закрепил нормативно-правовую связку семейного и гражданского закона, явным образом допустив субсидиарное и по аналогии применение последнего к семейным правоотношениям, впервые в российской истории ввел в оборот конструкцию брачного договора — причем в таком ее варианте, который своей почти неограниченной свободой усмотрения сторон в выборе имущественных режимов противопоставляет себя гуманитарным обыкновениям института совместной собственности супругов по защите интересов социально слабой стороны, семьи и детей. Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ) отнюдь не богат дефинициями: в нем, в отличие от законов о браке и семье ряда государств ближнего зарубежья [11], отсутствует

представление о сущности ключевых конструкций (и соответствующих им понятий) — брака, семьи, родства/свойства и их степеней, опеки, приемной семьи, усыновления/удочерения и др.

Те же из значимых явлений, которые подвергнуты «формально-юридической вивисекции», все же не получили адекватного описания. Так, положение (квазиопределение) о том, кто считается, по смыслу закона, ребенком, не критиковал в доктрине только предельно ленивый исследователь. Действительно, сообщение ст.54 СК РФ не отвечает правовым реалиям [3].

До известной конституционной поправки (п. «ж» ст. 72 Конституции РФ) имелась некоторая, пусть и неочевидная, основа для дискуссии о гендерном смысле брачного союза, особенно для случаев заключения браков российских граждан за российскими пределами: норма п. 2 ст. 158 СК РФ объявляла браки действительными, а норма п. 1 ст.158 ограничивала их действительность соблюдением требований правил ст. 14, среди которых, как известно, указания о гетеросексуальности супружества не просматривалось; ссылка же на общую норму-«выручалочку» о необходимости соответствия иностранного законодательства публичному порядку РФ (ст. 167 СК РФ), конечно, могла играть роль регулятора, однако все же не убеждала с необходимостью и достаточностью в позиции российского законодателя — тем более в ситуации неопределенности правовых последствий смены пола в браке (о чем речь впереди). Определения Конституционного Суда РФ также не могли быть исчерпывающим источником по вопросу. Традиционное отсутствие дефиниции брака в российском семейном законодательстве (что как раз и порождало означенную нами проблему гендерной неопределенности), на наш взгляд, ничем основательным быть объяснено не может — при том, что в доктрине таковые дефиниции были и есть, а значимые признаки супружества в оных дефинициях, если исключить «романтические дополнения», совпадают [12]. Это подтверждается и современными проектными законодательными предположениями. И, возможно, мы в этом скоро убедимся:

конституционная поправка, несмотря на многолетнее сопротивление «идеологов семейного права», дала содержательный и энергетический импульс к законодательному закреплению онтологии брачного союза. Парадокс между единством мнений при определениях данной конструкции в доктрине и единством мнений о невозможности дать определение в законе будет, наконец-то, снят.

Еще более остро в семейно-правовом дискурсе просматривается проблема дефинирования семьи. В доктрине, как и в ситуации с определением брака, господствует мнение о невозможности/нецелесообразности законодательного установления сущности семьи, выявления ее юридически значимых признаков¹. «Точкой кипения» в данном вопросе является утверждение о допущении различного понимания юридических компонентов рассматриваемой конструкции в тех или иных отраслях российского права. И это при том, что супружество (в том числе и фактическое), родство, свойство и т. п., специфические права и обязанности членов семьи (в собственном смысле словосочетания «члены семьи», а не в избыточно широкой его трактовке нормами гл. 15 СК РФ), их объединенность в особый коллектив, хозяйственно-экономическая общность² – сущностные характеристики семьи: исключите любую из них — и семья исчезнет в «тумане неопределенности» отношений. Между тем дефиниция семьи — необходима для уяснения многих правовых (прежде всего, конечно, семейно-правовых, но также и социально-обеспечительных, трудовправовых, налоговых и др.) смыслов. Так, квалификация брачного союза как фиктивного осуществляется через конструкцию «без цели создания семьи» (п. 1 ст. 27 СК РФ). Предельно актуальной является адекватная трактовка права на семейную жизнь и, соответственно, понятия «семейная жизнь» [21], которые содержательно отнюдь не совпадают с понятием «семья». Да и в дефиниции брака наиважнейшей является констатация цели его заключения и существова-

¹ Подробно об этом см. в других наших работах [18].

² В этом контексте не исключается и сходство с простым товариществом [4].

ния — создание семьи. В новейших законопроектах попытка означенного дефинирования заложена. Поживем — увидим (или не увидим)...

На первый взгляд, эпизодом выглядит парадокс, возникающий в ситуации смены пола в браке. Однако по последствиям это далеко не так. Во-первых, с очевидностью возникающая ситуация однополого союза в настоящее время не только подвергает сомнению универсальность общих начал семейного законодательства, но и противоречит Конституции РФ. Во-вторых, она порождает однополое родительство. Данное фактическое и правовое последствие в действующем семейном законодательстве прямого значения, активирующего конструкции ограничения общения с ребенком, ограничения родительских прав, лишения родительских прав, не имеет. И это несмотря на запрет усыновления/удочерения (по статусу — приравненное к родительству) иностранными гражданами, государства которых имеют «гендерно безразличное» брачное законодательство. В одной из своих работ мы приводим пример судебного решения о лишении родительских прав отца (ставшего матерью-2), однако не в связи со сменой пола как таковой, а на основании фактов неблагоприятного воздействия поведения данного родителя на психику ребенка [17]. В доктрине высказываются, а в законодательной практике вносятся различные предложения о выстраивании правовых последствий смены пола лицом, состоящим в браке [16, с. 131], однако, судя по всему, пока консенсус не достигнут. А «семейные ценности» пребывают в атакованной позиции.

Как общая, так и особенная части СК РФ не содержат положений о семейной дееспособности (как, впрочем, и правоспособности). Создается впечатление «табуированности», под воздействием классической цивилистической доктрины, данной проблемы. Между тем очевидно, что означенные конструкции имеют специфические семейно-правовые контексты [7], которые либо подразумеваются по умолчанию, либо игнорируются. Наиболее ярко высвечиваются вопросы семейной дееспособности несовершеннолетних. Во-первых, ее возрастная градация не совпадает с гражданско-право-

вой. Во-вторых, досрочное приобретение гражданской дееспособности не составляет безусловной предпосылки для суверенного участия (и даже самой возможности участия) в семейных правоотношениях. В-третьих, парадоксально не работает в отношении детей конструкция семейно-правовой обязанности. В доктрине (в том числе и нами) неоднократно подчеркивалось, что аксиома «нет прав без обязанностей и обязанностей без прав» может и должна быть распространена на «детское законодательство» в сфере семьи (на этом настаивал еще О. С. Иоффе [5, с. 238–239]). С одной стороны, ребенок с 10-летнего возраста (будучи, видимо, «недееспособным») должен официально заявлять о своей позиции по ряду вопросов, причем в обязательном порядке (ст. 57 СК РФ), с 14 лет — самостоятельно предъявлять иск об установлении своего внебрачного отцовства и т. д. С другой стороны, он же не несет никаких обязанностей... При этом в соответствии с законодательством об образовании ребенок обязан соблюдать устав и другие локальные акты образовательного учреждения, а по завершении начальной школы (возраст не установлен) — может привлекаться к дисциплинарной ответственности за неисполнение обязанностей учащегося (ст. 43 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Имеются сходные примеры из области трудового законодательства и даже уголовного (ответственности с 14 лет за ряд особо тяжких преступлений)¹. Разумеется, конструкция «детских обязанностей» должна строиться на основе семейно-правовой возрастной градации и, по общему правилу, иметь декларативный контекст, каковой, кстати, присущ и соответствующему законодательству стран, фиксирующему обязанности несовершеннолетних перед семьей [14].

В «страдательном залоге» пока находится и конструкция семейно-правового договора, постепенно прокладывающая себе самостоятельную дорогу в общедоговорном пространстве [20]. Субъектный состав договоров (соглашений), опосредуемые ими права и интересы (детей, семьи в целом, социально

¹ Подробно об этом см. в других работах [14].

слабой стороны), содержательная компонента, соразмерность свободы семейно-правового договора началам семейного законодательства — выводят их из-под «сюзеренства» гражданского права, требуют завершения формирования соответствующей семейно-правовой теории, коя, надеемся, и дастся нам в обозримом будущем [8, 9].

Активно эволюционирует законодательство, регулирующее применение вспомогательных репродуктивных технологий, а также практика его применения. Однако собственно СК РФ общему тренду не только не соответствует, но и пассивно содействует «попустительству» со стороны медицинского права и судебной практики. В первом случае речь идет прежде всего о констатации договорной сущности суррогатного материнства, субъектном составе правоотношений в связи с его реализацией (по СК РФ — супруги, а по ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 55) — мужчина и женщина, «одинокая женщина»), так называемом преимущественном праве суррогатной матери на родительство (п. 4 ст. 51 СК РФ), неопределенности статуса проточеловека [1, 15] (такой фигуры в российском семейном законодательстве нет). Во втором — о практике высших судов относительно применения означенного правила п. 4 ст. 51 СК РФ. Первый анонс, в связи с очевидной необходимостью корректировки СК РФ (пусть на данном этапе и с не вполне ясной судьбой¹), оставим без детализации. Однако второй, будучи весьма нетривиальным образцом судебного усмотрения — и не только на грани правотворчества, что само по себе достаточно привычно, но

¹ Как известно, законодатели, представители общественности и юридической науки, как внутри своих «стратов», так и на внешнем информационном периметре, существенно различным образом видят «картину» суррогатного материнства: от полного запрета (воспринимая программу как разновидность торговли детьми), введения дополнительных ограничений (только для супругов-российских граждан — в качестве способа преодоления бесплодия; исключительно на безвозмездной основе) до дальнейшей либерализации (например, предоставления соответствующих права «одинокому мужчине»). Не достигнут также консенсус относительно позиции о преимущественном праве суррогатной матери, хотя, судя по правовым позициям правоприменения, акцент приоритета может быть смещен в пользу генетических родителей [15].

и в контексте взаимодействия правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ¹, требует дополнительного внимания.

Не подвергая подробному анализу правовые позиции по данному вопросу Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, что уже было осуществлено нами ранее [19], подчеркнем несколько наиважнейших деталей. Во-первых, наряду с определениями в обоих случаях были высказаны особые мнения судей Конституционного Суда РФ. В частности, в связи с определением 2012 г. судьи (Г. А. Гаджиев, С. Д. Князев) подчеркивали значимость аргументов заявителей — прежде всего относительно недостижения цели программы суррогатного материнства (преодоление бесплодия генетических родителей). В связи же с определением 2018 г., в котором Конституционный Суд РФ, по сути, согласился, вопреки своей прежней правовой позиции, с мнением Верховного Суда РФ о возможности удовлетворения иска генетических родителей о записи в качестве родителей ребенка в ситуации соответствующего отказа суррогатной матери (отнюдь не только на основании злоупотребления ею правом, а по широкому спектру обстоятельств, включая «интересы ребенка»), судья А. Н. Кокотов в своем особом мнении² негативно квалифицировал как факт солидаризации указанных судов, так и правовую

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2018 г. № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (документы опубликованы не были) // СПС «Консультант Плюс»; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 7.

² Мы, как и многие другие юристы [10], крайне сожалеем об исключении института особого мнения из публичного пространства конституционного правосудия [13].

позицию Верховного Суда РФ. Среди большого числа весьма значимых аргументов правомерности подобной оценки судья в том числе подчеркнул: сложный межотраслевой характер анализируемых договорных отношений и еще более непростая задача балансировки интересов генетических родителей, суррогатной матери и ребенка выявляют пробельность законодательства и предполагают его корректировку, а не допущение правовой судебной позиции в противовес императивной норме статьи 51 СК РФ. Полностью солидарны с данным выводом¹.

Таким образом, иллюстративный и аналитический контексты эволюции семейного права и законодательства — в ее ретроспективе и ближайшей перспективе, не будучи в данном сочинении содержательно исчерпывающими, тем не менее свидетельствуют о назревающей потребности существенного изменения СК РФ (несмотря на иной ответ известного законодателя на свой же вопрос «Нужен ли нам новый Семейный кодекс?»). Соответствующие конституционные поправки, общественный запрос на закрепление в общих началах семейного законодательства принципиальных положений о семейных (традиционных) ценностях и их конкретизацию в институтах брака, родительства, детства, супружеской собственности, алиментных обязательств, попечения над детьми — данную потребность только усиливают.

Литература

1. Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // *Lex Russica*. 2020. Т. 73. № 5 (162). С. 129–142.
2. Боровиковский А. Отчет судьи. Т. 2. СПб., 1892. 348 с.
3. Величкова О. И. О понятии «ребенок» в свете положений Семейного кодекса РФ и Конвенции о правах ребенка // *Семейное право на рубеже XX–XXI веков*. М., 2011. С. 149–151.
4. Ильина О. Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // *Семейное и жилищное право*. 2019. № 1. С. 12–15.
5. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Т. 3. М., 1965. 495 с.
6. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 1997. 453 с.

¹ Более подробно проблема изложена автором в статье журнала «Судья» (2021, № 6), планируемой к выходу.

7. Низамиева О. Н., Ксенофонтова Д. С. А. М. Нечаева о правоспособности и дееспособности физических лиц // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 58–73.
8. Низамиева О. Н. Об опережающей функции семейно-правового договора // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Сер.: Право. 2018. № 4. С. 53–64.
9. Низамиева О. Н. Особенности реализации регулятивной функции семейно-правовых договоров // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 10 (167). С. 32–40.
10. Судьба особых мнений в России // Закон. 2020. № 10. С. 19–33.
11. Тарусина Н. Н. Белорусское семейное законодательство, или есть пророк в ближнем зарубежье // Семейное право: современные проблемы теории и практики / гл. ред. В. Н. Годунов. Минск, 2020. С. 316–325.
12. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.
13. Тарусина Н. Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестн. Ярославск. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. Т. 15. № 1. С. 65–75.
14. Тарусина Н. Н. О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // Вестн. Ярославск. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 220–231.
15. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о праве родиться // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 5 (174). С. 52–62.
16. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.
17. Тарусина Н. Н., Сочнева О. Г. Права детей. М.: Проспект, 2019. 176 с.
18. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 4 (161). С. 21–33.
19. Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex Russica. 2019. Т. № 5 (150). С. 40–48.
20. Филиппова Т. А., Громоздина М. В., Титаренко Е. П. Становление и развитие института соглашений семейном праве // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». 2021. Т. 18, № 1. С. 57–65.
21. Шершень Т. В. В Год семьи о понятии семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2009. № 2.

ПРЕДЕЛЫ ПРАВ, ОБЯЗАННОСТЕЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ И ДРУГИХ РОДСТВЕННИКОВ ДЕТЕЙ — УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г. К. Балабушевич

МАОУ г. Новосибирска «Образовательный центр
Гимназия «Горностай»
юрисконсульт
gkb@ngs.ru

Аннотация. Автор поднимает проблему реализации прав родителей обучающихся как участников образовательных отношений, рассматривает пределы вмешательства родителей в образовательную деятельность учреждений дошкольного и общего среднего образования. В статье обозначены некоторые проблемы, возникающие в связи с осуществлением прав родителей учащихся и воспитанников. Кроме того, автор обращает внимание на права, обязанности и ответственность учреждений образования в связи с реализацией прав родителей и других родственников обучающихся. Ставится вопрос о содержании обязанностей и ответственности законных представителей как участников образовательного процесса.

Ключевые слова: образовательные отношения, образовательный процесс, родители обучающихся, близкие родственники обучающихся, реализация прав родителей в образовательных отношениях, права образовательного учреждения, ответственность образовательного учреждения.

Abstract. The author raises the problem of the implementation of the rights of students' parents as participants in educational relations, considers the limits of parental intervention in the educational activities of institutions of preschool and general secondary education. The article identifies some problems arising due to the implementation of the rights of students' parents. In addition, the author pays attention to the rights, duties and responsibilities of educational institutions in connection with the implementation of the rights of parents and other students' relatives. The question of the content of the duties and responsibilities of legal representatives as participants in the educational process is raised.

Key words: educational relations, educational process, parents of students, close relatives of students, implementation of parents' rights in educational relations, rights of an educational institution, responsibility of an educational institution.

В соответствии со ст. 38 и 43 Конституции Российской Федерации забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей, родители же или лица их заменя-

ющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования [1].

В развитие данных конституционных норм Семейный кодекс Российской Федерации возложил на родителей (законных представителей) обязанность заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей, а также обеспечить получение детьми общего образования [2].

В Российской Федерации отношения в сфере образования, как известно, регулируются Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — закон «Об образовании»). В соответствии со ст. 2 вышеназванного закона родители (законные представители) несовершеннолетних наряду с обучающимися, педагогическими работниками и организациями, осуществляющими образовательную деятельность, являются участниками образовательных отношений [3].

В соответствии со ст. 10 закона «Об образовании» в Российской Федерации устанавливаются следующие уровни общего образования:

- 1) дошкольное образование;
- 2) начальное общее образование;
- 3) основное общее образование;
- 4) среднее общее образование [3].

То есть, возраст лиц, получающих общее образование, варьируется от 3 до 18 лет. Очевидно, что степень участия родителей в деятельности образовательных организаций должна различаться в зависимости от уровня, получаемого ребенком образования. Однако права, обязанности и ответственность родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся в сфере образования, установленные ст. 44 закона «Об образовании», такого различия не содержат. Это порождает на практике множество проблем при реализации родителями своих родительских прав и обязанностей.

Статья 44 закона «Об образовании» устанавливает, что родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами. Они обя-

заны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка. Родители (законные представители), наряду с другими правами, имеют право выбирать до завершения получения ребенком основного общего образования с учетом мнения ребенка, а также с учетом рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии (при их наличии) формы получения образования и формы обучения, организации, осуществляющие образовательную деятельность, язык, языки образования, факультативные и элективные учебные предметы, курсы, дисциплины (модули) из перечня, предлагаемого организацией, осуществляющей образовательную деятельность; знакомиться с содержанием образования, используемыми методами обучения и воспитания, образовательными технологиями, а также с оценками успеваемости своих детей; защищать права и законные интересы обучающихся; получать информацию обо всех видах планируемых обследований (психологических, психолого-педагогических) обучающихся, давать согласие на проведение таких обследований или участие в таких обследованиях, отказаться от их проведения или участия в них, получать информацию о результатах проведенных обследований обучающихся; принимать участие в управлении организацией, осуществляющей образовательную деятельность, в форме, определяемой уставом этой организации. Родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся обязаны соблюдать правила внутреннего распорядка организации, осуществляющей образовательную деятельность, требования локальных нормативных актов, которые устанавливают режим занятий обучающихся, порядок регламентации образовательных отношений между образовательной организацией и обучающимися и (или) их родителями (законными представителями) и оформления возникновения, приостановления и прекращения этих отношений; уважать честь и достоинство обучающихся и работников организации, осуществляющей образовательную деятельность [3].

К сожалению, некоторые родители по-своему понимают закрепленные ст. 63 и 64 Семейного кодекса преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми

другими лицами и право на защиту прав и интересов своих детей. Зачастую их представление выливается в требование «исправить оценку», немедленно в любое время суток получить ответ на вопрос, отправленный на электронную почту учителя, вести бумажный классный журнал, в то время как школа пользуется электронным журналом и пр. Это происходит потому, что многие нормы декларативны, не конкретны, носят оценочный характер.

Например, в ч. 1 ст. 65 Семейного кодекса указано, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. А как определить интерес ребенка? Вот конкретный пример: в условиях повышенной готовности в период пандемии мать учащейся 5-го класса отказывается от термометрии, осуществляемой в учреждении образования при входе, на том основании, что это медицинское вмешательство, она на него согласия не давала, и требует допустить ребенка до занятий. Это происходит в присутствии других учащихся, учителей. В чем здесь состоит интерес ребенка? Кроме неловкости, в лучшем случае, ребенку такое поведение матери ничего не приносит. Таким примерам «несчасть числа».

Зачастую мелочный контроль, лишение детей самостоятельности, выполнение за них домашних заданий являются действиями, наносящими ущерб интересам детей. Но где механизм, позволяющий корректировать поведение родителей? Не обращаться же по таким проблемам в суд!

Или, например, требование родителей о присутствии на уроках со своим ребенком. Но педагогические работники на основании закона «Об образовании» имеют право на свободу от вмешательства в профессиональную деятельность. А присутствие на уроках постороннего человека может быть оценено как такое вмешательство. И локальные акты образовательного учреждения здесь не спасут, ибо ст. 63 Семейного кодекса к закону «Об образовании» не отсылает.

Множество хлопот доставляют инициативы родителей по обеспечению учреждений образования пособиями, техникой, по проведению ремонта и пр. Родители имеют право осуществлять пожертвования. Однако, зачастую подобные решения расходятся с законом, принимаются на собраниях родителей

коллективно и выливаются в понуждение несогласных также вносить свой вклад. А объясняются эти инициативы заботой о развитии и о здоровье своих детей.

Законодатель, формулируя нормы, регулирующие семейные отношения, касающиеся образования, упустил из виду, что в образовательных отношениях участвует также образовательное учреждение, обладающее своими правами, обязанностями и ответственностью.

Как на практике реализовать установленное ст. 66 Семейного кодекса право родителя, проживающего отдельно от ребенка, право на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования? Если между родителями нет разногласий, то и правовая норма не нужна. Но разногласия есть. Должно ли учреждение образования принять ребенка на обучение на основании заявления родителя, проживающего отдельно? Имеет ли право учреждение образования выдать такому родителю документы ребенка для перевода его в другое учреждение? Если нет, то нет и равенства родителей, декларированного Семейным кодексом.

Или право на общение. Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» исходя из права родителя, проживающего отдельно от ребенка, на общение с ним, а также из необходимости защиты прав и интересов несовершеннолетнего при общении с этим родителем, суду с учетом обстоятельств каждого конкретного дела следует определить порядок такого общения (время, место, продолжительность общения и т. п.), изложив его в резолютивной части решения. При определении порядка общения родителя с ребенком принимаются во внимание возраст ребенка, состояние его здоровья, привязанность к каждому из родителей и другие обстоятельства, способные оказать воздействие на физическое и психическое здоровье ребенка, на его нравственное развитие [4]. Аналогичная норма регулирует общение с ребенком других родственников. В соответствии со ст. 67 Семейного кодекса РФ также дедушка, бабушка, братья, сестры и другие родственники имеют право на общение с ребенком, но вопросы организации такого

общения решаются по договоренности между сторонами или в судебном порядке [2]. При этом интересы учреждения образования, других участников образовательного процесса просто упускаются из виду. В настоящее время в средствах массовой информации с одобрением обсуждается решение Первого кассационного суда общей юрисдикции о том, что бабушка и дедушка имеют право посещать внуку в детском саду на мероприятиях и детских праздниках. Однако местом общения ребенка с бабушкой и дедушкой никак не может и не должна быть территория детского сада или школы. Это решение возлагает на образовательное учреждение несвойственные ему и выходящие за рамки его компетенции функции: организация посещения детского утренника бабушкой и дедушкой ребенка в части обеспечения безопасности детей, санитарно-эпидемиологического благополучия и т. д.

Вызывает удивление введение Федеральным законом от 02.12.2019 № 411-ФЗ в статью 54 Семейного кодекса, закрепляющей право ребенка жить и воспитываться в семье, нормы о преимущественном приеме на обучение по основным общеобразовательным программам дошкольного и начального общего образования в государственные и муниципальные образовательные организации, в которых обучаются их братья и (или) сестры [2]. Одобрив принятие данной нормы в принципе, не можем не озадачиться вопросом о ее соответствии содержанию ст. 54 Семейного кодекса в целом.

Формат статьи не позволяет обозначить все проблемы регулирования отношений в связи с реализацией родительских прав, обязанностей и ответственности в образовательных отношениях. Очевидно, что семейное законодательство в этой части нуждается в совершенствовании.

В рамках Петербургского Международного Юридического Форума, проходившего в онлайн-формате с 18 по 22 мая 2021 г., обсуждалась интереснейшая тема «LEGAL DESIGN как эстетическая коммуникация в праве» [6].

В связи с услышанным хочется сказать, что нашему законодательству в области регулирования семейных отношений не хватает не только содержания, но и современного дизайна.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 24.06.2021).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. от 02.03.2021) // Система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 24.06.2021).
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // Система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 24.06.2021).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Система КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Система КонсультантПлюс.
6. Мат-лы Петербург. междунар. юрид. форума, 18–22 мая 2021 г. // <https://spblegalforum.ru/>

ИМЯ: КОЛЛИЗИОННЫЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Е. П. Войтович

Сибирский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент
voytovich-ep@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются коллизионные особенности определения компетентного права при реализации права на имя в Российской Федерации, обращается внимание на противоречия существующей системы коллизионных предписаний об именах, присваиваемых при рождении, заключении брака или его расторжении, усыновлении. Законодателю следует определить с помощью коллизионных норм юри-

дические последствия изменения семейно-правового статуса лица, рассмотреть возможность внедрения дополнительных коллизионных привязок.

Ключевые слова: коллизия, имя, фамилия, статус, привязки.

Abstract. The article examines the conflicting features of determining the competent law in the implementation of the right to a name in the Russian Federation, draws attention to the contradictions of the existing system of conflict of laws prescriptions about names assigned at birth, marriage or its dissolution, adoption. The legislator should determine with the help of conflict of laws rules the legal consequences of changing the family and legal status of a person, consider the possibility of introducing additional conflict of laws.

Key words: collision, name, surname, status, bindings.

Определение права, подлежащего применению к имени, в Российской Федерации осуществляется на основе норм международных договоров и национального законодательства. Международные договоры с участием Российской Федерации предусматривают в качестве основной коллизионной привязки *lex personalis* с его вариантами, при этом отдельные коллизионные правила для имен не предусмотрены, а применению подлежат лишь те, что определяют личные неимущественные права и обязанности. Так, Договоры о правовой помощи подчиняют отношения родителей и детей праву совместного места жительства родителей и детей, гражданства ребенка, его постоянного проживания. К личным отношениям супругов подлежит применению законодательство государства совместного места жительства, единого гражданства супругов и др.

В Семейном кодексе РФ правилу о праве ребенка на имя, отчество и фамилию (ст. 58) корреспондирует положение ст. 163 о применении законодательства государства, на территории которого родители и дети имеют совместное место жительства, а при его отсутствии — законодательства государства гражданства ребенка. Не вполне очевидно применение законодательства государства, на территории которого постоянно проживает ребенок, однако возможность его использования для определения не только алиментных обязательств, но и иных отношений между родителями и детьми, делает теоретически возможным и его применение при определении

компетентного права при выборе имени. При подобных коллизионных решениях отсутствие возможности выбора применимого к имени ребенка права способно привести к применению такой системы передачи имен, которая не соответствует, например, законодательству государства гражданства ребенка. Как видим, последнее может применяться лишь при отсутствии совместного места жительства родителей и детей.

Неимущественному праву супругов на фамилию при заключении брака (ст. 32) корреспондирует правило ст. 161 о праве совместного места жительства, а при его отсутствии — последнего совместного места жительства, а при отсутствии последнего совместного места жительства — законодательства РФ, применимого к личным неимущественным правам супругов. Ограничение права, применимого к фамилии супругов, вышеприведенными коллизионными принципами, может затруднить или сделать невозможным присвоение фамилии, состоящей из элементов, отличных от предусмотренных законодательством совместного места жительства, последнего совместного места жительства или законодательством Российской Федерации.

В соответствии со ст. 1198 Гражданского кодекса РФ права физического лица на имя, его использование и защиту определяются его личным законом, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или другими законами.

Таким образом, российские коллизионные правила об именах включают следующие нормы: во-первых, о правах родителей и детей; во-вторых, о правах супругов; в-третьих, о правовом положении физического лица. Поскольку имена являются частью как семейно-правового, так и гражданского статуса лица, то возникает закономерный вопрос: какие нормы следует применять?

Решая вопрос о соотношении правила ст. 1198 Гражданского кодекса РФ и ст. 161 Семейного кодекса РФ, Н. И. Марышева предлагает рассматривать коллизионную норму Семейного кодекса РФ в качестве специальной и учитывать, что «российское семейное право относит право выбора супругами фамилии к личным правам и обязанностям супругов (соответствующая ст. 32 включена в гл. 6, посвященную личным

неимущественным отношениям супругов). Статья же 1198 Гражданского кодекса РФ, предписывая применение к праву физического лица на имя, его использование и защиту личного закона лица, оговаривает возможность иного регулирования в Гражданском кодексе РФ или других законах» [1]. Соглашаясь с мнением автора о специальном характере норм Семейного кодекса РФ, дополним, что коллизионное правило ст. 1198 Гражданского кодекса РФ входит в систему норм, призванных устанавливать право, подлежащее применению при определении гражданско-правового положения физического лица, в то время как коллизионные нормы Семейного кодекса РФ позволяют осуществить выбор имени, присваиваемого при рождении или вступлении в брак/расторжении брака, на основе права, выбранного в соответствии с вышеуказанными предписаниями. Изменение имени по иным основаниям, не связанным с семейно-правовыми, влечет применение коллизионных норм Гражданского кодекса РФ.

Очевидно, что в российском коллизионном праве сложилась система норм, регулирующих имена. Присвоение имени в результате рождения, заключения брака или его расторжения, усыновления подчиняется праву, определяемому на основании коллизионных норм, регулирующих семейные отношения. Использование имени как средства индивидуализации в гражданских правоотношениях, его изменение по основаниям, не связанным с семейным статусом, подчиняется праву, избираемому на основе норм Гражданского кодекса РФ.

К числу недостатков существующей системы норм следует отнести отсутствие возможности в силу норм Семейного кодекса РФ применять при заключении брака, выборе имени ребенка родителями *lex patriae* в качестве альтернативы *lex domicilii*. Законодателю следует определить с помощью коллизионных норм юридические последствия для имени таких обстоятельств как расторжение брака, признание его недействительным, установление или оспаривание отцовства (материнства), усыновление (удочерение), рассмотреть возможность внедрения *lex voluntatis*. Такие коллизионные реше-

ния направлены на устранение хромающих отношений, обеспечение правовой определенности и стабильности правового статуса лица.

Литература

1. Марышева Н. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М.: Волтерс Клувер, 2007 [электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2021).

ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ И ДЕТЕЙ

М. В. Громоздина

Новосибирский государственный университет
экономики управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права,
кандидат юридических наук, доцент
m.v.gromozdina@edu.nsuem.ru

Аннотация. Вопросы защиты семьи и детей, сохранения семейных ценностей являются актуальными. Значимость института брака и семьи, семейного воспитания детей, уплаты алиментов не вызывает сомнений и требует внимания и поддержки со стороны государства. Государственная политика в области защиты прав семьи и детей формируется исходя из объективной ситуации в обществе и его потребностей, что подтверждается постоянным обновлением действующего законодательства о семье и семейных ценностях.

Ключевые слова: алименты, государственная политика, дети, защита прав детей и семьи, брак, алименты, семейные ценности, воспитание детей.

Abstract. The issues of protecting families and children, preserving family values are relevant. The importance of the institution of marriage and family, family upbringing of children, payment of alimony is beyond doubt and requires attention and support from the state. The state policy in the field of protecting the rights of families and children is formed based on the objective situation in society and its needs, which is confirmed by the constant updating of the current legislation on family and family values.

Key words: alimony, state policy, children, protection of the rights of children and families, marriage, alimony, family values, raising children.

Государственная политика в отношении детей в Российской Федерации на современном этапе предусматривает

своей важнейшей политической и социально-экономической задачей всестороннюю гарантированную защиту государством и обществом детства, семьи и материнства. Эта задача обозначена в статье 38 Конституции Российской Федерации. С целью реализации положений Конвенции о правах ребенка (1989 г.) [1], Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей был принят Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998. Закон определил правовой статус ребенка и направлен на обеспечение его физического и нравственного здоровья, формирование национального самосознания на основе общечеловеческих ценностей мировой цивилизации. Далее, были приняты акты, регулирующие семейные отношения и обеспечивающие защиту семьи и детей.

Национальная стратегия действий в интересах детей, принятая на период 2012–2017 годы направлена на обеспечение благополучного и защищенного детства. В рамках национальной стратегии созданы новые государственные и общественные институты: учреждена должность Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка и в субъектах РФ создан институт уполномоченного по правам ребенка, учрежден Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [3].

Немного позднее, в 2014 г., была принята Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации, на период до 2025 г., которая определила систему мер, направленных на создание условий для удовлетворения интересов и запросов семей, повышения их экономической независимости, роли в самореализации личности, воспитании новых поколений, укреплении престижа брака и семейного образа жизни [4]. Несмотря на наличие в обществе некоторого критического подхода относительно необходимости брачных отношений, оформленных исключительно в официальном порядке, еще достаточно сильна позиция, отстаивающая ценность зарегистрированного брака, а не простого сожительства без обязательств и взаимной ответственности. Так, согласно данным Росстата [7] количество зарегистрированных браков стабильно увеличивалось до 2020 г. Однако в 2020 г. число

зарегистрированных браков уменьшилось, что может быть связано с ситуацией Covid-19 и принятыми ограничительными мерами. Вместе с тем количество зарегистрированных разводов на территории всей Российской Федерации в обозначенный период уменьшилось, что может быть связано как с эпидемиологической ситуацией, так и иными причинами, имеющими характер стабильности и ценности брачных отношений [7].

Государственная семейная политика представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей [4]. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ [2], принятый в целях создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь, действующий уже около 15 лет, свидетельствует о безусловной востребованности и значимости «материнского капитала» для семей с детьми. Анализ некоторых статистических данных о получении материнского капитала гражданами показывает, что число семей, обратившихся за его получением в 2020 г. выше, чем за период с 2017 по 2019 г. с учетом граждан, постоянно проживающих в зарубежных странах [7].

Современное положение семьи в Российской Федерации обусловлено произошедшими за последние годы изменениями, затронувшими экономические, правовые, социальные и психологические аспекты жизни семьи. В течение последних лет государство усилило приоритетные направления для развития и укрепления статуса семьи, детей в семье и детей, лишенных заботы родителей. Приняты федеральные законы и разработаны долгосрочные программы, направленные на повышение качества жизни детей, проживающих в разных социальных средах.

Положительно-направленным изменениям в демографическом аспекте страны способствуют различные факторы, включая: улучшение общей экономической ситуации в стране; вхождение в последние годы в репродуктивный возраст многочисленного поколения молодых женщин, рожденных в 80-е годы XX в.; реализация принятых мер, направленных на стимулирование рождаемости, таких, как введение ежемесячного пособия по уходу за ребенком неработающим женщинам, увеличение размера пособия по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком работающим женщинам, введение родового сертификата и налоговые льготы; введение материнского (семейного) капитала, который оценивается экспертами как наиболее существенная мера, повлиявшая на стимулирование рождений вторых и последующих детей и др.

Значение материнского капитала для демографического процесса в российском обществе трудно переоценить. Действующий закон о материнском капитале безусловно актуален. Эффективность программы материнского (семейного) капитала показывает и ее высокая востребованность среди населения, о чем было отмечено выше. Вместе с тем, говоря о правовых аспектах, названный нормативный акт далеко не безупречен, о чем свидетельствует многочисленная судебная практика, связанная с невозможностью получения материнского капитала отцами, а также аннулирование материнского капитала у родителей, лишенных родительских прав и проч.

Обратимся к Постановлению Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» [5]. Предметом рассмотрения стало обращение мужчины, воспитывающего двоих детей, рожденных суррогатной матерью, которому было отказано в получении материнского капитала в порядке, установленном Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». В получении материнского капитала, также было отказано его супруге, усыновившей этих детей. В связи с чем Кон-

ституционный суд Российской Федерации пришел к выводу о правомерности обращения исходя из следующего. Признавая возможность рождения детей с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, федеральный законодатель, осуществляющий правовое регулирование отношений, связанных с предоставлением дополнительных мер государственной поддержки семьям с детьми, исходит в первую очередь из конституционного понимания брака как союза мужчины и женщины (ст. 72, п. «ж».1, ч. 1, Конституции Российской Федерации) и сложившихся в обществе представлений о традиционной модели семейных отношений, также предполагающей основанный на принципе добровольности брачный союз мужчины и женщины (п. 3 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации), и поэтому — из оправданности обращения к суррогатному материнству прежде всего супружеских пар, которые по объективным причинам (состояние здоровья) не могут самостоятельно выполнить репродуктивную функцию, что само по себе не исключает — по усмотрению законодателя — предоставления возможности применения данной вспомогательной репродуктивной технологии и в иных случаях. Учитывая изложенное, в таких семьях правом на предусмотренные оспариваемым Федеральным законом дополнительные меры государственной поддержки (в частности, на получение материнского (семейного) капитала) в настоящее время не наделен ни мужчина, который признан судом в качестве единственного родителя отцом детей, рожденных для него суррогатной матерью, и, вступив в последующем в брак, продолжает воспитывать этих детей в семье совместно с усыновившей их супругой, ни его супруга, усыновившая таких детей. Однако такие семьи наравне с другими семьями, воспитывающими рожденных или усыновленных детей, выполняют функцию заботы о детях и их воспитания. В то же время правовое положение членов этих семей в части получения материнского (семейного) капитала не определено законодателем, в силу чего указанные семьи поставлены в худшие условия по сравнению с семьями, в которых родители детей (в том числе рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий) или их усыновители приобрели право

на дополнительную государственную поддержку в форме материнского (семейного) капитала. Тем самым такие семьи без достаточных к тому оснований лишаются соответствующей государственной поддержки, что не согласуется с Конституции Российской Федерации.

Однако эффективность экономических мер невозможна без создания в обществе атмосферы приоритета семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни. После расторжения брака некоторые родители, которых, как оказывается совсем немало (чаще отцы, чем матери) не исполняют свои обязанности по содержанию детей. Предпринимаемые меры по взысканию долгов с неплательщиков не дают желаемых результатов, в том числе по причине недостаточно критичного настроения граждан к должникам, отсутствия общественного порицания и резонанса, что свидетельствует об отсутствии выраженной негативной составляющей к подобным ситуациям. Это очень напоминает поговорку — «моя хата с краю»... Количество неоконченных исполнительных производств о взыскании алиментов хотя и сокращается, но остается все еще очень большим — 791,7 тыс. согласно отчету Федеральной службы судебных приставов за 2020 г. [8].

По мнению Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации Анны Кузнецовой: «Одним из решений может стать алиментный фонд, который позволит родителю, воспитывающему ребенка, в случае отсутствия алиментных выплат ежемесячно получать денежные средства на воспитание ребенка. Кроме того, мы предлагаем создать реестр лиц, уклоняющихся от выплаты алиментов. Включение в такой реестр будет означать, что против злостного неплательщика будут приняты усиленные меры. Свои предложения мы направили в Правительство и Совет Федерации РФ, сейчас они находятся на рассмотрении» [8]. Представляется небезупречной обозначенная позиция: с одной стороны, помощь детям необходима, и она будет предоставляться; с другой стороны — те, кто не платил алименты — будут продолжать не платить их, а проблема останется как есть — нерешенной относительно неплательщиков.

Верховный суд Российской Федерации в Постановлении Пленума «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» от 27.04.2021 № 6 разъяснил, какие причины неуплаты алиментов можно считать уважительными, а какие неуважительными. Так, например, отмечается: «В качестве уважительной причины неуплаты алиментов не может рассматриваться несогласие лица, обязанного уплачивать алименты, с размером сумм, подлежащих уплате на содержание детей или нетрудоспособных родителей, установленным судебным актом либо соглашением об уплате алиментов. В таком случае лицо вправе разрешить вопрос об изменении размера алиментов в порядке, предусмотренном законом» [6].

Приоритетами успешного развития страны должны стать укрепление семьи как основы государства, а также формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в будущем, ощущала бы себя защищенной от рисков, связанных с появлением детей, независимо от способа рождения. Правовая защита детей и семьи основывается не только на правовом регулировании определенных отношений, но и на сохранении и поддержании традиций семьи, сформированных в течение многих веков в обществе в целом и России в частности.

Литература

1. Конвенция ООН о правах ребенка // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI, 1993.
2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон // Рос. газ. № 297. 31.12.2006.
3. Указ Президента РФ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» от 01.06.2012 № 761 // Собрание законодательства РФ. 04.06.2012. № 23. Ст. 2994.
4. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» от 25.08.2014 № 1618-р // СПС «Консультант-Плюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, име-

- ющих детей” в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» от 27.04.2021 № 6 // СПС «КонсультантПлюс».
 7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>
 8. Стоит ли создавать государственный алиментный фонд // Рос. газ. 11.05.2021. URL: <http://rg.ru>

ТРЕБОВАНИЯ К УСЫНОВИТЕЛЯМ: НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Ю. А. Зайцева

Саратовская государственная юридическая академия
доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук
zaitseva-srtv@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются изменения семейного законодательства, относительно требований, которые предъявляются к кандидатам в усыновители.

Ключевые слова: усыновители, отмена усыновления, хронический алкоголизм, наркомания.

Abstract. The article examines changes in family legislation regarding the requirements that apply to candidates for adoptive parents.

Key words: adoptive parents, cancellation of adoption, chronic alcoholism, drug addiction.

Основополагающим принципом семейного законодательства является принцип приоритетного семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечение приоритетной защиты их прав и интересов (п. 3 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [24]. Этот принцип отражен и в Конвенции ООН «О правах ребенка» 1989 г. [9], участником которой является Российская Федерация. Каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье (п. 2 ст. 54 СК РФ). Однако не у каждого ребенка хорошая

семья, где о ребенке заботятся, занимаются его воспитанием, развитием, дают ему образование и т. д. Возможно, что родители злоупотребляют своими родительскими правами. Такое поведение родителей может привести к тому, что родителей сначала ограничат в родительских правах, а затем, если они не изменят отношение к ребенку, к своему поведению, образу жизни, будет основание для лишения их родительских прав. Тем самым к родителям будет применяться исключительная (крайняя) мера семейно-правовой ответственности. Но может быть и другая ситуация, когда у ребенка семьи нет, и он находится в детском доме, так как родители его умерли, а других родственников нет, кто бы мог забрать его к себе жить. Исход один и тот же ребенок остается без родительского попечения.

В ст. 123 СК РФ установлены формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в частности, усыновление (удочерение) — (далее — усыновление), опека (попечительство), приемная семья, патронатная семья (в случаях, предусмотренных законами субъектов РФ). При отсутствии возможности передать ребенка в семью временно, на период до его устройства на воспитание в семью, он передается в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всех типов. Приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей является усыновление, так как отношения между усыновителем и усыновленным ребенком приравниваются к отношениям между родителями и детьми. Усыновление следует рассматривать как гарантию обеспечения ребенку права на достойную жизнь [14].

Обеспечение достойной жизни ребенку главная задача усыновителя. Дела об усыновлении рассматриваются в судебном порядке. Следует согласиться с Ю. Ф. Беспаловым, что важнейшим обстоятельством, подлежащим установлению в судебном заседании, есть ответ на вопрос, в интересах ли ребенка производится усыновление [2, с. 143].

В семейном законодательстве достаточно много категорий, которые носят оценочный характер. Одной из таких категория является «интерес». В СК РФ закреплены «интересы несовершеннолетних», «интересы нетрудоспособных членов семьи», «интересы других членов семьи», «интересы семьи»,

«материальное, семейное положение и другие заслуживающие внимание интересы» и т. п. Применительно к усыновлению законодатель определяет категорию «интересы детей при усыновлении».

В соответствии с п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» [15] под интересами детей при усыновлении понимается создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития. При этом интересы ребенка должны учитываться как при усыновлении его родственниками, так и посторонними лицами, отчимом, мачехой. Кроме того, как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» суду необходимо в каждом конкретном случае выяснять и учитывать нравственные и иные личные качества усыновителя, а также проживающих совместно с ним членов его семьи, состояние здоровья усыновителя и указанных лиц, сложившиеся в семье взаимоотношения, взаимоотношения, возникшие между усыновителем и ребенком, а также отношение к ребенку членов семьи усыновителя.

При усыновлении необходимо соблюдать определенные условия. Как отмечает Н. И. Батурина, разделяя условия усыновления на общие и специальные, что к общим условиям относятся требования, предъявляемые к кандидатам в усыновители [1, с. 6, 14]. В своей диссертации Е. Ю. Князева обосновывает, что требования, сформулированные в действующем законодательстве РФ, к лицам, которые не могут быть усыновителями, применимы как к гражданам РФ, так и к иностранным гражданам, имеющих намерение стать родителями российского ребенка [8, с. 18].

За последние 5 лет внимание законодателя обращено к требованиям к усыновителям (ст. 127 СК РФ). Изменения и дополнения в ст. 127 СК РФ были как несущественные, так и существенные. К несущественным изменениям и дополнениям следует отнести, то, что в ст. 127 СК РФ пронумерованы

исключения, когда граждане не могут быть усыновителями; либо исключено «установление». Существенные же изменения и дополнения в ст. 127 СК РФ происходили в 2015, 2017, 2019 гг.

Во-первых, в 2015 г. [26] добавлены новые виды преступлений против мира и безопасности человечества, в частности, планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ [25]); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ); реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ); разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ); применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ); геноцид (ст. 357 УК РФ); экоцид (ст. 358 УК РФ); наемничество (ст. 359 УК РФ); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ); акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ). При наличии у кандидата в усыновители имеющийся или имевшийся судимости, либо подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию по таким составам преступлений, то такие граждане не могут быть усыновителями. Однако, если будут гражданином совершены преступления против мира и безопасности человечества, относящиеся к преступлениям небольшой или средней тяжести и суд признает такого гражданина представляющим опасность для жизни, здоровья и нравственности усыновляемого ребенка, то такой гражданин не будет усыновителем. Но все-таки возможно установить усыновление. В этом случае будут учитываться обстоятельства деяния, за которое такое лицо подвергалось уголовному преследованию, срок, который прошел с момента совершения деяния, форму вины, обстоятельства, характеризующие личность. Важно, чтобы при этом отсутствовал риск для жизни ребенка и его здоровья, обеспечивалось усыновленному ребенку полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие. Как представляется ни при каких обстоятельствах, гражданин совершивший преступление не должен быть усыновителем.

Во-вторых, ранее лица, которые не имели постоянного места жительства, не могли быть усыновителями. Однако

в 2017 г. [27] ст. 127 СК РФ дополнена пп. 8 п. 1. Теперь лица, которые относятся к коренным малочисленным народам РФ, ведущие кочевой и (или) полукочевой образ жизни и не имеющие места, где они постоянно или преимущественно проживают, могут быть усыновителями. Но только в том случае, если ребенок относится к коренным малочисленным народам РФ. Как представляется такое дополнение целесообразно.

И, в-третьих, дополнения в ст. 127 СК РФ произошли в 2019 г. [28], которые как представляется наиболее дискуссионные. Дополнения относятся к п. 2 ст. 127 СК РФ. Изначально суд наделен полномочиями, отступить от положений, касающихся запрета установления усыновления, но обязательно при этом учитывать интересы усыновленного ребенка и заслуживающие внимания обстоятельства. Данное полномочие суда распространяется в нескольких случаях: если у кандидата в усыновители отсутствует доход на момент усыновления, обеспечивающий усыновленному ребенку прожиточный минимум, который установлен в соответствующем субъекте РФ, на территории которого они проживают; если кандидаты в усыновители не прошли подготовку в установленном законом порядке. Однако не для всех требуется прохождения подготовки, в частности, близкие родственники ребенка, а также лица, которые являются или являлись усыновителями (опекунами, попечителями) и в отношении которых усыновление (опека, попечительство) не было отменено (не были отстранены от исполнения возложенных на них обязанностей).

С июня 2019 г. п. 2 ст. 127 СК РФ дополнен пп. 6 п. 1 ст. 127 СК РФ. Кандидаты в усыновители по состоянию здоровья по общему правилу не могут быть усыновителями. Как указано и в СК РФ и в подпункте «г» п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей», что при решении вопроса о том, не будет ли состояние здоровья заявителя, желающего усыновить ребенка, препятствовать надлежащему осуществлению им родительских прав, необходимо учитывать Перечень заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка. Данный перечень заболеваний утверж-

ден Постановлением Правительства РФ от 14.02.2013 г. № 117 «Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью» [17] (далее — Перечень заболеваний).

К таким заболеваниям относятся: туберкулез органов дыхания у лиц, относящихся к I и II группам диспансерного наблюдения; инфекционные заболевания до прекращения диспансерного наблюдения в связи со стойкой ремиссией (для лиц с ВИЧ-инфекцией — нахождение на диспансерном наблюдении у врача-инфекциониста менее одного года, определяемая вирусная нагрузка, уровень CD4+ лимфоцитов менее 350 клеток/мл); злокачественные новообразования любой локализации III и IV стадий, а также злокачественные новообразования любой локализации I и II стадий до проведения радикального лечения; психические расстройства и расстройства поведения до прекращения диспансерного наблюдения; наркомания, токсикомания, алкоголизм; заболевания и травмы, приведшие к инвалидности I группы.

Если сравнить ранее установленный перечень заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка, то он немного отличался от действующего Перечня заболеваний [16]. До внесенных дополнений в ст. 127 СК РФ М.В. Антокольская писала, что перечень заболеваний, является безусловным препятствием для усыновления [22, с. 381].

Согласится с мнением Л. М. Пчелинцевой можно лишь отчасти, что данное ограничение не связано с виновным поведением кандидата в усыновители, а носит объективно обусловленный характер [21, с. 521]. Как представляется, не все указанные заболевания не связаны с виновным поведением кандидата в усыновители. Так, например, наркомания, токсикомания, алкоголизм — явно связаны с виновным поведением кандидата в усыновители.

Как отмечает С. П. Гришаев, что повышенные требования к состоянию здоровья усыновителя обусловлены не только тем, что некоторые из перечисленных выше заболеваний являются заразными, но и тем, что в функции усыновителя входит уход за ребенком, а это может потребовать существен-

ных усилий с его стороны... В настоящее время повсеместно признается, что алкоголизм является заболеванием (существует даже такое понятие, как врожденный алкоголизм) [6].

Несмотря на запрет усыновления при наличии заболеваний, указанных в Перечне заболеваний, А. М. Нечаева указывала, что «следует разрешить смертельно больному отчиму, заменившему несовершеннолетнему с первых лет жизни отца, узаконить правоотношения, существо которых не подвергается сомнению» [29].

Опережая законодательное регулирование требований к усыновителям, Т. П. Великоклад, М. Ю. Великоклад указывали, что в СК РФ не говорится о возможных исключениях, но следует согласиться с тем, что, если это соответствует интересам ребенка, суд может разрешить усыновления и в случаях, когда усыновители страдают заболеваниями из числа входящих в упомянутый перечень. Вероятнее всего, подобное усыновление может иметь место, когда отношения, близки к родственным, между усыновителем и усыновленным уже сложились и отказ в усыновлении отрицательно повлияет на ребенка [23, с. 253–254]. Следует согласиться, что суд в каждом конкретном случае, должен учитывать в первую очередь интересы ребенка.

Не стоит забывать, что у ребенка есть право выражать свое мнение (ст. 57, 132 СК РФ), с десяти лет его согласие на усыновление обязательно. Дела об усыновлении должны рассматривать с обязательным участием ребенка, достигшего четырнадцати лет. Суд может опросить ребенка в возрасте младше десяти лет в судебном заседании при наличии определенных обстоятельств (п. 3, 4, 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»).

В соответствии с ч. 4 п. 1 ст. 271 ГПК РФ [5] к заявлению об усыновлении должно быть приложено медицинское заключение о состоянии здоровья усыновителей (усыновителя). Причем медицинское заключение о состоянии здоровья предоставляется как при постановке на учет в качестве кандидата в усыновители, так и при обращении в суд с заявлением об усыновлении.

Суд вправе обязать кандидата в усыновители представить медицинское заключение при подготовке дела об усыновлении к судебному разбирательству при рассмотрении дела по существу (ч. «ж» п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»). Порядок медицинского освидетельствования кандидатов в усыновители определен Приказом Минздрава России от 18.06.2014 № 290н «Об утверждении Порядка медицинского освидетельствования граждан, намеревающихся усыновить (удочерить), взять под опеку (попечительство), в приемную или патронатную семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также формы заключения о результатах медицинского освидетельствования таких граждан» [18]. Медицинское заключение о наличии (отсутствии) заболевания из Перечня заболеваний действительно в течение 6 месяцев с даты его оформления. Однако ранее результаты медицинского освидетельствования были действительны лишь в течение 3 месяцев [19].

В соответствии с п. 2 ст. 127 СК РФ, если у кандидата в усыновители имеется заболевание, из Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка, то суд наделен полномочиями установить усыновление. Это возможно только в том случае, если кандидат в усыновители проживает с ребенком и у них сложились семейные отношения.

Возникает вопрос о целесообразности установления усыновления при наличии любого заболевания, указанного в Перечне заболеваний. Как справедливо отмечает Г. И. Вершинина, что наличие подобных заболеваний будет препятствовать надлежащему выполнению прав и обязанностей родителей, а наличие таких заболеваний, как, например, наркомания, токсикомания, алкоголизм, нанесет существенный вред психическому развитию ребенка. Усыновление же устанавливается для обеспечения ребенку полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития [4, с. 144–145].

Как представляется, может получиться интересная ситуация. При наличии алкогольной зависимости кандидата в усыновители суд вправе установить усыновление, так как воз-

можно кандидат в усыновители проживает с ребенком и у них сложились семейные отношения. В дальнейшем может произойти, что после установления усыновления усыновитель начнет злоупотреблять спиртными напитками, хотя, конечно, злоупотреблять спиртными напитками может и граждан, который на момент установления усыновления не имел такой зависимости. Никто ни от чего не застрахован и на основании ст. 141 СК РФ отменить усыновление возможно, если усыновители являются больными хроническим алкоголизмом.

Н. Г. Кепова разделяет условно основания для отмены усыновления на две группы: обстоятельства, свидетельствующие о виновном поведении усыновителя; все иные обстоятельства. К обстоятельствам, свидетельствующим о виновном поведении усыновителей Г. Г. Кепова как раз относит хронический алкоголизм или наркоманию [7, с. 23].

Такого же мнения придерживается А. А. Пухарт, что безусловным основанием к отмене усыновления СК РФ среди прочих признает случаи, когда усыновитель страдает хроническим алкоголизмом или наркоманией, которые признаны медициной заболеванием, требующим медицинского вмешательства [20, с. 13].

Так, Н. В. Летова приходит к выводу, что с одной стороны, хронический алкоголизм и наркомания являются болезнью, поэтому говорить о виновном поведении усыновителя нельзя. В этом случае можно лишь ставить вопрос о медицинском вмешательстве. С другой стороны, алкоголизм или наркомания возникают, как правило, в результате сознательного доведения себя усыновителями до такого состояния; в этом случае налицо виновное поведение. Следует согласиться с Н. В. Летовой, что для отмены усыновления по данному основанию достаточно констатации факта наличия у усыновителей такого заболевания в хронической форме. Совершение ими каких-либо противоправных действий в отношении ребенка необязательно: само по себе воспитание ребенка хроническим алкоголиком или наркоманом, проживание с ним рядом опасно для ребенка [10, с. 87].

Основания отмены усыновления рассматриваются как мера ответственности. Ученые едины во мнении, что послед-

ствия отмены усыновления следует рассматривать как санкцию [2, с. 18; 14, с. 26]. Данные основания отмены усыновления совпадают с основаниями лишения родительских прав [13, с. 27]. В тоже время Н. И. Батурина разграничат основания и последствия отмены усыновления от оснований и последствий лишения родительских прав [1, с. 19].

Анализируя Обзоры практики, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ 2016–2020 гг. [11], можно сделать вывод, что установленные усыновления не отменялись по рассматриваемому основанию. Однако на примере районных судов Самарской области можно увидеть, как часто происходит отмена усыновления. Так, за 2018–2019 г. районными судами Самарской области установлено усыновления (удочерение) — 21 дело; отмена усыновления детей — 8 дел. Из них по 6 делам приняты решения об отмене усыновления, по 2 делам в иске отказано. Основаниями к отмене усыновления установлены: уклонение от выполнения обязанностей родителей — 2 дела; отсутствие взаимопонимания между усыновителями и усыновленными — 3 дела; выявление тяжелой болезни у усыновленного, о которой не был предупрежден усыновитель — 1 дело [12].

Отсутствие как таковой судебной практики по отмене усыновления, по такому основанию как усыновители являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией свидетельствует о том, с одной стороны, что усыновители добросовестного относятся к своим обязанностям, ценят, то, что они являются усыновителями и для них важны интересы усыновленного ребенка. Но, с другой стороны, предоставляя право суду установить усыновление при наличии любого заболевания из Перечня заболеваний, получается неоднозначная ситуация: либо усыновленный ребенок будет проживать в семье, где у усыновителя алкогольная зависимость (основание для отмены усыновления), либо, если не установить усыновление, ребенка передадут в детский дом. Таким образом, можно сделать вывод, что произошедшие изменения семейного законодательства требуют дальнейшего осмысления и внесения изменений.

Литература

1. Батурина Н. И. Усыновление (удочерение) детей по российскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 21 с.
2. Беспалов Ю. Ф. Судебная защита прав ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 172 с.
3. Бородич К. Ю. Усыновление детей — граждан России иностранными гражданами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 19 с.
4. Вершинина Г. И. Процессуальные особенности судопроизводства по делам об усыновлении: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 212 с.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; Российская газета. 2021. 5 мая.
6. Гришаев С. П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. 2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Кепова Н. Г. Усыновление в системе форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.
8. Князева Е. Ю. Правовое регулирование усыновление детей — граждан Российской Федерации иностранными гражданами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
9. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI, 1993.
10. Летова Н. В. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. М., 2006. 256 с.
11. Обзор практики рассмотрения в 2015 г. областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9; Обзор практики рассмотрения в 2016 г. областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 6; Обзор практики рассмотрения в 2017 г. областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.05.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2; Обзор практики рассмотрения в 2019 г. областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами террито-

- рии Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 12.
12. Обобщение практики рассмотрения районными судами Самарской области в 2018–2019 годах гражданских дел по спорам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей, об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, об ограничении родительских прав, о лишении родительских прав, об отмене ограничения родительских прав, о восстановлении в родительских правах, об отмене усыновления детей, об установлении отцовства, об оспаривании отцовства (материнства) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 13. Петухова Э. А. Актуальные проблемы усыновления иностранными гражданами детей, имеющих российское гражданство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 32 с.
 14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2014 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 7, ст. 735.
 15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 г. № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Рос. газ. 2006. 03 мая; 2013. 20 дек.
 16. Постановление Правительства РФ от 01.05.1996 № 542 (с изм. от 19.03.2001) «Об утверждении Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную семью» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 19, ст. 2304; 2001. № 13, ст. 1251 (утратило силу).
 17. Постановление Правительства РФ от 14.02.2013 № 117 (ред. от 11.07.2020 г.) «Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 36, ст. 4577; 2020. № 30, ст. 4901.
 18. Приказ Минздрава России от 18.06.2014 № 290н «Об утверждении Порядка медицинского освидетельствования граждан, намеревающихся усыновить (удочерить), взять под опеку (попечительство), в приемную или патронатную семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также формы заключения о результатах медицинского освидетельствования таких граждан» // Рос. газ. 2014. 18 авг.
 19. Приказ Минздрава РФ от 10.09.1996 № 332 «О порядке медицинского освидетельствования граждан, желающих стать усыновителями, опекунами (попечителями) или приемными родителями» // Рос. вести. 1996. 17 окт. (утратил силу)
 20. Пухарт А. А. Правовое регулирование в России отношений по усыновлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 23 с.

21. Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учеб. 6-е изд., перераб. М., 2009. 720 с.
22. Антокольская М. В. Семейное право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 432 с.
23. Семейное право: учеб. и практикум для вузов / Л. М. Пчелинцева [и др.]; под ред. Л. М. Пчелинцевой; под общ. Ред. Л. В. Цитович. М., 2020. 330 с. (авторы главы 9 — Т. П. Великоклад, М. Ю. Великоклад).
24. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2021. № 11, ст. 1881.
25. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2021. № 16 (ч. III), ст. 2874.
26. Федеральный закон от 13.07.2015 № 237-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. I), ст. 4363.
27. Федеральный закон от 30.10.2017 № 302-ФЗ «О внесении изменений в статью 271 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статью 127 Семейного кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 45, ст. 6576.
28. Федеральный закон от 29.05.2019 № 115-ФЗ «О внесении изменений в статью 127 Семейного кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 22, ст. 2671.
29. Нечаева А. М. Семейное право: курс лекций. М.: Юрист, 1998. URL: <http://5rik.ru/clear/list-1745-str-11.php> (дата обращения: 01.05.2021).

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Н. С. Карцева

Сибирский университет потребительской кооперации
кафедра гражданского права

доцент,

кандидат юридических наук, доцент
37korona@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемным аспектам реализации законодательства, предусматривающего возможность взыскания, так называемых «жилищных» алиментов.

Ключевые слова: жилье, алименты, фактические доходы, плательщик алиментов.

Abstract. The article is devoted to the problematic aspects of the implementation of legislation providing for the possibility of collecting so-called "housing" alimony.

Keywords: housing, alimony, actual income, alimony payer.

Как известно, «защита детей, всесторонняя охрана и обеспечение их прав и интересов являются приоритетным направлением политики Российского государства. Следует отметить, что на законодательном уровне закреплён целый комплекс мер, позволяющих обеспечить интересы ребенка» [1, с. 201]. Так, федеральным законом № 10-ФЗ от 06.02.2020 [7] в ст. 86 Семейного Кодекса Российской Федерации «Участие родителей в дополнительных расходах на детей» были включены изменения, предусматривающие возможность взыскания, так называемых «жилищных» алиментов [6]. Поясним, что теперь отсутствие пригодного для постоянного проживания жилого помещения отнесено к исключительным обстоятельствам, при наличии которых родители могут быть привлечены к участию в дополнительных расходах на детей. Однако, несмотря на очевидную необходимость существования этого положения, оно уже сейчас вызывает массу вопросов и подвергается критике.

Так, указанная норма, с одной стороны помогает обеспечить ребенка жильем, а с другой создает возможность для злоупотребления правом со стороны родителя, с которым определено место жительства ребенка, ведь он может воспользоваться предоставленным правом и в корыстных целях. Представляется, что данная ситуация отчасти обусловлена отсутствием в законодательстве критериев определения стоимости жилья, предназначенного для ребенка. Например, в ипотеку можно приобрести квартиру стоимостью как два, так и девять миллионов рублей, тоже самое касается и стоимости снимаемого жилья, которая, как известно, варьируется в зависимости от размера жилой площади или же ее местонахождения. Следует отметить, что в средствах массовой информации сегодня, все чаще освещаются случаи, когда один из родителей, с которым остался проживать несовершеннолетний ребенок, предпринимает попытки приобрести жилое помещение, используя указанную норму. При этом судебная практика по таким

спорам еще не сформировалась. Так, например, на одном из Интернет-форумов его участник рассказал, что спустя много лет после развода по почте ему пришло исковое заявление от бывшей жены, где было указано, что она купила квартиру в Москве, под выплату ипотеки за 9 миллионов рублей, ввиду чего бывшая супруга просит взыскивать с ответчика половину ежемесячных платежей по ипотеке в течение всего ее срока, а также оплатить половину первоначального взноса в размере 1 миллиона рублей. При этом, стоит оговориться, что бывший муж (военный) при разводе оставил жене и ребенку, предоставленную ему служебную квартиру, а сам был вынужден снимать жилье. Судебный процесс состоялся, однако, в удовлетворении исковых требований бывшей супруге было отказано в полном объеме [4]. Обратим внимание и еще на один случай, который был опубликован на форуме: мужчине также пришло по почте исковое заявление от бывшей жены (развод состоялся 5 лет назад), в котором было изложено требование в соответствии с положениями Семейного Кодекса Российской Федерации о «жилищных» алиментах, взыскать с бывшего мужа половину размера оплаты за снимаемую квартиру, из расчета 50 000 рублей за двухлетний период, а также ежемесячно до совершеннолетия ребенка взыскивать $\frac{1}{2}$ размера оплаты ипотеки за квартиру в Москве стоимостью 12 миллионов рублей. При этом, ежемесячный платеж за трехкомнатную квартиру составляет 47 000 рублей. Кроме того, бывшая супруга наряду с указанными суммами, просит на содержание ребенка 23 500 рублей ежемесячно. Иск приняли к рассмотрению, но, при этом, судья разъяснила, что требовать бывшая супруга может лишь одно — оплату ипотеки или снимаемого жилья. Так как срок, на который была снята квартира, составлял 2 года, а ипотека будет выплачиваться 12 лет, истец выбрала второе. Бывший же муж предоставил на рассмотрение суда два документа — выписку из ЕГРН (у бывшей жены была в собственности трехкомнатная квартира в г. Новосибирске, которую та продала за пару месяцев до взятия ипотеки), а также документ, что у него в собственности нет вообще никакого жилья. При этом бывший муж обратил внимание суда, на то, что суммой первоначального взноса

(5,5 миллионов рублей) могла быть оплачена стоимость двухкомнатной квартиры в Подмоскowie без оформления банковского кредита. Напомним, в законе говорится, что взыскать «жилищные» алименты можно лишь при наличии исключительных обстоятельств. Судья Чертановского суда, заслушав в процессе доводы сторон, назначила второе заседание, куда мужчина должен был принести трудовую книжку и справку о доходах за последние 2 года. В результате суд вынес решение и удовлетворил иск частично [4]. Таким образом, можно заметить, что один из родителей с которым проживает несовершеннолетний ребенок, зачастую пытается реализовать, в том числе и свои интересы, а так как у судов еще не сложилась определенная практика по этому вопросу, решение по аналогичным делам будет приниматься в соответствии с внутренним убеждением судьи, а значит, может иметь различный исход, поэтому необходимо указать в законодательстве критерии определения стоимости жилья, предназначенного для ребенка, чтобы устранить потенциальные возможности злоупотребления правом.

В этой связи представляется необходимым внести поправки в данный закон и указать, что максимальные пределы стоимости приобретаемого в собственность или снимаемого жилья, должны определяться на уровне законодательства, существующего в отдельных регионах, в соответствии с показателями стоимости жилого помещения или размера платы за снимаемое жилье, которые сложились на конкретном рынке недвижимости в регионе. Думается, что такое изменение позволит пресечь возможные попытки злоупотребления правом со стороны одного из родителей.

Еще одной важной проблемой является то, что в законодательстве отсутствуют какие-либо указания на размеры площади жилого помещения, которое необходимо предоставить ребенку, проживающему с одним из родителей. Поскольку, исходя из количества квадратных метров стоимость квартиры, приобретенной в ипотеку или размер платы за снимаемое жилье, будут варьироваться, а значит и размер алиментов для родителя, проживающего отдельно от ребенка, может оказаться гораздо большим. Следовательно, на законодательном

уровне необходимо закрепить норму, в соответствии с которой будет определяться, сколько квадратных метров необходимо для удовлетворения жилищных потребностей детей, проживающих с одним из родителей. Представляется, что в качестве таковой возможно установить учетную норму площади жилья, которая будет действовать на уровне отдельных регионов. Думается, что указанные изменения, позволят обеспечить ребенка жильем, не злоупотребляя при этом финансовыми возможностями плательщика алиментов.

Также в правовом регулировании алиментных обязательств существует проблема, которая заключается в отсутствии законодательных механизмов, предусматривающих возможность выявления фактических доходов плательщика алиментов. Анализ материалов деятельности федеральной службы судебных приставов, а также судебной практики, свидетельствует от сохраняющейся тенденции роста количества лиц, которые намеренно занижают свой доход, предоставляя документы о зарплате, имеющем минимальный размер [3]. При этом, они позволяют себе пользование дорогостоящими машинами и отдых на зарубежных курортах. Такие случаи не редкость, например, Рамешковским районным судом Тверской области было рассмотрено гражданское дело по исковому заявлению матери, на иждивении которой после развода остались двое несовершеннолетних детей. В требованиях истица указала, что после развода с ответчиком в связи с отсутствием пригодного для проживания с несовершеннолетними детьми жилого помещения она была вынуждена приобрести двухкомнатную квартиру в кредит, с привлечением средств материнского капитала. Истица просила взыскать с ответчика часть расходов на приобретение жилья, фактически понесенных ею на протяжении 2,5 лет с момента заключения кредитного договора по настоящее время, за вычетом средств материнского капитала и долей, приходящихся на нее саму и ее ребенка от первого брака [5]. Однако, ответчик попытался скрыть свое реальное имущественное положение, хотя в действительности, оно было достаточным для привлечения его к несению дополнительных расходов, позволяющих обеспечить жилищные условия несовершеннолетних детей. Отметим, что

в указанной ситуации «должники используют самые разные возможности, позволяющие избежать уплаты алиментов» [2, с.170]. Так, ответчик в данной ситуации, для целей сокрытия доходов, подарил своим родственникам несколько объектов недвижимости, которые приносили ему высокий доход от сдачи их в аренду, прекратил статус индивидуального предпринимателя, трудоустроился в фактически принадлежащую ему компанию с заработной платой, соответствующей минимальному размеру оплаты труда, тем самым, создав искусственную видимость тяжелого имущественного положения. Однако, в суде, истица смогла доказать, что его имущественное положение, фактически, не соответствует действительности, и в итоге требования о взыскании с ответчика дополнительных расходов на приобретение жилья несовершеннолетним детям были удовлетворены полностью. Следовательно, такие ситуации, когда одна из сторон, занижает свои доходы, в целях уклонения от уплаты «жилищных» алиментов имеют место быть и требуют к себе особого внимания, потому что, в действительности, очень сложно доказать, что один из родителей намеренно создает видимость тяжелого материального положения, даже, если это очевидно. В связи с чем, представляется необходимым закрепить в законодательстве механизм, позволяющий выявлять фактические доходы подобных лиц и взыскивать предусмотренные законом выплаты. Безусловно, к таким гражданам необходимо применять соответствующие санкции как административного, так и уголовного характера.

Таким образом, изменения, касающиеся «жилищных» алиментов, внесенные в статью 86 Семейного Кодекса Российской Федерации требуют своего осмысления и дополнения, что будет способствовать, реализации их главной цели — обеспечению ребенка жильем.

Литература

1. Карцева Н. С. Отдельные проблемы обеспечения интересов детей при усыновлении // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 1 (13). С. 201–207.
2. Карцева Н. С., Василенко Е. А. Проблемные аспекты правовой регламентации алиментных обязательств родителей в отношении несовершеннолетних детей // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: мат-лы XVI Всерос. нац.

- науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня основания Новосибирского ГАУ. 2020. С. 169–172.
3. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по форме № 1-Т (проф) Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области [электронный ресурс]. URL: <https://novosibstat.gks.ru> (дата обращения 18.06.2021).
 4. Закон о жилищных алиментах [электронный ресурс]. URL: <https://amarok-man.livejournal.com/5606223.html> (дата обращения: 16.06.2021).
 5. Казаков III. О взыскании «жилищных алиментов». Практика взыскания дополнительных расходов на приобретение жилья несовершеннолетним детям [электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-vzyskanii-zhilishchnykh-alimentov/> (дата обращения: 18.06.2021).
 6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021) [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/5e267c47e7ab0f1090e78ae91bd85809a7fcf791/ (дата обращения: 18.06.2021).
 7. О внесении изменения в статью 86 Семейного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 06.02.2020 № 10-ФЗ [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344773 (дата обращения: 18.06.2021).

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. П. Ковалёва

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
npkovaleva@mail.ru

Аннотация. В статье представлен краткий теоретический анализ правовых норм, характеризующих формы социальной поддержки семей с детьми в Республике Беларусь, особое внимание уделяется государственной адресной социальной помощи и ее видам.

Ключевые слова: помощь, социальное пособие, трудная жизненная ситуация, адресность.

Abstract. The article presents a brief theoretical analysis of the legal norms characterising the forms of social support for families with children in the Republic of Belarus, with a special emphasis on state targeted social assistance and its types.

Key words: assistance, social welfare, difficult life situation, targeting.

Социальная защита в Республике Беларусь динамично, постоянно развивается, о чем свидетельствуют принятые законодательные акты, которые регулируют правоотношения в сфере социального обеспечения. В настоящее время в Республике Беларусь оказывается государственную социальную помощь нуждающимся семьям (гражданам), которая направлена, в первую очередь, на преодоление социального неравенства в обществе и во-вторых, на оказание помощи наиболее незащищенным группам населения (малоимущим семьям и семьям, воспитывающим детей).

В сравнении и иными формами и видами социальной поддержки адресная социальная помощь является одним из видов государственной социальной помощи, которая предоставляется для преодоления и смягчения трудной жизненной ситуации малообеспеченным гражданам (семьям) [1, с. 460], которая предоставляется в виде материальных благ, медицинского обслуживания, ежемесячных выплат и иных.

Согласно Указа Президента Республики Беларусь от 19 января 2012 г. № 41 «О государственной адресной социальной помощи» государственная адресная социальная помощь семьям с детьми предоставляется в виде:

- 1) ежемесячного и (или) единовременного социальных пособий на приобретение продуктов питания, лекарственных средств, одежды, обуви, школьных принадлежностей и на другие нужды для обеспечения нормальной жизнедеятельности;
- 2) социального пособия для возмещения затрат на приобретение подгузников (впитывающих трусиков), впитывающих простыней (пеленок), урологических прокладок (вкладышей);
- 3) обеспечения продуктами питания детей первых двух лет жизни [2].

Для того чтобы предоставить нуждающейся семье адресную социальную помощь необходимо пройти определенные этапы: во-первых, оценить доходы и материальное положение семьи; во-вторых, выявить причины, по которым семья попала в число нуждающихся и в-третьих, подобрать индивидуальный «пакет услуг» [3, с. 25].

Пунктом 6 Положения «О порядке предоставления государственной адресной социальной помощи», предусмотрено,

что государственная адресная социальная помощь предоставляется в таких формах как: денежная наличная, денежной безналичной и натуральной. Ежемесячное и единовременное пособие может предоставляется во всех трех формах, а социальное пособие для возмещения затрат на приобретение подгузников только в денежной наличной форме.

Государственная адресная социальная помощь в натуральной форме может предоставляться вместо денежной в тех случаях, когда, например, имеется неблагоприятная семья, в которой трудоспособные родители имеют пристрастие к алкоголю или же они ведут асоциальной образ жизни, не работают. Для того чтобы исключить нецелевое использование такой семьей материальной поддержки, предоставляемой государством, она выдается им в натуральной форме. В таких случаях работники органа по труду, занятости и социальной защите за счет денежных средств, выделенных на государственную адресную социальную помощь, приобретают для семей (граждан) продукты питания, лекарственные средства, одежду, обувь, школьные принадлежности, другие товары и услуги первой необходимости.

Единовременное социальное пособие предоставляется семьям (гражданам), которые оказались по объективным причинам в трудной жизненной ситуации, нарушающей их нормальную жизнедеятельность, при условии, что их среднедушевой доход составляет не больше 1,5 величины критерия нуждаемости [2].

Одним из видов предоставления такой помощи согласно Указу № 41 является ежемесячное и (или) единовременное социальное пособие на приобретение продуктов питания, лекарственных средств, обуви, одежды, школьных принадлежностей и предоставляемое для других нужд с целью обеспечения нормальной жизнедеятельности [2] и с 2020 года многодетным семьям ежемесячное социальное пособие предоставляется при условии, что их среднедушевой доход составит не более 1,15 величины критерия нуждаемости [4, с. 297] [2].

Семьям, воспитывающим детей в возрасте до 18 лет, предоставляется пособие для возмещения затрат на приобретение подгузников (впитывающих трусиков), впитывающих

простыней (пеленок), урологических прокладок (вкладышей) и обеспечение продуктами питания детей первых двух лет жизни [2, п. 1.2]. Для предоставления данного пособия необходим такой важный признак как нуждаемость. Нуждающиеся семьи, имеющие новорожденных детей или детей грудного возраста, также нуждаются в некоторых случаях в предоставлении подгузников.

Семьи, которые воспитывают ребенка-инвалида до 18 лет имеющего IV степень утраты здоровья, а также инвалиды I группы согласно п. 2.3 Указа № 41 имеют право на социальное пособие для возмещения затрат на приобретение подгузников. Необходимо отметить, что данное пособие предоставляется независимо от величины среднедушевого дохода семьи, однако сюда не входят лица, которые стали инвалидами в результате противоправных действий, по причине алкогольного, наркотического, токсического опьянения или членовредительства.

Законодательством определены особенности для детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, имеющим IV степень утраты здоровья, а также для инвалидов I группы вследствие профессионального заболевания или трудового увечья, которым социальное пособие для возмещения затрат на приобретение подгузников предоставляется в случаях, когда они не имеют права на оплату подгузников за счет средств обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и также не предоставляется если указанные категориям находятся на государственном обеспечении в учреждениях социального обслуживания (при стационарном социальном обслуживании).

Документом, подтверждающим нуждаемость в подгузниках (впитывающих трусиков), впитывающих простынях (пеленок), урологических прокладок (вкладышей), является индивидуальная программа реабилитации инвалида или заключения ВКК организации здравоохранения.

Как правило государственная адресная социальная помощь в виде социального пособия для возмещения затрат на приобретение подгузников предоставляется в денежной наличной форме.

В том случае, если семья предоставит недостоверные сведения о доходах и принадлежащем членам семьи имуществе на праве собственности, составе семьи, проживании, нуждаемости в подгузниках и иных сведений, которые необходимы для предоставления такой помощи семье могут быть лишены права на обращение за такой помощью в течение 12 месяцев, которые следуют за месяцем принятия данного решения.

Помощь в виде обеспечения продуктами питания детей первых двух лет жизни предоставляется на основании рекомендаций врача-педиатра, врача общей практики в соответствии с состоянием его здоровья, по рациону питания ребенка и с учетом примерных месячных наборов продуктов питания для детей в возрасте до одного года и от одного года до двух лет. Право имеют семьи, в которых среднедушевой доход ниже критерия нуждаемости по объективным причинам [2, п. 1.3], исключение предусмотрено при рождении двойни или более детей, в этом случае величина среднедушевого дохода не учитывается.

Право на обеспечения продуктами питания детей первых двух лет жизни, не предоставляется, если дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, находятся на государственном обеспечении в детских интернатных учреждениях (домах ребенка, школах-интернатах для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вспомогательных школах-интернатах, специальных общеобразовательных школах-интернатах, специальных учебно-воспитательных (или лечебно-воспитательных) учреждениях, в опекунских, приемных семьях, детских домах семейного типа [2]. Государственная адресная социальная помощь в виде обеспечения продуктами питания детей первых двух лет жизни не предоставляется, если на дату обращения за ее получением трудоспособный отец в полной семье, либо трудоспособное лицо, с которым мать не состоит в зарегистрированном браке, но совместно проживает и ведет общее хозяйство, не является занятым, не проходит подготовку в клинической ординатуре в очной форме. При предоставлении такой помощи выдаются

продукты отечественного производства, которые предназначены для детей раннего возраста и которые имеют соответствующую маркировку на упаковке, с указанием возраста [2].

Таким образом, социальная поддержка семей с детьми может предоставляться не только в виде единовременных и ежемесячных социальных пособий, но и в виде пособия для возмещения затрат на приобретение подгузников (впитывающих трусиков), впитывающих простыней (пеленок), урологических прокладок (вкладышей), а также обеспечение продуктами питания детей первых двух лет жизни. Для предоставления всех возможных видов государственной адресной социальной помощи необходим такой важный признак как нуждаемость, который в каждом конкретном случае определяется индивидуально.

Литература

1. Семенова Т. В. Право социального обеспечения: электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов высших учебных заведений. Новополоцк: ПГУ, 2014. 623 с.
2. О государственной адресной социальной помощи: Указ Президента Республики Беларусь, 19 января 2012 г., № 41 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2012. 1/13263.
3. Либоракина М. И. Социальная помощь: на пути к адресности // Ключевые подходы к адресности в странах СНГ. М.: Фонд «Институт экономики города», 2002. № 7. С. 22–25.
4. Пенязькова А. И. Предоставление государственной адресной социальной помощи в контексте совершенствования законодательства // Наука і молодь у ХХІ сторіччі: збірник тез доповідей VI Міжнародної молодіжної науково-практичної інтернет-конференції (м. Полтава, 15 грудня 2020 року). Полтава: ПУЕТ, 2020. С. 297–299.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА

Г. В. Курбатова

ФКОУ ВО Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний
(Институт подготовки государственных
и муниципальных служащих)
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент
kurbatik2007@yandex.ru

О. В. Иванова

Рязанский филиал Московского университета МВД России
им В. Я. Кикотя
доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук
olgaivanova140274@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся актуальных проблем государственной защиты прав и интересов ребенка, которые имеют место в настоящее время, изучаются наиболее проблемные аспекты деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации, анализируются имеющиеся статистические сведения, выдвигаются конкретные предложения по совершенствованию государственной защиты прав и интересов ребенка.

Ключевые слова: проблемы, государственная защита, ребенок, дети, Уполномоченный по правам ребенка, детский омбудсмен.

Abstract. The article discusses issues related to the current problems of state protection of the rights and interests of the child, which are currently taking place, studies the most problematic aspects of the activities of the Commissioner for the Rights of the Child in the Russian Federation, analyzes the available statistical information, puts forward specific proposals for improving the state protection of rights and interests child.

Key words: problems, state protection, child, children, Ombudsman for the rights of the child, children's ombudsman.

Права ребенка — это права человека применительно к несовершеннолетним. В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации ребенком признается

лицо, не достигшее 18 лет. К сожалению, вынуждены констатировать, что в нашей правовой системе во все времена существовали проблемы, связанные с эффективной защитой прав ребенка. Далеко не все, из имеющих место недостатков в указанной сфере, решены на сегодняшний день, в связи с чем, крайне важно исследовать причины и природу появления проблем государственной защиты прав и интересов ребенка в нашей стране, чтобы предложить возможные пути их решения. На наш взгляд, комплекс мер, способных изменить ситуацию к лучшему, должен носить не только юридический, но и организационно-правовой и административный характер применительно к отдельным аспектам общественных отношений.

Актуальность исследования проблем государственной защиты прав и интересов ребенка подчеркивается тем обстоятельством, что многие проблемы существенным образом влияют на эффективность функционирования всей указанной сферы, тормозят ее развитие, способствуют негативному восприятию большинства правовых инструментов в обществе и напрямую влияют на качество и своевременность оказываемой помощи нуждающимся в ней детям. Говоря о проблемах защиты прав ребенка, стоит принимать во внимание, что наладить эффективную работу в данной сфере достаточно проблематично. Сложность заключается в комплексном характере семейного права, которое является фундаментальным и определяющим в сфере защиты детских прав. Так, например, основу правовых норм в семейном праве составляют и нормы материального права, и административно-правовые правила, и предписания гражданско-процессуального характера. С другой стороны, непосредственно направлены на защиту прав ребенка нормы, которые принято относить как к частноправовым, так и к публично-правовым. Безусловно, чаще всего на практике мы можем наблюдать их взаимодействие, особенно в ситуациях, когда речь идет о конкретных способах защиты прав ребенка, в чем непосредственно заинтересовано государство в лице органов опеки и попечительства, например, в ситуации, когда необходимо оказать помощь несовершеннолетнему, который по какой-либо при-

чине, ввиду сложившихся жизненных обстоятельств оказался в неблагоприятной семейной ситуации или вовсе остался без опеки родителей. Тем не менее, не сложно заметить, что все действующие правовые нормы семейного права, которые посвящены несовершеннолетним, пропитаны одной идеей — приоритетом защиты прав ребенка [1, с. 30]. И это, безусловно, крайне положительный аспект.

Одной из основных проблем государственной защиты прав и интересов ребенка, по нашему мнению, является то, как на сегодняшний день организован институт Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации. Говоря о правовом статусе детского омбудсмана, прежде всего, представляется небезосновательным подчеркнуть важность и необходимость наличия подобного правозащитного должностного лица, так как его основной задачей является защита прав ребенка любыми законными способами от любых противоправных посягательств. Однако, как показывает сложившаяся за годы функционирования детского омбудсмана правовая практика, эффективность его работы существенно снижается ввиду наличия ряда противоречий как нормативно-правового, так и организационно-правового характера. Так, например, одним из факторов, снижающих эффективность деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации, является отсутствие ясности в понимании места Уполномоченного по правам ребенка в системе государственной власти [3, с. 60].

Сущность данной проблемы кроется в недостаточности нормативно-правового регулирования, так как, по общему правилу, Уполномоченный должен быть независим от какой-либо ветви государственной власти и осуществлять свои функции на благо граждан, однако в действительности все не совсем так. Исходя из анализа имеющейся на сегодняшний день информации, мы пришли к выводу, что большинство современных авторов, анализируя отечественную модель Уполномоченного по правам ребенка, оценивают ее как парламентскую [5, с. 103]. Основной аргумент применительно к данной позиции заключается в том, что в соответствии с порядком назначения и отчетности федерального и регио-

нальных уполномоченных в РФ, подавляющее большинство из них назначается областной Думой и ежегодно отчитывается перед ней о результатах своей деятельности. Полагаем, что подобная практика не может благоприятным образом сказываться на независимости деятельности Уполномоченного на пути защиты граждан в споре с различными государственными, муниципальными органами и должностными лицами. Другой не менее актуальной и, по сути, основной проблемой в сфере государственной защиты прав и интересов ребенка, по нашему мнению, является проблема недостаточности полномочий, которые предоставлены детскому омбудсмену, исходя из норм федеральных и региональных нормативно-правовых актов, для эффективной реализации своих задач.

В первую очередь, речь идет об отсутствии у Уполномоченного права принимать юридически обязательные решения [6, с. 19]. Он не наделен императивными полномочиями в отношении государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц. Складывается ситуация, при которой весь сущностный функционал деятельности детского омбудсмена сводится к обращениям в другие органы, наделенные властными функциями: суды, прокуратуру, административные органы. Даже основное специфическое полномочие, а именно направление заключения о необходимости принятия мер по восстановлению прав и свобод, не носит властного характера, а является лишь рекомендательным. Это вызывает определенные нарекания со стороны общества, поскольку не понятно, каким образом, не имея рычагов принуждения, Уполномоченный способен заставить орган государственной власти, орган местного самоуправления или должностное лицо исправить допущенные нарушения прав ребенка.

В связи с этим, на практике мы получаем отнюдь не радужную картину, которая свидетельствует о том, что на сегодняшний день институт Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации в полной мере не соответствует той сущностной составляющей, которая изначально заложена в его правовой природе [7, с. 3]. При рассмотрении данной проблемы под определенным углом, складывается отчетли-

вое ощущение, что Уполномоченный в настоящий момент выступает в качестве промежуточного звена, посредника между гражданами и государственными органами, должностными лицами, которые нарушают их права. От этого страдает деловая репутация Уполномоченного, следствием чего является достаточно прохладное отношение граждан к данному институту и неверие в то, что обращение к Уполномоченному может поспособствовать защите их прав в споре с государством, представленным в лице различных органов, организаций и должностных лиц. Другой не менее существенной и актуальной проблемой в сфере государственной защиты прав ребенка следует признать профилактику преступлений и правонарушений. Так, например, Л. С. Тихая [9, с. 68] делится статистическими данными, согласно которым уровень подростковой преступности в Санкт-Петербурге за последние годы вырос на 3,3 %.

В среднем за календарный год наблюдается 594 случая подростковой преступности. За последнее время наибольшее количество преступлений, совершаемых детьми, наблюдается в бытовой сфере, на улице, в вечернее и ночное время. Чаще всего несовершеннолетние совершают кражи, занимаются хулиганством, вандализмом, чуть реже наносят вред здоровью различной степени тяжести. Не может не радовать тот факт, что степень наркотических преступлений в подростковой среде за последний год несколько снизилась. Из приведенной выше статистики видно, что проблема подростковой преступности действительно существует и одной из ее причин является недостаточность и неэффективность профилактической и предупредительной работы компетентных органов. В контексте указанной проблемы часто говорят о ювенальной юстиции. Чаще всего в научной среде под ювенальной юстицией понимают процесс привлечения несовершеннолетних к ответственности и профилактику правонарушений, совершаемых ими. Безусловно, борьба с преступлениями и правонарушениями, которые совершаются детьми, должна вестись с удвоенной силой, в соответствии с национальным и международным законодательством. Профилактическая и предупредительная работа в сфере подростковой преступно-

сти не является панацеей и наиболее эффективным средством борьбы с ней, однако она способна существенно снизить процент подростковой преступности, оказать положительное влияние на подрастающее поколение, которое находится в зоне риска и представлено потенциальными субъектами преступлений и правонарушений [2, с. 48]. Поэтому проблема профилактики преступлений и правонарушений должна быть решена как можно скорее и наиболее продуктивным способом. Кроме вышесказанного, важно затронуть и проблему участия детей в предпринимательской деятельности, которая является крайне актуальной в современных условиях развития экономических реалий. Так, в соответствии со статьей 34 Конституции Российской Федерации и статьи 18 Гражданского кодекса, в числе первостепенных конституционных прав, которые составляют основу правоспособности граждан, следует выделить право на осуществление законной предпринимательской деятельности.

На сегодняшний день действующее отечественное законодательство не содержит прямых запретов для лиц, не достигших 18 лет, заниматься предпринимательской или иной приносящей доход деятельностью. В связи с тем, что прямые запреты отсутствуют, но и нормативно-правовое регулирование нельзя назвать исчерпывающим, в повседневной практической деятельности возникает ряд противоречий, которые требуют дополнительного внимания и регулирования.

Одним из правовых вопросов, который вызывает наибольшие противоречия и споры, является вопрос возраста, достигнув которого несовершеннолетний гражданин вправе на законных основаниях заниматься предпринимательством. Большинство авторов придерживается позиции, согласно которой российское законодательство разрешает становиться предпринимателем, начиная с 14 лет, так как именно с этого момента ребенок становится деликтоспособным, что позволяет ему участвовать в некоторых сделках. Подобная позиция действительно вполне приемлема, так как подкрепляется нормативно-правовой базой, а именно ст. 26 ГК РФ и ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Дискуссионным в правовой среде остается вопрос, каждую ли сделку в отдельности должны подтверждать законные представители или же допустимо давать согласие на совершение несовершеннолетнему лицу всех сделок в сфере предпринимательской деятельности [4, с. 82]. Частично ответить на данный вопрос позволяет п. 1 ст. 26 ГК РФ, который устанавливает, что любая сделка несовершеннолетнего предпринимателя должна находиться под контролем его попечителя. То есть, с каждой сделкой несовершеннолетнего предпринимателя попечители должны быть согласны. По нашему мнению, подобное положение дел не является справедливым и данную норму следует модернизировать, обязав попечителей контролировать лишь крупные сделки, которые потенциально могут повлечь существенные материальные потери для несовершеннолетнего. Все вышеизложенное наводит на мысли о том, что теперь, когда семья стала объектом охраны на конституционном уровне (ст. 38 Конституции РФ), очень важно, чтобы семейное законодательство превратилось в действенный инструмент защиты интересов несовершеннолетнего.

Помимо всех перечисленных проблем, в сфере государственной защиты прав ребенка можно выделить еще множество иных недостатков, таких как [8, с. 3]: правовая некомпетентность уполномоченных должностных лиц; недостаточность поддержки детских фондов и иных некоммерческих организаций; разрозненность и отсутствие единства в деятельности государственных, муниципальных органов и должностных лиц; излишняя сложность и бюрократизм при запросе и проведении различных организационно-правовых процедур (например, при субсидировании или иной помощи для нуждающихся детей). Резюмируя, можно сделать вывод о том, что в сфере государственной защиты прав ребенка до сих пор, несмотря на все улучшения и нововведения последних лет, остается нерешенных ряд вопросов, которые обусловлены различными причинами. Все сегодняшние проблемы — следствие запущенности и невнимания к сфере защиты прав ребенка прошлых лет, особенно девяностых годов прошлого

столетия. Постепенно ситуация меняется к лучшему, однако всем компетентным государственным органам на всех уровнях власти предстоит проделать еще много работы, чтобы выправить ситуацию к лучшему.

Литература

1. Агеева А. В., Банщикова С. Л. Семья как конституционная ценность в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 1. С. 27–32.
2. Боровков Л. Б. Предупреждение преступлений несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности и наказания // Наука и образование сегодня. 2019. № 1. С. 46–51.
3. Иванов Р. Ю. О законодательном регулировании правового статуса специализированного уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 59–62.
4. Казиханова С. С., Галахтин М. Г. Предпринимательская деятельность несовершеннолетних // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 80–84.
5. Кудрявцев М. А. Институт парламентского Уполномоченного по правам человека в России: проблемы становления и развития // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. № 3. С. 100–105.
6. Лихтер П. Л. Методология оценки деятельности Уполномоченного по правам ребенка: постановка проблемы // Диалог. 2017. № 2. С. 18–22.
7. Сергеев П. В. Доклад как форма реализации отдельных полномочий омбудсмана в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2018. № 1. С. 2–10.
8. Степанова Д. Н. Конституционно-правовой механизм защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2019. № 2. С. 3–7.
9. Тихая Л. С. О некоторых аспектах защиты прав детей // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2020. № 1. С. 65–70.

РАЗДЕЛ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ, ОСЛОЖНЕННЫЙ ВЕДЕНИЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. И. Маркеев

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права,
кандидат юридических наук, доцент
markeev.aleksandar@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы правового регулирования раздела имущества супругов. Рассмотрены перспективные направления совершенствования правоотношений в данной сфере. Раздел имущества супругов сложный процесс учета всех договоренностей сторон в различные периоды совместной жизни. Супругам известен вклад каждого из них в создание семейного капитала. Рассматриваются особенности и проблемы раздела имущества как самими супругами самостоятельно, так и с привлечением судебного органа. Формулируются правовые проблемы раздела объектов недвижимости (в том числе земельных участков), оценки данных объектов. Делается осторожный вывод о том, что имущество, созданное при ведении предпринимательской деятельности, должно делиться по иным правилам, нежели нажитое в советское время от получения зарплаты на предприятии.

Ключевые слова: имущество, супруги, расторжение брака, раздел, бизнес.

Abstract. The article examines the current issues of legal regulation of the division of property of spouses. The perspective directions of improvement of legal relations in this sphere are considered. The division of the property of the spouses is a complex process of taking into account all the agreements of the parties in different periods of joint life. The spouses know the contribution of each of them to the creation of family capital. The article considers the peculiarities and problems of property division both by the spouses themselves, and with the involvement of the judicial authority. The legal problems of the division of real estate objects (including land plots), the evaluation of these objects are formulated. A cautious conclusion is made that the property created during the conduct of business activities should be divided according to different rules than acquired in the Soviet era from receiving wages at the enterprise.

Key words: property, spouses, divorce, division, business.

В теории и правоприменительной практике сложным является вопрос раздела совместного имущества супругов, если один из них или оба супруга осуществляют предпринимательскую деятельность. Как правило, трудности возникают

с определением правового смысла понятия «бизнес». В ГК РФ [1] данное понятие не используется. «Но бизнес может быть оценен, при этом оцененная стоимость бизнеса может значительно превосходить реально полученные доходы от него, что заставляет другого супруга в случае раздела совместного имущества требовать раздела бизнеса супруга-предпринимателя» [3, с. 28].

Сейчас суды ошибочно выносят решения в пользу одного из супругов по разделу бизнеса супруга-предпринимателя как совместного имущества, на что обратил внимание Верховный Суд Российской Федерации [9]. «Суды нижестоящих инстанций включили бизнес в общее имущество супругов и признали право бывшего супруга на 2,6 млн руб. компенсации. Они исходили из того, что супруги организовали аптечную торговлю, еще когда жили вместе и вкладывали в нее общие средства. Верховный Суд Российской Федерации не поддержал нижестоящие инстанции и отправил дело на новое рассмотрение. Бизнес не выступает в качестве самостоятельного объекта права, которое предусмотрено гражданским законодательством, следовательно, не подлежит разделу. Имущество, приобретаемое индивидуальным предпринимателем в период брака в процессе предпринимательской деятельности, а также доходы от предпринимательской деятельности в силу ст. 34 СК РФ [12] являются общим совместным имуществом. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при разделе совместного имущества бизнес супруга-предпринимателя не может подлежать разделу, поскольку, во-первых, данное понятие не является правовым, во-вторых, оцененная стоимость бизнеса может значительно превосходить реально полученные от него доходы» [3, с. 28].

«Одним из сложных вопросов правоприменения является установление возможности регулирования брачным договором раздела совместного бизнеса супругов на случай расторжения брака. Здесь имеют место не только семейные, но и гражданские отношения, вследствие чего могут применяться как правила семейного, так и правила гражданского законодательства» [3, с. 29].

Необходимость раздела может возникнуть по различным причинам. В частности, это может быть уплата долгов одного

из супругов. Также раздел в браке осуществляется в случае снижения расходов на пользование имуществом, когда у мужа или жены имеются льготы на содержании имущества. Иногда раздел необходим и в случае смерти одного из супругов.

Рассмотрим заключение соглашения о разделе имущества между супругами-предпринимателями. Согласно п. 2 ст. 38 СК РФ, имущество супругов может быть разделено ими по соглашению. Также закрепляется, что соглашение должно быть удостоверено у нотариуса.

Заключение соглашения — это добровольная форма раздела общего имущества, которая позволяет избежать острых углов и конфликтов при разделе, которые обычно случаются в суде. Этот вариант — компромисс между супругами, способ удовлетворить потребности друг друга и пойти навстречу, не прибегая к помощи третьего лица.

Институт раздела общего имущества супругов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в данном случае носит характер распоряжения имуществом, так как супруги по своему усмотрению разрешают вопросы, связанные с дальнейшей его судьбой. Заключение соглашения будет являться процедурой, узаконивающей гражданско-правовую сделку [5, с. 30].

Серьезным отличием соглашения от брачного договора является тот факт, что соглашение преследует исключительно цель раздела имущества, тогда как цель брачного договора заключается в регулировании более широкого круга имущественных отношений, в установлении или изменении законного режима имущества супругов. Брачным договором регулируется, в том числе, и раздел имущества, но не исключительно раздел, как соглашением [15]. Соглашение как договор имеет характеристику возмездности, также он консенсуальный, двусторонний, как правило, взаимный [6, с. 3]. Предметом соглашения являются имущественные отношения между супругами, когда общее имущество подлежит разделу.

Заключение соглашения о разделе совместного имущества в законе не связывается именно с самим расторжением брака. Согласно п. 1 ст. 38 СК РФ, соглашение может быть заключено как в браке, так и после развода. Соглашение о разделе имущества должно быть обязательно удостоверено у нотариуса, что

закрепляется в п. 2 ст. 8 СК РФ. Так как такой договор можно отнести к сделке, то несоблюдение нотариальной формы, в соответствии со ст. 163 ГК РФ, повлечет ничтожность соглашения. Соглашение о разделе имущества должно содержать конкретное описание предметов, которые подлежат разделу. Например, если в качестве такого имущества указывается машина, то в ее характеристику включается не только марка и цвет, но и различные идентификационные отличия — отличительные особенности, точная рыночная стоимость, идентификационный номер. Формулировки не должны быть расплывчатыми, важно четко прописать какое имущество достанется каждому из супругов. Стоимость имущества устанавливается независимым оценщиком. Правила заключения соглашения о разделе общего имущества не предусматривают защиты прав кредиторов и третьих лиц, интересы которых могут быть затронуты этим соглашением.

Законопроект изменений в СК РФ предлагает поправку, следуя необходимости обеспечить защиту интересов как супругов, так и их кредиторов. Согласно данной поправке, вводится правило о том, что в случае заключения между супругами соглашения о разделе общего имущества необходимо уведомление о факте заключения, изменения или расторжения этого соглашения. Такое уведомление в настоящее время требуется в случаях заключения, изменения или расторжения брачного договора. Именно поэтому в соглашении о разделе общего имущества оно необходимо. Кроме мирного пути раздела имущества, который является наиболее предпочтительным, существует и иной порядок раздела общего имущества супругов. Второй путь — компромисс между супругами достичь не удалось, имущество подлежит разделу в судебном порядке. Судебный порядок — принудительный и является способом защиты имущественных прав каждого из супругов.

Раздел общего имущества супругов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, — это комплексный институт, его отраслевая природа принадлежит и гражданскому праву, и семейному. Нормы, регулирующие этот институт, относятся и к семейному законодательству, и к гражданскому. Соответственно, и в ГК РФ, и в СК РФ содержатся положения, регулирующий данный институт.

Раздел общего имущества супругов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, — это, в первую очередь, возможность прекратить отношения общей собственности супругов. Важно понимать, что раздел не всегда связан с расторжением брака, может ему предшествовать или следовать после его расторжения. Также раздел может совсем не зависеть от факта расторжения брака, так как целью его будет защита прав одного из супругов, а также защита имущества супругов в целом.

Таким образом, путей раздела общего супружеского имущества два. Это добровольный порядок — заключение соглашения, а также судебный порядок. Раздел общего имущества — это комплексный институт, сочетающий в себе и гражданско-правовое, и семейно-правовое регулирование. Об институте раздела имущества можно говорить в двух аспектах — как о способе распоряжения общим супружеским имуществом, а также о способе защиты имущественных прав супругов.

Если говорить об изменении СК РФ, то позиция законодателя сводится к аккуратному внедрению положений. Сфера семейных отношений не допускает вмешательство государства во внутренние дела семьи. Именно поэтому СК РФ является одним из наименее подверженных изменению актов в России. Однако звучат предложения о коренных реформах СК РФ, об изменениях в семейном законодательстве, в том числе касаясь вопроса раздела общего имущества супругов, режима общего имущества. П. В. Крашенинников указывает «Коренная реформа (читай — ломка) семейно-правового регулирования опасна, а некоторые особенно радикальные предложения направлены против семейных ценностей» Он же призывает к точечным изменениям в СК РФ, которые нужны как раз и в институте раздела имущества [4, с. 4].

Следует согласиться с мнением П. В. Крашенинникова в части точечного регулирования семейного законодательства. СК РФ содержит внутренние противоречия, которые прямым образом относятся к институту общей совместной собственности супругов. СК РФ нуждается в коррективах, которые не затронут коренным образом его нормы, но уберут терминологические противоречия. Несмотря на универсальность СК РФ, возникает проблема соотношения норм семейного права и гражданского. Существуют «зоны совместного регулиро-

вания», которые регулируются и ГК РФ, и СК РФ. Например, понятие общего имущества дается в обоих кодексах, но ГК РФ содержит более широкое понятие. На этом основании могут возникнуть коллизии.

СК РФ в ст. 4 предусматривает, что имущественные отношения могут быть урегулированы нормами гражданского законодательства, если в СК РФ существует пробел, т. е. урегулированы такие нормы могут быть по аналогии права, так как это не противоречит существу семейных отношений. Именно поэтому институт раздела общего имущества супругов является комплексным, сочетающим в себе два вида регулирования. В силу данного факта можно говорить о недостаточной увязке положений ГК РФ и СК РФ. Нормы семейного законодательства в терминологическом аспекте существенно отличаются от норм ГК РФ, а также могут быть по отношению к нему противоречивыми [8].

На практике определенные проблемы вызывает вопрос определения стоимости разделяемого имущества, которое используется в предпринимательской деятельности. Определение стоимости имущества при его разделе преследует две цели. Первой целью является определение суммы государственной пошлины, которая будет оплачиваться при подаче в суд искового заявления. Вторая цель — это непосредственно распределение имущества, стоимость определяется для точности и справедливости этого распределения. Какое имущество при этом будет разделено, значения не имеет. Стоимостная оценка необходима будет любому имуществу, будь то квартира, земельный участок, транспортное средство или предмет искусства. И каждый вид имущества, в соответствии с законодательством РФ, подлежит оценке. Оценка имущества производится уже на этапе подачи искового заявления в суд. Это нужно, чтобы определить государственную пошлину. В соответствии со ст. 333.19 НК РФ [7], размер государственной пошлины будет зависеть от цены иска, т. е. от стоимости имущества, подлежащего разделу. Определяться стоимость будет в процентном соотношении.

Такая дефиниция добавляет заинтересованности истцу в правильной оценке имущества, без завышения стоимости. В исковом заявлении, которое подает один из супругов,

должна быть указана цена иска, согласно ст. 91 ГПК РФ [2]. Цену иска исчисляет супруг в соответствии с долей, которую причисляет себе. Важно также представить доказательства оценки имущества, которая была произведена. Супруги могут затрудняться в определении стоимости имущества, нажитого в период брака. В данном случае они прибегают к помощи оценщиков.

Ответчик, при несогласии со стоимостью имущества, может подать возражение, в котором просит учесть какие-либо обстоятельства, влияющие на определение стоимости имущества. К возражению ответчик прилагает доказательства, которые, по его мнению, имеют значение. Суды, установив состав общего имущества супругов, производят оценку каждого предмета, а затем определяют стоимость всего имущества, рассчитывая сумму. Стоимость различного имущества определяется разными органами. Для жилых помещений она производится специалистами бюро технической инвентаризации, основывается на площади помещения, года постройки, наличием/отсутствием в помещении коммунальных удобств и других факторов. Собственник имущества обращается в Бюро технической инвентаризации за справкой о стоимости имущества, уплачивает за нее плату, может оспорить такую справку через суд.

В случае с земельным участком необходимо обратиться к Федеральному закону от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [14], в котором устанавливается кадастровая оценка земли. Кадастровая оценка производится поэтапно, по регламенту Приказа Минэкономразвития России от 12.05.2017 № 226 «Об утверждении методических указаний о государственной кадастровой оценке» [11]. Кадастровая стоимость земельного участка будет ниже, чем рыночная, за счет этого возможно снизить сумму государственной пошлины.

Таким образом, споры о стоимости имущества, нажитого в период брака, являются важными для раздела имущества и определения стоимости долей каждого из супругов. Стоимостная оценка имущества регулируется различными нормативными актами и преследует цель установления государственной пошлины, а также раздела имущества супругов. Количество имущества, передающееся одному из супругов в

соответствии с данными критериями, определяется судами по-разному. Нет единого правила, которого они бы придерживались, здесь важно внутреннее убеждение судьи. При разделе имущества в натуре учитываются профессиональные интересы супруга. Например, дорогостоящее оборудование супруга-музыканта, которое передаваться будет ему. Иные интересы также могут учитываться, например, коллекционирование старинных монет.

В решении суда должно быть мотивированно отступление от равенства долей супругов.

В п. 1 ст. 254 ГК РФ указано, что разделу имущества предшествует определение долей в нем. В СК РФ такое правило прямо не закрепляется, однако некоторые исследователи полагают, что логичным было бы его включить. Требование, установленное ГК РФ, позволяет соблюсти баланс интересов между супругами [10].

Дублирование в СК РФ такого положения обусловлено необходимостью в судебном решении определения долей супругов в общем имуществе. Не всегда супруги могут распределить все объекты имущества, так как возможно в том числе и сокрытие информации о наличии имущества одним из супругов. Представляется заслуживающей внимания позиция П. В. Крашенинникова, который предлагает в Государственную Думу РФ законопроект, позволяющий включить в СК РФ такое положение. Так, при разделе общего имущества супругов, судебное решение будет содержать указание на размер доли каждого из супругов. По требованию одного из супругов, на основании судебного решения не разделенное в судебном заседании имущество будет передаваться супругам в установленном размере доли. Этот подход имеет лишь один существенный недостаток — при определении в судебном заседании доли каждого из супругов суд учитывает все нюансы приобретения и использования такого имущества. Если же будет судебное решение, указывающее на доли, то подход к разделу имущества будет более формализованным.

Судебной практикой положение п. 1 ст. 254 ГК РФ учитывается, но определение долей в решении не производится. Так, Наро-Фоминским городским судом Московской области при рассмотрении спора о разделе имущества указывается ссылка

на п. 1 ст. 254 и производится определение долей имеющегося имущества. Однако это положение не касается имущества, которое в судебном заседании представлено не было [13]. Предлагается при разделе имущества в натуре не допускать дробления объектов имущества, в которых супругам предоставляется право участия в бизнес-активах, в корпоративных организациях. Это обосновывается сильным и быстрым уменьшением общей стоимости делимого объекта. Предполагается, что такой объект является неделимым, при резкой смене структуры корпоративного контроля создаются риски падения цен акций, неизбежную нестабильность.

В связи с этим предлагается внести изменения в п. 3 ст. 38 СК РФ, в котором право на объекты, раздел которых неизбежно повлечет несоразмерное уменьшение стоимости такого имущества, признается принадлежащим только одному из супругов в счет стоимости его доли. Если стоимость доли окажется меньше, чем причитающееся супругу имущество, то за ним закрепляется также обязанность по уплате денежной компенсации.

Для этих целей предлагается п. 3 ст. 38 СК РФ изложить в следующей редакции: «3. В случае спора раздел общего имущества супругов, а также определение долей супругов в этом имуществе производятся в судебном порядке.

При разделе общего имущества супругов суд по требованию супругов определяет, какое имущество подлежит передаче каждому из супругов. Право на объекты, раздел которых неизбежно повлечет несоразмерное уменьшение стоимости такого имущества, признается принадлежащим только одному из супругов в счет стоимости его доли. В случае, если одному из супругов передается имущество, стоимость которого превышает причитающуюся ему долю, другому супругу может быть присуждена соответствующая денежная или иная компенсация».

Предлагается право на отсрочку и рассрочку выплаты такой компенсации, а также ряд способов обеспечения исполнения обязательств в виде залога и запрета на отчуждение имущества, переходящего одному из супругов. Супруг, согласно данному законопроекту, все же имеет право на раздел такого имущества, если сможет доказать существенный интерес

при использовании такого объекта. К объектам, раздел которых в натуре невозможен или может повлечь несоразмерное уменьшение доли одного из супругов, относятся неделимые вещи, сложные вещи и право участия в хозяйственном обществе в размере не меньше 10 процентов от уставного капитала. Законопроектом также предлагается уменьшение доли в имуществе одного из супругов, если в процессе судопроизводства выяснится, что он нарушил презумпцию испрошенного согласия на совершение сделки по отчуждению имущества.

Существует проблема, которая появилась со становлением практики банкротства граждан. Если супруг является участником отношений общей собственности супругов, бывших супругов при непроведении процедуры раздела имущества, то в общую массу имущества, на которое обращается взыскание включается все имущество супругов. Это крайне несправедливо, поскольку создается перекося в пользу интересов кредиторов. Создается игнорирование интересов другого супруга, который и должником-то не является. В связи с этим предлагается введение предшествующей взысканию процедура раздела общего имущества супругов.

Таким образом, споры о разделе имущества супругов в натуре имеет ряд правил, из которых возможны исключения. По общему правилу, доли супругов в общем имуществе признаются равными. От данного начала можно отступить как в соглашении о разделе имущества супругов, так и суд может отступить от этого правила. При разделе имущества в натуре учитываются интересы несовершеннолетних, профессиональные интересы супругов и другие важные факторы. Законопроектом о внесении поправок в СК РФ предлагается ряд существенных изменений, среди которых: неделимость некоторых объектов, уменьшение доли в размере имущества супруга при нарушении презумпции испрошенного согласия и другие.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопросы о разделе собственности зачастую не могут быть решены супругами самостоятельно и становятся предметом судебных споров. Чаще всего предметами разногласий является недвижимость, затем идут автомобили и гаражи. Далее, по распространенности можно выделить фирмы, предприятия, офисы; мебель,

предметы обихода, долги. К сложной категории споров, относятся споры о разделе долгов между супругами. Судебной практикой еще не выработан единый подход к разрешению дела данной категории. Однако, такие дела рассматриваются довольно часто. Бывают случаи, когда сторона, подавая иск, отказывается от своих требований.

Споры о стоимости имущества, нажитого в период брака, являются важными для раздела имущества и определения стоимости долей каждого из супругов. Стоимостная оценка имущества регулируется различными нормативными актами и преследует цели установления государственной пошлины, а также раздела имущества супругов. Количество имущества, передающееся одному из супругов в соответствии с данными критериями, определяется судами по-разному. Нет единого правила, которого они бы придерживались, здесь важно внутреннее убеждение судьи.

Из-за несовершенства законодательства возникают проблемы правоприменения.

В целом же проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в действующем законодательстве, регулирующем раздел имущества супругов, используемого в предпринимательской деятельности, имеется ряд проблем, которые требуют своего скорейшего решения, путем внесения изменений в нормы права. Представляется, что сформулированные предложения будут способствовать совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики в исследуемой сфере.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Комарова О. С. Отдельные проблемы правового режима имущества супругов, используемого для осуществления предпринимательской деятельности // Развитие территорий. 2019. № 4 (18). С. 28–31.
4. Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 4–8.

5. Левушкин А. Н. Правовая природа соглашения супругов о разделе общего имущества // Юридический мир. 2011. № 3. С. 26–30.
6. Леонтьева Е. А. Соглашение о разделе имущества супругов как мирный вариант раздела имущества // Закон. Право. Государство. 2018. № 3 (19). С. 3–5.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 20.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов) // Законопроект № 835938-7 [электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 07.05.2021).
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2019 г. № 81-КГ19-2 [электронный ресурс]. URL: <https://www.eg-online.ru/document/adjudication/400990/> (дата обращения: 20.05.2021).
10. Пояснительная записка к законопроекту «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов)» // Законопроект № 835938-7 [электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 11.05.2021).
11. Об утверждении методических указаний о государственной кадастровой оценке: Приказ Минэкономразвития России от 12.05.2017 № 226 (ред. от 09.09.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.05.2017.
12. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
13. Судебная и нормативная база РФ: Крупнейшая в сети база судебных и нормативных актов. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 07.05.2021).
14. О государственной кадастровой оценке: федер. закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.07.2016).
15. Чем отличается брачный договор от соглашения о разделе имущества супругов? // Азбука права: электрон. журн. [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/about/presscenter/pressa3/pr_553/ (дата обращения: 10.05.2021).

ЭТИКО-ПРАВОВАЯ ГРАНЬ ЭВОЛЮЦИИ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

И. С. Мерзлякова

Забайкальский государственный университет
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат культурологии, доцент
irpolia@list.ru

Аннотация. Динамика жизни, разнообразие жизненных реалий, ценностные трансформации «не покрываются» действующим правовым полем семейного права, что свидетельствует об отставании права от реалий жизни.

Ключевые слова: противоречия семейного законодательства, эмбрионы, суррогатное материнство, алиментные отношения, трансгендеры, однополые браки, усыновление.

Abstract. Life dynamics, a variety of life realities, value transformations are not «covered» by the current legal field. This fact indicates the lag of law from life itself.

Key words: contradictions in family law, embryos, surrogacy, child support, transgender people, same-sex marriage, adoption.

Действующий Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ) [9] вступил в силу с 1 марта 1996 г. и, как и его предшественники, отразил своим содержанием трансформации и социальные запросы, присутствовавшие на тот момент в российском обществе. Кардинальные преобразования начала 1990-х гг. требовали новых подходов к правовому регулированию семейных общественных отношений. Так, например, было произведено существенное изменение всего института алиментных обязательств и внесены коррективы в правовое регулирование усыновления, было уделено больше внимания формам устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Но жизнь не стоит на месте, и сегодня следует признать, что действующее семейное законодательство не отвечает всему разнообразию семейных жизненных перипетий.

Жизнь пестра и динамична, культурные традиции многолики, современная медицина удивляет своими достижениями, а постмодернистское общество проявляет беспрецедентную за всю историю человечества толерантность к свободе

сексуального поведения и свободе определения своей либо своих детей гендерной принадлежности. Терпимость, гуманизм, свобода самовыражения и самоопределения существенным образом повлияли на ценностную составляющую мировидения человека двадцать первого века (преимущественно носителя европейской культуры), что даже получило свое закрепление в правовом поле ряда государств: стали допустимы однополые браки; разрешено усыновление (удочерение) супругами, состоящими в однополых браках; допустимо изменение пола несовершеннолетним детям.

Что касается российского Семейного кодекса, то сегодня фундаментальное значение для общества имеет тот факт, что он основан на классических семейных ценностях, которые характерны для большинства многонационального населения России. Но трансформации, происходящие в аксиологическом пространстве современного человека, упрочение позиций индивидуализма и потребительской культуры, культуры наслаждения и удовольствий, жажда атрибутивности успеха и т. п. не обошли стороной и среднестатистического россиянина. А посему следует констатировать, что, несмотря на определенную консервативность россиян, брачно-семейные отношения последних демонстрируют накопление «специфических практик брачно-семейных взаимодействий», которые требуют своего осмысления в рамках общей теории права с целью дальнейшей правовой регламентации. Так, до сих пор остаются за пределами интересов отечественного законодателя новые, но уже распространенные реалии семейных отношений:

- эмбрионы: достижения медицины позволяют производить криоконсервацию эмбрионов с целью дальнейшей их имплантации, которая может иметь место и через несколько лет. Но, если супруги к этому времени подвели отношения к разводу, то какова судьба эмбрионов? Если женщина желает их сохранить, поскольку у нее появилась, допустим, проблема бесплодия и это ее шанс стать матерью, а бывший супруг настаивает на их уничтожении, чтобы в дальнейшем не быть обязанным платить алименты: Как рассматривать эмбрионы? Как объекты или субъекты семейных правоотноше-

ний? Как совместно нажитое имущество или потенциальных детей? Безусловно, это вопрос, выходящий в поле религиозных, морально-этических представлений, но имевшие место подобные ситуации, в случае спора, сегодня получают свое разрешение только в рамках индивидуального и, надо признать, субъективного судебного усмотрения, а потому требуют четкой правовой регламентации;

- фактические брачные отношения: такого рода отношения довольно распространены. В чем причина — это актуальный объект анализа и осмыслений современной гуманитарной наукой, но это не убирает потребности регламентировать имущественные отношения лиц, находящихся в продолжительном фактическом брачно-семейном союзе;

- суррогатное материнство: на сегодняшний день лишь два пункта СК РФ затрагивают данный вопрос, что так же оставляет в подвешенном состоянии решение множества проблем, возникающих при отказе суррогатной матери отдать ребенка биологическим родителям. Согласно ст. 55 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7], «суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям». Исходя из данного определения суррогатного материнства, можно сделать вывод, что родителей должно быть либо двое, либо это должна быть одинокая женщина. Если толковать данную норму буквально, получается, что одинокий мужчина не может воспользоваться услугами суррогатной матери. Почему?

- совместные долги, кредиты и ипотеки супругов: данная проблема настолько разнолика, насколько разнообразны заключенные с банком договоры (имущественные отношения супругов рассмотрим ниже);

- судьба брака при смене пола одним из супругов: все кажется легко разрешимым, если этот брак супруги растор-

гают по обоюдному согласию, но если второй супруг совершенно не против продолжать отношения со своей половиной, пусть даже сменившей пол? Признать его недействительным, поскольку семейное законодательство под браком признает лишь союз мужчины и женщины? Но ст. 27 СК РФ содержит четкий перечень оснований для признания брака недействительным, и такого основания в ней не содержится. К тому же, признание брака недействительным означает, что его словно совсем не существовало, и никаких прав и обязанностей не было порождено в момент регистрации данного союза в ЗАГСе: а это вовсе не так! Принудительно его расторгнуть? А как же свобода воли и конституционные права человека и гражданина?

Это лишь краткий перечень вопросов, которые порождены жизнью, семейными взаимоотношениями, и эти вопросы требуют своего правового осмысления. О назревшей необходимости вновь реформировать российское семейное законодательство сегодня много говорят теоретики и практики права. Но следует признать обоснованную позицию П. В. Крашенинникова, полагающего, что «семейная сфера правового регулирования требует очень взвешенного и аккуратного регулирования. Государству и обществу, коммерческим и некоммерческим организациям недопустимо бездумно вмешиваться в личные дела супругов, родителей и детей, других членов семьи» [3, с. 3]. В продолжение мысли следует согласиться с профессором А. М. Нечаевой, принимавшей непосредственное участие в работе над созданием текста действующего СК РФ. Согласно А. М. Нечаевой, «непосредственная работа над усовершенствованием СК РФ относится к прерогативе специалистов в области семейного права, учитывающих полученную ими информацию с точки зрения семейного права» [5, с. 18].

А. М. Нечаева уделяла серьезное внимание необходимости разработать категориальный аппарат семейного законодательства, в частности, определению категорий семейной правоспособности и дееспособности [6, с. 29–34]. А. Н. Левушкин полагает необходимым дополнить СК РФ статьей, определяющей содержание основных терминов семейного права, таких

как: брак, семья, родители и лица, их заменяющие, место жительства ребенка и др. [4, с. 55].

Теоретики и практики семейного права говорят о формировании и развитии новой современной теории семейного права, об усложнении структуры семейного законодательства, о включении в семейное право новых институтов, о разработке категориального аппарата и др. Поддерживая данную мысль, и преследуя цель обосновать и продемонстрировать необходимость реформирования и дополнения семейного законодательства РФ, мы в данной статье обратим внимание на явные противоречия, очевидные пробелы и на откровенную порой безграмотность текста Семейного кодекса РФ с филологической точки зрения.

В настоящее время, согласно п. 1 ст. 13 СК РФ, брачный возраст устанавливается в 18 лет. В соответствии с п. 2 указанной статьи при наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста 16 лет. В указанной норме отсутствует указание на необходимость получения согласия законных представителей несовершеннолетних на снижение брачного возраста. Но в таком случае наблюдается отсутствие логики. Согласно п. 2. ст. 21 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [2], гражданин, не достигший 18-летнего возраста, с момента вступления в брак приобретает полную дееспособность. При этом несовершеннолетнему, достигшему 16-летнего возраста и работающему по трудовому договору или осуществляющему предпринимательскую деятельность, согласно ст. 27 ГК РФ, для приобретения полной дееспособности необходимо согласие обоих родителей, а при отсутствии такового — решение суда. Таким образом, по мнению российского законодателя, несовершеннолетний, который ответственно реализует свои способности к труду, организован и дисциплинирован, вызывает больше недоверия, нежели несовершеннолетний, зачавший в 16 лет ребенка.

Согласно п. 2 ст. 13, порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста

16 лет, могут быть установлены законами субъектов РФ. Следовательно, минимальная планка возрастного ценза законодателем не установлена. Что может рассматриваться как упущение.

Статья 15 СК РФ посвящена вопросу медицинского обследования лиц, вступающих в брак. СК РФ предоставляет возможность для того чтобы лицо, вступающее в брак, могло бесплатно получить полную информацию о своем здоровье, в том числе: наличие венерических заболеваний; наличие или отсутствие генетической совместимости; возможность передачи будущему потомству генетической болезни и многое другое. Медицинское обследование лиц, вступающих в брак — это правильный шаг, позволяющий позаботиться о здоровье не только друг друга, но и потенциального потомства.

Такое обследование может быть проведено только по согласию. Результаты обследования лица, вступающего в брак, составляют врачебную тайну и могут быть сообщены лицу, с которым оно намерено заключить брак, только с согласия лица, прошедшего обследование. О наличии бесплодия, наследственных психических заболеваний, ВИЧ-инфекции, венерических заболеваний закон не обязывает сообщать партнеру. Но, если одно из лиц, вступающих в брак, скрыло от другого лица наличие венерической болезни или ВИЧ-инфекции, последнее вправе обратиться в суд с требованием о признании брака недействительным в течение года со дня как узнало о сокрытии этих двух заболеваний. Возможно, в этом вопросе стоит учесть опыт других государств, чтобы избежать дальнейших разводов и трагедий.

Медицинское обследование лиц, вступающих в брак, определено в законодательстве ряда стран. Во Франции, хотя состояние здоровья не является условием заключения брака, но без свидетельства о прохождении предбрачного медицинского осмотра служащий, ведающий актами гражданского состояния, не может приступить к процедуре оповещения о браке. Обязательное медицинское обследование предусмотрено в США, Финляндии и Молдавии с последующим предоставлением в органы регистрации брака медицинского документа, а Семейный кодекс Украины указывает на взаимную

обязанность жениха и невесты сообщать друг другу о состоянии своего здоровья. Семейный кодекс Болгарии устанавливает запрет на заключение брака с лицом, которое страдает заболеванием, представляющим серьезную опасность жизни или здоровью потомству или другому супругу [10].

Определенное противоречие прослеживается с фактом непризнания юридической силы за фактически-брачными отношениями. Статья 10 СК РФ утверждает, что под браком признается только союз, заключенный в органах ЗАГС, следовательно, незарегистрированное продолжительное сожительство мужчины и женщины не порождает правовых последствий и поэтому не рассматривается судами в качестве факта, имеющего юридическое значение и правовые последствия. Но, несмотря на то, что факт сожительства без регистрации не является юридическим фактом в силу закона, он все же используется для установления в суде правоотношений между фактическим отцом и внебрачным ребенком [1, с. 4]. То есть при установлении отцовства сожительство рассматривается как юридический факт и имеет правовые последствия, а при решении имущественных споров между фактическими супругами — нет.

Вызывает вопрос так же норма ст. 21 СК РФ, обязывающая супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, даже в случае обоюдного согласия расторгать брак только в судебном порядке. Почему бы в этой ситуации не разрешить расторжение брака в органах ЗАГС, если согласно ст. 23 СК РФ при наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, суд расторгает брак без выяснения мотивов развода.

Обратимся теперь к имущественным отношениям супругов. Статья 34 СК РФ посвящена совместной собственности супругов и п. 2 указанной статьи содержит следующий текст: «К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы

материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие)...».

Согласно правилам русского языка, скобки — это знак препинания, который используется для уточнения и пояснения смысла, изложенного в основном предложении. Следовательно, изложенное в скобках в п. 2 ст. 34 должно пояснять, какие выплаты могут входить в совместную собственность. Но на самом деле, в скобках указаны выплаты, имеющие целевое назначение и не являющиеся совместной собственностью. Это пример грубейшей ошибки и вопиющей безграмотности законодателя, которые вводят в заблуждение всех, кто знакомится с данной нормой впервые. Лишь благодаря косвенным источникам и комментариям вскрывается истинное положение вещей. Безусловно, подобная ошибка требует исправления!

Большим упущением данной статьи также является отсутствие указания на момент, с которого, допустим, доходы от трудовой деятельности становятся совместной собственностью — с момента начисления или с момента реальной выплаты? Нередки случаи задержек зарплат, премий, и если солидная премия была начислена, но не выплачена до даты регистрации расторжения брака, то, как ее рассматривать? Четкое указание явно бы оградило от лишних спорных разбирательств по подобным случаям.

Статья 35 СК РФ говорит о том, что владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов. При совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга. Но, если один из супругов совершил сделку по распоряжению общим имуществом без согласия второго супруга, то этот второй супруг может признать эту сделку недействительной в судебном порядке, если докажет, что другая сторона в сделке знала о несогласии другого супруга на совершение данной сделки. Насколько это реально выполнимо? Данная норма звучит несколько декларативно.

В этой статье в п. 3 все же указаны три вида сделок, которые требуют получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Это сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации; сделки, для которых законом установлена обязательная нотариальная форма; сделки, подлежащие обязательной государственной регистрации. При отсутствии нотариально удостоверенного согласия на совершение выше указанных сделок, последние могут быть признаны недействительными в судебном порядке по заявлению супруга, чье согласие не было получено.

Согласно ст. 100 СК РФ, соглашение об уплате алиментов заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. То есть, если мужчина вступил во второй брак, у него есть ребенок от первого брака, то при оформлении соглашения об уплате алиментов, средства на которые выплачиваются из его доходов (которые являются совместной собственностью супругов, согласно ст. 34), он должен получить письменное согласие нынешней супруги? Абсурд! Но этот абсурд вытекает из нормы ст. 35 и он должен быть устранен.

Рассмотрим еще одну уязвимую сторону ст. 35 СК РФ, регламентирующей владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов. Как видно из названия, статья призвана регулировать имущественные отношения лиц, состоящих в браке. Состоя в браке, люди, как правило, находятся в лично-доверительных отношениях между собой. Очень часто при покупке недвижимости, сделка заключается одним из супругов, чье имя в дальнейшем фиксируется в документах права собственности, которая рассматривается как совместная и приобретенная в браке. При дальнейших манипуляциях с этой недвижимостью покупателю следует требовать от продавца письменного нотариально заверенного согласия супруга продавца: таково требование статьи 35 СК РФ. Но если супруги развелись, а купленная в браке недвижимость еще не продана, то действие этой статьи уже не требует исполнения. Теперь супруг, чье имя указано как владельца, может заключать сделку единолично [8, с. 76–77]. К тому же ст. 253 ГК РФ,

регламентирующая владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, не требует письменного нотариально удостоверенного согласия всех собственников. И получается, что после развода супруги как совместные собственники попадают под действие ГК РФ. Следовало бы расширить ст. 35 СК РФ нормами, посвященными регулированию имущественных отношений бывших супругов по распоряжению общим имуществом.

Требуют своей более четкой регламентации приобретенные во время брака общие долги супругов, кредиты и ипотеки. Эта тема достойна отдельного глубокого исследования, и в рамках достижения цели настоящей статьи может быть только упомянутой.

Обратимся теперь к алиментным обязательствам. Согласно ст. 1 СК РФ, ведущими принципами семейного законодательства являются принципы заботы о благосостоянии и развитии детей, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи. Почему же тогда по общему правилу ст. 80 СК РФ алименты несовершеннолетним полагаются до достижения 18 лет, а пенсия по случаю потери кормильца выплачивается до 23 лет, при условии обучения очно получателя алиментов? Нет ли здесь несправедливости?

Аналогично вызывает вопрос ст. 90 СК РФ, предполагающая право бывшей жены в течение трех лет со дня рождения общего ребенка требовать предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами. Сегодня бывают ситуации, когда дети остаются с отцом, но у мужчины нет права на содержание от бывшей супруги в период до достижения их общим ребенком трех лет. Нет ли здесь дискриминации мужчин?

Интересна так же логика расчета размера алиментов на несовершеннолетних в твердой денежной сумме и расчета размера долга по алиментам. Согласно ст. 83 СК РФ, если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок, либо получает заработок полностью или частично в натуре, в иностранной валюте... суд вправе определить размер алиментов в твердой денежной сумме,

которая назначается с учетом величины прожиточного минимума на ребенка в соответствующем субъекте РФ. Размер же задолженности по алиментам, уплачиваемым на несовершеннолетних детей, в случаях, если лицо, обязанное уплачивать алименты, в этот период не работало, определяется исходя из размера средней заработной платы в РФ (а не в субъекте РФ) на момент взыскания задолженности (ст. 113 СК РФ).

В вопросах усыновления ст. 128 СК РФ устанавливает разницу в возрасте между усыновителем, не состоящим в браке, и усыновляемым ребенком не менее 16 лет. Пункт 2 данной статьи гласит, что при усыновлении ребенка отчимом (мачехой) наличие разницы в возрасте, установленной в 16 лет, не требуется. Почему в данной статье не указано, что на родственников ребенка тоже не должна распространяться данная норма, ведь, согласно п. 4 ст. 124 СК РФ, родственники имеют преимущественное право при усыновлении, но это преимущество здесь не подтверждено. А если у ребенка, оставшегося без попечения родителей, есть родственник, проживающий за рубежом, желающий его усыновить, но этот единственный родственник состоит в однополном браке? Может ли он быть усыновителем?

Можно еще немало привести примеров, свидетельствующих о противоречиях, нелогичности, неграмотности текста СК РФ. Так же следует отметить откровенное отставание действующих норм семейного законодательства от запросов сегодняшнего времени. Притормаживание права негативно сказывается на защите прав граждан, на разрешении спорных ситуаций и конфликтов. Отсутствие норм в рамках семейного права особенно болезненно, поскольку люди, связанные кровными узами, либо некогда связанные узами брака, при отсутствии диалога, возможности или способности мирно договориться, выходят на решение конфликта в судебном порядке, испытывая не самые приятные эмоции, как правило, боль, разочарование, ярость, что делает их уязвимыми. Справедливое правосудие призвано обеспечить защиту всех граждан. Но двусмысленные или неполные по своему содержанию нормы становятся основанием для индивидуального судейского

усмотрения, которое разных судей, в силу их индивидуального опыта и взглядов, приводят к разным судебным решениям по вроде бы схожим делам. Семейное право России требует своего совершенствования, и, надеемся, законодатель обратит в скором времени свое внимание на насущность рассмотренной в данной статье проблемы — проблемы несовершенства, требующего устранения в рамках эволюции семейного законодательства Российской Федерации.

Литература

1. Вартанян М. О. Фактические супружеские отношения в решениях Европейского Суда по правам человека и российской судебной практике // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 3–5.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.
4. Левушкин А. Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57.
5. Нечаева А. М. К вопросу о совершенствовании Семейного кодекса РФ // Рос. юстиция. 2017. № 4. С. 16–18.
6. Нечаева А. М. О правоспособности и дееспособности физических лиц // Государство и право. 2001. № 2. С. 29–34.
7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Савельева Н. М. Проблемы правового регулирования имущественных отношений бывших супругов по распоряжению общим имуществом // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 76–77.
9. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. Король И. Г. Медицинское обследование лиц, вступающих в брак: быть или не быть? URL: <https://www.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fklass511.ru%2Fzhenskaya-krasota%2Fprohozhdenie-meditsinskogo-obsledovaniya-pered-vstupleniem-v-brak-meditsinskoe-obsledovanie-lits-vstupayushhih-v-brak-byt-ili-ne-byt-korol-i-g.html> (дата обращения: 05.05.2021).

ПРЕЗУМПЦИЯ СОГЛАСИЯ СУПРУГА НА ОТЧУЖДЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ИМУЩЕСТВА: В АСПЕКТЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Д. И. Михайлов

Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Dimin.Mitr@yandex.by

Н. А. Нагорная

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
старший преподаватель кафедры правового обеспечения
правоохранительной деятельности,
магистр юридических наук
natali_mla@mail.ru

Аннотация. На основе сравнительного анализа развития гражданского законодательства в сфере правового регулирования общей совместной собственности супругов авторами рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при признании сделки, заключенной одним из супругов с предполагаемым согласием второго недействительной, а также вопросы о признании права собственности супругов на имущество, переданное ими в уставной фонд унитарного предприятия.

Ключевые слова: общая совместная собственность, супруги, имущественные права, раздел имущества, уставной фонд, компенсация, доля.

Abstract. Based on a comparative analysis of the development of civil legislation in the field of legal regulation of common joint property of spouses, the authors consider problematic issues that arise when recognizing a transaction concluded by one of the spouses with the alleged consent of the second invalid, as well as issues of recognizing the ownership rights of the spouses to the property transferred by them to the authorized fund of a unitary enterprise.

Key words: common joint property, spouses, property rights, division of property, authorized capital, compensation, share.

С принятием Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее — Закон о нормативных правовых актах) [1], вопрос о юридической силе законов Республики Беларусь существенно изменился, при-

равняв по юридической силе нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) с иными нормами права, регулирующими имущественные отношения супругов, содержащимися в иных кодифицированных законодательных актах, прежде всего — в Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС). Данные правила действуют не только в нашей стране, но и за рубежом (например, в Российской Федерации, Украине, Республике Казахстан и др.) [2, ст. 4; 3, ст. 8; 4, ст. 5]. Однако следует отметить, что регламентация вопросов применения семейного, гражданского и иного законодательства в сфере брачно-семейных отношений в вышеназванных странах отличается более детальной и глубокой разработкой. Однако, несмотря на существенные изменения в законодательстве, некоторые вопросы отношений, связанных с общей совместной собственностью и имущественными правами супругов в ней, остаются до конца не разрешенными.

В настоящее время белорусским законодательством предусмотрено два возможных правовых режима общей собственности супругов — законный и договорной. Супругам предоставляется возможность самостоятельно выбрать устраивающий их режим. Избрание супругами первого либо второго режима, зависит от многих фактов. Так, факт занятия предпринимательской деятельностью, покупка акций, недвижимости и т. д. могут побудить супругов к заключению Брачного договора. В иных случаях, как показывает статистика, брачный договор недостаточно востребован среди лиц, вступающих в брак. Так, в 2018 г. в Республике Беларусь на 60 714 зарегистрированных брачных союзов [5] пришлось лишь 4 тысячи заключенных брачных договоров (примерно 7 %) [6]. Что является причиной такого состояния? Ментальность народа, национальные обычаи, недостаточный уровень правосознания и т. д. могут рассматриваться в качестве причин, не позволяющих развиваться институту брачного договора в нашей стране до такого уровня, на каком он существует в некоторых европейских странах или США.

Мы рассмотрим ситуацию, когда супруги, избрав законный режим общей собственности, в период брака вели совместное хозяйство, приобретали имущество, часть кото-

рого была ими внесена в качестве инвестиций в уставной фонд унитарного предприятия или хозяйственного общества, а при разделе имущества один из них по определенным причинам не получает предназначенной по закону половины от всей массы совместно нажитого имущества, а получает меньшую долю, либо в получении в собственность определенного имущества ему решением суда отказано. Причин тому может быть несколько. Часто уменьшение объема общего совместно нажитого имущества происходит на первый взгляд на вполне законных основаниях, например, когда часть имущества продано одним из супругов третьему лицу. Безусловно, согласно правилам пп. 2.3 ст. 256 ГК сделку по распоряжению общим имуществом может совершать любой из участников совместной собственности, если иное не вытекает из соглашения между ними, при этом согласие второго сособственника на совершение сделки предполагается (исключение составляют сделки с недвижимостью). Данное правило может быть обозначено как правовая презумпция согласия супруга на распоряжение имуществом по сделке, совершенной другим супругом. А в случаях, когда один из супругов совершил сделку по распоряжению общей совместной собственностью, не имея необходимых полномочий, она может быть признана недействительной по требованию другого супруга, если будет доказано, что сторона в сделке знала или заведомо должна была знать об этом [7]. При этом, исходя из правовой природы презюмируемых фактов, бремя доказывания лежит на стороне, требующей признания сделки недействительной, причем должно быть доказано наличие у стороны, совершившей сделку с сособственником, не имевшим полномочий, умысла или грубой неосторожности на ее заключение. В целом такой подход представляется оправданным как по той причине, что любое иное решение чрезвычайно затруднит гражданский оборот, так и в контексте того, что супругов (исходя из тех основ, на которых в понимании нашего общества строится брак), в каком-то смысле, возможно представить, как единого субъекта, имеющего общую, внутренне согласованную волю в отношении общего совместного имущества. Вместе с тем, нельзя отрицать и того, что в случае распоряжения конкрет-

ным имуществом действующее лицо только одно — супруг, фактически осуществляющий сделку. Предполагаемое согласие второго супруга на распоряжение общим совместным имуществом создает предпосылки для злоупотребления правом со стороны одного супруга, вынуждая второго, в случаях, когда тот не согласен с действиями сособственника, доказывать свое изначальное несогласие с проведенной сделкой.

Приведем пример ситуации, когда супруг, заведомо планируя или догадываясь о намерениях второго супруга осуществить раздел общей совместной собственности в будущем, на вполне законных основаниях уменьшает ее имущественную массу, которая в ближайшем будущем может стать объектом раздела. При этом речь идет не просто об отчуждении движимых вещей ради избежания их раздела, а о таких способах распоряжения им, которые позволяют не только не допустить раздела соответствующих вещей, но также обеспечивают контроль над ними со стороны супруга, реализующего эти способы. В качестве одного из таких способов следует назвать отчуждение значимых объектов права общей совместной собственности акций (долей) по договору купли-продажи с обязательством обратного выкупа (договор РЕПО). С целью уклонения от раздела этих объектов супруг продает акции или долю в уставном фонде ООО (ОДО), а затем после наступления момента прекращения права общей совместной собственности, выкупает их у покупателя обратно. Причем, если вести речь об акциях, то ряд особенностей учета прав на них не позволяет второму супругу своевременно получить информацию об их приобретении в период брака. Информацию о приобретении лицом акций и дальнейшей их судьбе депозитарии ценных бумаг, предоставивший акционеру право открыть счет «депо» для учета ценных бумаг, не выдает, а сам супруг-акционер о покупке либо продажи акций супругу умышленно не уведомляет.

Из изложенного следует, на наш взгляд, очевидный вывод: супруг, не являющийся акционером, хотя и признается законным сособственником акций, но может и не знать об их существовании, если об этом его не уведомит супруг-акционер, а также может не знать об их продаже, по той же причине

неосведомленности. Это обстоятельство на наш взгляд, существенно нарушает имущественные права супруга сосособственника и может служить основанием для предъявления им иска в суд о признании договора РЕПО недействительным.

Представляется интересной и другая ситуация, когда одним супругом совершается односторонняя сделка по вложению акций (долей) в уставный фонд другой коммерческой организации, контролируемой исключительно им, т. е. в уставной фонд частного унитарного предприятия (далее — ЧУП). В защиту корпоративных прав, в отношении имущества ЧУП законодателем установлены следующие правила: 1) имущество УП является неделимым (п. 1 ст. 113 ГК); 2) собственник имущества УП, если иное не определено Президентом Республики Беларусь, либо ГК принимает решение об изъятии имущества УП в порядке и случаях, предусмотренных уставом или законодательством (п. 6 ст. 113 ГК). То есть, в случае, если в уставной фонд ЧУП было внесено имущество, являющееся объектом права общей совместной собственности супругов, то в случае раздела обособленное за этим предприятием имущество разделено быть не может. Для наглядности данного утверждения приведем пример из судебной практики. Так, судом Минского района Минской области рассматривалось дело по иску гражданки В., которая просила суд признать за ответчиком (бывшим супругом С.) право на имущество УП «Л» с взысканием с последнего в ее пользу компенсации за 1/2 доли в УП «Л». Ответчик возражал, поскольку полагал, что доли истца в УП «Л» нет, так как в уставе УП «Л» он указан в качестве единоличного учредителя. Суд признал имущество УП «Л» совместно нажитым имуществом супругов и удовлетворил требование истца [8].

Однако не всегда суд выносит решение так однозначно. В рассматриваемой нами ситуации раздела общей совместной собственности супругов, внесенной в уставной фонд ЧУП, возможны следующие варианты развития событий:

Вариант 1. В процессе раздела имущества в целом и рассмотрения дела о компенсации стоимости имущества, обособленного за ЧУП, стороны заключают мировое соглашение. Чаще всего по условиям утвержденного определением суда

мирового соглашения право собственности на имущество ЧУП в полном объеме переходит к супругу-учредителю. При этом супруга учредителя получает в собственность иное имущество, входящее в состав их совместного нажитого имущества. И здесь может возникнуть ситуация, при которой супруг-учредитель, заранее планируя развод и раздел имущества, преднамеренно создает такое финансовое положение предприятия, при котором имущество ЧУП может быть уменьшено различными способами:

- предоставление денежных средств предприятия в качестве краткосрочных займов;
- отчуждение готовой продукции по заниженным ценам с последующей выплатой значительной части выручки супругу-учредителю;
- досрочное погашение предприятием займов и кредитов;
- искажение данных бухгалтерской (финансовой отчетности);
- заключение мнимых договоров купли-продажи имущества унитарного предприятия и т. п.

Вследствие чего, при разделе за учредителем остается бизнес с последующим восстановлением (а то и увеличением) прежнего финансового положения, а супруга учредителя, которая не знает и не догадывается о сделках своего супруга получает лишь реальную долю имущества, имеющуюся на момент раздела их общей собственности.

И здесь, на наш взгляд, возможны три направления разрешения проблемы ущемления интересов слабейшего участника отношений совместной собственности:

1. Предоставление супругу права на превентивную защиту своих интересов, которая может быть реализована посредством закрепления права второго супруга на заявление об отсутствии его согласия в адрес контрагента супруга по договору с последующим предоставлением права на оспаривание сделки, совершенной этим контрагентом, несмотря на уведомление о несогласии второго супруга (это правило не следует распространять на мелкие бытовые сделки и на сделки по приобретению предметов первой необходимости). К числу достоинств этого пути следует отнести его соответствие прин-

ципу дозволительной направленности, в соответствии с которым защита нарушенных интересов должна быть поставлена в зависимость преимущественно не от действия запретов и ограничений, а от воли и волеизъявления потерпевшей стороны правоотношения. К числу недостатков — значительное усложнение порядка совершения сделок каждым участником совместной собственности, а также создание причин и условий для возникновения имущественных конфликтов между супругами, которые могут завершаться взаимным срывом сделок, запланированных каждым из супругов. Кроме того, этот путь к совершенствованию презумпции согласия участника совместной собственности, не может обеспечить адекватный уровень защиты интересов не участвующего в распоряжении имуществом супруга от отчуждения или иного распоряжения значимыми вещами, осуществляемого не на основании договора, а на основании односторонней сделки, совершаемой вторым супругом. Односторонняя сделка, совершаемая недобросовестным супругом, исключает возможность реализации предлагаемого права второго супруга на уведомление контрагента о несогласии ввиду его отсутствия. При этом на наш взгляд, к односторонним сделкам, которые могут повлечь за собой недобросовестное распоряжение значимыми объектами права совместной собственности супругов, следует отнести:

- акт утверждения устава любой коммерческой организации, предусматривающего обязательство супруга по внесению вклада в уставный фонд. Как было отмечено выше, наибольшая вероятность ущемления интересов супруга, не участвующего в распоряжении имуществом в данном случае будет иметь место при утверждении устава частного унитарного предприятия, имущество которого не может быть разделено, а также при утверждении устава ООО (ОДО), доля в уставном фонде которого может быть разделена между супругами лишь с согласия остальных участников;
- акт изменения устава любой коммерческой организации, новая редакция которого предусматривает изменения размера долей или внесение дополнительного вклада недобросовестным супругом;

- заявление о выходе из состава участников ООО (ОДО), в результате которого компенсация вышедшему супругу может быть выплачена уже после раздела имущества;
- заявление об отказе от права собственности в пользу аффилированного лица или иного зависимого от недобросовестного супруга субъекта.

2. Расширение перечня категорий конкретных сделок, на совершение которых одним супругом требуется письменное согласие второго супруга. Например, согласно действующей редакции ГК РФ согласие второго супруга требуется не только на отчуждение (как в Беларуси), но и на приобретение недвижимого имущества. Представляется целесообразным наделение второго супруга правом предоставления письменного согласия на отчуждение объектов инвестиционной деятельности: предприятий, долей в уставных фондах ООО (ОДО) и акций в уставных фондах ОАО (ЗАО). Обязательность такого согласия значительно усложнит совершение супругом вышеуказанных сделок, направленных на временное (возвратное) отчуждение или отчуждение с сохранением контроля над объектами инвестиционной деятельности на период предполагаемого раздела совместно нажитого имущества. Данный способ разрешения рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, является предпочтительным, но не оптимальным, так как он также имеет слабые стороны:

- небольшая по величине степень учета фактора недостаточной компетентности супруга, не участвующего в отчуждении указанных объектов в вопросах экономической и правовой целесообразности отчуждения тех или иных объектов инвестиционной деятельности;
- повышение вероятности раздела долей и акций между бывшими супругами, что не всегда способствует повышению эффективности управления соответствующими хозяйственными обществами.

3. В этой связи следует рассмотреть третий способ повышения уровня защиты интересов супруга, не участвующего в распоряжении значимыми объектами права совместной собственности. Данным способом является возложение на второго супруга обязанности по возмещению 50 % рыночной

(оценочной) стоимости имущества, отчужденного им за определенный срок до раздела имущества по заведомо заниженной (неэквивалентной) цене.

Сложно сделать вывод о том следует ли учитывать это имущество, исходя из его рыночной стоимости или возможно символической договорной цены его недобросовестного отчуждения, а если по рыночной стоимости, то на какой момент. Кроме того, у супруга, совершившего недобросовестное отчуждение, может не оказаться необходимой для компенсации его рыночной стоимости суммы денежных средств. Главная же проблема применения данного положения состоит в доказывании факта несогласия на отчуждение исключительно сложно в отсутствии переписки с третьими лицами или записи разговоров между супругами. При этом законодательное установление иных последствий несогласия второго супруга на недобросовестное отчуждение совместно нажитого имущества существенно усложнит, а точнее исключит ничтожность сделки по несогласованному отчуждению на основании ст. 169 ГК (как несоответствующей законодательству). В силу этих и ряда других причин значительно эффективнее предотвратить недобросовестное отчуждение, чем учитывать его последствия при разделе общего имущества. Таким образом, все, что может сделать супруг, права которого нарушены — просить суд учесть факт, что совместная собственность была реализована без его согласия.

На наш взгляд, сложившаяся практика не всегда дает возможность должным образом защитить права и законные интересы добросовестного супруга. Вместе с тем, признание сделки, заключенной одним из супругов с предполагаемым согласием второго, недействительной вынужденно затрагивает интересы третьих лиц, добросовестных приобретателей, ставшими заложниками сложившейся ситуации.

С учетом изложенного, целесообразным является закрепление на законодательном уровне следующего порядка:

- при регистрации имущества, являющегося общей совместной собственностью и подлежащего государственной регистрации, указывать в сведениях о собственнике данные обоих супругов. Понятно, что это сопряжено с определенными

техническими сложностями, но, как нам представляется, вся необходимая информация имеется в соответствующих электронных базах данных и при надлежащем межведомственном взаимодействии может быть налажен доступ регистрирующих органов к необходимой информации;

- в случаях сделок с имуществом, подлежащим государственной регистрации, получать письменное согласие второго супруга.

Вариант 2. Суд принимает решение исходя из обстоятельств дела, поскольку стороны не смогли прийти к соглашению о разделе имущества УП. Такая ситуация на практике возникает довольно часто. Поскольку собственники имущества ЧУП в данном случае не могут прийти к соглашению о разделе его имущества, то на практике суд в рамках одного производства обычно рассматривает два требования: основное и встречное. При рассмотрении подобных дел суд зачастую принимает решение о разделе имущества пополам. Так, судом Фрунзенского района г. Минска было рассмотрено дело, по которому М. просила признать за собой право собственности на 1/2 доли чистых активов УП «А», которое было создано в период брака с В. Суд разделил совместно нажитое имущество супругов, в соответствии с которым признал за М. и В. право собственности на 50 % имущества УП «А» [10]. Однако такой подход к определению размера компенсации стоимости имущества ЧУП ввиду невозможности его раздела или признания долей в праве собственности на него не является следствием применения отсутствующих норм прямого действия. С точки зрения положений ГК об имуществе, обособленном за унитарным предприятием, не может быть дан однозначный ответ на вопрос о допустимости принятия за основу для выплаты компенсации второму супругу балансовой или рыночной стоимости соответствующего имущественного комплекса.

Другая ситуация, вклад в уставной фонд ЧУП внесен имуществом, принадлежавшим одному из супругов на праве собственности (например, унаследовано), а второй супруг, согласно нотариально удостоверенному соглашению с супругом — собственником, передал его ЧУП, став его учредителем. При разделе имущества супруг-учредитель конечно же пре-

тендует оставить за собой бизнес, а вторая супруга, чье имущество было внесено в уставной фонд ЧУП, претендовать на возврат его в полном объеме не может и должна довольствоваться лишь половиной, выделенной иным имуществом.

В этой связи можно привести еще пример достаточно типичной ситуации (пример приведен из обращений граждан в юридическую клинику при Могилевском институте МВД Республики Беларусь). В браке супругами создан ЧУП по услугам перевозки. Учредителем является супруг, бизнес зарегистрирован на нем. На балансе предприятия имеется имущество, являющиеся собственностью супруги учредителя. Фактически бизнесом занимается только супруга. Супруг является не только учредителем, но и директором предприятия, однако самой же деятельностью предприятия (ведение бухгалтерского сопровождения, работой с клиентами и т. д.) не занимается и в вопросы, связанные с бизнесом не вникает, хотя и подписывает документы. Встал вопрос о разделе совместно нажитого имущества. По формальным признакам бизнес должен остаться за супругом-учредителем, хотя фактически бизнесом занималась супруга, денежные средства и иное имущество, внесенные в уставной фонд ЧУП принадлежат исключительно ей.

Полагаем судам следует учитывать данный факт и своем решении о признании права собственности на ЧУП признавать за тем супругом, кто внес свои денежные средства в уставной фонд ЧУП.

Вариант 3. Также встречаются случаи, когда супруги делят совместно нажитое имущество, внесенное в уставной фонд УП, но в связи с тем, что суд признает это имущество неделимым, по решению суда супруг учредителя УП будет иметь право только на компенсацию. Но в этой ситуации возникнет ряд проблем, связанных с оценкой имущества ЧУП.

Вышеуказанные примеры, на наш взгляд, являются подтверждением возникающего вывода о том, что в каждом отдельном случае рассмотрения спора о разделе общего инвестиционного имущества супругов требуется индивидуальный подход к рассматриваемой ситуации.

Таким образом теоретические постулаты и нормы действующего законодательства по урегулированию имущественных прав супругов на имущество ЧУП не всегда абсолютно «гладко» помогают разрешить вопросы о его разделе супругами, особенно то, которое по своей природе относится к неделимому. Поэтому и решение судей по делам о разделе бизнеса супругов бывают весьма неоднозначными. При подготовке своего решения судьи в целом действуют в канве, заданной Пленумом Верховного суда Республики Беларусь № 5 от 22 июня 2000 г., который постановил, что «общей совместной собственностью супругов, подлежащей, является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст. 214, 219, 220, 221 ГК может быть объектом права собственности граждан независимо от того, на кого из супругов оно было приобретено или на кого внесены денежные средства, если Брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества» (п. 20) [11]. На наш взгляд данный пункт требует корректировки: «общей совместной собственностью супругов, подлежащей, является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, за исключением имущества, приобретенного за средства, находящиеся в собственности одного из супругов, которое в силу ст. 214, 219, 220, 221 ГК может быть объектом права собственности граждан независимо от того, на кого из супругов оно было приобретено или на кого внесены денежные средства, если Брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества».

Литература

1. О нормативных правовых актах [электронный ресурс]: закон Республики Беларусь 17 июля 2018 г. № 130-3: принят Палатой представителей 27 июня 2018 г.: одобр. Советом Респ. 29 июня 2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
2. Семейный кодекс Российской Федерации [электронный ресурс]: 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. URL: <http://www.semkod.ru/#skrf> (дата доступа: 01.04.2021).
3. Семейный кодекс Украины [электронный ресурс]. URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/semeyniy-kodeks/> (дата доступа: 03.04.2021).
4. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» [электронный ресурс]: 26 дек. 2011 г. (с изм. и доп. по сост. на 01.04.2019) //

- Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31102748#pos=3;-227 (дата доступа: 05.04.2021).
5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [электронный ресурс]. URL: <http://belstat.gov.by/> (дата доступа: 29.05.2021).
 6. Белорусская нотариальная палата [электронный ресурс]. URL: <https://belnotary.by/> (дата доступа: 29.05.2021).
 7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-3: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. от 09.01.2021 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
 8. Архив суда Минского района Минской области за 2013 г. Дело № 2-125-13.
 9. Кодекс о браке и семье [электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 278-3: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
 10. Архив суда Фрунзенского р-на г. Минска за 2012 г. Дело № 44-224.
 11. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 22 июня 2000 г., № 5: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 27.09.2018, № 5 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л. В. Саенко

Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове
доцент кафедры гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент
saenko7@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты правового регулирования семейных отношений на постсоветском пространстве. Автор предлагает собственное видение периодизации зарождения и развития семейно-правового пространства. Дается краткая характеристика каждого периода.

Ключевые слова: эволюция семейного законодательства, правовое пространство.

Abstract. The article deals with the historical aspects of the legal regulation of family relations in the post-Soviet space. The author offers his own vision of the periodization of the origin and development of the family legal space. A brief description of each period is given.

Key words: evolution of family legislation, legal space.

Проблема исторического контекста построения правового пространства в сфере регулирования семейных отношений имеет особое значение для осмысления его современного состояния. Предметом данной работы является анализ эволюционных процессов основных институтов семейного законодательства на постсоветском пространстве, их периодизация.

Социально-историческая сущность функционирования семейно-правовых отношений на постсоветском пространстве заключается в исторической преемственности поколений. Поэтому представляется необходимым учитывать так называемые традиционные, а также религиозные и общие культурные особенности в правовых системах независимых государств на постсоветском пространстве, при сохранении исторически сложившегося тождества элементов правоотношений, их однородности. По этой причине нельзя обойти вниманием проблему генезиса и эволюции правового регулирования семейных отношений в правовом пространстве в различные исторические периоды.

В свое время Ш. Монтескье точно заметил, что «мудрость состоит в том, чтобы определить, когда необходимы различия, а когда единство» [4, с. 537]. История становления и развития семейно-правых отношений на постсоветском пространстве позволяет проиллюстрировать эту максиму. Несомненно, обращение к прошлому зависит от перемен нашего времени. Представляется, что осмысление генезиса поставленной проблемы, а также ее анализ в ретроспективном плане, не только помогут разработать действенный механизм обеспечения единства такого правового пространства в условиях современного регулирования семейных отношений, но и, что самое главное, смогут предостеречь от совершения тех ошибок, которые имели место в недалеком, с исторической точки зрения, прошлом.

В качестве основной идеи мы видим структурирование материала таким образом, чтобы четко проследить мысль о том, что именно было характерно для правового регулирования семейных отношений в определенный исторический период и что необходимо из этого исторического опыта учитывать. Для чего используем авторское определение «семейно-правовое пространство».

В связи с проводимым исследованием, представляет интерес монография Н. С. Нижник, в которой она определила временные (исторические) периоды развития правового регулирования семейно-брачных отношений в русской истории [6]. Используя разработанную периодизацию, представляется возможным определить основные периоды генезиса семейно-правового пространства, учитывая при этом институциональные особенности современного семейного права в различные периоды развития семейного права и семейного законодательства на территориях бывших союзных республик, ныне независимых государств.

Рассуждения о зарождении и развитии основных институтов семейного права следует, на наш взгляд, начать с первого периода, обозначенного нами как период генезиса (до 1917 г.). Историческая и правовая наука располагает достаточно обширной информацией о характере становления семейных правоотношений в истории развития общества. Однако фундаментальных исследований на предмет формирования правового пространства в семейно-брачной сфере до настоящего времени не проводилось. Семейные правоотношения стали объектом внимания правоведов лишь в середине XIX в. Самыми ранними историческими источниками исследования служили древнерусские летописи и литературные произведения — первые источники права.

Вероятно, проблема реконструкции начальной организации человечества всегда являлась наиболее интересным и трудным аспектом древнейшей истории. Огромную роль в решении этой проблемы сыграл труд Л. Г. Моргана «Древнее общество», в котором в качестве объекта исследования использовались примитивные системы родства. Пожалуй, данный исторический период можно считать за отправ-

ную точку, начальную стадию становления (возникновения) семейно-правового пространства. С переходом от первобытнообщинного строя к феодализму произошло преобразование и структуры самой семьи, которое мы проанализируем на примере становления и развития семейно-брачных правоотношений. Этим фактором ознаменован выделенный нами первый период генезиса семейно-правового пространства.

Особый интерес представляет анализ развития законодательной преемственности в сфере развития семейно-брачных отношений в Древнерусском и Российском государстве, с точки зрения заполнения семейно-правового пространства, а также как позитивный, так и негативный опыт прошлых поколений и, соответственно, дальнейшее развитие семейно-правового пространства в территориальных пределах современной России. А. М. Нечаева в связи с этим справедливо считала, что в понимании смысла российского семейного законодательства его история занимает особое место [5].

Первый институт, с которого стоит начать исследование — это, конечно же, самый распространенный юридический факт, лежащий в основании создания семьи — институт брака. Так, например, исторически доказанным фактом является следующий: уже в языческую эпоху наши предки, восточные славяне знали брак, т. е. союз с целью сожительства мужчины и женщины, который основывался на взаимном согласии и был заключен в установленную форму. Понятие брака в отечественном правоведении издревле несет в себе правовое начало. Традиция связывать брак с соблюдением определенной процедуры его оформления, характерная для российского права, восходит, как это принято считать, к праву Византии.

Вытеснение византийским «писаным» правом (или законодательством) обычного семейного права происходило медленно. Ту же тенденцию можно отметить и в направлении заполнения семейно-правового пространства, т. е. отметить факт вытеснения норм обычного права нормами права церковного. В первую очередь, эта тенденция коснулась именно правового регулирования семейных отношений, которые претерпевают в этот исторический период глобальные изменения. В своих работах известные историки права, такие как

М. Ф. Владимирский-Буданов, Д. Азаревич, И. С. Бердников, А. С. Павлов, М. И. Горчаков, Н. К. Суворов, В. И. Сергеевич и др., рассматривали какое важное влияние оказывало писаное право Византии на церковное и светское семейное право.

Так, постепенно стало складываться брачное законодательство, включавшее в себя и ритуалы проведения свадеб. Тогда же стали изменяться представления о порядке заключения брака. Одним словом, налицо рецепция нашим правом брачно-семейного законодательства Византии, которое в свою очередь было основано исключительно на канонических представлениях о природе брака. Ряд ученых полагают, что в последующем семейно-брачные отношения регулировались «Номоканоном» — собранием византийского семейного права, который в свою очередь «разбавлялся» постановлениями русских князей. Такой вот чисто русский перевод «Номоканона» со всеми указанными дополнениями стал именоваться Кормчей книгой.

В то же время существовали и различные формы брака. Так, средневековые источники сообщают о многоженстве, издревле известном у славян, реже — о многомужестве. В некоторых местах практиковался пробный брак, когда невеста переселялась к жениху, а свадьба откладывалась до рождения ребенка. Развод осуществлялся по обоюдному согласию супругов или по одностороннему требованию мужа. Впоследствии внутрисемейные отношения стали регулироваться «Домостроем» [3], составленным в XVI в. И «Стоглав», и «Домострой» закрепляли власть мужа над женой и отца над детьми. Семейное имущество подлежало сохранению и последующей передаче детям-наследникам. Анализируя отношения между родителями и детьми в данном историческом периоде, нельзя не отметить, что в славянских семьях семейные отношения выстраивались исключительно на признании родительской власти над своими детьми.

Сложившаяся еще в Киевской Руси патриархальная система семейных отношений сохранилась практически без изменений до начала XVIII в. К характерным особенностям данной системы семейных отношений можно отнести:

- абсолютное превосходство мужчин во всех сферах жизни над женщинами;
- власть и полный контроль над всеми домочадцами со стороны старшего мужчины;
- нерушимую иерархию в семейной жизни;
- превалирующее значение в регулировании отношений брачно-семейной сферы норм обычного права.

Преобразуясь в систему, обычное право, правила, сложившиеся в родовом обществе, существенно изменялись, пожалуй, наибольшим изменениям подвергалось регулирование семейных отношений. Вместе с тем сохранялись перешедшие из родового строя некоторые обычаи. Ряд памятников представляет собой записи обычного права отдельных племен — так называемые «варварские правды» (Салическая, Алемашская, Баварская, Саксонская, Русская правда). Некоторые законодательные акты, издававшиеся в период раннего феодализма и являвшиеся первоисточниками для заполнения семейно-правового пространства, также представляют собой своды обычного права. В записях и сводах содержались правила, общие для обычаев разных местностей. Отметим, что данный фактор можно рассматривать в качестве прообраза модельного законодательства. Вместе с тем в каждой местности имелись свои обычаи.

С централизацией государственной власти и созданием крупных государственных образований обычное право перестает действовать. В пределах, допускаемых государством, могут применяться лишь отдельные обычаи, если они не вступают в противоречие с законом. Возникает вопрос: что же было исторически предопределено в элементах семейно-правового пространства? Можно констатировать тесную взаимосвязь исторически сложившихся норм и норм национальных — они имеют единое начало, процесс их образования идет от общих исторических корней.

С точки зрения заполнения семейно-правового пространства, можно отметить, что в его пределах в данный исторический период времени:

- действуют нормы обычного права;
- сильно влияние норм церковного права;

- наблюдается их совместное сосуществование в пределах семейно-правового пространства.

Таким образом, на основании проведенного исторического анализа, возможно выделить два исторических периода зарождения и формирования семейно-правового пространства:

- первый период — генезис семейно-правового пространства, в данный исторический период господствует заполнение семейно-правового пространства исключительно обычаями и традициями;

- второй период — антология, в этот период семейно-правовое пространство заполнялось в основном нормами обычного права, при этом заметно возросло влияние норм церковного права и в дальнейшем, их превалирование.

Третий исторический период развития правового пространства в сфере регулирования семейных отношений период эволюции развития правового регулирования семейных отношений в эпоху Российской империи.

Начиная с этого времени семейно-брачные правоотношения на территории Империи на протяжении веков будут устанавливаться церковью. Однако в имперский период государство стало активно вторгаться в сферу регулирования семейных отношений. Как отмечает Н. С. Нижник, «XVIII — начало XX в. — новый этап в развитии семейного права, важнейшими чертами которого стали усиление роли светского законодательства и попытки устранения с его помощью пробелов в существующем каноническом праве» [7, с. 35]. Этим фактором можно подчеркнуть особенности наполнения и функционирования семейно-правового пространства этого исторического периода.

Начало новому периоду в развитии семейных правоотношений положили реформы Петра I, который издал ряд указов по семейным вопросам. В частности, во время его правления изменились нормы, относящиеся к заключению брака. Становится возможным вступать в брак православных христиан с представителями других конфессий лишь в 1721 г. Развод в период империи становится все менее свободным. В XVIII в. были приняты законы, устанавливающие основания для прекращения брака (политическая смерть или ссылка в вечную

каторгу) и для развода (пострижение супругов в монашество, безвестное отсутствие одного из супругов) и пр. В петровские времена постепенно смягчалась власть родителей над детьми. Кроме того, был подробно регламентирован институт опеки, известный на Руси с давних пор.

Таким образом, одной из характерных особенностей семейного законодательства XVIII в. было отсутствие его систематизации, которое сохранялось в условиях постоянного увеличения числа законодательных актов. Соответственно, в этом раскрывается и еще одна особенность заполнения семейно-правового пространства в тот период. Семейный союз данного периода времени подразумевал три рода правоотношений: 1) семейные отношения между супругами; 2) семейные отношения между родителями и детьми; 3) семейные отношения между опекунами и подопечными, — которые также пока не имели систематизированной формы. Отсюда можно сделать вывод о том, что при правовом регулировании эти виды отношений создавали три института семейного права: брак, союз родителей и детей, опеку. Соответствующей была и структура семейного законодательства.

В исследовании вопросов исторического развития семейно-правового пространства в данный временной период важную роль играет расширение географического пространства империи, значительное расширение ее сухопутных и морских границ за счет присоединения различных земель.

В первой половине XIX в. к Российской империи были присоединены новые районы, населенные представителями различных вероисповеданий, что в историческом контексте только подтверждает теснейшую взаимосвязь функционирования правового пространства с определенной территорией, в нашем случае государственных границ многонациональной и многоконфессиональной Российской империи.

Новый виток в развитии семейных правоотношений и демократизации семейного законодательства, а соответственно, и заполнения семейно-правового пространства, был сделан в эпоху Александра II, когда 19 апреля 1874 г. были изданы Правила, по которым старообрядцам-беспоповцам было разрешено регистрировать браки в полицейских участках [2].

Революционные события 1905–1906 гг. внесли коррективы в сферу межличностных, в том числе и семейных, правоотношений. Несмотря на неослабевающее влияние норм канонического права, все большую роль в данный период времени начинают приобретать гражданские формы правового регулирования семейно-брачных отношений. Вопрос введения в России гражданского брака и развода, что повлекло изменения в законодательном определении семейных правоотношений, являлся центральным в регулировании правом сложного круга взаимообусловленных связей государства, семьи и личности, являясь одним из важнейших критериев определения социального статуса гражданина.

Вывод, который можно сделать на основании вышеизложенного, сводится к следующему: третий период развития семейно-правового пространства ознаменован активным вторжением государства в сферу регулирования семейных отношений. Это означает, что в качестве основного «наполнителя» семейно-правового пространства начинает фигурировать установленная и санкционированная государством правовая норма, находящая свое воплощение вовне в семейном законодательстве того периода.

Следует также отметить, что именно в данные, выделенные нами периоды развития семейно-правового пространства, происходит наполнение его нормами международного права: во-первых, это рецепция норм византийского права, во-вторых, начало (зарождение) процесса имплементации норм международного права.

Следующий исторический период развития правового регулирования семейных отношений в правовом пространстве будет поименован нами как период исторического нивелирования. В этот исторический период действия семейного законодательства СССР и союзных республик, произошло явное уравнивание семейных правоотношений в правовом пространстве, были уничтожены практически все национальные особенности, различия в их правовом регулировании. В науке семейного права в этот период основное внимание также уделялось советскому восприятию правового положе-

ния лиц с семейными обязанностями, уравниванию положения субъектов семейно-правового регулирования.

Обращаясь к советскому периоду развития семейно-правового пространства, необходимо отметить, что в результате Октябрьского переворота произошел переход к принципиально новым общественным отношениям. Претерпело существеннейшие изменения и правовое регулирование семейных отношений, так как законодательство о браке и семье появилось у нового государства в числе самых первых документов.

ВЦИК и СНК РСФСР своим одним из первых Декретов «О гражданскомъ браке, о детяхъ и о веденіи книгъ актовъ состоянія», подписанным В. И. Лениным и Я. М. Свердловым, ввели на территории России гражданский брак (18 декабря 1917 г.), а 19 декабря 1917 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О расторженіи брака». Данным Декретом предусматривалась полная свобода развода. Развитие семейно-брачного законодательства продолжилось и в годы Гражданской войны. Так, 16 сентября 1918 г. ВЦИК принял Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Укажем, что кодекс явился не только результатом кодификации семейно-брачного права, но и первым советским кодексом. В 1926 г. был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке. Он ввел режим совместной собственности у супругов, норму, устанавливающую брачный возраст для мужчин и женщин в едином 18-летнем аспекте, восстановил институт усыновления и т. д.

Данный период истории развития советских семейных правоотношений характеризовался многоукладностью и разнообразием форм семейной жизни, т. е. происходила апробация и легализация различных форм семейных союзов, таких как гражданский брак, тройственные союзы, семьи-коммуны и т. д. Соответственно, столь же хаотично происходит в этот исторический период и наполнение семейно-правового пространства. В наличии как некоторые нормы канонического права, так и прямое вмешательство государства в семейные дела. Далее происходило постепенное «смягчение» семейных и внутрисемейных отношений, когда 30 июля 1969 г. был принят Кодекс о браке и семье РСФСР (далее — КоБС).

Следует отметить, что, за редчайшим исключением, практически все семейные кодексы республик в составе СССР копировали друг друга. Соответственно, можно сделать вывод о полной идентичности правового регулирования семейных отношений в правовом пространстве советского периода. Основы законодательства СССР о браке и семье действительно составляли базу для формирования в прямом соответствии с ними всех кодифицированных семейно-правовых актов республик с абсолютно идентичным правовым регулированием. Именно в этом и заключается нивелирование семейных отношений на всем постсоветском пространстве.

На основании проведенного историко-правового анализа предлагается авторская историческая периодизация создания и наполнения семейно-правового пространства сквозь призму истории правового регулирования семейных отношений:

- 1-й период — генезис;
- 2-й период — антология;
- 3-й период — эволюция;
- 4-й период — нивелирование;
- 5-й период — (современный) самостоятельное развитие семейного законодательства в правовом пространстве.

К основным тенденциям наполнения семейно-правового пространства в историческом контексте можно отнести отмеченные нами особенности правового регулирования семейных отношений в различные исторические периоды.

Охарактеризуем их кратко: итак, на самых ранних стадиях развития общества связь, проистекающая из кровного родства, все же уступила свое доминирующее положение так называемым территориальным связям (период зарождения правового пространства).

С введением христианства изменилось многое, но не все. Традиционной видится и специфика семейно-брачных отношений в Древнерусском и Московском государстве после принятия христианства. Процесс институционализации русского семейного права проходил, во-первых, посредством исторической трансформации древних обрядов в семейно-брачной сфере в правовой обычай и, во-вторых, посредством узаконения решений органов церковной власти, опиравшейся в своих

действиях на византийское брачное право. Так, можно констатировать произошедшую в тот период рецепцию брачно-семейного законодательства Византии, основанную на церковных канонах и идентичных же представлениях о браке. Исторически доказано, что христианство как религия имело постепенное распространение на Руси. Учитывая этот факт, можно констатировать, что и обычное семейное право вытеснялось византийским законодательством достаточно медленно.

Выводы по институтам семейного права нужны для уяснения отдельных правил (исторически устоявшихся) наполнения семейно-правового пространства в выделенные нами исторические временные периоды. Примеры правового регулирования семейных отношений в различные исторические периоды ярче иллюстрируют процесс наполнения семейно-правового пространства. Так, например, проблему прекращения брака можно назвать одной из центральных проблем в русском праве; не подлежали расширительному толкованию и те основания, которые приводили к недействительности брака. На протяжении веков Церковь отрицательно относилась к распаду брачных отношений и, соответственно, не хотела данную область семейного права хоть как-то усовершенствовать. Государство же, т. е. светское законодательство, в исключительность компетенции церковной власти не вмешивалось вплоть до окончания выделенного нами третьего исторического периода в истории наполнения семейно-правового пространства.

Нельзя не обратить внимание и на некоторые отличия в правовом регулировании семейных отношений на различных территориях Российской империи. Например, в Малороссии были свои правовые обычаи в брачно-семейной сфере [9]. Такие исторические факты могут считаться доказательством неоднородности процесса наполнения семейно-правового пространства в историческом контексте.

К законодательному регулированию семейных отношений, а значит, и факторам наполнения семейно-правового пространства, в историческом плане имеют прямое отношение и складывающиеся в данный период организационные (административные) отношения в семейно-правовой сфере.

Семья в эту историческую эпоху являлась не столько союзом мужа и жены, или родителей и детей, она представляла собой также союз всех имеющихся родственников и даже свойственников. Брак понимали как «состояние полной жизненной общности между супругами, пожизненную связь, основанную на божеском и человеческом праве» [8, с. 173]. Если вести речь о личных правах и обязанностях супругов, то они претерпевают в этот период империи весьма большие изменения и трансформации. А с восприятием европейских форм бытия жизнь семьи подверглась глобальной модификации. Изменилось, прежде всего, положение женщины в обществе [1].

Следует отметить, что до 1917 г. (первый и второй исторический периоды функционирования семейно-правового пространства) семейно-брачное законодательство не было светским, отношение законодателей к введению гражданского брака было негативным.

Реформы Петра I, по сути своей имеющие радикальный характер, особенно в сфере церковного управления, и предопределили в дальнейшем всю последующую историю семейного (брачного) права России. Следует констатировать, что до самого революционного переворота Россия так и не смогла создать единообразное для всех своих подданных законодательство о браке и семье.

Итак, на основании проведенного исторического анализа появления и функционирования семейно-правового пространства можно говорить об исторической преемственности и непрерывности исторического развития, формирования семейно-правового пространства. Кроме того, возможно констатировать, что семейно-правовое пространство не выступает как некая историческая данность. Свойства и характеристики семейно-правового пространства исторически изменялись. Так, в разные исторические периоды превалировали (имели первостепенное значение для регулирования семейных отношений) разные его составляющие (части структуры и элементы системы правового пространства): обычаи, нормы религии, правовые нормы семейного законодательства.

Вплоть до начала выделенного нами третьего периода исторического развития семейно-правового пространства можно наблюдать картину общего исторического прошлого в развитии правового регулирования семейных отношений. Конечно же, при одновременном выделении особенностей, нюансов (и даже некоторых различий) в развитии правового регулирования семейных отношений в территориальном масштабе постсоветского пространства, имеющем первичное отношение к формированию правового пространства на определенной территории; а также учитывая влияние религиозных норм на развитие семейно-брачных отношений, причем различных конфессий и в различные временные периоды.

Предложенное в результате исследования истории правового регулирования семейных отношений авторское видение периодизации формирования и функционирования семейно-правового пространства сводится к следующему:

1. Период зарождения (генезис) семейно-правового пространства — брачное право Древней Руси, его возникновение и дальнейшее развитие в условиях язычества.

2. Период эволюции — специфика семейно-брачных отношений в Древнерусском и Московском государстве после принятия христианства.

3. Семейно-брачное право Российской империи.

4. Период СССР — подчеркнуто однородное развитие правового регулирования семейных отношений во всех республиках (период нивелирования).

5. Современное состояние семейно-правового пространства.

В заключение отметим, что нельзя упускать и культурный аспект исторического развития правового пространства. Так, на заполнение семейно-правового пространства оказывают влияние и составляющие культурного развития. Как указывал Н. Трубецкой, история российских народов воплощается в культурном аспекте:

- антропологически (в крови метисов, «смеси племен»);
- этнографически (в скрещивающихся, взаимообогащенных языках);
- психологически (в сходном менталитете) [10].

На фоне происходящих сегодня на постсоветском пространстве геополитических событий такое толкование исторического контекста культурного развития народов, его населяющих представляется весьма актуальным.

Литература

1. Ворошилова С. В. Правовое положение женщин в России в XIX — начале XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 50–62.
2. Высочайше утвержденные Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников от 19 апреля 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XLIX. Отд. I. № 53391. 653 с.
3. Домострой. Л.: Лениздат, 1992. 144 с.
4. Монтескье Ш. Л. О духе законов // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М.: Мысль, 1970. 537 с.
5. Нечаева А. М. Семейное право: учеб. М.: Юрайт, 2010. С. 3.
6. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 199–203.
7. Нижник Н. С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России (IX–XX вв.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 57 с.
8. Сорокин П. Кризис современной семьи (социологический очерк) // Ежемесячный журнал. 1916. № 3. С. 173.
9. Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 2. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1848. 622 с.
10. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Мы и другие. М.: Изд. дом Аграф, 2007. 554 с.

РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Ю. Н. Таран

Уполномоченный по правам ребенка в Липецкой области,
кандидат педагогических наук, доцент
uppr48@yandex.ru

Аннотация. На протяжении последних лет в своей практике Уполномоченный по правам ребенка сталкивается с тем, что ребенок, втя-

нутый в конфликт между родителями, оказывается в так называемом конфликте лояльности, который предъявляет к нему слишком большие требования и наносит вред его психическому развитию. При этом сами родители не готовы признать факт того, что они своими действиями нарушают права и законные интересы своего ребенка. При рассмотрении обращений данной категории перед Уполномоченным по правам ребенка стоит задача не только защитить права и законные интересы ребенка, но и применить медиативные функции, восстановить детско-родительские отношения.

Ключевые слова: ребенок, конфликт, права, медиация, Уполномоченный по правам ребенка.

Abstract. Over the past years, in his practice, the Ombudsman for the Rights of the Child has faced the fact that a child, drawn into a conflict between parents, finds himself in a so-called conflict of loyalty, which makes too great demands on him and harms his mental development. At the same time, the parents themselves are not ready to admit the fact that by their actions they violate the rights and legitimate interests of their child. When considering appeals in this category, the Commissioner for the Rights of the Child is faced with the task of not only protecting the rights and legitimate interests of the child, but also using mediation functions to restore parent-child relations.

Key words: child, conflict, rights, mediation, Ombudsman for the rights of the child.

Семья — это особая социальная группа, в которой существуют определенные нормы и правила поведения ее членов, своя иерархия семейных ролей. Кроме того, являясь клеточкой социальной структуры общества, семья выступает регулятором отношений между людьми. Существующие в обществе социальные нормы и культурные образцы задают определенные эталоны представлений о том, каким должен быть муж или жена, отец или мать по отношению к детям [1].

Жизнь в семье невозможна без общения — между супругами, родителями и детьми. Общение в семье демонстрирует отношения членов семьи друг к другу и их взаимодействие, обмен информацией между ними, их духовный контакт. Более того, отношения в семье продолжают оказывать свое влияние, как на протяжении детства, так и в дальнейшей взрослой жизни человека. Содержательная и эмоциональная сторона этих отношений, их формы, функции могут меняться, однако их значимость остается постоянно высокой, даже для зрелой личности.

Однако общение в семье не бывает идеальным, партнеры по общению не могут всегда и во всем соглашаться друг с другом. Супружеские отношения неизбежно проходят через противоречия: ссоры, конфликты и разногласия и в некоторых случаях наступает момент расторжения брака.

Каким бы ни был брак родителей, дети всегда остро переживают их развод.

Разводы, к сожалению, случаются в наше время достаточно часто. По статистике, каждый седьмой ребенок сегодня воспитывается в неполной семье. В процессе расставания партнерам не всегда удается оставаться хладнокровными и спокойными. В момент стресса человек теряет способность адекватно мыслить и принимать верные решения. Переполненные негативными эмоциями супруги очень часто начинают «делить» ребенка или использовать его как «средство для психологической манипуляции». В результате чего появляются обращения к Уполномоченному по правам ребенка по вопросам защиты прав детей в рамках семейных правоотношений — определение места жительства, исполнение родительских обязанностей и др.

Права ребенка в случае развода родителей регулируются Семейным кодексом Российской Федерации. Защиту ребенка закон предусматривает еще на этапе принятия родителями решения о расторжении брака. Так, согласно ст. 21 Семейного кодекса Российской Федерации расторжение брака производится в судебном порядке при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей. Данная норма направлена на усложнение самой процедуры развода, в надежде, что родители пересмотрят свою нетерпимость и сохранят полноценный брак.

Российское законодательство предусматривает три основных права ребенка:

- Право на жилье. Место жительства детей при раздельном проживании родителей устанавливается соглашением родителей. При отсутствии соглашения спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. При этом суд учитывает привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка,

нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (род деятельности, режим работы родителей, материальное и семейное положение родителей и другое).

- **Право на общение.** Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию.

Дедушка, бабушка, братья, сестры и другие родственники имеют право на общение с ребенком.

- **Имущественные права.** Ребенок имеет право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи. Суммы, причитающиеся ребенку в качестве алиментов, пенсий, пособий, поступают в распоряжение родителей (лиц, их заменяющих) и расходуются ими на содержание, воспитание и образование ребенка. Ребенок имеет право собственности на доходы, полученные им, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка [2].

Согласно ст. 80 Семейного кодекса РФ, родители должны содержать своих несовершеннолетних детей даже в случае развода:

- размер и порядок выплаты алиментов определяется самими родителями путем составления соглашения о выплате алиментов (согласно главе 16 Семейного кодекса РФ);

- если родители избегают обязательств по содержанию своих несовершеннолетних детей, взыскание с них будет осуществляться в судебном порядке.

Анализ содержания обращений, поступивших в адрес Уполномоченного по правам ребенка в 2019 г. показал, что тема семейных правоотношений стоит на третьем месте по частоте поднимаемых вопросов. За последний год возросло количество обращений по оказанию помощи в разрешении семейных споров, связанных с реализацией порядка общения детей с отдельно проживающим родителем, бабушками, дедушками и иными родственниками. Изначальная мотива-

ция заявителей, обращающихся к Уполномоченному по правам ребенка, при разводе, определении места жительства детей и определения порядка общения в большинстве случаев далека от защиты прав детей. При этом конфликтные ситуации усугубляются взаимным нежеланием родителей и родственников выстраивать конструктивные взаимоотношения ради детей, наличием имущественных претензий. Даже принятое решение суда об определении места жительства ребенка или определения порядка общения порой не становится выходом из ситуации конфликта, а лишь усугубляет ее.

Современные условия развития общества в мире и в России требуют оперативного решения вопросов сохранения и укрепления семьи, защиты прав и законных интересов ребенка. В соответствии с Законом Липецкой области № 523-ОЗ от 18 августа 2011 г. «Об Уполномоченном по правам ребенка в Липецкой области» Уполномоченный по правам ребенка принимает в пределах своей компетенции меры к урегулированию споров между детьми, с одной стороны, и их законными представителями, с другой стороны, между законными представителями ребенка [3].

На протяжении последних пяти лет в своей практике Уполномоченный по правам ребенка сталкивается с тем, что ребенок, втянутый в конфликт между родителями, оказывается в так называемом конфликте лояльности, который предъявляет к нему слишком большие требования и наносит вред его психическому развитию. При этом сами родители не готовы признать факт того, что они своими действиями нарушают права и законные интересы своего ребенка. В данном случае перед Уполномоченным по правам ребенка встает задача не только защитить права и законные интересы ребенка, но и восстановления детско-родительских отношений.

При рассмотрении обращений данной категории Уполномоченный по правам ребенка фактически осуществляет медиативные функции, но вставая на защиту прав и законных интересов конкретного ребенка. Правовая трактовка института медиации устанавливается Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре меди-

ации)», в соответствии с которым медиация — это альтернативная процедура урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица. Сам медиатор является независимым физическим лицом, привлекаемым сторонами спора в качестве посредника и действующим как на непрофессиональной, так и профессиональной основе [4]. Причем, в соответствии с действующим законодательством медиатор, действующий на профессиональной основе, должен иметь соответствующую подготовку, а его деятельность должна быть сертифицирована.

В данном случае на Уполномоченного по правам ребенка возлагается обязанность пройти специальную подготовку. В тоже время нормы действующего законодательства не запрещают Уполномоченному по правам ребенка привлекать для разрешения семейных конфликтов в интересах ребенка психологов и профессиональных медиаторов, что позволяет разрешить внутрисемейный конфликт, а также предупредить нанесение вреда психическому развитию ребенка.

Необходимо отметить, что 60 % обращений данной категории удастся разрешить, защитив права и законные интересы ребенка. И только в случае 40 % обращения не удастся примирить стороны, так как семейный конфликт носит длительный характер. Анализируя подобные обращения, очевидно, что при разводе, отсутствии взаимопонимания между родителями и детьми, зачастую люди остаются наедине с этими проблемами и решают их в меру своего жизненного опыта. В российских семьях по большому счету не сформирована потребность в обращении к специалистам, когда в семье возникают межличностные проблемы в отношениях с детьми или между супругами. Семейные психологи и службы медиации привлекаются к разрешению проблем достаточно редко, отсутствует культура обращения за правовой помощью в сложных семейных ситуациях.

Действующее региональное законодательство не позволяет Уполномоченному по правам ребенка участвовать в судебных процессах при рассмотрении гражданских дел, в том числе, по спорам, связанным с определением порядка общения с ребенком или определении места его проживания.

В то же время, Уполномоченный по правам ребенка в Липецкой области вошел в состав Координационного совета по развитию дружественного к ребенку правосудия, созданного при Липецком областном суде, что позволило вносить предложения по совершенствованию судебной практики, ориентированной на помощь ребенку, сохранение и поддержку семьи, восстановление внутрисемейных отношений. Данная практика призвана открыть новые возможности для диалога между теоретиками и практиками «детского вопроса», позволила всем обмениваться идеями, искать и находить решения для многих проблем.

Необходимо отметить, что деятельность Уполномоченного по правам ребенка только дополняет существующие формы и средства защиты прав, свобод и законных интересов ребенка, что позволяет на различных уровнях проводить ряд мероприятий, направленных на привлечение внимания всех заинтересованных структур и ведомств к данной проблеме. В целях сохранения семьи и предотвращения разводов важно создавать и расширять систему подготовки молодежи к браку, развивать адресную социально-психологическую помощь семье в кризисной ситуации, в том числе проводить обучение семейных пар взаимопониманию, преодолению конфликтных и кризисных ситуаций, совершенствованию культуры семейных отношений, пропагандировать положительный семейный опыт.

Литература

1. Абраменкова В. В. Генезис отношений ребенка в социальной психологии детства: дис. д-ра психол. наук. М., 2000. 420 с.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 08.02.1995. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.07.2020).
3. Об Уполномоченном по правам ребенка в Липецкой области: закон Липецкой области от 18.08.2011 № 523-ОЗ (ред. от 13.11.2019) [электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.07.2020).
4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) [электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.07.2020).

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Е. В. Токарева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права,
кандидат юридических наук
e.v.tokareva@edu.nsuem.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные процессуальные особенности рассмотрения дел, вытекающих из семейных правоотношений. На основе анализа судебной практики автор приходит к выводу о том, что несмотря на довольно детальное исследование на теоретическом уровне процессуальных особенностей рассмотрения данных категории гражданских дел, отдельные вопросы до сих пор остаются дискуссионными. Наибольшую сложность на практике вызывают вопросы, связанные с определением круга лиц, участвующих в данных делах для защиты своих прав и охраняемых законом интересов, особенностях доказывания по данным категориям дел, определения состава общего имущества супругов, приобретенного одним из них при осуществлении предпринимательской деятельности, раздел имущества при наличии соглашения о разделе. В статье подробно рассмотрены вопросы о разграничении родовой и территориальной подсудности дел о расторжении брака между мировыми судьями и районными судами и об определении территориальной подсудности по спорам о разделе недвижимого имущества между супругами.

Ключевые слова: семейные правоотношений, гражданский процесс, подсудность, мировые суды, суды общей юрисдикции.

Abstract. The article deals with certain procedural features of the consideration of cases arising from family legal relations. Based on the analysis of judicial practice, the author comes to the conclusion that despite a fairly detailed study at the theoretical level of the procedural features of the consideration of these categories of civil cases, certain issues are still debatable. The greatest difficulty in practice is caused by issues related to determining the circle of persons involved in these cases to protect their rights and legally protected interests, the specifics of proving these categories of cases, determining the composition of the common property of the spouses acquired by one of them in the course of business activities, the division of property in the presence of a division agreement. The article deals in detail with the issues of distinguishing the generic and territorial jurisdiction of cases of divorce between justices of the peace and district courts and determining the territorial jurisdiction in disputes over the division of real estate between spouses.

Key words: family legal relations, civil procedure, jurisdiction, magistrates' courts, courts of general jurisdiction.

Исследование проблем, возникающих в области семейных правоотношений, а также способов их охраны и защиты всегда было и остается в центре внимания ученых — правоведов. Особый интерес среди исследователей вызывает изучение процессуальных особенностей рассмотрения дел, возникающих из семейных правоотношений [1], поскольку их количество постепенно увеличивается, а специфика становится все разнообразнее. Так, усложняющаяся специфика возникающих в данном спектре правоотношений, вызывает появление новых категорий дел, отличающихся особенностями процессуальной процедуры их рассмотрения и разрешения, что обуславливает и появление новых исследований в этой области. В последнее время ряд исследований посвящен практике применения законодательства, регулирующего вспомогательные методы репродукции человека и анализа структуры судебных дел, связанных с данными правоотношениями [2], что только подтверждает актуальность данных вопросов.

По общему правилу, большинство дел, возникающих из семейных правоотношений, рассматриваются по правилам искового производства, отдельные категории дел (о взыскании алиментов) — в рамках приказного производства, установление определенных юридических фактов (признания отцовства, установления отцовства) — в порядке особого производства.

Несмотря на довольно детальное исследование на теоретическом уровне процессуальных особенностей рассмотрения данных категории гражданских дел, отдельные вопросы до сих пор остаются дискуссионными. Наибольшую сложность на практике вызывают вопросы, связанные с определением круга лиц, участвующих в данных делах для защиты своих прав и охраняемых законом интересов, особенностях доказывания по данным категориям дел, определения состава общего имущества супругов, приобретенного одним из них при осуществлении предпринимательской деятельности, раздел имущества при наличии соглашения о разделе. В рамках данной статьи хотелось бы затронуть вопросы о разграниче-

нии родовой и территориальной подсудности дел о расторжении брака между мировыми судьями и районными судами и об определении территориальной подсудности по спорам о разделе недвижимого имущества между супругами.

Часть 1 ст. 47 Конституции РФ устанавливает правило, согласно которому, никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно указывал, что «несоблюдение установленной федеральным законодателем подсудности дел нарушает конституционное предписание о законном суде, а через это — и само право на судебную защиту; рассмотрение дела вопреки правилам о подсудности не отвечает требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение данного конкретного дела, по смыслу ст. 46 и 47 Конституции Российской Федерации, не является законным судом, принятые же в результате такого рассмотрения судебные акты не могут признаваться реально обеспечивающими права и свободы» [3].

Общее правило родовой подсудности заключается в том, что большинство гражданских дел рассматривается и разрешается мировыми судьями, районными судами, за исключением дел, отнесенных различными законодательными актами к подсудности судов субъектов РФ [4, с. 117]. Положениями Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 23 ГПК РФ были внесены существенные изменения, касающиеся родовой подсудности гражданских дел мировым судьям. Так, мировой судья в настоящее время, вправе рассматривать дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях, и о разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей 50 000 руб. Иных дел, возникающих из семейных правоотношений, после внесения указанных изменений законом 451-ФЗ, мировой судья рассматривать не сможет.

Смеем предположить, что, принимая решение об исключении из подсудности мировых судей иных дел, которые возникают из семейно-правовых отношений, законодатель

преследовал несколько целей. Во-первых, до внесения указанных изменений, судебная практика по вопросу отнесения иных, возникающих из семейно-правовых отношений дел, за исключением дел об оспаривании отцовства (материнства), об установлении отцовства, о лишении родительских прав, об ограничении родительских прав, об усыновлении (удочерении) ребенка, других дел по спорам о детях и дел о признании брака недействительным, складывалась неоднородно, и на теоретическом уровне не раз отмечалось, что «мировому судье необходимо знать признаки подсудных ему дел, а процессуальному законодательству необходим легальный критерий для распределения дел по правилам родовой подсудности» [5, с. 15–18]. Мировые судьи, при отсутствии конкретного перечня дел, руководствуясь лишь методом исключения из оставшейся части семейных споров, принимали к своему рассмотрению дела, которые по логике законодателя относились к компетенции районных судов [6]. Попытки внести ясность в данном вопросе принимались высшими судебными инстанциями. Так, Верховный суд РФ в своем Постановлении Пленума от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [7] попытался провести границу между подсудностью мировых судей и районных судов, но все же правовая неопределенность сохранялась. Во-вторых, с момента принятия действующего ГПК РФ, в определении вопроса о подсудности дел о разделе совместно нажитого имущества, законодателем постепенно снижался порог цены иска (начиная с его установления «независимо от цены иска», заканчивая ценой иска, «не превышающей пятидесяти тысяч рублей»), что можно было объяснить только загруженностью мировой юстиции как звена судебной системы [8, с. 57–59], о чем свидетельствует и судебная статистика [9]. Оценивая подобные законодательные изменения, хочется заметить, что именно такая категория дел, как дела, возникающие из семейных правоотношений, как никакая другая связана с возможностью примирения участников данных правоотношений. И именно мировой судья, который по изначальной задумке законодателя ближе должен быть ближе к населению за счет примирения

тельного правосудия, является наиболее приемлемым звеном для рассмотрения подобных споров. И возможно именно на данной категории дел можно было использовать медиативные (примирительные) процедуры, которые, несмотря на огромный к ним интерес, к сожалению, пока не востребованы в практике судов общей юрисдикции.

В рамках дел, возникающих из семейных правоотношений, возникают еще и вопросы, связанные с правильным определением территориальной подсудности в рамках о разделе совместно нажитого имущества супругов, в том числе недвижимого (тем более, если такое недвижимое имущество находится за пределами Российской Федерации). Практика решения данного вопроса судами общей юрисдикции до определенного времени была достаточно противоречива. Так, одни суды принимали иски к производству с соблюдением общего территориального правила подсудности, установленного ст. 28 ГПК РФ, другие рассматривали заявленные требования по правилам исключительной подсудности, установленным ст. 30 ГПК РФ. Некоторые суды исходили из того, что данные требования не подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции Российской Федерации, а могут быть рассмотрены компетентными судами иностранных государств по месту нахождения имущества. Такая ситуация приводила к рассмотрению различными судами дел о разделе имущества одних и тех же супругов, что нарушало единообразие в формировании судебной практики.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ в ряде своих Определений внесла уточнения по данному вопросу. Так, в Определении от 04 декабря 2018 года № 78-КГ18-67 ВС РФ была высказана позиция, согласно которой дела о разделе имущества супругов, в том числе, если заявлены требования о разделе недвижимого имущества, рассматриваются с соблюдением общего правила подсудности. Относительно раздела между супругами недвижимого имущества, находящегося за рубежом, ВС РФ отменил ряд судебных постановлений нижестоящих судов, предполагающих возможность рассмотрения таких споров компетентных судом иностранного государства,

обосновав необходимость рассмотрения подобных исков российскими судами [10].

Полагаем, что окончательная оценка внесенных законодателем изменений в правовые нормы, регламентирующие вопросы разграничений родовой подсудности может быть дана в ближайшее время на основе анализа судебной статистики, однако, в целях обеспечения правильного и единообразного разрешения дел данной категории назрела необходимость в появлении нового постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Литература

1. Цуканова В. И. При дополнении оснований лишения родительских прав процессуальные правила не изменились // Судья. 2017. № 6. С. 31–34; Рудьман Д. С. О некоторых аспектах определения судом места жительства ребенка при раздельном проживании родителей // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 19–22; Якушев П. А. Доказывание в спорах о детях: некоторые теоретические, практические и ценностные вопросы // Вестн. гражданского процесса. 2019. № 1. С. 438–447; Тарусина Н. Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестн. гражданского процесса. 2019. № 1. С. 254–273 и др.
2. Боннер А. Т. Законодательство об искусственном оплодотворении и практика его применения судами нуждаются в усовершенствовании // Закон. 2015. № 7; Он же. Искусственное оплодотворение: достижения и просчеты современной медицины и человеческие драмы // Закон. 2015. № 8. С. 164–183; № 9. С. 168–187; Боннер А. Т. Искусственное оплодотворение: достижения и просчеты современной медицины и человеческие драмы; Черных И. И. Особенности рассмотрения в суде дел об оспаривании отцовства (материнства) в правоотношениях суррогатного материнства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 67–76.
3. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 г. № 9-П; от 21 января 2010 г. № 1-П; от 17 октября 2017 г. № 24-П; Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 262-О, от 15 января 2009 г. № 144-О-П // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский процесс: учеб. / под ред. М. К. Треушникова. М., 2018. С. 117.
5. Михайлова Е. В. К вопросу о характере гражданских дел, подсудных мировому судье // Мировой судья. 2012. № 2. С. 15–18.
6. См., например: решение Сусуманского районного суда Магаданской области от 15 августа 2011 г. URL: <http://actoscope.com/dvfo/magadanobl/susumansky-mag/gr/1/o-vzyskanii-neustoyki-zanesvo29112011-3707399>; Обзор кассационной и надзорной практики Пермского краевого суда по гражданским делам за второе полуго-

- дие 2010 г. (утв. 04.03.2011); Обзор Красноярского краевого суда от 5 мая 2008 г.; Обзор практики рассмотрения гражданских дел мировыми судьями Калининградской области и судами апелляционной инстанции за II полугодие 2011 г.; Определение Приморского краевого суда от 19 января 2012 г. по делу № 33-117 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Московского городского суда от 25 марта 2011 г. № 4г/9-442 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Московского городского суда от 12 августа 2011 г. по делу № 33-22277; Определение Московского областного суда от 12 января 2012 г. по делу № 33-71/2012, 33-27230/201; Постановление Президиума Верховного Суда Удмуртской Республики от 26 марта 2010 г. по делу № 44-г-7; Постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 28 июня 2006 г. № 44г-363/06 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».
 8. Макарова Т. В. Родовая подсудность гражданских дел мировому судье // Отечественная юриспруденция. № 4 (18). 2017. С. 57–59.
 9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году [электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F3-svod-vse-sudy-2020.xls (дата обращения: 11.06.2021).
 10. Определение ВС РФ от 04.12.2018 № 78-КГ18-67. // СПС «КонсультантПлюс»; Определение ВС РФ от 18.09.2018 № 4-КГ18-76.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ РОДИТЕЛЯМИ ПРОЖИВАЮЩИМИ РАЗДЕЛЬНО

М. В. Ульянова

Российский государственный университет правосудия
доцент кафедры гражданского права,
кандидат юридических наук
maryulianova14@gmail.com

Аннотация. Родители обладают равными правами и обязанностями, что является условием законности и гарантированности осуществления прав и исполнения обязанностей, в то время как раздельное проживание изменяет правомочия родителей, влияет на возможность осуществление субъективных прав и исполнение обязанностей.

Ключевые слова: осуществление прав и исполнение обязанностей, права родителя, проживающего совместно с ребенком, права и обязанности отдельно проживающего родителя.

Abstract. Parents have equal rights and obligations, which is a condition for the legality and guarantee of the exercise of rights and fulfillment of duties, while separation changes the powers of parents, affects the possibility of exercising subjective rights and obligations. Purpose: to identify the content of the subjective right of a separately living parent and the corresponding responsibility. Determine how to exercise this right and the limits. Methodological basis: analysis and synthesis, induction and deduction, argumentation, generalization, historical, comparative legal analysis. Results: the author highlighted the powers of a separately living parent necessary for the exercise of parental rights and the performance of duties. Conclusions: Proposals have been made for the development of Russian legislation in terms of the exercise of rights by a separately residing parent and the performance of his duties, the authorization has been detailed.

Key words: exercise of rights and fulfillment of duties, rights of a parent living with a child, rights and obligations of a separate parent.

Современные проблемы семейного права обусловлены рядом причин, которые имеют как социально-психологический характер, так и потребность в осознании содержания прав, их осуществления и пределов осуществления такими участниками семейных отношений как родители, проживающие раздельно. Одной из сложнейших тем с позиции права является осуществление прав и исполнение обязанностей отдельно проживающим родителем, на исследование которой обращается внимание в науке [1].

Семейное право РФ основано на принципе равенства прав. «Равенство прав супругов» закреплено в п. 3 ст. 1 СК. «Принцип равенства супругов», предусмотренный в п. 2 ст. 31 СК РФ подразумевает юридическое равенство. Принцип равенства прав супругов выражается не только в отдельных нормах, но и «представлен целыми институтами. Таков, например, «институт личных прав и обязанностей супругов». Н. С. Шерстнева справедливо обращает внимание на различие формулировок, так в п. 1 ст. 1 СК РФ закреплено «равенство прав супругов», а в п. 2 ст. 31 СК РФ «равенство супругов в семье, без указания на «права» [2, с. 101–102]. Автор полагает, что нет полного тождества между равенством прав и равенством супругов. В Конституции РФ записано, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека (ст. 19). Таким образом, законодатель закрепляет юридическое (правовое) и фактическое равенство супругов в семье. Проявляется оно в признании за супругами

равной способности иметь права и нести равные права и обязанности (ст. 31 СК РФ), в том числе в отношении детей (п. 1 ст. 61 СК).

Однако не все родители являются супругами, поэтому важно исследовать не только права супругов, но в большей степени обратить внимание на специальный институт, посвященный родительским правам и обязанностям. «Забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей», закреплено в п. 2 ст. 38 Конституции РФ. «Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей», что закреплено в ст. 61 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ), что так же свидетельствует о семейно-правовой родительской дееспособности.

В ст. 18 Конвенции о правах ребенка также закреплено, что «государства — участники предпринимают все возможные усилия к тому, чтобы обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка». Таким образом, нормы Семейного кодекса РФ соответствуют тем обязательствам, которые приняты государством. В ряде норм, закрепляется способность иметь права и нести семейные обязанности.

Учитывая, что семейное правоотношение является сложным, осуществить родительские обязанности, родителю проживающему отдельно, можно при надлежащем исполнении обязанностей вторым родителем, который проживает с ребенком. При анализе содержания и пределов осуществления родительских прав родителей, проживающих раздельно, важно определить содержание права, выделить в нем правомочий.

Декретами 18–19 декабря 1917 г. впервые закреплялось равноправие мужчины и женщины при вступлении в брак, во время брака и при расторжении брака. Этот подход был отражен в дальнейших кодифицированных актах, что явно отражено в литературе советского периода» [3, с. 17; 4, с. 16]. Проблеме осуществление прав и исполнения обязанностей отдельно проживающего родителя не уделялось внимание. Далее с принятием Семейного кодекса РФ, авторы обращают внимание на эту проблему, однако исследуют ее с позиции

«чувств и эмоций родителей и детей». М. В. Антокольская отмечает, что «второй родитель при этом сохраняет практически все свои полномочия». «Если совместно проживающий родитель активно препятствует, его (прим автора- имеется ввиду отдельно проживающий родитель) права остаются только на бумаге» [5, с. 272].

Современная действительность такова, что требования, предъявляемые в суд, об определении места жительства ребенка и определении порядка общения с отдельно проживающим родителем не уменьшаются. Поэтому решение этого вопроса является насущной проблемой. Условием законности и гарантированности реализации прав и исполнения обязанностей является юридическое равенство участников правоотношений. Современный этап развития науки, явно показывает, что возможно отступление от принципа юридического равенства, и это предусмотрено в тех случаях, когда «одна из сторон правоотношения является заведомо слабой в материальном, организационном или ином правоотношении и нуждается в специальной правовой защите» [6, с. 309, 310].

Проблемой современного общества является раздельное проживание родителей, при котором остро встает вопрос осуществление прав ребенка на воспитание своими родителями и заботу своих родителей, и корреспондирующее право и обязанность родителей по воспитанию, содержанию, заботе о ребенке.

Сторона может являться слабой в силу различных обстоятельств материальных, организационных (что характерно для гражданских отношений) или состояния здоровья, возраста, ментальных способностей, что характерно для семейных отношений. Так, физическое, имущественное состояние женщины после родов и в период ухаживания за младенцем ставит ее в неравное положение относительно других участников семейных отношений (например, супруга); тоже относится к членам семьи, находящимся в состоянии нуждаемости и нетрудоспособности, в результате чего в семейном праве таким лицам «обеспечена приоритетная защита прав и интересов» (п. 3 ст. 1 СК РФ, ст. 17 СК, абз. 2 п. 1 ст. 66, пп. 2,3 п. 2 ст. 89 СК РФ).

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 66 СК РФ, родитель, проживающий совместно с ребенком, «не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем». Однако очевидно, что обязанность «не препятствовать», не значит содействовать, не равна действию, т. е. речь идет о бездействии. Такая формулировка законодателя не делает обременительным положение родителя, проживающего с ребенком, и не обязывает его к оказанию помощи, содействия для осуществления действий, направленных на реализацию прав по воспитанию и заботе отдельно проживающему родителю. Как описывает Е. М. Ворожейкин, в отношении личных прав «обязанностью другого является воздержание от действий, препятствующих реализации этих прав». И, как верно отмечает автор, некоторые семейные права могут быть реализованы «только путем действий». Е. М. Ворожейкин абсолютно справедливо пишет, что именно это отличает семейное право от любой иной отрасли и гражданского права, «необходимо активное и систематическое совершение целой совокупности действий» [4, с. 304]. В данных обстоятельствах — такими действиями могут быть следующие: собрать (одеть) ребенка, разъяснить ему, передать его отдельно проживающему родителю, возможно в месте жительства ребенка, и встретить по возвращении. Описанные действия не являются юридически значимыми, но значима их совокупность. Так, в отношении 15-ти летнего ребенка, который может самостоятельно договориться о встрече, собраться и общаться с отдельно проживающим родителем, с учетом его возможности, такой ребенок реализует свое право. Однако, малолетний ребенок, таких действий совершить в отношении себя самостоятельно не может без помощи взрослого. Поэтому при исполнении судебного решения можно услышать ссылки на плохую погоду, не желание ребенка и прочее [7]. Взаимопомощь в ст. 1 СК РФ предусмотрена, но детализации этого основного начала семейного права в нормах, регулирующих отношения между раздельно проживающими родителями, не происходит. Полагаю, что и проблему споров о незаконном перемещения детей следует рассматривать посредством детализации правомочий раздельно проживающих родителей, при сохранении их равенства перед законом.

Таким образом, бездействие родителя, проживающего с ребенком, не направлено на осуществление семейных прав ребенка относительно родителя проживающего отдельно. Родительские права и обязанности, отдельно проживающих родителей «распадаются», состоят из ряда правомочий, в некоторых обстоятельствах, осуществление семейных прав ребенка и отдельно проживающего родителя гарантировано действиями родителя, проживающего совместно с ребенком.

Важным моментом свидетельствующем о наличии различия в субъективных правах является норма, закрепленная в п. 1 ст. 66 СК РФ и п. 4 ст. 66 СК РФ [8, с. 158]. Так п. 1 ст. 66 СК РФ наделяет отдельно проживающего родителя правом «на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения образования». Однако в п. 4 этой же статьи закреплено, что отдельно проживающий родитель имеет право на получение информации о своем ребенке из ... медицинских организаций..., но о принятии решений относительно получения медицинских услуг не указано. Логично заключить, что ввиду срочности или незамедлительности принятия решений о медицинском вмешательстве, связанном с жизнью и здоровьем ребенка, право отдельно проживающего родителя не предусмотрено отдельно, а, соответственно, потребность в его согласии не указана законодателем. Следует отметить, что такой вопрос может возникнуть во время их общения. Так, в суд был предъявлен иск о взыскании дополнительных расходов на лечение ребенка. Родитель, проживающий совместно с ребенком, для сохранения ребенку уровня жизни, взяла кредит и оплатила операцию — установку необходимого для жизнедеятельности организма ребенка оборудования, не дожидаясь проведения операции в плановом порядке по очередности в рамках обязательного медицинского страхования. Впоследствии за взысканием части расходов обратилась к отдельно проживающему родителю, он с требованием был не согласен, пояснял тем, что можно было дождаться проведения медицинского вмешательства в рамках обязательного медицинского страхования (т. е. за счет средств медицинского страхования), и каждый день вводить ребенку поддерживающие препараты.

Таким образом, полагаю, что помимо основного начала семейного законодательства о взаимопомощи членов семьи, для осуществления отдельно проживающим родителем его прав и исполнения им своих обязанностей, следует рассмотреть потребность внесения в действующий Семейный кодекс РФ дополнения в п. 1 ст. 66 СК РФ в части оказания помощи родителем, проживающим с ребенком, родителю, проживающему отдельно, в целях осуществления прав и законных интересов ребенка, и осуществления прав и исполнения обязанностей отдельно проживающим родителем по воспитанию, содержанию и заботе о ребенке.

Литература

1. Громоздина М. В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации: моногр. // СПС «КонсультантПлюс». 2012.
2. Шерстнева Н. С. Принципы семейного права. М.: Проспект, 2004. 112 с.
3. Рясенцев В. А. Советское семейное право: учеб. / под ред. В. А. Рясенцева. М.: Юрид лит., 1982. 256 с.
4. Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право: учеб. М.: Юрид лит., 1974. 304 с.
5. Антокольская М. В. Семейное право: учеб. М., 2010. С. 272.
6. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. 416 с.
7. Максимович Л. Б. Право ребенка выражать свое мнение: содержание и границы // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 4–6.
8. Ульянова М. В. Основные категории и понятия, используемые в международных конвенциях и в семейном законодательстве Российской Федерации: на примере родительских прав // Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей: сб. по итогам VI Междунар. конф. / под ред. А. Е. Тарасовой. М.: Кнорус, 2020. 243 с.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СУДОУСТРОЙСТВО И СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ»**

**СУДЕЙСКИЙ КОРПУС НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ, УСЛОВИЯ РАБОТЫ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ**

Д. С. Васильев

Новосибирский государственный университет
экономики управления
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
vasdm69@gmail.com,

М. С. Саламатова

Новосибирский государственный университет
экономики управления
заведующая кафедрой теории и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент
salamatova.m@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов исследования регионального судейского корпуса, проведенного весной 2021 г. Анализ демографических показателей судейского корпуса Новосибирской области показывает углубление процессов омоложения и феминизации, зафиксированных в ранее проведенных общероссийских исследованиях. В региональном судейском корпусе преобладают женщины (78,6 %), медианный возраст судьи в Новосибирской области составляет 41,6 лет. Комплексная оценка условий работы судьями показала высокий уровень удовлетворенности ее содержательными аспектами, средний уровень — материальными условиями, и низкий уровень — в признании ценности и значимости труда судьи. Существенный диссонанс в оценку работу вносит возрастающая нагрузка, абсолютное большинство судей ее оценивает как чрезмерно высокую. Увеличение нагрузки стало нега-

тивным фактором, ухудшающим оценку условий труда, более половины судей отметили ухудшение условий за последние пять лет. Уровень удовлетворенности работой судей снижает отсутствие позитивной внешней оценки как со стороны юридического сообщества, руководства судов, так и признания со стороны общества и государства.

Ключевые слова: судьи, судейский корпус, демографические характеристики, условия труда, изменения судебной системы.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of the study of the regional judicial corps, conducted in the spring of 2021. Analysis of the demographic indicators of the judiciary in the Novosibirsk region shows the deepening of the processes of rejuvenation and feminization, recorded in the previously conducted all-Russian studies. The regional judiciary is dominated by women (78.6 %), the median age of a judge in the Novosibirsk region is 41.6 years. A comprehensive assessment of the working conditions by judges showed a high level of satisfaction with its substantive aspects, an average level — with material conditions, and a low level — in recognizing the value and significance of a judge's work. The increasing load makes a significant dissonance in the assessment of the work, the absolute majority of judges assess it as excessively high. The increase in workload has become a negative factor worsening the assessment of working conditions, more than half of the judges noted the deterioration of conditions over the past five years. The level of satisfaction with the work of judges is reduced by the lack of a positive external assessment both from the legal community, the leadership of the courts, and recognition from society and the state.

Key words: judges, judicial corps, demographic characteristics, working conditions, changes in the judicial system

Судебная власть являясь арбитром в системе разделения властей и важнейшим фактором обеспечения реализации прав, защиты интересов граждан, предъявляет особые требования к ее носителям. От качества отправления правосудия, авторитета судейского корпуса, каждого конкретного судьи, зависит формирование уважительного отношения к праву, укрепление законности и правопорядка. Сказанное обуславливает научную актуальность и практическую значимость исследования судейского корпуса как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Судейский корпус России вызывает пристальный интерес отечественных и зарубежных авторов, становясь объектом междисциплинарных исследований. Масштабное исследование судейского корпуса России предприняли ученые из Института проблем правоприменения при Европейском уни-

верситете в Санкт-Петербурге. Научный коллектив под руководством Вадима Волкова (В. Волков, А. Дмитриева, М. Поздняков, К. Титаев) провел два опроса судейского корпуса 2011 и 2013 гг. в 15 регионах России, их обобщение позволило охарактеризовать широкий круг социально-демографических характеристик судей, их карьерные траектории, взаимодействия внутри сообщества, ценностные ориентации, повседневную работу судей [1–3]. В исследованиях показаны влияние источников формирования судейского корпуса на ускорение процесса феминизации профессии, профессиональную культуру и ценностные нормы судейского корпуса, «усилившие конформизм, легализм и формалистскую бюрократическую ориентацию судей» [1, с. 123].

Источники формирования и гендерная структура судейского корпуса становятся темами самостоятельных исследований. Анализ материалов квалификационных коллегий судей А. Дмитриевой и Д. Савельевым показал увеличение роли аппаратов судов в источниках пополнения судейского корпуса и «преобладании общесудебных профессиональных ценностей в характеристике кандидатов» [6]. Гендерная структура судейского корпуса стала объектом исследования Е. Ивановой, автор показывает, что судейская профессия в России представляет собой редкий пример успешной феминизации, причины преобладания женщин в судейском корпусе объясняются политикой рекрутинга [9].

Зарубежных специалистов привлекает во многом аналогичная проблематика, связанная с исследованием гендерной структуры судей, процесса формирования судейского корпуса, анализом кадровой политики и системы управления судами, ограничениями судейской независимости [12–16]. Формирование российского судейского сообщества рассматривается в контексте европейских практик, процессы феминизации и бюрократизации характерны и для других стран континентальной Европы. Наряду с этим, фрагментарность изучения судейского корпуса, не позволила зарубежным исследователям определить влияние институциональных и организационных изменений на профессиональное сообщество и практики российского судопроизводства.

Изучение судейского корпуса и его деятельности в социальном контексте осуществлялось в ряде социологических исследований. В работах Ю. А. Нисневич, Т. Ворожейкиной, Л. Гудкова, Н. Зоркой, А. Овакимяна на основе интерпретации опросов, проведенных ВЦИОМ и ФОМ, констатируются недоверие большинства граждан к судьям, их зависимость от других ветвей власти, подверженность политической и экономической конъюнктуре. По мнению социологов, опросы показывают уверенность граждан в коррумпированности судей, неготовности защищать их права, вынесении несправедливых приговоров, обвинительный уклон правосудия [4, 10].

Отечественные и зарубежные исследования российского судейского корпуса преимущественно акцентируют внимание на демографических характеристиках, источниках рекрутинга и элементах системы управления судебной системы, они сфокусированы на внешних оценках его деятельности. Значительные пробелы сохраняются в изучении региональных особенностей формирования и деятельности судейского корпуса, содержательных аспектов судебной работы и материальных условий, возможностей профессионального развития, отношения судей к общественному признанию, изменениям судебной системы, видению проблем и перспектив судебной системы. Настоящее исследование призвано устранить ряд указанных пробелов в изучении судейского корпуса.

Исследование судейского корпуса Новосибирской области было проведено в апреле — мае 2021 г., общей целью которого стало изучение процесса формирования, основных «портретных» характеристик, выявление проблем деятельности регионального судейского корпуса. В данной работе обобщаются материалы, характеризующие оценку судей содержательных аспектов работы, материальных условий труда, возможности и ограничения профессионального развития, отношение к изменениям судебной системы и общий уровень удовлетворенности работой.

Целевой группой исследования выступили судьи судов общей юрисдикции Новосибирской области. Судейский корпус Новосибирской области судов общей юрисдикции на 15.04.2021 составлял 452 судьи: 134 мировых судьи (29,6 %),

254 судьи районных (городских) судов (56,2 %) и 64 судьи областного суда (14 %). В проведенном исследовании приняли участие 192 человека (42,47 % от общего числа судей), оно охватило все уровни судейского корпуса судов общей юрисдикции — мировых судей (31,8 %), судей районных судов (50,5 %), судей областного суда (10 %) и руководителей судов (5,7 %). Распределение по должностным категориям в исследовании совпадают с общим соотношением судей в судейском корпусе Новосибирской области, что позволяет говорить о репрезентативности выборки и высокой надежности его результатов.

Демографические характеристики и общая удовлетворенность работой

Среди судей Новосибирской области преобладают женщины (78,6 %), мужчины составляют лишь пятую часть, и это подтверждает общероссийскую и европейскую (континентальной Европы) тенденцию феминизации судейской профессии. Медианный возраст судьи в Новосибирской области — 41,6 лет, доминирует группа судей в возрасте 36–45 лет, составляя почти две трети опрошенных (57,9 %). Факт высокого престижа профессии и отсутствия проблем с рекрутингом в судьи демонстрирует внушительная цифра молодых судей в возрасте до 35 лет — 18,4 %. Значительная часть из них — это мировые судьи. Среди руководителей судов и судей Новосибирского областного суда преобладает группа старше 45 лет, в судейском корпусе эта группа составляет менее четверти (23,6 %). Демографические показатели регионального судейского корпуса показывают углубление процессов омоложения и феминизации судейского корпуса, зафиксированных в ранее проведенных исследованиях [1–3, 9]. По данным исследований, проведенных институтом проблем правоприменения при Европейском университете доля женщин в судейском корпусе в 2011–2013 гг. составляла 65 % и медианный возраст судей — 43 года [1, с. 98–100].

Насколько судьи удовлетворены своей работой? Данные опроса свидетельствуют о высокой удовлетворенности своей

работой, три четверти судей (73,4 %) ответили, что им нравится работа и 25 % — скорее нравится, затруднились с ответом — 1,6 %. Из негативных моментов, по которым не нравится работа — была отмечена слишком высокая нагрузка, противоречивое законодательство, отсутствие помощника. Основные параметры ответов об удовлетворенности работой подтверждаются и данными о правильности выбранной профессии: 72,9 % сообщили, что, если бы им сегодня предстояло выбрать профессию, они снова бы хотели стать судьями, 17,2 % — выразили неуверенность в повторном выборе, лишь 2,6 % отметили, что не выбрали бы профессию судьи. Вполне закономерно, что людям, которым нравится работа, высоко оценили свои усилия и качество работы, так 88 % оценили на максимальный балл свои усилия, отметив, что «стремятся делать судебную работу настолько хорошо, насколько это возможно», остальные оценили свои усилия на высокий балл или затруднились ответить.

Большинство судей выделили три основных фактора, влияющих на удовлетворенность работой: содержательные аспекты их деятельности, материальные условия работы, значимость работы для общества. Именно эти факторы удовлетворенности работой легли в основу настоящего исследования.

Содержательные аспекты судебной работы

При изучении содержательных аспектов условий работы судьи исследованию подлежали: объем работы (количество поступающих дел и материалов, т.н. «нагрузка»), независимость принимаемых решений, личная безопасность, сложность выполняемых задач, возможность профессионального развития и повышения квалификации.

Одним из наиболее существенных факторов, определяющим содержание судебной работы стала нагрузка судей. Судьи проявляют высокую степень солидарности в оценке объема своей работы. Подавляющее большинство из опрошенных (82,3 %) назвали свою нагрузку высокой, из них треть считают ее неприемлемо высокой (28,1 %). Лишь 17,2 % указали, что их нагрузка оптимальна (преимущественно судьи из районов области).

Независимость судей относится к числу конституционных принципов правосудия, и является одним из важнейших условий его осуществления, к ее отсутствию, вынесению ангажированных решений в последние годы в оппозиционных средствах массовой информации возникает множество вопросов. Как региональная судейская корпорация оценивает независимость принятия своих решений? Обеспечение независимости судебных решений не видится значимой проблемой региональным судьям. Подавляющее большинство респондентов (84,3 %) считает, что их независимость обеспечена на должном уровне. 51 % судей отметили, что они полностью независимы в своих решениях, 33,3 % — что независимы в принимаемых решениях, но иногда вопреки своему мнению вынуждены соглашаться с решением вышестоящего суда, 7,8 % отметили, что независимы в рассмотрении рутинных дел, но при рассмотрении резонансных дел, вынесение независимого решения маловероятно, и 2 % судей полагают, что они полностью зависимы от вышестоящих судебных органов и политического руководства.

Такое соотношение коррелирует с ответами на вопросы о факторах, вызывающих у судей беспокойство и способствующих их уходу из судебной системы. В качестве беспокоящих обстоятельств потеря судебной независимости названа в 4,2 % случаев, в качестве фактора, способствующего уходу из судебной системы — в 2 %.

Проблемы с независимостью заведомо не могут ощущаться большинством судей, поскольку попытки воздействия на судью неизбежно противозаконно и несет риск издержек. С точки зрения потенциального нарушителя прибегать к такому средству имеет смысл только в пограничных ситуациях, т. е. при рассмотрении особо резонансных и политически значимых дел. Но таких дел единицы. Текущая судебная работа связана с рассмотрением миллионов судебных дел и материалов, в значительной мере рутинных по своему характеру или, даже если они относятся к числу «трудных» случаев» (hard case), не имеющих общественного резонанса или политической значимости. Поэтому для абсолютного большинства судей вероятность столкнуться с вмешательством в их деятельность ничтожно мала.

Одной из гарантий независимости выступает обеспечение безопасности судейского корпуса. При исследовании оценки степени обеспечения безопасности судьям задавался вопрос о том, испытывали ли они в течение последних двух лет проблемы, связанные с личной безопасностью. 72,9 % опрошенных судей ответили, что у них нет проблем с личной безопасностью. У 27,1 % опасения в своей безопасности возникают эпизодически. 15,1 % респондентов иногда беспокоятся о своей безопасности вне суда, 9,4 % — иногда испытывают это беспокойство в суде, 1,6 % — иногда в социальных сетях и 1 % судей испытывает постоянное беспокойство за свою безопасность.

Одним из важнейших факторов удовлетворенности содержательными аспектами работы — это возможность профессиональной реализации, интересный и разнообразный характер решаемых задач, сопричастность к достижению результатов и успешности функционирования судебной системы.

Абсолютное большинство судей региона (89,6 %) охарактеризовали свою работу как сложную и интересную, лишь 1 % судей, напротив, ее считают скучной и неинтересной, и 9,4 % воздержались от оценки характера работы. Оценка рутинности работы также вызвала высокую степень единодушия среди судей: 84,3 % полагают, что они выполняют разнообразные задачи, только 14,6 % судей считают выполняемую ими работу рутинной, однообразной. На аналогичном уровне соотношение тех, кто считает свою работу осмысленной, чувствует достижение результатов, ее успешность (83,3 %), и тех, кто считает ее бессмысленной и нерезультативной (15,5%). Эти данные свидетельствуют о высокой степени удовлетворенности содержательными аспектами работы судей, исчерпывающей профессиональной реализации и соответствию факторам профессионального выбора.

Учитывая значимость профессиональной реализации судей, важными аспектами удовлетворенности служат возможности профессионального развития, саморазвития и повышения квалификации. Какие способы профессионального развития (саморазвития) судьи считают наиболее значимыми? Преобладающее большинство судей (94,8 %) в качестве

наиболее значимого фактора профессионального развития назвало возможность обсуждения дел (работы) с коллегами-судьями. 74 % судей качестве существенного условия профессионального саморазвития назвали возможность чтения литературы, занятия научной деятельностью и приобретения дополнительных профессиональных навыков, 17 % затруднились с ответом и 9 % опрошенных не считают это важной потребностью. Однако потребности и реальные возможности профессионального развития и саморазвития у судей не всегда совпадают. Доля тех, кто фактически реализует желаемое значительно ниже: только 20,8 % реализуют потребности профессионального развития и саморазвития на постоянной основе, еще 50 % отметили фрагментарность таких возможностей и четверть заявили об отсутствии таких возможностей в силу нехватки времени.

Важную роль в профессиональном развитии судей занимает повышение квалификации, переподготовка, стажировки, организуемые судебными органами, 95 % из опрошенных судей отметили, что повышали квалификацию за последние пять лет. Важность повышения квалификации обусловлена не только изучаемыми дисциплинами, но и возможностью общения, обмена мнения с коллегами из других субъектов и вышестоящих инстанций. Степень удовлетворенности судей повышением квалификации высокая, 85,9 % оценили его позитивно, одобрение вызвал как отведенное время, так и диапазон дисциплин (93,7 и 87,9 % соответственно).

Материальные условия работы и аппарат суда

Помимо содержательных аспектов, важную роль в удовлетворенности работой играют материальные условия и работа вспомогательных сотрудников. При изучении материальных условий работы судей исследованию подлежали: состояние зданий помещений, в которых трудятся судьи, их обслуживание, обеспеченность техникой, расходными материалами, доступность цифровых технологий, технической поддержки, укомплектованность аппарата судьи и материальное вознаграждение.

Три четверти судей в целом удовлетворены материальными условиями работы (физическим состоянием зданий, в которых они осуществляют свою деятельность, его текущим содержанием, состоянием и оснащённостью рабочего места). Физическое состояние здания суда 38 % считают удовлетворительным, 29,2 % — хорошим, 7,3 % — отличным. Недовольны зданиями судов около четверти опрошенных: 20,8 % оценили его как плохое, 4,7 % — как неудовлетворительное. Аналогично оценивается и текущее содержание, (обслуживание) здания суда: 50 % назвали его удовлетворительным, 29,7 % — хорошим (30 %), 2,6 % — отличным. Плохим или крайне неудовлетворительным считают текущее содержание и обслуживание зданий судов соответственно 15 % и 3 % опрошенных. Схожим образом оценена оснащённость и состояние своего кабинета и зала судебных заседаний, их состояние оценили как удовлетворительное (44,8 %), хорошее (31,8 %) и отличное (5,2 %), 14 % считают его плохим, 4 % — крайне неудовлетворительным.

Наименьшее недовольство вызвало качество материально-технического обеспечения (снабжение бумагой, канцелярскими принадлежностями, тонером, почтовыми услугами, атрибутами судебной власти и т. д.): 47,4 % признали его удовлетворительным, 30,7 % — хорошим, 6,8 % — отличным, 13 % — плохим и 2 % неудовлетворительным.

Помимо состояния кабинетов, залов судебных заседаний и зданий, важнейшую роль в обеспечении работы судьи занимают доступность, удобство информационных технологий и технических устройств, готовность их использовать. Значимость информационных технологий обусловлена цифровой революцией, вызвавшей изменения во всех сферах жизни, и судебная система не стала исключением. Современный суд немислим без использования информационных технологий, пандемия 2019–2020 гг. актуализировала создание электронного правосудия, активно обсуждается использование искусственного интеллекта при вынесении судебных решений [7, 8]. Применение информационных технологий в судебной системе сопряжена с поиском компромисса между транспарентностью и конфиденциальностью — баланса между потребностью граждан, общества и государства в свободном

обмене информацией и необходимыми ограничениями на распространение информации, ставшего предметом острых дискуссий в юридическом сообществе [5, 7, 8, 11]. Поэтому определенные ограничения в использовании технических средств, программного обеспечения, доступности интернета неизбежны и обоснованы с точки зрения обеспечения безопасности информационных систем, пресечения неправомерного доступа к конфиденциальной информации.

В опросе судьи оценили состояние технических средств, удобство использования программного обеспечения, доступность интернета и локальных сетей, качество технической поддержки, умение работать с информационными ресурсами. Уровень удовлетворенности техническими средствами и информационными ресурсами аналогичен оценке состоянию и содержанию помещений судов. Большинство судей (73,8 %) положительно оценили состояние используемых компьютеров и офисной техники, при этом 28 % полностью удовлетворены их состоянием. Четвертая часть судей (25,9 %) оценила состояние техники как плохое или крайне неудовлетворительное. 37 % судей сообщили, что на рабочем месте им не предоставлен свободный доступ к Интернет ресурсам, из тех, кому судебная система обеспечивает доступ в Интернет, большинство удовлетворены его качеством (55,2 %).

Доступ к информационным базам и электронным рабочим ресурсам, размещенным в локальных сетях судов (справочно-правовая система «Консультант Плюс» и банки судебных актов), обеспечен всем судьям, и большинство (83,8 %) удовлетворены качеством доступа к информационным базам и внутренним ресурсам, при этом 33,8 % считают его хорошим и 8,4 % — отличным, крайне неудовлетворительным — 6,8 % судей.

Достаточно высоко оценили удобство использования официальных информационных систем, специально созданных для обеспечения судебной деятельности. Судьи федеральных судов общей юрисдикции используют государственную информационную систему «ГАС-Правосудие», мировые судьи — модуль «АМИРС». 81,2 % судей удовлетворены удобством их использования, из них 38,5 % считают его удобным,

6 % — очень удобным. Число недовольных использованием этих программ относительно невелико, 7,8 % сказали, что оно неудобно и 4,7 % — совершенно неудобно. 6 % судей признались, что лично с этими программами не работают, так как в большей степени с этими информационными системами работают сотрудники аппарата суда, прежде всего помощники судей и секретари судебных заседаний, в связи с чем оценить степень их удобства не могут.

Обеспечение персонала техническими средствами и программным обеспечением автоматически не влечет его эффективного использования. Персонал не сможет надлежащим образом использовать предоставленные ему средства, если его не обучить и не предоставить ему техническую поддержку. Большая часть судей (82,3 %) удовлетворены объемом и качеством поддержки со стороны штатного ИТ-специалиста, при этом 29,7 % считают ее хорошей и 7 % — отличной. Почти пятая часть судей (17,7 %) недовольны технической поддержкой ИТ-специалистов (13,5 % считают поддержку плохой и 4,2 % — крайне неудовлетворительной). Проблема с использованием достижений цифровых технологий в судебной работе связана не только с обеспечением судей программными и техническими средствами, но и с отсутствием навыков их использования. 62 % респондентов указали, что с ними не проводилось обучения по использованию в судебной деятельности программного обеспечения, электронного документооборота и ИТ-технологий. Только треть судей (32,8 %) проходила специальное обучение и достаточно высоко оценила свой уровень владения техническими средствами и программным обеспечением, не испытывая проблем с его использованием.

Эффективность работы судьи в условиях высокой нагрузки не в последнюю очередь определяется качественной работой аппарата суда — секретаря и помощника судьи. Три четверти судей удовлетворены его укомплектованностью и качеством работы, более трети (38,6%) высоко оценивают их работу, около четверти судей неудовлетворительно оценили работу аппарата, причиной стало отсутствие помощников или секретарей, либо высокая «текучка» кадров.

Материальное обеспечение судей является одним из существенных факторов, определившим профессиональный выбор судей, высокий уровень денежного содержания позитивно отражается на престиже и рекрутинге в профессию. Материальное обеспечение судей состоит из ежемесячного денежного вознаграждения, ежеквартального денежного поощрения и других выплат. Судьям Новосибирской области было предложено оценить, насколько размер получаемого ими денежного вознаграждения соответствует объему, сложности и условиям судебной работы. Мнения судей о материальном вознаграждении разделились: немногим более половины судей (56,5 %) считает материальное вознаграждение нормальным, соответствующим объему и сложности выполняемой работы, пятая часть судей полностью удовлетворена его размером, 43,3 % судей недовольна размером получаемого денежного вознаграждения. Вместе с тем число ответов о причинах, по которым судьи могут отговаривать возможных кандидатов от занятия судейской должности доля ответов о том, что денежное вознаграждение не соответствует объему и сложности работы составило лишь 5 %, что свидетельствует об общей удовлетворенности уровнем денежного содержания и его соответствии объему и сложности выполняемой работы. Денежное содержание судейского корпуса Новосибирской области высокое на фоне доходов населения региона.

Общественное признание и формирование судейской корпорации

Важным фактором удовлетворенности работы выступает ее внешняя оценка, признание достижений коллегами, ценности и значимости труда для общества и государства. Лишь немногим более половины судей (54,2 %) полагают, что их работа очень важна для общества, относительно значимой для общества ее считают — 23,4 %, остальные считают значимость для общества невысокой 22,4 %. Это свидетельствует о недооценке значимости и важности работы судейского корпуса со стороны общества, во многом являющейся следствием демон-

страции в средствах массовой информации судебной системы и отдельных судей в негативном свете, акцентировании на недостатках судебной системы.

Региональному судейскому корпусу не хватает признания значимости и достижений их работы как со стороны профессионального юридического сообщества, так и руководства судов и государства. Только внутренняя оценка работы в суде не вызвала сомнений, наибольшее число судей (26,4 %) полагают, что их работу высоко оценивают коллеги-судьи и сотрудники аппарата (15 %). Внешняя оценка работы судьи вызвала значительно больше скепсиса: 15,7 % отметили, что их работу ценят профессиональные юристы (адвокаты, прокуроры), и 16 % — участники судебного разбирательства, руководство суда (4,7 %) и вышестоящие судьи — 3 %. Также констатируем явную нехватку признания оценки труда судей со стороны основного работодателя, лишь 4,7 % уверены, что их работа важна для государства. Это указывает на очевидные проблемы признания ценности судей как государством, так и профессиональным сообществом, но также и недостаточном внимании к кадрам со стороны руководства судебной системы (системы поощрения и профессионального развития). Существующий дисбаланс потребностей судей в признании значимости своей работы (особенно учитывая значимость социальной реализации при выборе профессии судьи) и реальности, в которой они сталкиваются с обесцениванием своего труда, приводит к понижению уровня удовлетворенности работой, разочарованию в профессии. Долгосрочным последствием может стать падение престижа профессии судьи.

Подтверждением проблем с внешней оценкой работы судьи стали результаты опроса о значимости принадлежности к судейскому сообществу. Люди, чьи профессиональные достижения признаны — гордятся своей профессией и принадлежностью к корпорации. У судейского корпуса ситуация выглядит неоднозначно: 38,5 % ответили, что для «них очень значима принадлежность к судейскому сообществу», 19,3 % — значима, при этом 42,1 % затруднились с ответом при оценке своей корпоративной принадлежности, либо считают ее несущей

пественной. Результаты опроса показывают незавершенность процесса формирования судейской корпорации, что подтверждает наблюдение социологов об «отсутствии сплоченной и независимой судейской корпорации, играющей значимую роль в осуществлении правосудия» [10, с. 85].

Изменения судебной системы

Перемены — неотъемлемая часть деятельности любой системы, за последнее десятилетие произошли значительные изменения в судах общей юрисдикции: появились новые звенья судебной системы — апелляционные и кассационные суды, областные суды перестали быть кассационной инстанцией, в районных судах появились суды присяжных. Активно внедряются информационные технологии, элементы электронного правосудия: цифровые технологии позволили осуществлять подачу заявлений в электронном виде, ввести унифицированные номера судебных дел, в судебный процесс внедрена обязательность аудиопотоколирования и т. д.

Как отразились изменения судебной системы на судьях и какие перемены вызывают наибольшее беспокойство? Преобладающее большинство судей ощущает перемены: 50,5 % полагает, что произошло значительные изменения и 5,2 % отмечает, что «судебная работа полностью изменилась с момента первого назначения на должность судьи», 19,8 % констатировала незначительные изменения и пятая часть судей не заметили значимых перемен. Результаты опроса во многом обусловлены стажем, опытом работы, судьи, имеющие большой стаж работы, отметили более значимые изменения и более эмоционально на них реагировали.

Какие именно изменения беспокоят судей? Опрос показал, что судей беспокоит вовсе не внедрение информационных технологий или процессуальные изменения, а факторы, связанные с кадровым обеспечением, увеличением нагрузки и стресса.

Оценка изменений судебной системы, вызывающих беспокойство судей (%)

Факторы	%
Уход из судебной системы опытных судей	18,27309
Увеличение уровня стресса в судебной работе	17,06827
Сокращение персонала	16,46586
Увеличение числа тяжущихся лиц	14,25703
Уменьшение способности судебной системы привлекать лучших людей	13,85542
Введение аудиопотоколирования	7,831325
Потеря судебной независимости	4,216867
Внедрение цифровой работы в судах	2,811245
Личная безопасность судей	2,008032
Затрудняюсь ответить	1,807229
Сокращение устного разбирательства в судах	1,204819
Низкий доход	0,200803
	100

В числе факторов, вызывающих наибольшую обеспокоенность названы: уход из системы опытных судей (18,3 %), сокращение персонала в аппарате (16,4 %), уменьшение способности судебной системы привлекать лучших юристов (13,9 %), увеличение нагрузки и стресса в судебной работе (17 %), увеличение тяжущихся лиц (14,3 %). Такие изменения, как введение аудиопотоколирования и внедрение элементов электронного правосудия беспокоят судей гораздо меньше (соответственно 7,8 и 2,8 % ответов). Потеря судебной независимости, личная безопасность и низкий доход можно отнести к факторам, не вызывающим тревоги судей.

Заключение

Комплексная оценка условий работы судьями показывает высокий уровень удовлетворенности ее содержательными аспектами, средний уровень — материальными условиями, и низкий уровень — в признании ценности и значимости труда судьи. Судейский корпус охарактеризовал свою работу

как сложную, разнообразную, интересную, с возможностью профессионального развития (не всегда реализуемого из-за нехватки времени). Преобладающее большинство судей отметило, что не испытывает проблем с независимым принятием решения и личной безопасностью. Материальные условия работы оценены на средний уровень, три четверти судей удовлетворены общими условиями труда (состоянием и содержанием помещений, техническими средствами, доступом к информационным ресурсам) и укомплектованностью и качеством работы аппарата. Несколько ниже оценен уровень материального содержания судейского корпуса, лишь около половины удовлетворены его текущим уровнем.

Существенный диссонанс в оценку работу вносит возрастающая нагрузка, абсолютное большинство судей ее оценивает как чрезмерно высокую. Как представляется, именно увеличение нагрузки стало негативным фактором при общей оценке изменений условий труда в худшую сторону за последние пять лет. При обобщенной оценке изменения условий труда, более половины судей отметили ухудшение условий (55,7 %), из них 15,1 % полагают, что они значительно ухудшились, около четверти судей (26,6 %) посчитали, что условия работы остались на прежнем уровне, и лишь незначительная часть судей (12,5 %) констатировала улучшения или значительные улучшения условий своей работы. Понижает уровень удовлетворенности работой и отсутствие позитивной внешней оценки как со стороны юридического сообщества, руководства судов, признания со стороны общества и государства.

Литература

1. Волков В., Дмитриева А. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 94–134.
2. Волков В. В., Дмитриева А. В., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / под ред. В. Волкова. СПб.: Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 60 с.
3. Волков В. В., Дмитриева А. В., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. Российские судьи: социологическое исследование профессии. М.: Норма, 2015. 272 с.

4. Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А. Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестн. общественного мнения. 2014. № 3-4 (118). С. 13–69.
5. Дарда А. В. Влияние современных информационных технологий на осуществление правосудия // Юридическая наука. 2020. № 10. С. 60–65.
6. Дмитриева А., Савельев Д. Источники пополнения судейского корпуса РФ и роль аппарата судов (Сер. «Аналитические записки по проблемам правоприменения»). СПб.: ИПП ЕУСПб., 2018. 18 с.
7. Забелина О. А. Проблемы, возникающие при применении электронных документов в деятельности судов // Судья. 2017. № 11. С. 30–34.
8. Зарубина М. Н., Новикова М. М. К вопросу о сущности электронного правосудия в Российской Федерации // Администратор суда. 2017. № 1. С. 9–12.
9. Иванова Е. Гендерный дисбаланс в Российском судейском корпусе: феминизация профессии // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 4. С. 579–594.
10. Нисневич Ю. А. Судебная система постсоветской России: социальный контекст // Социологические исследования 2019. № 8. С. 84–95.
11. Пашенцев Д. А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестн. СПбГУ. Право. 2020. № 1. С. 47–54.
12. Schwartz O., Sykiainen E. (2012) Judicial Independence in the Russian
13. Federation. A. S. Fohr (ed.), Judicial Independence in Transition. Heidelberg: Springer: 971–1064.
14. Solomon P. H. (2008) Assessing the Courts in Russia: Parameters of Progress under Putin. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 16 (1): 63–73.
15. Solomon P. H. (2012) The Accountability of Judges in Post Communist States: From Bureaucratic to Professional Accountability. A. S. Fohr (ed.). *Judicial Independence in Transition*, Heidelberg: Springer: 909–936.
16. Solomon P. H., Foglesong T. (2000) *Courts and Transition in Russia. The Challenge of Judicial Reform*. Boulder: Westview Press.
17. Trochev A. (2006) Judicial Selection in Russia: Towards Accountability and Centralization. P. H. Russell, K. Malleson (eds.). *Appointing Judges in an Age of Judicial Power: Critical Perspectives from Around the World*, Toronto: University of Toronto Press: 375–394.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕСПЧ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

О. А. Голикова

ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России»
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
кандидат исторических наук,
капитан внутренней службы
moms@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные вызовы, с которыми столкнулся Европейский Суд по правам человека в условиях пандемии. Анализируются ключевые направления деятельности Суда и изменения, произошедшие в порядке его функционирования в течение года (с марта 2020 г. по март 2021 г.), одной из которых стал реформирование его деятельности в дистанционном формате, процесс продолжался до декабря 2020 г. и только к концу месяца произошел возврат к привычному ритму рассмотрения дел.

Ключевые слова: права человека, пандемия, Европейский суд по правам человека.

Пандемия 2020 г. внесла свои коррективы и расстановки в деятельности государственных и наднациональных органов власти. В данной статье рассматриваются основные сложности и изменения в деятельности Европейского Суда, вызванные инфекцией COVID-19, в период с марта 2020 по март 2021 гг., которые условно можно разделить на две категории. В первую войдут изменения, связанные с проблемой технического характера — март 2020 — декабрь 2021 гг., во вторую — изменения, произошедшие с января 2021 по март 2021 г., затронувшие качество подхода Суда к рассмотрению поступающих дел.

По мнению заместителя секретаря секции Европейского суда по правам человека Ольги Чернышовой все предпринятые Судом меры в период первого этапа можно разделить на три категории — административные, процессуальные и технические [1].

Прошлый 2020 г. был связан с неконтролируемой эпидемией и борьбой с пандемией, поэтому основные изменения касались технических вопросов функционирования Суда, где на первое место вышло приспособление к режиму самоизоляции и формату дистанционной работы.

Следует отметить, что Суд работал в смешанном режиме, что в целом позволило ему сохранить свою деятельность в необходимом объеме. Смешанный режим на практике выразился в том, что большая часть сотрудников была переведена на дистанционную работу, а в офисе осталось около 30–40 % сотрудников. Суд посчитал, что переход в полной мере систему электронного режима невозможен, так как регламент предусматривает, что первичное обращение заявителя принимается только в печатном виде, отправленном в традиционном бумажном варианте, а не по электронной почте.

С марта 2020 г. здание Суда было закрыто для посетителей, а его заседания стали проводиться удаленно (электронная обработка данных, проведение слушаний в режиме видеосвязи). Так Большая палата с июня 2020 г. перешла на дистанционный формат, сами же судьи присутствовали на заседаниях в масках, а стороны подключались по видеосвязи, но при этом до конца 2020 г. никаких четких инструкций или правил проведения видеоконференций Судом не предоставлялось. В декабре 2020 г. на официальном сайте впервые было опубликовано обращение по поводу их проведения. В небольшом техническом документе, говорилось о регулировании процессуальных аспектов работы в рамках видео-конференц-связи.

Согласно новым правилам, решение о проведении слушания Суд должен сообщать сторонам не позднее четырех недель до начала заседания для того, чтобы у них была возможность обеспечить все необходимые технические параметры. Регламент возлагает на стороны обязанность сотрудничества с Судом и выполнять технические требования IT-отдела, необходимые для организации слушаний.

Помимо технических требований Суд говорит и о порядке проведения самого слушания, на котором одновременно не может быть представлено более двух участников, но при этом количество представителей для стороны не ограничено. Во время заседания в полном объеме ведется видеозапись, которая затем выкладывается на сайте Суда. Прямая трансляция исключена по соображениям кибербезопасности [2].

К процессуальным мерам относится продление процессуальных сроков обращения. До марта 2020 г. срок обращения

составлял шесть месяцев, то в период пандемии сроки были скорректированы и продлены на месяц.

Таким образом, основные мероприятия, проводимые Судом в период с марта по декабрь 2020 г., были связаны с приспособлением Суда к новым условиям деятельности. По словам председателя Суда Роберта Спано, год для ЕСПЧ, как и для всех стран в целом был крайне тяжелым, но главная задача, которую поставил Суд на период пандемии, именно укрепление принципа верховенства права и его основных компонентов — доступ к независимому и беспристрастному суду, в целом была достигнута [3, с. 5].

Наступивший 2021 г. внес некоторые изменения в деятельности Суда, связанные с установлением нового порядка рассмотрения дел, что выразилось в выделении так называемых приоритетных обращений. Ранее Судом уже был установлен порядок ранжирования поступающих обращений в зависимости от их «значимости» с правовой точки зрения. Каждой поступившей на рассмотрение жалобу присваивали категорию от одного до семи. В такой системе наиболее важные (прецедентные дела) получали единицу, наиболее «обычные» — семерку. Дела под номером семь не имеют важного как общественного, так и материального значения.

Председатель Суда Роберт Спано считает, что для начала 2021 г. необходимо сменить устоявшуюся парадигму работы, которая выглядит в смещении акцентов с количества рассмотренных дел, на их качественную значимость [4, с. 5]. С этой целью вводится новая категория обращений — категория IV-Hight — это «влиятельные» жалобы, рассматривать которые можно с учетом так называемых «гибких» критериев, а именно:

- принимаемое решение может повлечь изменение или уточнение норм международного, национального права или правоприменительной практики;
- обращение затрагивает моральные или социальные вопросы;
- жалоба касается безопасности или значимой проблемы защиты прав человека.

Наличие одного из указанных критериев позволит отнести обращение к категории IV-Hight и поставить в приоритетное рассмотрение. Все остальные — так называемые «рутинные» дела с позиции правового аспекта, но важные по социальным или общественным причинам будут рассматриваться Большой Палатой и Палатами Суда. «Влиятельные жалобы» будут рассматриваться составом из трех судей.

В марте 2021 г. Суд ввел сразу два новых элемента, связанных с правилом подачи жалоб. Первый из них вызван новыми требованиями для подачи жалобы. В марте 2021 г. обновились ее формы. Нововведения связаны с появлением нового штрих-кода на первой странице формуляра и присвоения нового порядкового номера актуализированной редакции 2021 г. Вторым новшеством марта 2021 г. стало изменение сроков подачи обращения. Если традиционно он составлял шесть месяцев, то теперь это будет четыре месяца. Еще в 2013 г. был принят протокол № 15, вносящий данные изменения, но 8 лет его обсуждали и принимали страны участницы, с февраля 2022 г. срок будет составлять 4 года.

Таким образом, можно сказать о том, что за прошедший год Европейский суд существовал в соответствии тех требований, которые выдвинула пандемия COVID-19, ответы на вызовы были приняты в полной мере, о чем свидетельствует непрерывная работа Суда, что выразилось как в принятии обращений, так и в проведении заседаний и вынесении решений. Пандемия привела к консолидации усилий стран участниц Конвенции 1950 г. с целью обеспечения принципа верховенства права.

Установление новой приоритетной стратегии позволит Суду оптимизировать свою деятельность, сосредоточив внимание на наиболее важных аспектах нарушения положений Конвенции 1950 г.

Литература

1. Работа ЕСПЧ и судов присяжных в пандемию [электронный ресурс]. URL: fparf.ru
2. Правило проведения слушаний [электронный ресурс]. URL: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home>
3. Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание № 2 [224] 2021.

4. Из речи Роберта Спано [электронный ресурс]. URL: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=caselaw/HUDOC&c=>
5. Новый формуляр 2021 года и новая процедура ЕСПЧ // Помощь для желающих обратиться в Европейский суд по правам человека в Страсбурге [электронный ресурс]. URL: european-court-help.ru

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА СУДЕЙСКОГО КОРПУСА КАК ОДИН ИЗ ПРИОРИТЕТОВ НОВОГО ЭТАПА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Р. С.-А. Джусупова

Академия правосудия при Верховном суде Республики Казахстан
доцент научно-образовательного центра
государственно-правовых дисциплин,
кандидат философских наук, доцент
jusupova@inbox.ru

Аннотация. В статье профессиональный судейский корпус рассматривается как решающий фактор судебных реформ. Автор подчеркивает, что высокопрофессиональные судейские кадры являются ключевым фактором функционирования независимой судебной системы, доступности правосудия для граждан, законности принимаемых судами решений.

Ключевые слова: судебная реформа, судейский корпус, доверие к судебной системе.

Abstract. The article considers the professional judicial corps as a decisive factor of judicial reforms. The author emphasizes that highly professional judicial personnel are a key factor in the functioning of an independent judicial system, the availability of justice for citizens, the legality of decisions taken by courts.

Key words: judicial reform, judicial corps, trust in the judicial system.

Реформа системы судоустройства и судопроизводства в нашей стране началась в связи с формированием национальной правовой системы независимого Казахстана в 90-е годы XX в.

На протяжении 30 лет проблемы становления и функционирования судебной системы не раз являлись предметом острых научных и общественных дискуссий, парламентских слушаний.

Глава государства Касым-Жомарт Токаев в выступлении на VIII съезде судей решающим фактором судебных реформ назвал профессиональный судейский корпус. Кадровый и профессиональный потенциал судебной системы — это единственный и не имеющий альтернатив фактор ее развития. Высокопрофессиональные судейские кадры являются ключевым фактором функционирования независимой судебной системы, доступности правосудия для граждан, законности принимаемых судами решений.

Принимаются необходимые законы, но это еще не значит, что содержащиеся в них нормы станут гарантом справедливого судебного решения. Тем более, что закон не регулирует все аспекты правоотношений. Есть много пробелов и толкований. Судья не может сослаться на то, что нет закона или он непонятный. Он должен выяснить все обстоятельства дела, дать им правовую оценку, даже если ситуация не разрешена законом. Только после этого, руководствуясь внутренним убеждением, судья обязан принять на себя персональную ответственность и вынести решение по делу.

В судебной системе Казахстана существует ряд кадровых рисков. Как-то: формальная оценка претендентов при отборе судей, расширенные рамки для применения протекционистских технологий и кадрового волюнтаризма, увеличение количества профессионально не компетентных судей, опасность провоцирования или создания предпосылок для социальных рисков для государства и общества. Поэтому подготовка, отбор и назначение судей требуют особого внимания. В своих многочисленных выступлениях и публикациях председатель Верховного суда Республики Казахстан Ж. К. Асанов признавал, что в течение многих лет из-за некачественного и непрозрачного отбора судей мог стать каждый 4-й претендент. С 2009 по 2018 годы были признаны профнепригодными 49 судей и с 2019 по 2020 столько же. Например, из 39 судей, назначенных в столичные райсуды в 2015–2017 годах из других регионов страны, больше половины в первый же год работы вызвали большие нарекания. Многие из них прекратили свои полномочия.

Чтобы минимизировать вышеназванные кадровые риски в судебной системе в корне поменяли подходы к отбору кадров. А именно, были введены письменное эссе, решение кейса и интервью с судьями Верховного суда и членами Высшего судебного совета. К каждому кандидату было пристальное внимание. И в результате, конкурс прошел лишь один из 20-ти, а не каждый 4-й. В результате, из назначенных в 2018 г. в райсуды Нур-Султана 19 судей — ни один не уволен, не наказан. Все оказались на хорошем счету. Судьи проходят оценку после первого года работы, далее — раз в 5 лет. При назначении на вышестоящую должность также надо пройти аттестацию. Судьи, имеющие стаж работы 20 и более лет аттестации, не подлежат. Если раньше порядок оценки был следующим: Судебное жюри при Верховном суде РК, экзамены по билетам, сведения о судье предоставляли областные суды. То с мая 2019 г.: Комиссия по качеству правосудия, методика оценки по 16 показателям, сведения из электронной базы. За 3 года и 4 месяца, т. е. с 2016 г. по апрель 2019 через Судебное жюри прошли оценку 1627 судей. Из них 1612 получили заключение, что соответствуют занимаемой должности, 10 судей рекомендовано перевести на другую специализацию, а по 5 — сделан вывод о несоответствии занимаемой должности. С октября 2019 г. прошли оценку Комиссии по качеству 377 судей. Из них: 339 — соответствовали занимаемой должности, 24 переведены на другую специализацию и по 14 был сделан вывод о несоответствии занимаемой должности. Позиция Верховного суда РК в этом вопросе однозначная: лучше пусть будут вакансии, чем непрофессиональные судьи. Таким образом, слабым дорога в суд сейчас закрыта. С 2019 по 2021, за 3 года по новой методике пройдут проверку 84 % судей.

По новой методике работу судьи за пять лет оценивают по четырем основным группам критериев:

- профессиональные знания и умение применять их при отправлении правосудия (качество судебных актов и процессов);
- результаты судебной деятельности (нагрузка и соблюдение процессуальных сроков);
- деловые качества (навыки общения в коллективе);

- нравственные качества (соблюдение судейской этики, наличие и содержание жалоб, выполнение финансовых и иных обязательств — налоги, штрафы, алименты и прочее).

По каждой из этих групп по специальным формулам выставляются средние баллы и вычисляется взвешенная оценка. Максимально возможный итоговый балл — 14,95.

Если итоговая оценка судьи 8,97 балла и выше, то он признается соответствующим занимаемой должности и проходит только собеседование, если ниже — направляется на написание эссе и решение кейсовых задач — от их результатов будет зависеть итоговое заключение комиссии.

Для того, чтобы исключить человеческий фактор при подсчете и возможность подтасовки результатов был специально создан в автоматизированной системе судебного документооборота «Төрелік» статистический модуль. Он собирает все нужные данные о показателях судьи и формирует оценочные листы с итоговыми баллами. Более подробно о критериях оценки, механизме подсчета и применяемых формулах можно узнать, прочитав методическое руководство и регламент работы Комиссии по качеству правосудия.

Еще одно из ключевых изменений новой аттестации: старые требования разрешали действующим судьям с низкой оценкой повторно пройти экзамен на профпригодность через год. При этом их не отстраняли от работы, и они продолжали вершить правосудие до повторной сдачи экзамена. По новым требованиям судью с баллом ниже установленного уровня освобождают от занимаемой должности. Уволенные по таким основаниям служители Фемиды не могут работать адвокатами и нотариусами (статья 32 закона «Об адвокатской деятельности»; статья 6 Закона «О нотариате»).

Конечно, это не простой процесс. Приходилось ломать стереотипы, а порой преодолевать сопротивление тех, кто привык работать «по накатанной» и коррупционной схеме. Были случаи, когда председатель ВС Ж. К. Асанов на заседаниях Высшего судебного совета не соглашался рекомендовать Главе государства кандидатов, написавших слабые эссе по заранее известной теме о собственной жизни. Сейчас отбор судебных кадров полностью переформатирован. Законодательно

введены HR-инструменты, которыми пользуются известные мировые компании.

Важным шагом было законодательное выведение Академии правосудия при Верховном суде РК из-под контроля министерства образования и науки. Раньше в силу регулирования учебных программ МОН РК Академия готовила в большей степени магистров права, а не будущих судей. Изменены критерии отбора кандидатов в судьи, введен конкурсный отбор председателей коллегий облсудов (раньше их назначали по представлению председателя Верховного суда без конкурса), ограничено пребывание на руководящей должности в судах — не более 2-х раз. В ВСС переданы вопросы дисциплинарной ответственности судей и кадрового резерва, упразднены президиумы судов, бывшие инструментом влияния председателя на судей.

В разы повышена зарплата, что остановило отток, несмотря на усиление требований к самому судье. Если 5 лет назад по собственному желанию ушли 49 судей, в 2017 г. — 67, в 2018 — всего 19, в 2019 — 10 судей. А желающих стать судьей стало в 2 раза больше. Впервые в местных и Верховном суде провели расширенные пленарные заседания, на которых с участием судей всех инстанций избрали новых судей в Судебное жюри, Комиссию по качеству правосудия, ВСС, Комиссию по кадровому резерву.

Применяются новые подходы к оценке судей — кандидатов в ВС. Раньше их отбирало руководство судов, а пленарное заседание ВС формально голосовало. Сейчас из 47 кандидатов, заявивших об участии в конкурсе, лишь 11 смогли получить положительное заключение комиссии по качеству и Пленарного заседания ВС.

Комиссией по качеству внедрена новая система оценки профессиональной деятельности судей. А также ВС совместно с ВСС проводятся исследования корпоративной культуры в судейской среде для выявления ценностных ориентаций и психологических характеристик судей.

Реформирование системы правосудия — это комплексное мероприятие, которое включает в себя законодательные, организационные, процессуальные и материально-техни-

ческие меры. Судебная система современного Казахстана реформируется на основе принципиально новых подходов, которые ориентированы на профессионализм судей, качество отправления правосудия и судебного администрирования, избавление процесса отправления правосудия от излишних бюрократических процедур, активное внедрение информационных технологий.

В повышении качества судейского корпуса важную роль призвана сыграть Академия правосудия при Верховном суде Республики Казахстан. Ежегодно Академия выпускает порядка 60 магистрантов, подготовка которых осуществляется по специализированной образовательной программе «7М04201 — Суд и правосудие». Данная программа разработана с максимальным учетом специфики будущей профессиональной деятельности магистрантов в качестве судей и охватывает все формы судопроизводства. Одним из важных показателей успешности деятельности Академии правосудия выступает доля выпускников, назначаемых на должность судьи. Так, за последние три года этот показатель составил 35,6 %. Перед Академией стоит задача существенно повысить данный показатель.

В связи с повышением требований к кандидатам в судьи, усилены требования и к поступающим в магистратуру Академии правосудия, в частности, в настоящее время увеличены возрастной ценз и стаж работы по юридической профессии. Выпускники Академии в соответствии с действующими Правилами приема и условиями трехстороннего договора на оказание образовательных услуг обязаны участвовать во всех конкурсах на занятие вакантной должности судьи в районных и приравненных к ним судах в течение четырех лет после окончания магистратуры.

К проведению учебных занятий широко привлекаются действующие судьи и судьи в отставке. Увеличение доли судей в преподавательском составе до 75 % усилило практическую ориентированность обучения, а также позволило реализовать распространенный в мировой практике принцип судебного образования «судьи учат судей». Тематика магистерских проектов разрабатывается исходя из нужд судебной системы, что

обеспечивает прикладной характер выпускных работ и способствует интеграции научно-исследовательской работы в образовательный процесс.

Каждая профессия имеет свою специфику. Особенность профессии судьи состоит в том, что он принимает решение единолично, постоянно сталкивается с необходимостью решать сложнейшие проблемы, за которыми стоят судьбы людей. Принятие судебных решений требует от судьи большого напряжения моральных сил, мобилизации опыта и знаний, глубокого понимания степени ответственности перед человеком и обществом.

Профессия судьи требует профессионально-психологической, моральной, эмоциональной устойчивости, подходит людям, которые не подвержены постороннему влиянию. Для судьи важно всегда действовать в соответствии с законами и конституционными правами граждан. Судья должен быть честным и принципиальным человеком, который при принятии решений руководствуется принципами законности, добросовестности и справедливости.

Поэтому наряду с формированием профессиональных навыков, Академия правосудия уделяет особое внимание развитию личностных качеств будущих судей. Магистранты изучают правовую деонтологию, развивают риторическую и коммуникативную компетенции, навыки критического мышления. Нам важно, чтобы из стен Академии будущие судьи вышли с целостным представлением о профессии судьи, нравственными личностями с развитыми навыками профессионального поведения.

Академия поднимает на качественно новый уровень организацию курсов переподготовки и повышения квалификации судей и работников судебной системы с привлечением наиболее квалифицированных судей и экспертов. В Академии ежегодно проходят повышение квалификации и переподготовку порядка 700 судей и работников судебной системы. С 2020 г. стала организация и проведение курсов переподготовки судей областных, районных и приравненных к ним судов, специализирующихся на рассмотрении публично-правовых спо-

ров, в рамках реализации Плана мероприятий по переходу на модель административного судопроизводства.

Будет осуществляться внедрение индивидуализированной программы обучения с учетом профессиональных потребностей судьи, судебного работника по отдельным областям правоприменения.

Нововведения, о которых я говорила выше, должны обеспечить достижение важной цели — рост доверия общества к судам.

Судебная реформа еще не завершена, процесс перешел на очередной виток своего развития, в Сенате Парламента Республики Казахстан обсуждается проект Концепции правовой политики страны до 2030 г., которая, в частности, определяет стратегические направления дальнейшего совершенствования судебной системы.

Все эти меры направлены на то, чтобы каждый проживающий в Казахстане пребывал в уверенности, что в случае нарушения его прав он может обратиться в суд за защитой, и, самое главное, чтобы знал, что эта защита будет действенной. В этом случае можно говорить о высоком уровне доверия к судебной системе со стороны населения и результативности проводимых реформ.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА В СУДАХ СИБИРИ В 1920-Е ГГ.

В. И. Исаев

Институт истории СО РАН
зав. сектором истории социально-экономического развития
доктор исторических наук, профессор
history49@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы подбора и контроля качества кадрового состава судебных учреждений Сибири в двадцатые годы XX в. Показаны существенные трудности в процессе формирования судебного корпуса, обусловленные общей низкой культурой населения реги-

она, а также господством идеологических классовых критериев в кадровой политике советского государства.

Ключевые слова: судебные учреждения, судейский корпус, подготовка кадров, выдвиженцы, классовый подход.

Abstract. The problems of selection and quality control of the staff of judicial institutions in Siberia in the twenties of the twentieth century are considered. Significant difficulties in the process of forming the judiciary are shown, due to the general low culture of the region's population, as well as the dominance of ideological class criteria in the personnel policy of the Soviet state.

Key words: judicial institutions, judiciary, personnel training, nominees, class approach.

После восстановления в 1920 г. советской власти в Сибири развернулось строительство судебной системы, однако партийно-советское руководство регионом столкнулось с острой проблемой нехватки квалифицированных кадров. Значительная часть юристов, работавших в судах в дореволюционный период и при колчаковском режиме, бежала из Сибири с приходом Красной армии, а к оставшимся в регионе большевики относились настороженно. Более того, лица, служившие в правоохранительных органах при царе и белых правительствах, были лишены права занимать должности судей.

При строительстве судебной системы большевики отказались от правового наследия Российской империи, провозгласив в качестве основ советской юстиции принципы революционной целесообразности и народного правосудия. Формирование судейского корпуса в таких условиях строилось по принципу политической лояльности новой власти, предпочтение отдавалось представителям рабочего класса и беднейшего крестьянства, образование и квалификация учитывались в последнюю очередь. В результате должности судей занимались людьми, проявившими себя в военной или партийно-советской работе, но не имевшими, как правило, достаточного образования. Ситуация в Сибири осложнялась еще и тем, что в составе населения региона доля людей со средним или высшим образованием была очень мала. К середине двадцатых годов почти девять десятых судейского корпуса Сибири имели образование только в объеме начальной школы [1. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1153. Л. 155].

По данным за 1921 г. в судебных учреждениях Сибири дефицит кадров составлял от четверти до трети предполагавшейся численности. Источниками пополнения судейского корпуса стали, прежде всего, партийные и советские органы: как правило, они направляли на работу судьями из своего состава людей, зарекомендовавших себя как ответственные и грамотные специалисты. Сокращение Красной Армии в начале двадцатых годов пополнило сибирские суды за счет военных юристов. Из органов милиции в суды направлялись работники, освоившие в какой-то степени начала правоведения. Еще одним источником стали профсоюзные органы Сибири: проявившие себя в решении производственно-бытовых вопросов профсоюзные работники считались подходящими кандидатами на должности судей. Так, только в ноябре 1922 г. из профсоюзных органов Томской губернии в судебные учреждения было направлено более двадцати человек [5. 1923. № 8. С. 44].

При этом упор делался на то, чтобы должности судей, прежде всего, занимали коммунисты. С этой целью партийные организации Сибири проводили мобилизации коммунистов для работы в правоохранительных органах. Алтайский губком РКП(б) в июне–октябре 1922 г. мобилизовал на работу в судебные учреждения восемь коммунистов, пять партийцев направлено в губернский революционный трибунал. С апреля 1923 г. по апрель 1924 г. губком направил на работу в правоохранительную систему 65 коммунистов. В 1925 г. было направлено еще 48 человек [8. С. 25].

Томский губком партии командировал в марте 1922 г. в судебные учреждения 10 работников [5. 1923. № 18. С. 21]. Иркутский губком с апреля по сентябрь 1921 г. направил в правоохранительные органы 34 коммуниста. В 1922 г. губком провел ряд компаний по укреплению правоохранительных органов в губернии. Это позволило повысить удельный вес членов партии в составе судейского корпуса до 50 %. В 1924 г. Иркутский губком выдвинул 109 рабочих с производства для занятия ответственных должностей, из них десять человек направлено на работу в административные учреждения, а семь человек в суд. В 1925 г. губком из числа выдвиженцев

направил в судебно-следственные органы восемь коммунистов [6. С. 74–75].

На некоторое время к работе в судах в порядке трудовой мобилизации могли привлекаться и старые специалисты, но пребывание их в должности судей рассматривалось как нежелательное. 25 августа 1921 г. ВЦИК РСФСР принял декрет «Об усилении деятельности местных органов юстиции и об укреплении их лучшими кадрами» [10. 1921. № 63. С. 456]. Перед партийным руководством Сибири центральной властью была поставлена задача добиться преобладания рабочих и коммунистов в составе судейского корпуса. Специалисты с дореволюционным стажем настойчиво вытеснялись из судебного аппарата. К 1923 г. более 70% судей являлись членами РКП(б), пролетарское происхождение имели более одной пятой судейского корпуса [1. Ф. Р-20. Оп. 1. Д., 241. Л. 12–15].

Общая численность судейского корпуса в Сибири по данным на 1927 г. составляла 652 чел. Из них членами краевого суда работало 11 человек, членами окружных судов, постоянных сессий краевого суда — 127, народными судьями — 315 человек [2. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 13. Л. 27–28].

Типично советским способом подбора и контроля за работой кадров судебной системы стала их постоянная фильтрация: в первую очередь, проверялась лояльность существующей власти, во вторую — соответствие профессиональным требованиям. Большая кампания по чистке судебно-следственного аппарата в стране развернулась осенью 1922 г. Ставилась задача очистить подразделения органов юстиции «от белогвардейских и негодных элементов». В результате чистки судебных учреждений Сибири в 1923 г. от 11 % (Иркутская губерния) до 35 % (Томская губерния) работников были «вычищены» [2. Ф. 393. Оп. 46. Д. 101. Л. 113].

По результатам проделанной работы НКЮ РСФСР сделал вывод о том, что «чистка должна стать непрестанной задачей и на основе этой работы должен строиться учет и распределение сил работников» [4. 1923. № 17. С. 396].

С 1924 г. стали создаваться специальные комиссии по аттестации кадров. С работы снимались те судьи, которые проявляли неспособность вести нужную классовую политику.

На каждого работника заведены бланки прохождения чистки. В целом по РСФСР в результате кампании 1923 г. по 36 губерниям и 12 автономным республикам комиссии уволили более тысячи председателей и членов губсудов, народных судей и других работников судебных органов, что составило около 16 % от их общей численности [4. 1924. № 16. С. 387–388].

Выработанные в ходе масштабной чистки методы проверки личного состава судебно-следственного аппарата были одобрены состоявшимся в марте 1924 г. V Всероссийским съездом деятелей советской юстиции. Съезд рекомендовал «пересмотреть наличный состав народных судей с целью отозвания тех из них, которые по своему общеполитическому и судебному уровню не удовлетворяют минимальным необходимым требованиям» [4. 1924. № 12/13. С. 304].

На основании решений V-го съезда и указаний НКЮ в Сибири были созданы аттестационные комиссии. В Томской губернии они уволили из состава губсуда 28 работников, в том числе 13 судей и пять следователей. Причем, 14 сотрудников были преданы суду за умышленное неправильное ведение дел, волокиту и другие злоупотребления. В целом в регионе комиссии удалили из судебно-следственного аппарата от 25 до 30 % личного состава [1. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 46. Л. 14].

Несмотря на постоянную работу по формированию судебного корпуса, стабилизация и улучшение качества личного состава судебных учреждений Сибири проходили трудно и медленно. В 1925 г. текучесть кадрового состава народных судей достигала более 50 %. Наряду с другими причинами текучесть кадров порождалась и постоянными чистками. На место «вычищенных» сотрудников направлялись, как правило, рабочие-выдвиженцы. Для укрепления органов юстиции Сибири с октября 1925 г. по январь 1927 г. было выдвинуто 32 человека, половина из них рабочие. В 1926 г. были отозваны с занимаемых должностей 22 человека, среди них пять членов краевого суда, десять запасных и народных судей. Причинами отзыва стали следующие нарушения: пьянство (восемь человек), дискредитация и злоупотребление властью (пять человек), несоответствие занимаемой должности (восемь чело-

век); совершение тяжкого преступления (один человек) [1. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 168. Л. 17].

По Новосибирскому округу в 1928 г. аппарат окружного суда обновился на 60 %, состав народных судей на 37,8 %. В 1929 г. эти показатели составили 60 и 40 % соответственно. В 1929 г. в Омском округе текучесть народных судей составила 50 %, а в Томском достигла даже 110 %. В целом по Сибирскому краю только во второй половине 1929 г. сменилось 23 % народных судей [1. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3574. Л. 275].

Характеризуя в целом процесс формирования судейского корпуса в Сибири в двадцатые годы, следует отметить, что усилия партийного руководства по контролю за его политическим и социальным обликом дали определенный результат. Доля рабочих в составе судей к 1929 г. по сравнению с 1923 г. увеличилась вдвое, до 40 %, а доля коммунистов с 70 % выросла до 90 % [1. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 241. Л. 12–15].

Однако при ориентации исключительно на коммунистов и рабочих, доказавших свою лояльность советской власти, страдала качественная сторона кадрового состава судов. По оценке представителя НКЮ РСФСР Г. Мерэна, ставшего в 1928 г. председателем Сибирского краевого суда, «наши судьи плохо усваивают как процессуальные, так и материальные кодексы. Судье-коммунисту без специальной подготовки крайне трудно понимать и принимать наши законы. ... Народные судьи в особенности плохо понимают гражданский кодекс ввиду его слишком юридического изложения... Между прочим, изданные в последнее время комментарии кодексов, написанные юристами и для юристов, приносят мало пользы народным судьям, а для неподготовленных наших работников являются вредными» [4. 1924. № 39/40. С. 940]. Такая характеристика кадрового состава судебных органов ясно показывает, что узко понятый классовый подход на самом деле негативно влиял на процесс формирования судейского корпуса.

По данным краевой прокуратуры, попытавшейся в 1925/26 г. дать оценку качественного состава судебных работников, только 5–6 % из них работали на хорошем уровне, для 48–50 % можно было дать оценку «удовлетворительно»,

а около 44 % не дотягивали и до этой оценки [1. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 33, 40].

Новоиспеченные народные судьи зачастую оказывались просто неспособными разобраться самостоятельно в законодательстве, принятом в РСФСР за период 1920-х гг. Отсюда наблюдалась крайняя слабость и необоснованность судебных решений по гражданским делам и приговоров по уголовным. Так, отмена решений народных судов Сибирского края высшими инстанциями в конце 1920-х гг. достигала около 60–70 % [1. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 37].

Очевидно, что низкое качество судебных решений было вызвано прежде всего, недостатком юридического образования и общей культуры народных судей. Впрочем, подобные явления и недостаток квалифицированных кадров были характерны не только для Сибири, но и для всей страны. В конце 1920-х гг. Верховным судом РСФСР отменялось или изменялось около трети принятых краевыми судами судебных решений [11. 1928. № 1. С. 10–11].

Для решения проблемы нехватки судебных работников и повышения качественного состава судейского корпуса в Сибири была организована система подготовки и переподготовки кадров. В условиях кадрового дефицита на обучение работавших в судах, а также и кандидатов на занятие в них должности, времени отводилось крайне мало. В течение 1923–1924 гг. во всех губерниях Сибири организованы юридические курсы, сроки обучения в них, как правило, составляли от трех до шести месяцев. Например, в Барнауле в 1923 г. на юридических курсах в течении трех месяцев прошли обучение 36 работников судебных учреждений, восемь сотрудников милиции, пять профсоюзных активистов, а всего обучалось более 60 человек, из которых около двух третей были коммунистами, одна треть — рабочие [9. 1923. 8 сент.] В следующем году на курсы было принято 30 судебных работников и 18 сотрудников милиции, срок обучения увеличился до пяти месяцев [7. С. 185]. В Томске в 1924 г. на четырехмесячных курсах обучались кандидаты на занятие должности в судах, судьи проходили двухмесячную переподготовку, всего прошли обучение около 60 человек [12. Ф. 1. Оп. 1. Д. 155. Л. 70]. В Омске

в 1925 г. при губернском суде работали шестимесячные курсы, на которых занималось 30 кандидатов на занятие должности судей, направленных партийными и профсоюзными органами [9. 1925. 6 мая].

В Иркутске в 1924 г. открылись областные юридические курсы, которые давали более серьезную подготовку; обучение на них продолжалось девять месяцев и разделялось на три семестра, преподавались основные юридические дисциплины. Спрос с курсантов был довольно серьезный, достаточно сказать, что в первые годы их работы около трети поступивших не доходили до окончания учебы, позднее этот показатель снизился до одной пятой. За 1924–1929 гг. курсы выпустили более 330 человек, занявших свое место в правоохранительных органах Сибири [1. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2572. Л. 6: Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 40. Л. 37].

После образования в 1925 г. Сибирского края и создания краевого суда были организованы краевые юридические курсы по переподготовке работников правоохранительных органов, на которых слушателям давалась обширная программа по правовым дисциплинам. В 1926 г. их окончило около 60 человек [1. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 199]. Несмотря на все недостатки и краткосрочность обучения, система подготовки и переподготовки кадров позволила в значительной степени повысить количество и качество судейского корпуса Сибири.

Итак, можно констатировать, что в двадцатые годы советскому государству удалось в определенной мере укомплектовать судебные органы Сибири работниками, отвечающими требованиям и критериям центральных и региональных властей. Постепенно в регионе возникла и заработала система подготовки и переподготовки работников правоохранительных органов. Была организована и отлажена работа по аттестации кадров судебных учреждений.

Вместе с тем формирование судейского корпуса Сибири на протяжении всего десятилетия сопровождалось большими трудностями. В составе населения Сибири было мало достаточно образованных и квалифицированных людей; положение усугублялось установленным большевистской партией приоритетом идеологических критериев при отборе кадров,

все это обусловило преобладание на должностях судей работников с низшим образованием. Качество правосудия в судебных учреждениях Сибири в связи с этим было соответственно также не очень высоким. Низкий уровень профессиональной подготовки, тяжесть работы, плохое материальное обеспечение порождали постоянную и высокую текучесть судейского корпуса, а также многочисленные случаи злоупотреблений по службе и даже преступлений, совершавшихся судейскими работниками различных уровней.

В течение рассматриваемого периода при формировании судейского корпуса использовались два способа. Первый способ основывался на постоянном поиске и подборе нужных кандидатов, изучении их деловых качеств. Но часто использовался мобилизационный способ, когда новые кадры привлекались в ходе объявленной кампании и в массовом масштабе. Заполняя свободные вакансии или заменяя негодные по каким-либо критериям кадры, такой способ часто приводил к снижению качественного уровня судейского корпуса.

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Жизнь Сибири. Журнал Сибревкома.
4. Еженедельник Советской юстиции. Журнал НКЮ РСФСР.
5. Известия Томского Губкома РКП(б). Журнал ГК РКП(б).
6. Материалы к XI губернской партийной конференции. 1925 г. Иркутск, 1925.
7. Отчет Алтайского губернского исполнительного комитета 7-му очередному губернскому съезду Советов за 1923/24 хозяйственный год и 1-ю кварту 1924/25 г. Барнаул, 1925.
8. Первая Барнаульская окружная партийная конференция (отчеты и решения). Барнаул, 1925.
9. Советская Сибирь. Газета Сибревкома, Сибкрайкома ВКП(б) и Сибкрайисполкома Советов.
10. Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.
11. Судебная практика. Журнал НКЮ РСФСР.
12. Центр документации новейшей истории Томской области.

ПРАВО ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ОБРАЩЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД: ОПЫТ ИСПАНИИ

Е. Ю. Комлев

Российский университет дружбы народов
доцент кафедры муниципального права юридического института,
кандидат юридических наук
komleve@mail.ru

Аннотация. Законодательство Испании предусматривает особую категорию споров в защиту местной автономии, которая не лишена достоинств и недостатков. В статье исследуется порядок обращения органов местного самоуправления в Конституционный суд Испании, приводятся примеры из практики Конституционного суда Испании. В контексте конституционной реформы в России, а также изменений в законодательстве о конституционном судопроизводстве соответствующий опыт Испании представляет научный и практический интерес.

Ключевые слова: местное самоуправление, местная автономия, Испания, конституционный суд.

Abstract. Spanish legislation provides for a special category of cases such as conflicts in defense of local autonomy which is not devoid of advantages and disadvantages. The article examines procedure for protecting the local autonomy by means of constitutional justice and contains examples from the practice of the Constitutional Court of Spain. In the context of the constitutional reform in Russia, as well as changes in the legislation on constitutional proceedings, the corresponding experience of Spain is of scientific and practical interest.

Key words: local self-government, local autonomy, Spain, constitutional court.

Местное самоуправление является объектом множества научных исследований в силу значимости данного института для организации публичной власти в интересах населения. Судебная защита местного самоуправления является одним из наиболее актуальных и насущных вопросов, ведь именно от судебной защиты во многом зависит и развитие местного самоуправления, его место и роль в системе публичной власти.

В частности, трудно переоценить роль Конституционного суда Российской Федерации, который после принятия Конституции 1993 г. фактически защитил институт местного самоуправления от «нападок» со стороны региональных властей,

сформулировав множество правовых позиций, которые в дальнейшем легли в основу правового регулирования и многие, из которые сохраняют свою актуальность и по сей день. Значимая роль правовых позиций Конституционного суда и мнений его судей в развитии местного самоуправления отмечается и в науке [7].

Отсутствие в законе специального указания на право органов местного самоуправления обращаться в Конституционный суд изначально толковалось последним как отсутствие такого права у органов местного самоуправления в принципе, о чем указано, в частности, в Определении от 19.03.1997 № 20-О [6]. Однако такая позиция оказалась неустойчивой и уже в постановлении от 02.04.2002 № 7-П Конституционный суд, со ссылкой на норму части 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации, отметил, что «не исключается защита средствами конституционного правосудия прав муниципальных образований как территориальных объединений граждан, коллективно реализующих на основании Конституции Российской Федерации право на осуществление местного самоуправления» [4]. Впоследствии данная позиция получила распространение и органы местного самоуправления обращаются в Конституционный суд от имени муниципальных образований как территориальных объединений граждан, примерами чего служат, в частности, постановления от 15.05.2006 № 5-П [3], от 26.04.2016 № 13-П [5] и ряд других.

Вместе с тем, принятые в рамках конституционной реформы 2020 г. поправки актуализируют вопрос о порядке обращения муниципальных образований в Конституционный суд. Это связано прежде всего с включением в текст Конституции нормы о единой системе публичной власти: ожидается, что данное нововведение наряду с иными изменениями, внесенными в нормы главы 8 Конституции, станет основой для дальнейшего увеличения влияния органов государственной власти на формирование и деятельность органов местного самоуправления. В указанных условиях обращение в Конституционный суд является основным способом защиты прав на осуществление местного самоуправления.

Кроме того, крайне важным является изменение нормы ч. 4 ст. 125 Конституции, в соответствии с которой обращение в Конституционный суд возможно в случае, «если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты». Установление подобных барьеров заставляет задуматься о целесообразности введения специальной процедуры для обращения в Конституционный суд для муниципальных образований.

Как справедливо отмечают Е. В. Гриценко и В. Розмари «в российском конституционном праве муниципальным субъектам предоставлено лишь общее средство конституционно-судебной защиты их прав местного самоуправления на федеральном уровне — жалоба на нарушение конституционных прав или общая конституционная жалоба (ст. 125 ч. 4 Конституции РФ). Специальных конституционно-судебных средств защиты, таких, как, например, известная германскому Основному закону муниципальная конституционная жалоба, российские муниципалитеты не имеют» [1, с. 23].

Испанское законодательство о конституционном судопроизводстве также предусматривает специальную процедуру рассмотрения споров в защиту местной автономии. Опыт Испании в рассматриваемом вопросе интерес также в связи с тем, что Испания с принятием Конституции 1978 г. перешла к построению новой модели организации публичной власти, предусматривающей переход от сильно централизованного государства к государству автономий, и построению демократического правового государства. Схожие процессы (безусловно, с немалыми отличиями) произошли в России в начале 1990-х годов.

Изначально законодательство Испании не предусматривало возможности муниципальных образований обращаться в Конституционный суд Испании. Однако такая возможность была закреплена в Органическом законе от 03.10.1979 № 2/1979 «О Конституционном суде» [9] в результате масштабной реформы законодательства, направленной на повышение статуса местных органов в системе публичной власти.

Закрепленная в Органическом законе № 2/1979 процедура обращения муниципальных образований в Конституцион-

ный суд обладает рядом особенностей, исследование которых представляет несомненный научный интерес.

Так, заявителями конституционной жалобы выступают муниципальные образования — муниципии, провинции и приравненные к ним острова в островных автономных сообществах (Балеарские и Канарские острова), поскольку Конституция Испании гарантирует им автономию. Иные местные территориальные образования (например, комарки) правом на обращение в Конституционный суд не обладают в связи с тем, что им Конституция Испании автономию не гарантирует (возможность создания таких образований предусмотрена государственным законодательством, в тексте Конституции Испании они не упоминаются), что подтвердил Конституционный суд Испании [8].

При этом по общему правилу обратиться в Конституционный суд может только группа муниципиев или провинций: Органическим законом № 2/1979 установлены минимальные требования по количеству муниципальных образований и количеству жителей, в них проживающих. Так, применительно к муниципиям правом на подачу жалобы обладает группа численностью не менее одной седьмой от общего количества муниципиев той территории, которую затрагивает действие оспариваемой нормы при одновременном соблюдении второго условия — в данной группе муниципиев должно проживать не менее одной шестой от общего количества населения соответствующей территории.

Стоит обратить особое внимание на вышеуказанную формулировку закона относительно территории, «которую затрагивает действие оспариваемой нормы». По общему правилу, такая территория совпадает с территориями согласно административно-территориальному устройству государства. Иными словами, количество уполномоченных на подачу жалобы муниципальных образований и проживающего в них населения будет определяться исходя из общего количества таких муниципальных образований в государстве или автономном сообществе (регионе) в зависимости от того, закон какого уровня обжалуется. Однако нередки случаи, когда норма, затрагивающая де-юре территорию всего автономного сооб-

щества или государства, де-факто затрагивает лишь ограниченную группу муниципальных образований (например, расположенных возле определенной реки). В указанных случаях Конституционный суд определяет минимальное для подачи жалобы количество муниципальных образований исходя из количества таких образований, которых действие оспариваемой нормы затрагивает де-факто, а не де-юре. Иной подход делал бы подачу жалобы невозможной или крайне затруднительной.

Одно муниципальное образование может обратиться в Конституционный суд только в том случае, когда действие спорной нормы затрагивает только его (в данном случае принцип «де-факто» также превалирует над «де-юре»), причем спорные ситуации Конституционный суд толкует, как правило, в пользу муниципальных образований.

Решение об обращении в Конституционный суд от имени муниципальных образований вправе принять лишь представительный орган, алькальд (аналог главы муниципального образования — Е. К.) правом решающего голоса в случае равенства голосов не обладает [11].

Предмет обжалования для муниципальных образований весьма ограничен: норма оспаривается на предмет нарушения местной автономии, содержание которой, как показала практика Конституционного суда Испании, весьма ограничено, в том числе потому, что местная автономия, согласно позиции Конституционного суда, является автономией административной, в то время как региональная автономия была признана политической. Ограничение местной автономии за пределами, гарантированными Конституцией Испании, не является основанием для удовлетворения жалобы [2].

Еще одной особенностью рассматриваемой категории дел является то, что признание нормы нарушающей местную автономию не означает ее автоматическое признание неконституционной. Это связано с тем, что формально Конституция Испании не наделяет муниципальные образования правом обращения в Конституционный суд с жалобой о признании нормы неконституционной. Автоматическое признание нормы неконституционной в рамках рассматриваемой

категории споров означало бы обход конституционно установленных ограничений.

В этой связи Конституционный суд при установлении факта нарушения местной автономии должен по своей инициативе возбудить производство по делу о признании нарушающей местную автономию нормы несоответствующей Конституции Испании. Иных способов разрешить сложившуюся ситуацию испанских законодатель не нашел.

Однако на практике еще ни разу Конституционный суд не признавал нормы нарушающими местную автономию. Отчасти потому, что предусмотренные законом ограничения для субъектов (прежде всего — по минимальному количеству уполномоченных муниципальных образований) на практике оказались труднопреодолимыми.

В Испании довольно много муниципиев с количеством жителей до 5 тысяч, организационные возможности которых весьма ограничены. В этой связи консолидация большого количества муниципиев (например, более тысячи при обжаловании государственного закона) в ограниченные сроки, с необходимостью соблюдения иных предусмотренных законодательством обязательных требований, в большинстве случаев стало невыполнимой задачей. Именно муниципии, как правило, демонстрируют наибольшую заинтересованность в обращении в Конституционный суд.

В указанных обстоятельствах в испанской доктрине все чаще встречается точка зрения о необходимости смягчения установленных законом ограничений для обращения в Конституционный суд [10].

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что опыт Испании показывает наличие заинтересованности для обращения в Конституционный суд у муниципальных образований. Наличие специальной процедуры для муниципальных образований является позитивным явлением и в этой части испанский опыт может быть применим в России. Также стоит отметить гибкий подход (учитывающий преимущественно фактические обстоятельства, а не только формальные юридические требования) Конституционного суда Испании при толковании установленных законом требований. Подобный

подход следует может быть воспринять в России не только в рамках конституционного судопроизводства, но и при производстве в рамках некоторых иных категорий дел. При этом установленные законодательством Испании формальные требования для подачи жалобы в Конституционный суд оказались трудновыполнимыми, что негативно влияет на эффективность защиты местной автономии средствами конституционного судопроизводства в Испании. Указанный недостаток необходимо учитывать и избегать в случае заимствования соответствующего опыта.

Литература

1. Гриценко Е. В., Розмари В. Защита прав местного самоуправления средствами конституционного правосудия в России и Германии // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 4. С. 22–38.
2. Комлев Е. Ю. Защита местной автономии в Конституционном суде Испании // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5 (138). С. 89–111.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.05.2006 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы».
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А. Г. Злобина и Ю. А. Хнаева».
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2016 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Нерюнгринский район».
6. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 19.03.1997 № 20-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы

- Омского городского Совета как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».
7. Чихладзе Л. Т., Болдырев О. Ю. Местное самоуправление в правовых позициях Конституционного суда РФ и его судей в контексте конституционной реформы-2020 // Антиномии. 2020. Т. 20, № 3. С. 71–87.
 8. Auto359/2004, de 21 de septiembre. URL: <https://hj.tribunalconstitucional.es/HJ/es/Resolucion/Show/19928> (дата обращения: 18.06.2021).
 9. Ley Orgánica 2/1979, de 3 de octubre, del Tribunal Constitucional. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/lo2-1979.html (дата обращения: 18.06.2021).
 10. Reverter Valls, J.L. Los conflictos en defensa de la autonomía local: Tesis doctoral. Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 2016. P. 424–425. URL: <https://zaguan.unizar.es/record/48149/files/TESIS-2016-085.pdf> (дата обращения: 18.06.2021).
 11. Sentencia 152/2016, de 22 de septiembre. URL: <http://hj.tribunalconstitucional.es/HJ/ca/Resolucion/Show/25087> (дата обращения: 18.06.2021).

ПРОЦЕДУРА ОТБОРА КАНДИДАТОВ НА ДОЛЖНОСТИ СУДЕЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ, РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

И. И. Кирющенко

Адвокатская палата Краснодарского края
адвокат,

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
соискатель

kiryuschenko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются направления совершенствования процедуры отбора судей в России, для чего автором используется сравнительно-правовой и формально-логический методы. Автором выделены проблемы законодательного регулирования на каждом этапе отбора кандидатов на должности судей и предложены способы изменения существующего порядка с позиции прозрачности процедуры и качества отбора судей. Сделаны выводы, что в целях повышения доверия общества к судебной власти необходимо изменить порядок проведения квалификационного экзамена; ввести обязательное психодиагности-

ческое обследование кандидатов; исключить из состава квалификационных коллегий судей представителя Президента РФ; утвердить шкалу объективных критериев оценивания кандидатов; ограничить полномочия Комиссии при Президенте РФ по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий.

Ключевые слова: отбор кандидатов на должности судей, квалификационный экзамен, прозрачность отбора кандидатов, психодиагностическое обследование.

Abstract. The article discusses the ways to improve the procedure for selecting judges in Russia, for which the author uses comparative legal and formal-logical methods. The author highlights the problems of legislative regulation at each stage of the selection of candidates for the positions of judges and suggests ways to change the existing order from the point of view of transparency of the procedure and quality of the selection of judges. It is concluded that in order to increase public confidence in the judicial power, it is necessary to change the procedure for conducting the qualification exam; establish a mandatory psychodiagnostic survey of candidates; exclude the representative of the President of the Russian Federation from the composition of the qualification boards of judges; approve the scale of objective criteria for evaluating candidates; limit the powers of the Commission under the President of the Russian Federation for preliminary consideration issues of the appointment of judges and the termination of their powers.

Keywords: selection of candidates for the positions of judges, qualification examination, transparency of selection of candidates, psychodiagnostic survey.

С принятием Конституции РФ 1993 г. начался новый этап российского судостроительства, предусматривающий формирование судейского корпуса путем назначения на должность, а не путем выборов. Федеральным законом от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» сохранилась возможность избрания мировых судей на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации. Однако ни один субъект Российской Федерации не воспользовался данной возможностью, и мировые судьи назначаются (избираются) на должность законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

За почти три десятка лет процедура отбора кандидатов на должности судей неоднократно подвергалась законодательному изменению, вот некоторые из них:

- экзаменационные комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи, состоящие при органе юстиции, были заменены на экзаменационные комиссии, состоящие при соответствующих квалификационных коллегиях;
- процедура избрания судей Верховным Советом Российской Федерации и соответствующими Советами народных депутатов заменена на назначение судей Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее Совет Федерации), Президентом РФ или законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации;
- исключено право председателя суда не согласиться с кандидатурой, рекомендованной квалификационной коллегией судей, которое заменено на обязанность председателя суда направить представление о назначении рекомендуемого лица на должность судьи;
- существенно изменен список документов, представляемых претендентом в квалификационную коллегия, а также требований, которым должен соответствовать претендент на должность судьи.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении, посвященном 95-летию Верховного Суда РФ, особо отметил кадровую политику и необходимость продолжения более тщательного отбора кандидатов на должности судей, указал, что современный судья обязан быть профессионалом, соблюдать закон и обладать высокой правовой культурой, что послужит повышению авторитета судебной власти в обществе [10].

В октябре 2020 г. председатель Совета судей, член президиума и секретарь Пленума Верховного суда РФ В. В. Момотов выступил на всероссийской научно-практической конференции «Судебная власть в современном обществе» с докладом «Суд в современном мире: независимость, эффективность, ответственность», где отметил: «Формирование профессионального судейского корпуса является одним из главных условий эффективности судебной системы и ее самостоятельности. Одним из ключевых механизмов, обеспечивающих независимость и эффективность суда, является прозрачная, публичная и понятная процедура занятия судейского кресла» [7].

Следовательно, основной целью пополнения судейского корпуса является создание прозрачного и понятного механизма отбора, гарантирующего выбор профессионала, обладающего соответствующей квалификацией в области права, высокими моральными качествами и способностями осуществлять судебную деятельность.

Вместе с тем, нельзя констатировать, что все указанные задачи решены, поскольку процедура отбора кандидатов на должности судей происходит в условиях недостаточной прозрачности, значительных дискреционных полномочий органов и лиц, осуществляющих отбор и назначение судей на должность, а также не гарантирует отбор лучших и квалифицированных представителей юридического сообщества, что в результате подрывает доверие общества к судьям и не способствует повышению авторитета судебной власти.

При этом без доверия общества к судебной системе невозможно эффективное отправление правосудия (пункт 20 Рекомендации № Rec (2010) 12 Комитета министров Совета Европы «О судьях: независимость, эффективность и ответственность», принятой 17.11.2010 на 1098-м заседании Комитета министров — далее Рекомендация).

Представляется, что совершенствование механизма отбора кандидатов на должности судей в Российской Федерации с позиции прозрачности процедуры и качества отбора судей будет способствовать формированию высокого уровня доверия общества к судебной власти и государству в целом и, главное, обеспечит необходимый уровень независимости и профессионализма судейского корпуса.

Первым этапом в отборе судей является квалификационный экзамен, который проводится в порядке, определяемом Федеральным законом от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» и регламентами экзаменационных комиссий, утверждаемых Высшей экзаменационной комиссией.

Целью квалификационного экзамена является выявление квалифицированных кадров, обладающих теоретическими знаниями, практическими навыками и умениями в области правоприменения, необходимыми для работы в должности судьи.

Экзаменационные билеты содержат три теоретических вопроса по различным отраслям права, две задачи по вопросам судебной практики и письменное задание по подготовке процессуального документа по макету дела. Претенденту отводится 3 часа на подготовку к устному ответу и выполнение письменных заданий, по истечении которых экзаменационная комиссия принимает устный ответ и оценивает письменную работу. По окончании экзамена комиссия удаляется на совещание, по результатам которого оглашаются оценки за каждый отдельный вопрос, задачу и процессуальный документ, а также общая итоговая оценка за экзамен в целом. Однако единый стандарт оценки знаний претендентов на сегодняшний день не разработан и не утвержден, что позволяет сделать вывод, что такой порядок экзамена не обеспечивает выявление квалифицированного специалиста и свидетельствует о высокой доли субъективизма при выставлении оценок.

В Испании отбор кандидатов в судейский корпус происходит через Школу правосудия, где кандидаты сдают вступительный экзамен (тестирование, а затем устный и письменный экзамен), а полученные баллы в совокупности с баллами, начисленными в процессе двухлетнего обучения и стажировки, являются основанием для распределения на соответствующую судейскую должность. При этом именно вступительное тестирование является значительным фильтром, отсеивающим более 75 % неквалифицированных кандидатов. Тестирование считается самым объективным способом оценки знаний, позволяющим достаточно быстро выявить уровень знаний, их структуру и глубину.

Представляется, что введение для претендентов на должность судьи обширного тестирования по всем отраслям права, включающего решение задач и составление процессуальных документов, с проведением компьютерной анонимной проверки и выставлением соответствующих баллов будет являться надлежащим способом выявления квалифицированных кадров с одновременным исключением возможного влияния экзаменатора и необъективного выставления оценок.

Известный русский юрист А. Ф. Кони справедливо указывал, что «к судье следует предъявлять высокие требования не только в смысле знания и умения, но и в смысле характера» [9]. Ни Конституция РФ, ни федеральные законы не содержат требований к морально-психологическим качествам претендента на должность судьи. Вместе с тем налицо тенденция расширения круга сведений, касающихся личностных характеристик кандидата в судьи [2]. После сдачи квалификационного экзамена некоторые субъекты РФ используют практику психодиагностического обследования кандидата на должность судьи, результаты которого передаются в квалификационные коллегии судей для исследования наряду с иными документами и данными при решении вопроса о рекомендации или отказе в рекомендации претендента на должность судьи.

Вместе с тем, психодиагностика не регламентирована никакими законодательными актами и, по сути, является необязательным этапом, проводить который или нет, зависит исключительно от органов судейского сообщества региона. При этом члены квалификационных коллегий судей не обладают должным уровнем познания в психологии и психиатрии, чтобы выявить психиатрические и иные заболевания личности, истинную мотивацию занятия должности судьи, ценностные ориентиры, а также профессионально-психологическую пригодность к осуществлению судебной деятельности. Рассматривая ключевую функцию квалификационных коллегий судей, М. И. Клеандров справедливо указал: «при «приеме на работу» необходимо больше внимания обращать на профессиональную пригодность кандидата быть именно судьей, отвечающим широкому диапазону требований к этой должности (выявлять психофизиологические, морально-этические, стрессоустойчивые, гипнозоустойчивые и т. п. черты характера, свойства души, наклонности кандидата)» [4, с. 72].

Практика проведения исследования морально-психологических характеристик претендента широко используется зарубежными странами, например, при отборе в Национальную школу магистратуры во Франции (окончание которой является залогом назначения на судейскую должность), при

прохождении обучения и стажировки в Германии, при отборе кандидатов в Нидерландах.

Результаты психодиагностического обследования, проведенного в 11 субъектах РФ Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, показали, что полностью соответствуют профессии только 18 % кандидатов, что в совокупности с кандидатами, которым выставлена категория «соответствуют в основном», составило 58 % [3, с. 156]. Следовательно, около половины кандидатов в силу своих психологических, эмоциональных и моральных характеристик не могут работать судьями.

Таким образом, установление обязательного характера психодиагностического обследования позволит исключить кандидатов, которые не способны осуществлять судебскую деятельность, в том числе неспособны выдержать связанные с данной профессией психологические нагрузки и нервные напряжения.

Важность изменения процедуры квалификационного экзамена и психодиагностического обследования подтверждается ст. 10 Основных принципов независимости судебных органов, принятых VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Милан, 1985 г.) [5], в которой указано, что лица, отобранные на судебные должности, должны иметь высокие моральные качества и способности, а также соответствующую подготовку и квалификацию в области права. Из данного принципа усматривается обязанность государства обеспечить должный уровень проверки с целью выявления у кандидата надлежащего уровня квалификации и высокие моральные качества, и способности. Следовательно, введением квалификационного экзамена в форме тестирования и обязательного психодиагностического обследования будет обеспечено выполнение данной обязанности государства и цели, поставленной Президентом РФ и председателем Совета судей РФ В. В. Момотовым, — отбор профессионалов.

Следующий этап отбора кандидатов на должность судьи проводится квалификационной коллегией судей и связан с проверкой документов и сведений, представленных претен-

дентом, с целью получения рекомендации к назначению на соответствующую вакантную должность судьи.

Пунктом 1 статьи 11 Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» предусмотрено, что квалификационные коллегии судей формируются из числа судей федеральных судов, судей судов субъектов Российской Федерации, представителей общественности, представителей Президента Российской Федерации.

Следовательно, в процессе отбора кандидатов на должность судьи в России участвует исполнительная власть в лице представителей Президента РФ, руководство которой осуществляет Президент РФ в соответствии с ч. 1 ст. 110 Конституции РФ.

Однако международные стандарты содержат важный принцип, обеспечивающий независимость судебной власти, — отбор судей должен осуществляться органом, независимым от органов законодательной и исполнительной власти (п. 1.3 Европейской хартии о статусе судей (принята участниками из европейских стран и двумя международными ассоциациями судей на заседании в г. Страсбурге 8–10 июля 1998 г.), пункт 46 Рекомендации).

В таком случае необходимо исключить из состава квалификационных коллегий судей представителя Президента РФ, поскольку его участие не обеспечивает должный уровень независимости судебной системы при пополнении судейского корпуса.

Тем более данное утверждение является обоснованным, ведь следующим этапом в отборе кандидатов является подготовка Президенту РФ рекомендаций по назначению кандидатов на должности судей, осуществляемая Комиссией при Президенте РФ по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий (далее — Комиссия). Указанное позволяет сделать вывод, что двойная проверка кандидата с участием президентской власти является чрезмерным фильтром, нарушающим независимость судебной власти.

Более подробно обоснование необходимости реформирования данного этапа отбора судей будет изложено далее.

Возвращаясь к порядку осуществления отбора судей и полномочиям квалификационных коллегий судей, хотелось бы отметить, что серьезным нарушением принципа независимости судебной власти, явно неспособствующем отбору лучших высококвалифицированных кадров, является отсутствие объективных критериев оценки кандидатов. Данное обстоятельство также установлено межправительственной организацией ГРЕКО в докладе, опубликованном 06.12.2019 [8].

Законодательство содержит перечень требований к претендентам, который должен быть соблюден для подачи в квалификационную коллегию судей заявления о рекомендации на вакантную должность судьи.

Однако соответствие претендента требованиям, установленным законом, не обеспечивает получение рекомендации квалификационной коллегии судей к его назначению, что неоднократно подтверждалось выводами Верховного Суда РФ [6].

Согласно пункта 44 Рекомендации решения, касающиеся отбора и продвижения судей по службе, должны основываться на объективных критериях, предварительно определенных законодательством или компетентными органами. Такие решения должны основываться на личных заслугах и учитывать квалификацию, умения и потенциал, необходимые для вынесения решения по делу с применением законодательства и уважением человеческого достоинства.

Вместе с тем, полномочия квалификационных коллегий судей сформулированы таким образом, что решение о рекомендации или об отказе в рекомендации кандидата выносится на основании внутреннего убеждения каждого члена квалификационной коллегии судей, принимавшего участие в заседании коллегии и голосовании, поскольку объективных критериев, определяющих лиц, способных быть судьями, имеющих высокие моральные качества и способности, а также соответствующую подготовку и квалификацию в области права, в настоящее время законодательством не установлено.

Подобное положение дел никак не может свидетельствовать о транспарентности системы отбора судей, а, следова-

тельно, не обеспечивает должный уровень отбора кандидатов и авторитета судебной власти.

В данном случае необходимо разработать и утвердить на законодательном уровне систему объективных критериев, соответствие которым будет являться основанием для получения рекомендации квалификационной коллегии судей. Только наличие такого порядка будет способствовать прозрачности процедуры отбора и ясности в процедуре выбора того или иного кандидата, а значит и доверия к судьям как к основной единице судебной власти со стороны общественности.

В дальнейшем положительное решение квалификационной коллегии судей о рекомендации кандидатом на должность судьи направляется в течение 10 дней после его принятия председателю соответствующего суда, который в свою очередь вносит представление о назначении рекомендуемого лица на должность судьи в Комиссию.

Как указано выше Комиссия является органом исполнительной власти, к тому же с широкими дискреционными полномочиями, которые никем и ничем не ограничены, что проявляется в следующем:

- объективных критериев, по которым Комиссия оценивает кандидатов, законодательно не установлено,
- Комиссия на основании внутреннего убеждения каждого члена Комиссии, присутствовавшего на заседании, принимает решение большинством голосов о подготовке рекомендации Президенту РФ для представления Совету Федерации кандидатур для назначения на должности председателей и заместителей председателей высших судов и назначения кандидатов на должности судей.

Из указанного следует, что Комиссия вправе отказать любому кандидату без объяснения причин и без возможности обжалования такого решения. В связи с этим процедура принятия решения о включении той или иной кандидатуры в проект указа Президента РФ о назначении федеральным судьей не является прозрачной, ведь отсутствует обязанность мотивировать свою позицию в случае отказа в утверждении кандидатуры на должность судьи [1].

Как следует из пункта 3.1 Европейской хартии о статусе для судей решение о назначении отобранного кандидата в качестве судьи и направлении его в конкретный суд принимаются независимым уполномоченным органом, упомянутым в параграфе 1.3 настоящего документа. Также подобный вопрос может быть разрешен по представлению упомянутого органа, его рекомендации, решению либо с его согласия.

Согласно Рекомендации № R (94) 12 по вопросам независимости судей (принята 13 октября 1994 г. Комитетом Министров государств — членов Совета Европы) когда положения конституции, законодательных актов или традиции допускают назначение судей правительством, должны существовать гарантии прозрачности (*transparence/transparency*) и практической независимости процедур назначения судей, а также защиты решений от влияния различных факторов, не связанных с объективными критериями.

Таким образом, если квалификационная коллегия судей как независимый орган судейского сообщества приняла решение о рекомендации претендента кандидатом на должность судьи, то Комиссия на основании данной рекомендации должна проверить документы и сведения кандидата на предмет их достоверности и соответствия требованиям и критериям отбора и подготовить Президенту РФ рекомендацию для назначения такого кандидата.

В противном случае говорить о независимости судебной власти не приходится, ведь решение о рекомендации кандидата является необязательным для Комиссии, и назначение напрямую зависит от усмотрения исполнительной власти.

Таким образом, в России сложилась многоступенчатая модель отбора кандидатов на должность судьи, однако она не в полной мере имеет правовую регламентацию, обеспечивающую должный уровень прозрачности и качественного отбора квалифицированных кадров. Какие выводы можно сделать из анализа проведенного исследования? Во-первых, необходимо изменить структуру квалификационного экзамена, заменив экзаменационные билеты комплексным тестированием по всем отраслям права, включающим решение задач и составление процессуальных документов, с проведением

компьютерной анонимной проверки и выставлением соответствующих баллов, которые будут являться важным критерием в оценке квалификации претендента. Во-вторых, необходимо внедрить обязательное психодиагностическое обследование претендента, которое исключит назначение на должность судьи лиц, неспособных осуществлять судебскую деятельность и несоответствующих по своим моральным качествам. В-третьих, важно исключить из состава квалификационных коллегий судей представителя Президента РФ как гарантию независимости судебной власти от исполнительной власти в вопросе отбора судей. В-четвертых, важно установить в законодательном акте систему объективных критериев, которые будут являться основанием для рекомендации претендента кандидатом на должность судьи и ориентиром как для самого кандидата, так и для общественности в процедуре пополнения судебного корпуса, что обеспечит должный уровень прозрачности и, соответственно, доверия со стороны общества к судебной власти. В-пятых, необходимо исключить дискреционные полномочия Комиссии, установив обязанность проведения проверочных мероприятий процедуры рекомендации кандидата квалификационной коллегией судей и соответствия требованиям, предъявляемым к судьям, в случае соблюдения которых Комиссия готовит рекомендации Президенту РФ.

Указанные изменения позволят обеспечить прозрачность и качественный отбор кандидатов на должности судей, что гарантированно повысит уровень доверия общества к судебной власти и государству в целом и, главное, сформирует независимый и профессиональный судебский корпус.

Литература

1. Гравина А. А., Кашепов В. П., Макарова О. В. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы: моногр. / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016. 240 с.
2. Гравина А. А., Кашепов В. П., Макарова О. В. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: Юриспруденция, 2010.
3. Караванов А. А. К вопросу о психодиагностическом обследовании кандидатов на должность судьи // Территория науки, 2014. № 4. С. 156.

4. Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты / под ред. М. М. Славина. М.: НОРМА, 2008. 448 с.
5. Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 325–329.
6. Решение Верховного Суда РФ от 14.10.2019 № АКПИ19-647, Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 06.02.2020 № АПЛ19-520, Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11.02.2020 № АПЛ19-540, Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 11.12.2019 № 32-АПА19-13 и др.
7. Всероссийская научно-практическая конференция «Судебная власть в современном обществе». URL: <http://www.ssrfr.ru/news/lientanovostiei/39437> (дата обращения: 09.05.2021).
8. Доклад Группы государств против коррупции (ГРЕКО) о выполнении Российской Федерацией рекомендаций четвертого оценочного раунда. URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/international-cooperation/greco/greco2020.pdf> (дата обращения: 09.05.2021).
9. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики). URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/BIO/KONI/AFKONI_E.HTM (дата обращения: 09.05.2021).
10. Выступление Президента РФ на торжественном собрании, посвященном 95-летию Верховного Суда. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56688> (дата обращения: 09.05.2021).

УЧРЕЖДЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ СОВЕТОВ И БОРЬБА С ДЕЗЕРТИРСТВОМ ВО ФРАНЦИИ НАЧАЛА XIX В.: К ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХИ

М. В. Кричевцев

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент
cm.martellus@gmail.com

Аннотация. Предлагаемая работа посвящена истории создания особых военных судов по делам о дезертирстве во Франции начала XIX в. Тема практически не изучена в отечественной науке и недостаточно полно рассмотрена во французской историографии. Статья содержит анализ Постановления правительства Франции от 12 октября 1803 г.

о специальных военных советах по делам о дезертирстве, дает представление об изменении форм судебной организации, норм уголовного права и процесса в данном акте по отношению к нормам прежних законов эпохи Великой революции. В исследовании был сделан вывод об усилении уголовной репрессии и чрезвычайном характере установленного правосудия по делам о дезертирстве во французской армии по сравнению с действием постоянных военных советов — основных военных судов Наполеоновского времени.

Ключевые слова: дезертирство; специальные военные советы; постоянные военные советы; Консулат; военная юстиция.

Abstract. This research is about the history of the creation of special military courts for desertion cases in France at the beginning of the XIX century. The topic has practically not been studied in Russian science and has not been sufficiently studied in France. The article contains an analysis of the Act of the French government of October 12, 1803, on Special War Councils for desertion cases. The paper brings information on the change in the forms of judicial organization, the norms of Criminal Law and the Proceedings in this act in relation to the norms of the previous laws of the Great Revolution. It was concluded about grow up of the criminal repression and the extraordinary nature of the established justice for desertion cases in the French army, if compared with the action of Permanent War Councils — the main military courts of the Napoleonic era.

Key words: desertion; Special War Councils; Permanent War Councils; Consulate; Military Justice.

В условиях постоянных войн, которые вела Франция при Наполеоне I, и большого напряжения народных сил дезертирство из французской армии получило широкое распространение. Оно стало выражением недовольства населения политической принудительной конскрипции и массовой гибелью людей во время военных действий. В глазах властей дезертирство выступало как опасное преступление, требовавшее незамедлительного пресечения с помощью мер уголовной репрессии. Отсюда — учреждение особых судебных органов, призванных осуществлять такую репрессию. Речь идет о создании специальных военных советов в период пожизненного Консулата в 1803 г. для обеспечения мер воздействия к военным, покинувшим ряды армии и нарушившим присягу отечеству.

Вопрос об учреждении во Франции специальных военных советов практически не изучен в отечественной историографии, но уже затрагивался во французской и английской научной литературе [5; 6, p. 210; 8; 9; 10, p. 627]. Можно

выделить работы французских авторов С. Душан-Лефевр и А. Пижара, которые в общих чертах определили роль Постановления правительства от 12 октября 1803 г. в создании военных судов по делам о дезертирстве, их общую организацию и состав судей, применяемые судами санкции [5; 8; 9]. Пижар указал, что Постановление «произвело настоящую революцию в военном законодательстве», отметив, правда, только замену наказаний в виде «желез» (fers) или каторжных работ на наказание «ядром» (boulet) и общественными работами [8, р. 9]. Очевидно, что данный нормативный акт требует более внимательного изучения и сопоставления с предыдущими законами для определения его значимости в организации французского военного правосудия. Более подробный анализ Постановления 1803 г. представлен в предлагаемой статье. Он включает рассмотрение положений о составе, порядке формирования, компетенции, проведении процесса и применяемых санкциях военного суда по делам о дезертирстве. Исследование было проведено на основе изучения аутентичных опубликованных источников конца XVIII — начала XIX в.

Понятие «дезертирство» (désertion), применявшееся в военном уголовном праве раннего Консулата, сложилось в эпоху Великой революции. Как особый состав преступления оно было закреплено в Кодексе правонарушений и наказаний для войск Республики от 21 брюмера V г. Республики (11 ноября 1796 г.) [2]. Кодекс различал два вида дезертирства: дезертирство, совершенное к врагу, и дезертирство внутри страны. Первое включало в себя: переход к врагу без письменного разрешения; выход за пределы границ перемещения войск, очерченных командующим, позволявший вступать в сообщение с врагом; выход из крепости, осажденной или окруженной врагом, без письменного на то разрешения; оставление часовым поста в присутствии врага в целях личной безопасности; побуждение товарищей для перехода к врагу. Второй вид дезертирства предполагал: оставление армейской части для возвращения в страну; выход за пределы границ передвижения войск, установленных командующим, для перемещения вглубь страны; неявку по вызову (без письменного разрешения или увольнительной в отпуск) в течение 24 часов

в армии или 36 часов в крепости первой линии. Деэртирство к врагу, как правило, влекло в качестве санкции смертную казнь (кроме случая, когда был подан донос о заговоре от одного из участников). Деэртирство же внутри страны могло повлечь различные виды наказаний в зависимости от обстоятельств, включая срочные каторжные работы (*fers* — «железа») от 5 до 15 лет [2; 5, р. 236].

Первоначально дела о деэртирстве должны были рассматриваться постоянными военными советами, учрежденными по Закону от 13 брюмера V г. Республики (3 ноября 1796 г.) в каждой армейской дивизии. Они состояли из семи военнослужащих: председателя — командира бригады, командира батальона или эскадрона, двух капитанов, лейтенанта, су-лейтенанта и унтер-офицера. Обвинение должен был поддерживать капитан, наделенный функциями докладчика, ему помогал секретарь, назначенный по его выбору. Члены совета назначались генералом, командующим дивизии, их участие в этом органе было обязательным. Командующий также определял капитана, который должен был исполнять функции комиссара исполнительной власти при суде [1].

Следствие по делу начиналось по приказу высшего офицера, командующего в данной местности. Расследование должен был вести капитан-докладчик: он производил допросы свидетелей, устанавливал сущность правонарушения и обстоятельства его совершения, вел допрос обвиняемого, затем зачитывал ему протокол и представлял итоги расследования командующему офицеру, который на основании этого созывал военный совет. В судебном заседании капитан-докладчик представлял членам совета материалы предварительного следствия, зачитывал протокол с информацией по делу военнослужащего, предъявлял доказательства обвинения. Далее на заседание следовало привести самого обвиняемого, которого сопровождал адвокат. Допрос обвиняемого на суде производился председателем, остальные члены суда также могли задавать ему вопросы, после чего обвиняемый препровождался в тюрьму. Следует отметить, что заседания совета должны были проходить публично, и на суде могли присутствовать зрители (в количестве не более тройного числа судей). Свое решение

судьи принимали в закрытом режиме в присутствии только комиссара исполнительной власти. Мнения подавались от младших по званию к старшим. При подаче трех голосов судей в пользу обвиняемого против четырех, обвиняемый подлежал оправданию. В случае принятия обвинительного приговора советом выносилось решение о мере наказания, после чего приговор оглашался публично. Обвиняемому приговор зачитывался капитаном-докладчиком [1; 7, р. 73, 74]. Решения постоянных военных советов могли быть пересмотрены в постоянных ревизионных советах, учрежденных по Закону от 18 вандемьера VI г. Республики (9 октября 1797 г.) в каждой армейской дивизии. Ревизионные советы не входили в существо дела, а выражали мнение по поводу компетенции суда и соблюдения установленных процессуальных форм, соответствия судебного решения закону. В случае отмены ревизионным советом приговора суда первой инстанции дело могло быть рассмотрено вновь вторым военным советом, созданным в каждой дивизии [9, р. 335].

Помимо дел о дезертирстве в ведение постоянных военных советов входили дела и о других воинских преступлениях. Расширение территорий Республики и увеличение армейских контингентов привело к тому, что постоянные военные советы оказались не в состоянии справиться с производством всех судебных дел на уровне дивизии. Поэтому было принято решение изъять из их ведения часть дел, относившихся к преследованию дезертирства, и передать их специальным советам [5, р. 236]. Введение таких советов можно связать также с массовым призывом на военную службу конскриптов именно в 1803 г. в целях устрашения и предотвращения дезертирства набранных лиц. В 1803 г. были также оставлены на службе 174 000 человек (из классов призыва с 1792 по 1799 гг.) [4, р. 928]. Это было сделано в мирное время, но Наполеон готовился тогда к новой войне против Англии, разорвавшей Амьенский мир с Французской республикой.

Специальные военные советы были учреждены по Постановлению (Arrêté) правительства от 19 вандемьера XII г. Республики (12 октября 1803 г.) [3]. Акт правительства состоял из 12 титулов и 87 артикулов. Он определял состав и компе-

тенцию данных судов, уточнял процедуру производства дел, устанавливал наказания за преступления, входившие в ведение советов. Аналогично постоянным военным советам специальный военный совет должен был состоять из семи членов. В составе суда: высший офицер, четыре капитана и двое лейтенантов. Можно заметить, что члены совета — только офицеры, тогда как в постоянных военных советах допускалось участие унтер-офицеров. С точки зрения военной субординации, это подчеркивало более высокий статус данного суда. В качестве докладчика и одновременно комиссара правительства должен был действовать офицер либо штаба, либо жандармерии, либо гарнизонный офицер, в чине не ниже лейтенанта. По его выбору при суде определялся один унтер-офицер в качестве секретаря. Члены военного совета и докладчик должны были назначаться командующим гарнизоном или местности, а в составе армии — бригадным генералом, под началом которого находилось подразделение обвиняемого лица. Указанные офицеры, члены совета, могли подбираться из разных отрядов гарнизона, а в армии — из разных подразделений, подчиненных тому же бригадному генералу. В случае нехватки офицеров для участия в военном совете разрешалось привлекать офицеров из других войсковых соединений, расположенных поблизости. Офицеру, назначенному к участию в совете, запрещалось без уважительных причин отказываться от исполнения возложенных обязанностей под угрозой разжалования. Специальный военный совет не являлся постоянно действующим судебным органом: по окончании производства и объявления приговора суд должен был быть распущен. В новый совет прежние члены могли войти лишь в порядке очереди, при этом один и тот же офицер не должен был исполнять функции докладчика по следующим друг за другом делам.

Компетенция специальных военных советов определялась в арт. XVI и XXI Постановления от 12 октября 1803 г. [3] Она касалась только преступления в виде дезертирства и рассмотренияотягчающих обстоятельств при совершении такого деяния унтер-офицерами и солдатами. Ведению суда подлежали также дела конскриптов (призывников), признанных

«отказниками» (*réfractaire*) от службы и обвиненных после приведения их в место содержания (депо) в дезертирстве. В целом Постановление сохранило общее понятие «дезертирства», закрепленное в Кодексе от 11 ноября 1796 г., но в тит. IX добавило к нему новый вид дезертирства «за границу», отличное от дезертирства к врагу. Оно определялось как выход без приказа или письменного разрешения за пределы, очерченные командующим войсками, при направлении к внешней границе и аресте нарушителя за два лье до нее (если семья дезертира проживала в другом месте). Таким образом, признавались три основных вида дезертирства: дезертирство к врагу, за границу и внутри страны. Новым в данном акте являлось также различие понятий «дезертирства в военное» и «в мирное время». В военное время дезертиром признавался всякий унтер-офицер или солдат, покинувший свою часть без разрешения или получивший отпуск, но не вернувшийся в срок. Оставившим свою часть считался военнослужащий, который в армии или в военной крепости отсутствовал 24 часа, а во всяком другом месте — 48 часов. Невернувшимся из отпуска считался военный, опоздавший на 8 дней. В мирное время дезертиром признавался унтер-офицер или солдат, который при сроке службы не менее шести месяцев, находясь в лагере или военной крепости, трижды покидал свою часть на 24 часа, а в любом другом месте — на 8 дней; либо опоздавший из отпуска на 15 дней. При сроке службы менее шести месяцев военнослужащий признавался дезертиром при отсутствии на большие сроки: в лагере или крепости — 15 дней, в любом другом месте — один месяц; при опоздании из отпуска — также на один месяц. Конскрипт, объявленный ранее «отказником» от службы, признавался дезертиром, если покинул депо, куда был доставлен, на 24 часа, либо покинул на такое же время свое подразделение (art. LXXIII–LXXV) [3].

Процедура возбуждения и рассмотрения дела о дезертирстве в специальном военном совете предполагала следующий порядок (tit. III, art. XXIII–XLIII) [3]. Любой командир корпуса или подразделения, чей солдат или унтер-офицер покинул или не явился в войска, обязан был подать заявление с обвинением его в дезертирстве. В случае неисполнения командиру

мог грозить усиленный арест на 15 дней или более суровое наказание. Внутри страны заявление представлялось командующему гарнизона или местности, а в составе армии — бригадному генералу, начальнику указанного командира. Внизу документа вышестоящий начальник должен был проставить визу со словами «должно быть расследовано как положено» (*Soit informé ainsi qu'il est requis*). При отказе начальника проставить визу, ему следовало написать: «нет повода для расследования» (*Il n'y a point lieu à informé*) и в течение суток сообщить свои мотивы министру. В первом случае, при согласии начальника с проведением следствия, он на заявлении указывал докладчика по делу. Назначенный докладчик должен был начать следствие с тем, чтобы в трехдневный срок дело было рассмотрено судом.

Докладчик должен был снять показания свидетелей, провести допрос обвиняемого (когда тот арестован), а если имелись вещественные доказательства — зафиксировать их. Показания свидетелей должны были быть записаны последовательно в одном журнале, скреплены их подписью, а также подписью докладчика и секретаря. Во время допроса обвиняемого докладчик обязан был узнать его фамилию, имя, возраст, место рождения, место проживания в момент поступления на службу, получить сведения о правонарушении и обстоятельствах его совершения. Обвиняемому должны быть представлены вещественные доказательства для их признания. При наличии нескольких обвиняемых их допрос должен был производиться отдельно. Каждое показание фиксировалось в отдельном журнале и скреплялось подписями обвиняемого, докладчика и секретаря.

По окончании следствия созывался специальный военный совет. Совет, впрочем, мог решить, что проведенное следствие не являлось полным и назначить дополнительное расследование. Также, если обвиняемый наряду с дезертирством совершил другое, более опасное деяние, либо при отсутствии состава дезертирства совершил менее опасное деяние, он должен быть предан суду другого трибунала (или полномочного военного начальника). В первом случае, после вынесения приговора трибунала по более серьезному обвинению, но при

наложении наказания не более сурового, чем наказание за дезертирство, обвиняемый мог быть снова переведен в специальный военный совет для вынесения приговора по делу о дезертирстве.

Заседание совета следовало организовать коменданту крепости, в его помещении. При отсутствии лица в должности командующего гарнизоном заседание могло быть проведено в здании мэрии. Если же заседание проводилось в действующей армии, тогда для этого могла быть отведена особая палатка. Во время разбирательства в совете должны были приняты во внимание материалы предварительного следствия, зачитаны протоколы. В зал заседания мог быть приведен сам обвиняемый, заслушаны показания свидетелей, заключения докладчика и показания подсудимого. Вопросы должны были формулироваться и задаваться председателем совета. После проведения публичного допроса подсудимого следовало отправить в тюрьму, а члены совета уже без свидетелей, в присутствии одного докладчика принимали окончательное решение по делу. Члены совета должны были подавать голоса от младших по званию к старшим, а в каждом звании — от меньшего срока пребывания в нем к более продолжительному. Председатель совета подавал свой голос последним. Очевидно, что такой порядок должен был способствовать свободному изъяслению воли членов совета, дабы старшие не влияли на мнение младших по званию. Мнения членов совета должны были подаваться в письменном виде, скрепленные их подписью. Решение принималось по абсолютному большинству голосов. В случае вынесения оправдательного приговора, подсудимый направлялся в свою часть для продолжения службы. При вынесении обвинительного вердикта совет приговаривал его к наказаниям, предусмотренным за дезертирство. При этом члены совета не обладали правом смягчения или сокращения установленных наказаний. Вынесенное советом решение было окончательным, оно не подлежало ни кассации, ни апелляции, ни ревизии.

В целом процесс, установленный нормами Постановления 1803 г., напоминал в основных положениях процесс в постоянных военных советах. Он протекал в розыскной форме без

использования присяжных и профессиональных судей (члены суда — обычные военнослужащие). Существенные права были предоставлены докладчику (следователю и обвинителю в одном лице), а также вышестоящему начальнику (гарнизона или дивизии), который организовывал процесс. Однако, можно выделить серьезные отличия от производства дел в постоянных военных советах. Они заключались в отсутствии адвоката для защиты подсудимого и невозможности пересмотра судебного решения. Организация и действие специального военного совета вполне соответствовали институту чрезвычайного суда, что еще более подчеркивалось временным статусом совета и сменой его состава для каждого судебного разбирательства.

Санкции за дезертирство, налагаемые по акту 1803 г., сводились к четырем видам наказаний: смертная казнь, наказание «ядром», общественные работы и штраф. Они применялись в зависимости от вида дезертирства и обстоятельств его совершения. Смертной казнью наказывалось дезертирство к врагу. Такая же санкция была установлена: для всякого руководителя заговора в целях дезертирства; дезертира, бывшего на посту; дезертира, захватившего оружие; дезертира за границу, принятого там на службу или совершившего такой уход во второй раз; для приговоренного к «ядру» или к общественным работам, виновного в мятеже или поднятии волнения против надзирателей, начальников или охраны, а также совершившего преступление, наказуемого по Уголовному или Военному кодексу смертной казнью или каторжными работами («железами») (art. LXVII) [3].

Наказание, которое в акте 1803 г. было обозначено термином «ядро» (boulet), устанавливалось: для дезертира за границу; дезертира внутри страны, похитившего одежду или вещи своих товарищей; дезертира внутри страны в случае рецидива (свыше одного раза); дезертира с общественных работ (art. LXIX). Срок наказания был определен в 10 лет, но мог быть увеличен на два года за каждое из отягчающих обстоятельств: если дезертирство не было индивидуальным; если дезертир находился при исполнении каких-либо обязанностей или перелез через стену; если он дезертировал из

армии или из крепости в первой линии. Наказание «ядром» предполагало, что осужденные будут помещаться в крупных военных крепостях и выполнять там «специальные работы» (*travaux spéciaux*). При этом они должны были тянуть ядро весом в восемь фунтов (ок. 4 кг), прикованное цепью длиной в два с половиной метра. Осужденные обязаны были работать по восемь часов в день с 1 брюмера по 1 жерминаля (полгода, в октябре — марте), а в остальные месяцы — по десять часов. Им предписывалась особая одежда, которая должна была разительно отличаться от армейских мундиров, а в качестве обуви следовало использовать сабо. Стричь или брить бороду запрещалось, но постоянно требовалось брить усы и волосы на голове. Вне работы арестанты должны были содержаться скowanными в особых тюрьмах (art. XLVI) [3].

Наказанием за дезертирство внутри страны служили общественные работы. Их срок был установлен в три года, однако, он мог быть увеличен еще на два за каждое изотягчающих обстоятельств. Три из таких обстоятельств совпадали с указанными выше при наказании «ядром», четвертым обстоятельством являлось хищение имущества из запасов государства или воинской части (art. LXXII). Осужденное к данному виду наказания лицо должно было использоваться либо на военных, либо на гражданских работах, без цепей или кандалов. Продолжительность работ должна была соответствовать обычному времени работы сельских рабочих. Одежда осужденных могла иметь сходство с военной униформой, но отличаться от нее цветом и не совпадать с формой одежды для осужденных к «ядру». На ногах же разрешалось носить туфли. Как и приговоренные к наказанию «ядром», эти осужденные должны были сохранять свои бороды от стрижки и бритья, можно было иметь усы, но требовалось регулярное бритье волос на голове. Отбывавшие общественные работы должны были составлять мастерскую (*atelier*) из 72 работников, разделенную на шесть отделений. Каждое из отделений возглавляло лицо, взятое из числа осужденных. В ночное время арестантов размещали в казармах, которые не должны были иметь сообщения с казармами гарнизона, либо в лагерях или бараках поблизости от работ (art. LII, LIII) [3].

Штраф применялся в качестве наказания за все виды дезертирства для каждого осужденного. Он должен был составлять 1500 франков (в соответствии с Законом от 17 ван-тоза VIII г. Республики — 8 марта 1800 г.) [3].

Говоря в целом о системе наказаний, представленной в Постановлении правительства 1803 г., следует отметить усиление уголовной репрессии в отношении дезертирства. Об этом свидетельствует расширение круга наказуемых деяний (более подробная их классификация) и распространение смертной казни на новые их случаи, которые не были зафиксированы в Кодексе 1796 г. Некоторым послаблением все же стало введение наказания «ядром», которое предполагало не каторжные, а «специальные работы» в военной крепости. Впрочем, постоянное волочение ядра также могло приводить к изнурению сил осужденного лица, что создавало эффект каторжных работ.

Постановление Консульского правительства Франции от 12 октября 1803 г., по сути, представляло собой мини-кодекс права, относившийся к преследованию только одного преступного деяния — дезертирства. Данный акт дополнил формы судебной организации и учредил новый уголовный суд в виде специального военного совета, кодифицировал нормы уголовного права и уголовного процесса для производства дел о дезертирстве. В лице специальных советов фактически были созданы чрезвычайные военные суды, которые действовали без присяжных и адвокатов и без возможности обжалования приговора. Усиление уголовной репрессии по Постановлению 1803 г. призвано было решать превентивные задачи по обеспечению целостности воинских подразделений и устрашению части населения страны, не желавшей поддерживать общий милитаристский курс Французского государства в начале XIX столетия.

Литература

1. Bulletin des lois de la République française. P.: De l'Imprimerie de la République, an V. Bull. 88. № 843.
2. Bulletin des lois de la République française. P.: De l'Imprimerie de la République, an V. Bull. 89. № 848.
3. Bulletin des lois de la République française. Sér. 3. P.: De l'Imprimerie de la République, an XII. T. 9. Bull. 320. № 3243.

4. Dictionnaire Napoléon / sous la direction de J. Tulard. Nouv. éd., revue et augm. P.: Librairie Arthème Fayard, 1989. 1870 p.
5. Douchamps-Lefèvre C. Jugements de conseils de guerre spéciaux de la Grande Armée à charge de conscrits du département de Jemappes, 1806–1809 // Revue du Nord. 1976. T. 58, № 229, Avril-Juin. P. 235–243.
6. Forrest A. Déserteurs et insoumis sous la Révolution et l'Empire. P.: Librairie Académique Perrin, 1988. 332 p. (in English: Conscripts and deserters. The army and French society during the Revolution and Empire)
7. Michon G. La Justice militaire sous la Révolution. P.: Librairie F. Alcan, 1922. 98 p.
8. Pigeard A. La justice militaire sous le Consulat et le Premier empire // La revue Napoléon. Août 2000. № 3. P. 6–26.
9. Pigeard A. L'Armée de Napoléon (1800–1815). Organisation et vie quotidienne. Nouv. éd., revue et augm. P.: Tallandier Éditions, 2002. 448 p.
10. Quand Napoléon inventait la France. Dictionnaire des institutions politiques, administratives et de cour du Consulat et de l'Empire / sous la direction de T. Lentz. P.: Tallandier Éditions, 2008. 784 p.

ДОЛЖНОСТЬ СУДЬИ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

О. В. Макарова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
ведущий научный сотрудник Центра уголовного,
уголовно-процессуального законодательства и судебной практики,
кандидат юридических наук
Makov71@mail.ru

Аннотация. В юридической научной литературе редко можно встретить специальные научные исследования, посвященные теме судейских должностей. В основном внимание исследователей обращено на вопросы, связанные со статусом судьи, требованиями к кандидатам на должность судьи, отбором кандидатов на должности судей и т. п. А между тем тема судейских должностей имеет большой исследовательский потенциал, позволяющий не только рассмотреть иерархию административных должностей в системе российских судов, но и разработать концепцию служебной судейской карьеры, а также выявить проблемы, связанные с возможностями карьерного и профессионального роста.

Ключевые слова: судья, должность, суд, полномочия, деятельность.

Abstract. In legal scientific literature, one can rarely find special scientific studies devoted to the topic of judicial positions. Basically, the attention of researchers is drawn to issues related to the status of a judge, requirements for candidates for the position of a judge, the selection of candidates for the position of a judge, etc. Meanwhile, the topic of judicial positions has great research potential, allowing not only to consider the hierarchy of administrative positions in the system of Russian courts, but also to develop the concept of official judicial career, as well as to identify problems associated with career and professional growth opportunities.

Key words: judge, position, court, credentials, activity.

Судьи как носители судебной власти в структуре российских судов занимают определенные судебские должности, каждая из которых законодательно наделена соответствующим объемом государственно-властных полномочий, в котором различают процессуальную составляющую — полномочия по осуществлению правосудия (собственно судебские полномочия) и административную составляющую — полномочия административного характера [6].

При этом совокупность судебных должностей составляет организационную основу деятельности судов [5]. Структуру судебных должностей, к примеру, в судах общей юрисдикции составляют должности федеральных судей, а также должности мировых судей, относящихся к судам субъектов Российской Федерации.

В федеральном законодательстве, а также в международных нормах особо не разделяются понятия «статус судьи» и «должность судьи», отсутствует их четкое юридически оговоренное разграничение. В юридической научной литературе слово «статус» чаще употребляется в связке со словом «конституционный» или «правовой». Слово «статус» применяется к статусу публичных субъектов, в число которых входит и судья, считает Е. Б. Абросимова, отмечая, что «понятие правового статуса публичного субъекта охватывает несколько элементов: первый элемент характеризует порядок формирования — назначение или избрание; второй элемент — порядок прекращения деятельности; третий элемент содержит характеристику компетенции субъекта, а также порядка и способов ее реализации; четвертый элемент можно охарактеризовать как содержащий особенности правового положения данного

субъекта, отличающие его от других публичных субъектов — носителей государственной власти» [1].

Необходимо отметить, что термин «статус» присутствует в наименованиях многих нормативных правовых актов, что свидетельствует о примерно таком же понимании статуса.

Применительно к статусу судьи — это совокупность норм, которые закреплены в федеральном законе и определяют правовое положение судей как носителей судебной власти. Элементы статуса судей: порядок наделения кандидатов полномочиями, основания приостановления и прекращения полномочий, принципы их деятельности, материальное обеспечение судей и меры социальной защиты.

Статус судьи является ключевым понятием в правовой науке и поэтому в юридической литературе приводится немало его определений [3; 4; 7; 8]. Напротив, понятие должности судьи, как уже отмечалось ранее, рассматривается не часто.

При этом термин «должность судьи» широко применяется как в национальном законодательстве, так и в международных правовых актах, к примеру, когда речь идет о требованиях к кандидатам на должность судьи, о порядке наделения судейскими полномочиями, о переводе судьи на другую должность, о предельном возрасте пребывания в должности и др., тем не менее, его определение отсутствует. Более того в федеральном законодательстве отсутствует легальное определение понятия «должности».

Нередко в научной юридической литературе понятие «должность судьи» отождествляется с понятием «статус судьи», что считаем не совсем правильным, поскольку «должность» отражает в первую очередь организационную характеристику, а «статус» — правовую.

Исследователи, занимающиеся проблемами правового статуса судьи, определяют должность судьи как «учрежденную в установленном порядке первичную структурную единицу правосудия, которой определяется содержание и объем полномочий, ответственность замещающего ее лица, а также расходы государства за выполняемую работу по этой государственной должности» [3].

Недостатком цитируемого определения является попытка определить должность судьи через правосудие, которое, в теории права, является особым видом государственной деятельности, либо основной функцией судебной власти. Следуя рассуждениям, цитируемого автора, получается, что должность судьи — это либо первичная структурная единица деятельности, либо функции, что представляется не логичным.

В теории административного права под должностью в общем виде понимается учрежденная в установленном порядке первичная структурная (организационная) единица, отражающая содержание и объем полномочий занимающего его лица [2].

При этом государственная должность рассматривается в нескольких аспектах:

1) правовом — должность представляет собой совокупность прав и обязанностей, возлагаемых на лицо, замещающее эту должность, которые являются частью компетенции государственного органа;

2) организационном — государственная должность представляет собой часть структуры государственного аппарата (как правило, органа), является первичной базовой ячейкой государственного органа (например, департамент — отделы — должности);

3) как средство управленческого воздействия — позволяет подчинить одно лицо другому.

Следует отметить, что судебная деятельность представляет собой определенный вид государственно-властной деятельности. Ее необходимо рассматривать как разновидность государственной службы, поскольку разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную свидетельствует о государственной природе судебной деятельности.

Государственные должности бывают двух видов: государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, и отличаются от других должностей тем, что, во-первых, существуют в структуре государственного органа, во-вторых, связаны с реализацией государственно-властных полномочий, в-третьих,

финансируются из средств бюджетов и, в-четвертых, закрепляются в нормативных актах (от Конституции РФ до актов органов исполнительной власти субъектов РФ).

Деятельность лиц, замещающих государственные должности, не регулируется законодательством о государственной службе. Перечень государственных должностей утвержден Указом Президента РФ от 11.01.1995 № 32 «О государственных должностях Российской Федерации», в котором перечислены десять судебных должностей: Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации, первый заместитель, заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, судья Верховного Суда Российской Федерации, председатель федерального суда, заместитель председателя федерального суда, судья федерального суда.

Следует отметить, что вышеперечисленные судьи, относятся к лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, которые не входят в систему должностей государственной службы, что обусловлено принципами разделения властей и обеспечения независимости судей. Должности федеральных судей создаются и упраздняются Конституцией РФ и федеральными законами. Должности мировых судей создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации.

Таким образом, должность судьи — это основная структурная единица государственного органа судебной власти (суда), образуемая в соответствии с Конституцией РФ (либо законами субъектов Федерации для мировых судей), с установленным кругом обязанностей по исполнению и обеспечению полномочий органа судебной власти, денежным содержанием за счет федерального бюджета (либо бюджета субъекта) и ответственностью за выполнение предусмотренных данной должностью обязанностей, по совокупности конкретных прав и обязанностей определяющая служебное положение лица, замещающего данную должность.

К числу особых судебных должностей относится должность председателя суда (его заместителя). В законодательстве отчетливо наблюдается разграничение между статусом судьи (в литературе и на практике устоялась устойчивая формулировка «рядовой судья») и руководителем суда. Это обусловлено тем, что полномочия председателя суда (его заместителя) имеют двойственную юридическую природу. Их деятельность направлена как на осуществление ряда процессуальных действий по рассмотрению конкретных дел, так и на организацию работы суда. В силу особой роли председателей судов в организации и деятельности российских судов полагаем целесообразным посвятить им отдельное исследование.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, еще раз отметим, что тема судебных должностей имеет большой исследовательский потенциал, позволяющий разработать концепцию служебной судебной карьеры, а также выявить проблемы, связанные с возможностями карьерного и профессионального роста судьи.

Литература

1. Абросимова Е. Б. Очерки российского судоустройства: реформы и результаты. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 125.
2. Административное право: учеб. / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М.: Юрист, 2000.
3. Анишина В. И., Артемов В. Ю., Большова А. К. и др. Правосудие в современном мире: моногр. / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012.
4. Гравина А. А., Кашепов В. П., Макарова О. В. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: Юриспруденция, 2010.
5. Гравина А. А., Кашепов В. П., Макарова О. В. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы: моногр. / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016.
6. Ермошин Г. Т. Судейские должности: структура, объем полномочий, порядок замещения // Российское правосудие. 2009. № 5 (37).
7. Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М.: Норма. 2008.
8. Михайловская И. Б. Суды и судьи. Независимость и управляемость. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 2007.

СУДЫ СИБИРИ В БОРЬБЕ ЗА КАЧЕСТВО СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Д. Ю. Михеев

Новосибирский военный институт войск национальной гвардии
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат исторических наук,
dimamix@list.ru

И. А. Нестеренко

референт в комитете Законодательного Собрания
Новосибирской области по государственной политике,
законодательству и местному самоуправлению,
кандидат юридических наук, доцент
ignes_nov@mail.ru

Аннотация. Статья нацелена на исследование проблем, связанных с качеством работы судебных органов в Сибири в начале 1930-х гг. Авторы попытались исследовать проблемы и трудности судопроизводства на территории Сибири, а также показать место и роль советских судебных органов в борьбе с правонарушениями. В статье не рассматриваются специальные суды: военные трибуналы, линейные суды водного и железнодорожного транспорта в связи со специфическими особенностями их организации и деятельности. Особое внимание уделяется изменениям в деятельности сибирских судов, происходивших под влиянием различных политических, экономических и социально-культурных факторов, которые определялись процессом радикальной трансформации всей системы общественных отношений. Хронологические рамки статьи заданы изменениями общественно-политической ситуации в стране и определяются завершением в основном процесса радикальной перестройки социально-экономических отношений в стране.

Ключевые слова: советский суд, социалистическая законность, качество правосудия, судебный процесс, Сибирь.

Abstract. The article is aimed at studying the problems associated with the quality of the work of the judiciary in Siberia in the early 1930s. The authors tried to investigate the problems and difficulties of legal proceedings on the territory of Siberia, as well as to show the place and role of the Soviet judicial authorities in the fight against offenses. The article does not consider special courts: military tribunals, line courts of water and transport in connection with the specific features of their organization and activities. Particular attention is paid to the changes in the activities of the Siberian courts that occurred under the influence of various political, economic and socio-cultural factors, which were determined by the process of radical

transformation of the entire system of social relations. The chronological framework of the article is set by changes in the socio-political situation in the country and is determined by the completion of the process of radical restructuring of socio-economic relations in the country.

Key words: Keywords: Soviet court, socialist legality, quality of justice, trial, Siberia.

Стремление советского государства обеспечить партийное и классовое доминирование в органах юстиции, поставить, в том числе и суд под жесткий контроль, обусловили на начальном этапе формирования советской судебной системы низкую профессиональную подготовленность кадрового состава работников суда, деградацию всей системы правосудия. Отсутствие должной материально-технической оснащённости судов в сочетании с высочайшей профессиональной нагрузкой, влекли с одной стороны высокую текучесть кадров, с другой — низкое качество судебных решений. Вместе с тем, энергичная и упорная деятельность работников сибирских судов позволила создать в регионе систему судебных учреждений, позволившую обеспечить советскому государству легальность и жизнеспособность на основе новой, социалистической законности [1, с. 5].

Для понимания основных направлений деятельности и задач, которые приходилось решать судам Сибири по повышению качества судебного правоприменения в первой половине 1930-х гг., необходимо рассмотреть их повседневную работу на примере разрешения уголовных и гражданских дел. Для работы сибирских судов в этот период было характерно поступление чрезвычайно большого количества дел, которое значительно превышало возможность их своевременного, а, зачастую, и правосудного решения. Такая картина особенно была характерна для первой половины 1930-х гг., о чем говорят данные табл. 1.

Характерной чертой судебной работы в эти годы являлись длительные сроки рассмотрения дел и бюрократические проволочки. То, что часто именовалось «бюрократизм и волокита». Из-за недостатка судебных учреждений и низкой квалификации судей количество дел в судах Сибири намного превышало те возможности, которыми они располагали.

Трудно представить, как успевали судьи рассматривать от 100 до 150 дел в месяц.

Таблица 1

Количество дел, поступивших в народные суды Западно-Сибирского края в 1931-1936 гг.*

Год	Количество народных судов	Всего дел	Уголовные дела		Гражданские дела		В среднем на один суд
			Количество	%	Количество	%	
1931	130	117 074	77 179	66,0	39 895	34,0	900
1932	95	107 266	68 956	64,2	38 310	35,8	1129
1933	103	129 401	79 093	61,1	50 308	38,9	1256
1934	105	149 485	74 737	49,9	74 748	50,1	1423
1935	112	138 273	54 939	39,7	83 334	60,3	1234
1936	122	165 633	41 870	25,3	123 763	74,7	1357

*Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 37.

Одним из главных направлений деятельности судебных учреждений Сибири было уголовное судопроизводство. На фоне материальных трудностей и лишений городского и сельского населения Сибири преступность находилась на довольно высоком уровне. Структуру преступности в Сибири можно охарактеризовать как типичную для слаборазвитых в экономическом отношении обществ. В ней преобладала бытовая преступность, связанная с имущественными преступлениями и преступлениями против личности [2]. В начале 1930-х гг. возросло количество обращений граждан в суд с жалобами на побои, оскорбления и клевету, которым ранее суды почти совершенно не уделяли внимания. Суды относили подобные составы к делам частного обвинения, которым ранее (по сравнению с делами «государственными») не придавалось серьезного значения [3].

Серьезной болевой точкой качества правосудия и центром особого внимания в работе судов Сибири была борьба с хулиганским антиобщественным поведением. Борьба про-

тив хулиганства активно велась и в течение 1920-х гг. Но с начала 1930-х гг. требования усилить карательную политику правоохранительных органов к этой социальной аномалии существенно возросли. В целом ситуацию по борьбе с хулиганством за первую половину 1930-х гг. в Западно-Сибирском крае показывают следующие данные. За хулиганские преступления в 1932 г. было осуждено 5285 человек, в 1933 г. — 2989, в 1934 г. — 4151, в 1935 г. — 4365 человек. В составе всех осужденных в 1930-е гг. в Западно-Сибирском крае доля хулиганов составляла на уровне 10 % [4].

Болезненной проблемой для многих местностей Сибири оставался уголовный бандитизм (ст. 59 УК РСФСР 1926 г.). Во многих сибирских городах бесчинствовали организованные банды, которые не останавливались перед самыми дерзкими преступлениями. Так, в Новосибирске в мае 1929 г. состоялся суд по делу банды, совершившей около 20 преступлений. Суд приговорил 8 обвиняемых к расстрелу [5]. Приговоры по таким делам были суровыми в большинстве случаев. Даже к концу рассматриваемого периода сохранялось значительное число осужденных по ст. 59 УК РСФСР: в 1935 г. 181 чел., в 1936 г. — 241 чел., в 1937 г. — 103 чел. [6]

Впрочем, по некоторым составам преступлений отмечалось и снижение противоправных деяний. Укрепление социалистической законности привело к сокращению преступлений против порядка управления (табл. 2).

Таблица 2

Рассмотрение в судах Западно-Сибирского края дел, связанных с противодействием государственной власти*

Состав преступления	Количество осужденных	
	1932 г.	1936 г.
самоуправство	3230	64
сопротивление представителям власти	1230	136
публичное оскорбление представителей власти	393	48

*Составлено по: ГАНО-Р. Ф. 1027. Оп. 7. Д. 83. Л. 115–126.

Вопреки сложившемуся в массовом сознании представлению о 1930-х годах, как времени, когда основной мерой наказания являлось лишение свободы, анализ судебной практики тех лет свидетельствует об обратном. В 1931 г. в Западно-Сибирском крае лишены свободы по приговору народного суда 17 763 чел., к прочим же мерам, не связанным с лишением свободы, осуждено в 3 раза больше — 53 507 чел. В 1932 г. лишены свободы 24 446 чел., прочие меры, не связанные с лишением свободы, 57 747 чел. В 1933 г. — лишено свободы 24 101 чел., прочие меры — 40 313; 1934 г. — лишено свободы 26 695, прочие меры наказания, не связанные с лишением свободы, 41 765 чел. В последующие годы эта тенденция сохранялась. Высшая мера социальной защиты (расстрел) как мера наказания в практике судов Западно-Сибирского края в этот период составляла около 0,08 % (в 1935 г. — 49 чел., в 1936 г. — 14 чел.) [7].

В судебной практике изучаемого периода еще не вполне утвердился ставший позднее привычным для советской юстиции подход, при котором поступление уголовного дела в суд означало, как правило, вынесение исключительно обвинительного приговора, а оправдательный приговор рассматривался как недостаток в работе. В начале 1930 х гг. оправдательные приговоры постановлялись еще нередко, и составляли около одной десятой общего количества привлеченных к уголовной ответственности (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о количестве лиц, оправданных судебными органами Западно-Сибирского края в 1931–1933 гг.

Период	Общее количество привлеченных к уголовной ответственности	Оправдано из общего числа привлеченных к уголовной ответственности	Оправдано из числа привлеченных к уголовной ответственности за контррев. преступления
1931 г.			
1 кв.	23 022	2164 (9,4 %)	—
2 кв.	29 003	2490 (8,1 %)	—
3 кв.	19 778	1591 (8,1 %)	—
4 кв.	25 637	1945 (8,4 %)	1
Итого	97 470	8190 (8,5 %)	1

Период	Общее количество привлеченных к уголовной ответственности	Оправдано из общего числа привлеченных к уголовной ответственности	Оправдано из числа привлеченных к уголовной ответственности за контррев. преступления
1932 г.			
1 кв.	27 171	2179 (8,1 %)	—
2 кв.	28 089	2679 (9,5 %)	1
3 кв.	19 938	1755 (8,8 %)	—
4 кв.	24 483	2520 (10,3 %)	23
Итого	99 681	9133 (9,2 %)	24
1933 г.			
1 кв.	24 061	2952 (10,6 %)	8
2 кв.	25 075	2291 (9,2 %)	2
3 кв.	19 134	1714 (9,1 %)	4
4 кв.	32 170	2947 (9,2 %)	4
Итого	100 440	9904 (9,5 %)	18

Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 54. Л. 9.

Таким образом, из 297 591 чел., привлеченных к суду в 1931–1933 гг., были оправданы 27 227 чел. (9,1 %).

Следует отметить, что в деятельности судов истинная сущность права, порой, все же проявлялась, хотя и вопреки указаниям партийных органов. На примере отдельных судебных дел можно видеть, что возможность восстановления законности имела, казалось бы, в самых неблагоприятных для этого условиях. В архивном фонде Западно-Сибирского краевого суда сохранились материалы длительного разбирательства в 1934–1935 гг. сначала в судах Сибири, а потом и на уровне высшей судебной инстанции дела по факту создания в Барнаульском районе Западно-Сибирского края антисоветской террористической группы. Выявленной группе инкриминировалась вредительская деятельность, направленная на подрыв колхозного строя: в феврале 1934 г. в колхозе, произошел пожар конного двора, погибло 27 лошадей. Выездная коллегия Западно-Сибирского краевого суда в Барнауле рассмотрела дело и приговорила обвиняемых по ч. 9 ст. 58 УК РСФСР 1926 г. к высшей мере социальной защиты и к различным срокам

лишения свободы. Кассационная коллегия Западно-Сибирского краевого суда, рассмотрев дело, обнаружила, что достоверных доказательств виновности осужденных в материалах следствия и суда не представлено. Коллегия, впрочем, приговор оставила в силе. Однако осужденные подали кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР. Верховный Суд приостановил высшую меру в отношении осужденных, указав, тем не менее, что «виновность их несомненна». Лишь по представлению Верховного суда краевой суд заменил расстрел на 10 лет лишения свободы. Таким образом, тщательное рассмотрение хода данного дела позволяет убедиться, что судьи все же могли действовать в соответствии со своим внутренним убеждением и на основании закона.

Известным недостатком качественных характеристик правосудия долгое время была судебная волокита. Волокитчики-судьи был одной из постоянных мишеней публикаций в периодической печати. Так, газета «Советская Сибирь» в номере от 16 октября 1936 г. в рубрике «Письма трудящихся» поместила жалобу колхозников Топкинского района, которые в течение нескольких месяцев не могли ни в суде, ни в прокуратуре призвать к ответу счетовода, присвоившего деньги из кассы колхоза. В другом суде Новосибирска приговор был вынесен лишь через 140 дней (!) после судебного заседания и подписан судебными заседателями, не участвовавшими в процессе.

Страдало правосудие недостатками и иного рода. Так, в номере от 23 декабря 1936 г. под рубрикой «Дела судебские» газета «Советская Сибирь» рассказала, как жительница Новосибирска была осуждена в нарсуде Октябрьского района без ... вызова в суд. «Как разговаривала судья с пустовавшей скамьей подсудимых, — это никому неизвестно», — горько иронизирует корреспондент. Газета приводит факты, когда судьи рассматривали дела вообще без народных заседателей. Незнание, нарушение судьями норм материального и процессуального права приводило к парадоксальным решениям. Например, закон в то время ограничивал максимальный срок лишения свободы 10 годами. Но один из судей 2-го участка Дзержинского района Новосибирска постановил лишить свободы на

11 лет и 6 месяцев. Другой судья этого же участка лишил граждан их гражданских прав ...бессрочно, т. е. на всю жизнь [8].

Немало было и других фактов низкого качества работы народных судей. Так, у одного из новосибирских судей образовалось 135 уголовных дел не только не разобранных судом, но даже не принятых к производству. Все они просто складывались «в стол» по мере поступления. Многие дела лежали более года [9].

Серьезной помехой для правосудия была неудовлетворительная работа следственных органов. Низкое качество предварительного расследования являлось причиной отмены почти 50 % и изменения почти 80 % приговоров судов первой инстанции [10]. В ряде случаев подсудимым не предъявлялись обвинительные заключения, не предоставлялась возможность ознакомиться с делом и т. д. [11].

Таким образом, можно утверждать о наличии серьезных нарушений качества правосудия в судебных учреждениях Сибири. В самом общем виде их можно классифицировать по трем основаниям: во-первых, нарушение норм материального права; во-вторых, нарушение норм процессуального права, в-третьих, нарушение принципов законности. К первой и второй группам можно отнести то, что в архивных источниках сохранилось как «нарушение элементарных норм закона» и «извращение карательной политики», к третьей — «волокита» [12]. Со временем, именно волокита стала доминировать. Сроки рассмотрения дел многократно превышали допустимые. Нарушение элементарных норм закона и извращение карательной политики были легализованы путем создания внесудебных органов и чрезвычайного законодательства.

Следует отметить, что карательная политика народных судов в этот период, в целом, характеризуется известной мягкостью: лишь около половины осужденных приговаривались к лишению свободы, из оставшейся части около трети приговаривалось к исправительно-трудовым работам, а больше половины были осуждены к условному лишению свободы [13].

Также о низком качестве правосудия свидетельствует анализ отмены и пересмотра приговоров. Так, только в течение 1936 г., из 2343 человек, на которых в суд следственными орга-

нами были направлены дела, 591 человек (25,2 %) были привлечены к судебной ответственности безосновательно [14]. Только в Новосибирске за первое полугодие 1936 г. было, без законных на то оснований, привлечено к уголовной ответственности 600 человек, что даже для крупного краевого центра является чрезвычайно большой цифрой. Если учесть и дела, возбужденные прокуратурой и милицией за тот же период, то цифра возрастает до 891 чел., незаконно привлеченных к уголовной ответственности [15]. Наконец, по обжалованным приговорам Краевой суд в отношении 85 человек (8,7 %) направил дела для нового рассмотрения, признав имеющиеся материалы недостаточными. Из 975 кассационных жалоб, рассмотренных Краевым судом в 1936 г. приговор утвержден без изменений в 615 случаях (63,1 %), утвержден с изменениями — в 169 (17,4 %), отменен — в 85 (8,7 %), дело прекращено — в 106 (10,8 %) случаях. В 21 случае (2,2 %) суды неверно квалифицировали противоправное деяние. Все это свидетельствует о низком качестве работы судебных органов в рассматриваемый период.

Немало нарушений отмечалось и в деятельности судов по рассмотрению дел, относящихся к гражданским правоотношениям. Количество таких дел в судах Западно-Сибирского края в исследуемый период утроилось. Если в 1931 г. было рассмотрено 40 тыс. дел, то в 1936 г. — более чем 120 тысяч [16]. Только за 1932–1935 гг. суды Западно-Сибирского края рассмотрели 193 231 гражданское дело. В среднем на каждый суд приходилось в год около 500 гражданских дел [17] (табл. 4).

Таблица 4

Сведения о количестве разрешенных гражданских дел народными судами Западно-Сибирского края в 1932–1935 гг.

Период	Количество гражданских дел	Количество народных судов, по которым получены сведения	В среднем на 1 народный суд
1932 г.	28 957	95	305
1933 г.	40 044	103	389
1934 г.	60 925	99	609
1935 г.	63 305	93	681

Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 117.

Как показывают данные судебной статистики, на протяжении первой половины 1930-х гг., при общем увеличении дел, поступающих в народные суды Западно-Сибирского края, резко сократилось количество уголовных дел и увеличилось количество гражданских дел (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение уголовных и гражданских дел*

Год	Уголовных дел		Гражданских дел		Всего
	количество	%	количество	%	
1931	77 179	66,0	39 895	34,0	117 074
1932	68 956	64,2	38 310	35,8	107 266
1933	79 093	61,1	50 308	38,9	129 401
1934	74 737	49,9	74 748	50,1	149 485
1935	54 938	39,7	83 334	60,3	138 272

*Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 2.

Подводя итоги рассмотрения деятельности судов Сибири по повышению качества правосудия, можно сделать вывод, что, несмотря на значительные трудности и недостатки в работе судов, они все же выполняли свою главную функцию, выступая эффективным орудием борьбы с преступностью и способом разрешения споров и конфликтов в гражданских правоотношениях. Следует подчеркнуть, что в результате большой и разнообразной работы по поддержанию правопорядка судебные органы получали широкое признание и пользовались прочным авторитетом со стороны населения Сибири [18, с. 82]. Работа судебных органов в исследуемый период не сводилась только к рассмотрению судебных дел, а охватывала еще целый ряд направлений.

Помимо основной задачи по разрешению уголовных и гражданских дел работникам судов приходилось много внимания уделять пропаганде советского законодательства в широких массах населения, обеспечению связи судебных органов с другими органами управления. Работники судов постоянно привлекались местными партийными и советскими органами к проведению различных агитационно-про-

пагандистских кампаний. Возрастало уважение и доверие населения к судам. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в судах Сибири выросло количество гражданских дел, в которых разрешались имущественные споры, трудовые и прочие конфликты. Суды Сибири в среднем за год посещало более 1 млн чел., что составляло около 11 % всего населения края.

Таким образом, повседневная деятельность судов по отправлению правосудия являлась важной частью всей системы управления регионом. Внимание судов к проблемам общества позволило им обеспечить тесную связь с населением, помогло выявлять и исправлять недостатки в работе местных органов власти, в целом способствовало оздоровлению общественной атмосферы.

Литература

1. Бузмакова О. Г., Михеев Д. Ю. Формирование судебных кадров в Сибири в 1920-х — начале 1930-х годов // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 1. С. 5–15.
2. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 83. Л. 118.
3. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 83. Л. 122.
4. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 22–23.
5. Советская Сибирь. 1929. 28 мая.
6. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 11.
7. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 8.
8. Советская Сибирь. 1936. 16 окт.
9. Советская Сибирь. 1936. 23 дек.
10. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 37.
11. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 37.
12. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 23. Л. 50 об.
13. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 83. Л. 9–11.
14. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 83. Л. 9–11.
15. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 83. Л. 16.
16. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 37.
17. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 117.
18. Исаев В.И., Михеев Д. Ю., Угроватов А. П. Между политикой и правом: суды Сибири в 1920–1930-е гг. Новосибирск, 2013. 280 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ — ЗАДАЧА СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

И. Ю. Мурашкин

Сибирский юридический университет
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук
igormurashkin@mail.ru

Аннотация. На основании проблем реформирования российской судебной системы автором предлагается обеспечить законности принимаемых судами первой инстанции решений путем создания системы вневедомственного контроля.

Ключевые слова: суд, судебная реформа, апелляционная инстанция, кассационная инстанция, надсудебный надзор.

Abstract. Based on the problems of reforming the Russian judicial system, the author proposes to ensure the legality of decisions taken by the courts of first instance by creating a system of non-departmental control.

Key words: court, judicial reform, appellate instance, cassation instance, super-judicial supervision.

Наряду с экономической и политической состоятельностью государства, стабильная судебная система является одним из критериев оценки безопасности существования общества. Насколько законодательство может обеспечить законность и справедливость судебного решения, настолько будет обеспечено доверие граждан к власти. И, наоборот, недоверие к судебным органам вызывает в обществе не только негативное отношение к власти, но и определенную напряженность, связанную с невозможностью получить от государства адекватную судебную защиту, обеспечить с ее помощью реализацию своих прав и свобод.

Не случайно политические преобразования в любой стране сопровождаются реорганизацией судебной системы в целом или процессуального законодательства, регламентирующего порядок судебной защиты. Это процесс характерен и для России. Усиление и централизация в 11 веке власти киевских князей ознаменовался составлением сборника правовых актов, в том числе регламентировавших судебное производство,

известный как «Русская правда», закрепившей обязательный судебный процесс на принципах справедливости, характерных для того периода развития общества [11, с. 135–177]. С оформлением в средневековые сословной монархии связано появление Судебника Ивана IV, предусмотревшего представительство в судах, регламентацию наказания и возможность проведения поединка по наиболее запутанным делам [8, с. 47–49, 64–73]. Несмотря на разные оценки реформ Петра I, его преобразования в общественно-политической жизни России не могли не затронуть деятельность судебной системы. Порядок формирования и состав суда закреплялся в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб», 1715 г. [9, с. 408–425], а участие профессиональных обвинителей — прокуроров — указами 1722 г [2]. Оформление абсолютной монархии потребовало проведение судебной реформы, во время которой по инициативе Екатерины II в 1769 г. принят закон «О судебных местах» [4], которым регламентировались начала судебного права, в том числе упорядочена деятельность судебных инстанций. Период перехода на капиталистический способ производства связан с судебной реформой 1864 г., когда приняты «Учреждение судебных установлений» [10, с. 32–82], «Устав уголовного судопроизводства» [10, с. 120–251], «Устав гражданского судопроизводства» [10, с. 394–419] и «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [5, с. 10–22].

Преобразования в политической жизни России 20 века также ознаменовались реформированием, а зачастую и весьма серьезными преобразованиями, судебной системы. Первый же декрет советской власти [13] изменил деятельность судов, уничтожил ранее существовавшую систему судебных органов, предложив иную, основанную на самоуправлении структуры рассмотрения уголовных и гражданских дел. Несмотря на то, что организация работы судебных органов в социалистический период развития государства претерпела существенные изменения, она подверглась резкой критике в период реформ конца 80-х — начала 90-х гг. [16]. С этого момента, пожалуй, следует вести отсчет последнему этапу судебной реформы в России, который до настоящего времени не закончен. При этом, главной целью функционирования

судебной власти провозглашена защита прав и свобод личности [7, с. 35].

Учитывая ограниченные рамки научной работы, сложно отметить все вехи реформирования судебной системы. Но уже приведенный выше перечень позволяет сделать первый вывод: история России — это история судебных преобразований.

Нестабильность судебного процесса подтверждается числом изменений и дополнений процессуального законодательства, регламентирующего гражданское, уголовное и административное судебные производства. Например, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [12] подвергся корректировке посредством 95 Федеральных законов. Для реформирования порядков судебного рассмотрения уголовных дел и обжалования принятых по их результатам решений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [22] внесены изменения и дополнения нормами 57 Федеральных законов. Для упорядочения норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — Кодекс административного судопроизводства) [15], принятого в 2015 г., потребовалось принять еще 23 Федеральных закона.

Обращает на себя внимание то, что за последнее время наиболее существенные изменения претерпевают порядки реВИЗИИ судебных решений.

В частности, Федеральным законом от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [26] кардинальным образом изменены подходы к апелляционному и кассационному обжалованию приговоров по уголовным делам, а решения по гражданским делам — Федеральным законом от 09.12.2010 № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [25]. С принятием Кодекса административного судопроизводства упорядочен пересмотр судебных постановлений по делам об административных правонарушениях, входящих в компетенцию судебных органов.

Вместе с тем все эти изменения не привели к ощущению законности судебных решений. В определенной степени это связано с рядом факторов, в первую очередь — с перегруженностью судов и желанием упростить судебный процесс.

Например, ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ установлено, что при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке после доклада председательствующего и выступления сторон суд «переходит к проверке доказательств». Согласно ст. 87 УПК РФ под проверкой доказательств понимается сопоставление их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Иную позицию высказал Верховный суд Российской Федерации (далее — ВС РФ), указав в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [18] (далее — постановление), что под предусмотренной ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ проверкой доказательств судом апелляционной инстанции следует понимать исследование по правилам, установленным ст. 87–89 и главой 37 УПК РФ (с особенностями, предусмотренными ч. 3–8 ст. 389.13 УПК РФ), доказательств, получивших оценку суда первой инстанции, а также исследование имеющихся в деле доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции, а равно исследование по тем же правилам новых доказательств, представленных сторонами.

При этом законодательно не установлено в каком объеме должны быть исследованы доказательства, содержащиеся в уголовном деле: в той мере, в которой необходимо для разрешения апелляционной жалобы (представления) или в полном объеме. С одной стороны, ответ очевиден: только те доказательства, которые могут повлиять на принятие решения по апелляционной жалобе (представлению). Однако ч. 1 ст. 389.19 УПК РФ предусмотрено, что суд не связан доводами апелляционных жалобы, представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме. Следовательно, объем исследованных доказательств в ходе рассмо-

тения уголовного дела в апелляционном порядке зависит исключительно от мнения судьи. Тем более, на это нацеливает Пленум ВС РФ, который в упомянутом выше постановлении указал, что суд выясняет у сторон мнение о необходимости проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции, и с согласия сторон вправе рассмотреть апелляционную жалобу или представление без проверки этих доказательств, а допрос свидетелей возможен, если это признает необходимым суд (п. 13).

В результате такой процессуальной неопределенности апелляционный процесс по уголовным делам стал напоминать по своей сути порядок рассмотрения уголовных дел в кассационном порядке, предусмотренном разделом 4 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [21]. А современный порядок кассационного рассмотрения уголовного дела, предусмотренный главой 47.1 УПК РФ, лишь загрозил уголовный процесс, исключив возможность скорейшего пересмотра судебного решения Пленумом ВС РФ.

Аналогичная ситуация сложилась при рассмотрении гражданских дел и дел об административных правонарушениях.

Соответственно, следует сделать второй вывод — современная система ревизии судебных решений не обеспечивает качественного и быстрого восстановления нарушенных прав участников процесса, обеспечения неукоснительного соблюдения законности при судебном рассмотрении дел.

Очевидно, что это понимают как представители судейского сообщества, так и законодательной власти.

Подтверждением этому является продолжение судебной реформы.

С целью минимизации влияния извне на решения судей, реквизирующих постановления нижестоящих судов, реализуется политика по территориальному удалению судов апелляционной и кассационной инстанций от мест рассмотрения дела в первой инстанции [24].

Как следует из пояснительной записке к проекту федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных

судов общей юрисдикции» [19], основными целями его принятия являются максимальное обеспечение независимости и самостоятельности таких судебных инстанций при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений на судебные постановления, а также усовершенствование инстанционного устройства судов общей юрисдикции и оптимизирование судебной нагрузки.

Профессор В. В. Кальницкий, проведя анализ указанной пояснительной записки и законопроекта, отмечает, что реформирование предопределено исключительно внутренними предпосылками и инициировано Верховным Судом РФ [3, с. 47]. В своей работе он предлагает воспринимать тезис о принципиальном отличии предложенного варианта организации работы апелляционной инстанции от существовавшего ранее, «как преувеличение» [3, с. 48], обосновано полагая, что в новом процессуальном порядке «нет потенциала для провозглашения его новых качественных возможностей», а предметом кассационного производства «остается проверка исключительно законности рассмотрения дела в предшествующих инстанциях, а не существа дела» [3, с. 50].

Таким образом никаких глобальных целей по обеспечению законности принятых судами первой инстанции судебных решений не ставилось изначально. В этой же пояснительной записке не приведено аргументов, указывающих на ущемление независимости и самостоятельности судов апелляционной и кассационной инстанций до внесения анализируемых изменений.

Следует так же учитывать, что в компетенцию апелляционных судов общей юрисдикции входит пересмотр судебных решений, вынесенных верховным судам республик, краевым (областным) судам, судам городов федерального значения, суду автономной области, судам автономных округов, что предусмотрено ч. 2 ст. 19.2 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [23]. Таким образом, число таких судебных решений не является определяющим.

Подобная ситуация сложилась при кассационном оспаривании судебных решений. Например, по данным Судебного

департамента при ВС РФ [20] в 2019 г. судами первой инстанции рассмотрены 806 114 уголовных дел, а судами кассационной инстанции по возбужденным кассационным производствам — 10 290, что составляет не многим более 1 % от числа рассмотренных судами первой инстанции. За этот же период рассмотрены 1 035 941 гражданских и 7 018 460 административных дел, а в суде кассационной инстанции проревизированы, соответственно — 45 389 дел, или 4,38 %, и 4 789 дел, или 0,07 %.

Детальная проработка организации и перспектив работы кассационных судов общей юрисдикции профессором Е. А. Борисовой привела к аргументированным выводам о снижении уровня гарантий допуска к правосудию, эффективности судебной защиты по гражданским делам и о том, что реформирование российского гражданского судопроизводства не закончено [1, с. 41]. К этому следует лишь добавить — не только гражданского... Как указывает В. В. Момонов, снижение доверия к суду сегодня является общемировой тенденцией [6, с. 89].

Таким образом, следует сделать следующий вывод — данная судебная реформа к желаемому результату обеспечения законности судебных решений и стабильности судебной системы привести не может.

Следует также отметить, что руководители судебных органов, вплоть до Верховного Суда Российской Федерации, будучи не только судьями, но и администраторами, не заинтересованы в увеличении числа признанных незаконными судебных решений. Их рост негативно скажется как на репутации руководителей, так и на репутации всей судебной системы.

А поскольку суды общей юрисдикции составляют единую вертикаль судебной власти, уполномоченную не только выносить судебные решения в первой инстанции, но и проверять их, представляется возможным искусственная корректировка показателей законности судебных решений.

По этой причине установить фактическое число незаконных судебных решений невозможно.

При этом показатели числа отмененных и измененных судебных решений апелляционными и кассацион-

ными инстанциями отличаются стабильностью. Например, по уголовным делам соотношение обжалованных и подвергшихся корректировке в апелляционном порядке приговоров за последние 7 лет составляет от 17,6 % (в 2019 г.) до 21,5 % (в 2020 г.). Еще меньший разброс годовых показателей имеется при оценке стабильности судебных решений при избрании и изменении меры пресечения в виде содержания под стражей. За анализируемый период наихудший из них был в 2020 г. и составил 10 %, а наилучший — в 2015 г., когда было отменено или изменено 7,72 % судебных постановлений и определений.

Учитывая изложенное, возникает вопрос: как изменить судебную систему таким образом, чтобы она удовлетворяла российское общество, или хотя бы большую его часть, и получило вотум доверия.

Для ответа на этот вопрос необходимо определить причину, по которой судебные органы в настоящее время этого не имеют. А она заключается в желании судей сохранить видимость стабильности и законности за счет статистических показателей.

Для решения этой задачи необходимо создать условия, при которых на показатели незаконных судебных решений невозможно повлиять административными ресурсами.

Препятствием для разрешения этой проблемы является отсутствие внесудебного контроля над принятием судебных решений. До судебной реформы 1991–1992 годов эту функцию выполняли органы прокуратуры, включая оспаривание постановлений Пленума Верховного Суда СССР, которые, по мнению Генеральной прокуратуры СССР не соответствуют закону [14]. Затем, в связи с утратой силы Закона СССР «О прокуратуре СССР» [17], функцию надзора за законностью судебных решений, установленные ст. 40, с органов прокуратуры сняли. Однако альтернативы предложено не было.

Таким образом, целесообразно в судах общей юрисдикции оставить только рассмотрение дел в первой инстанции и пересмотр судебных решений в апелляционном порядке.

При этом функции суда кассационной и надзорной инстанции должны быть возложены на другой орган, не входящий в структуру Верховного Суда Российской Федерации.

В него должны избираться наиболее опытные работники судебных органов, прокуратуры, адвокатуры, представители научного сообщества. Только такой надсудебный надзорный орган позволит решить задачу обеспечения законности и справедливости судебных решений, в той мере, в которой не будет связан корпоративными интересами не только с органами, разрешающими дела по существу, но и с другими органами власти. В случае формирования этой структуры высшим законодательным органом власти государства и пожизненное назначение судей будет обеспечен, пусть даже опосредованно, общественный контроль деятельности судей.

На это же учреждение возможно возложение и иных функций, которые позволят обеспечить беспристрастную работу судейского корпуса. К таким полномочиям следует отнести рассмотрение вопросов этического поведения судей, дача разрешения на проведение в отношении судей оперативно-разыскных мероприятий, на возбуждение в отношении них уголовного дела, применения меры пресечения, связанной с изоляцией от общества, снятие полномочий судьи и др.

При этом такой орган не должен входить в систему органов исполнительной власти и иметь другие функции, за исключением тем, которые обеспечивают законность деятельности судов общей юрисдикции.

Безусловно, на первом этапе становления такой системы правосудия возможен рост, и даже не малый, судебных решений, признанных судами кассационной и надзорной инстанций незаконными и не справедливыми. Вместе с тем в ближайшей перспективе крен в сторону принятия судом первой инстанции «выгодного» судебного решения будет исправлен. В конечном итоге обеспечение принятия правосудного решения вернут доверие к судебной системе в частности и к государственной власти — в целом.

Литература

1. Борисова Е. А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики // Вестн. гражданского процесса. 2019. № 5. С. 21–41.
2. Законодательство Петра I. URL: <http://пустаpна.рф/29188/Ukazi-Petra-Pervogo> (дата обращения: 10.05.2021).
3. Кальницкий В. В. Судебная реформа 2018 года // Законодательство. 2018. № 2(14). С. 43–51.

4. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция 75 [электронный ресурс]. URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch75.htm> (дата обращения 10.05.2021).
5. Малешин Д. Я. Наследие Судебной реформы 1864 г. // Вестн. гражданского процесса. 2015. № 6. С. 10–22.
6. Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 68–89.
7. Напалкова И. Г., Федоренко Н. В. Судебная реформа и формирование правовой государственности в Российской Федерации // Российский судья. 2020. № 3. С. 35–39.
8. Российское законодательство X–XX: в девяти тома. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. 432 с.
9. Российское законодательство X–XX: в девяти тома. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.
10. Российское законодательство X–XX: в девяти тома. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. Лит., 1991. 496 с.
11. Судебники XV–XVI веков. Подготовка текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Изд.: Академия наук СССР. М.-Л.: 1952. 617 с.
12. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
13. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. № 17. 24.11.1917 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2021).
14. Закон СССР от 30.11.1979 № 1162-X «О прокуратуре СССР» // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 843.
15. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 24.03.2020) // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.
16. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1435.
17. Постановление Верховного Совета РФ от 17.01.1992 № 2203-1 «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 20.02.1992. № 8. Ст. 367.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. Янв. 2013.
19. Пояснительная записка к проекту федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/374020-7> (дата обращения: 20.05.2021).

20. Судебная статистика. Официальный сайт Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 15–20.05.2021).
21. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2002) // Свод законов РСФСР. Т. 8. с. 613 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
22. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
23. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018). «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.01.1997. № 1. Ст. 1 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 30.07.2018 (дата обращения 19.05.2021).
24. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Российская газета. № 165. 31.07.2018.
25. Федеральный закон от 09.12.2010 № 353-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 13.12.2010. № 50. Ст. 6611.
26. Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 45.

ПРОБЛЕМЫ ИНСТАНЦИОННОЙ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

М. Е. Нехороших

Новосибирский государственный университет
экономики управления
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук
mihaneh_92@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы действующего процессуального законодательства, регулирующего инстанционную связь в системе судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: суды общей юрисдикции, инстанционная связь, кассационное производство, апелляционное производство, судебная реформа.

Abstract. The current problems of the current procedural legislation governing the instance link in the system of courts of general jurisdiction are considered.

Key words: courts of general jurisdiction, instance link, cassation proceedings, appeal proceedings, judicial reform.

В настоящее время в Российской Федерации продолжается реформа судебных инстанций во всех видах судопроизводства, которая началась еще в 2010 г. Если обзорно описывать ее ход, то можно выделить несколько этапов.

На первом этапе (условно его временные рамки можно определить с 2010 по 2017 гг.) произошло коренное изменение соотношения всех инстанций: апелляционное производство стало основным и единственным средством обжалования и пересмотра судебного решения до его вступления в законную силу, кассационное производство стало применяться исключительно по вступившим в законную силу судебным решениям, надзорное же производство стало исключительным средством проверки судебного решения уже после его кассационного пересмотра.

На втором этапе (с 2017 до 2019 гг.) были созданы новые судебные звенья — апелляционные суды общей юрисдикции и кассационные суды общей юрисдикции, Апелляционный военный суд и Кассационный военный суд — которые должны были специализироваться именно на апелляционном и кассационном производствах и разгрузить верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области, суды автономных округов (далее — областные суды), окружные (флотские) военные суды и Верховный Суд Российской Федерации от проверки всех судебных решений нижестоящих судов. Кроме того, за созданием новых судов последовало различение двух самостоятельных видов кассаций: сплошной и выборочной, которые, соответственно, были отнесены к компетенции кассационных судов общей юрисдикции, Кассационного военного суда и Верховного Суда Российской Федерации. В научной литера-

туре используются и другие наименования данных разновидностей кассационного производства, например, обязательная (вместо сплошной) кассация и вызывная (вместо выборочной) кассация [4].

На последнем же этапе (с 2020 г по настоящее время) законодатель вносит отдельные изменения в уже сформированную систему проверочных производств для обеспечения наиболее эффективного их соотношения. В числе таких изменений можно отметить Федеральный закон от 24.02.2021 № 15-ФЗ, которым срок кассационного обжалования судебных решений в уголовном процессе был поставлен в зависимость от вида кассационного производства: для сплошной кассации он составляет в настоящее время 6 месяцев, вне зависимости от оснований отмены или изменения судебного решения; для выборочной — один год с момента вступления судебного решения в законную силу для отмены судебного решения с целью последующего ухудшения положения осужденного и бессрочно для отмены или изменения судебного решения без последующего ухудшения положения осужденного.

В связи с тем, что законодательство продолжает изменяться, следует отметить несколько основных проблем, которые связаны с обеспечением инстанционной связи в действующем процессуальном законодательстве, для устранения подобных недостатков в ближайшее время.

Прежде всего, следует обратить внимание на не в полной мере эффективное соотношение сплошной и выборочной кассации в уголовном процессе в зависимости от вида обжалуемого судебного решения: итогового и промежуточного. Так, в соответствии с положениями ст. 401.3 УПК РФ большинство итоговых судебных решений обжалуются в кассационном порядке дважды: сначала в сплошной кассации в кассационном суде общей юрисдикции (Кассационном военном суде для гарнизонных военных судов), затем в порядке выборочной кассации в соответствующей судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. Исключение составляют лишь итоговые судебные решения областных судов и окружных (флотских) военных судов, которые обжалуются только в порядке сплошной кассации сразу в соответствующую

щую судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации. Вместе с тем, что касается промежуточных судебных решений, то они обжалуются вне зависимости от того, каким судебным звеном они были вынесены, дважды, но только в порядке выборочной кассации: сначала в кассационный суд общей юрисдикции (Кассационный военный суд), затем в соответствующую судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации.

Если обратиться к аналогичным нормам в гражданском и административном судопроизводствах, то можно заметить, что подобная дифференциация порядка кассационного обжалования в зависимости от вида судебного решения имеется лишь в КАС РФ (ст. 327.1), но отсутствует в ГПК РФ. Согласно названной норме КАС РФ, вступившие в законную силу определения, которыми не оканчивается производство по административному делу (иными словами — промежуточные судебные решения) могут быть обжалованы в порядке кассационного производства в кассационный суд общей юрисдикции и в случае рассмотрения обжалуемого судебного акта кассационным судом общей юрисдикции — в соответствующую судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации. Кассационные жалоба, представление на судебный акт рассматриваются судьей суда кассационной инстанции единолично без проведения судебного заседания. По итогам рассмотрения кассационных жалобы, представления судьей суда кассационной инстанции выносится кассационное определение. Иными словами, КАС РФ предусматривает для промежуточных судебных решений такое же двукратное обжалование, как и для итоговых: сначала в порядке сплошной кассации, затем в порядке выборочной кассации. Меняется не соотношение видов кассации, что имеет место в уголовном процессе, а лишь порядок рассмотрения кассационной жалобы: такие жалобы рассматриваются по общему правилу единолично судьей без вызова иных лиц, участвующих в деле.

Как представляется, такой подход законодателя является более правильным, поскольку не ставит в зависимость от вида судебного решения реализацию принципа свободы его обжалования, гарантируя каждому заинтересованному участнику,

что его кассационная жалоба будет рассмотрена и разрешена по существу в порядке сплошной кассации, при условии ее своевременной подачи и надлежащего оформления. Действующий же порядок двукратного рассмотрения промежуточных судебных решений в порядке выборочной кассации в уголовном процессе приводит к тому, что, с одной стороны, участникам уголовного процесса не гарантируется, что после вступления промежуточного судебного решения в законную силу они смогут добиться его пересмотра в вышестоящем суде. С другой стороны, учитывая, что законодателем не были установлены предельные сроки для обжалования судебных решений в порядке выборочной кассации, существующее положение приводит к тому, что кассационные жалобы на вступившие в законную силу судебные решения, подаваемые в кассационный суд общей юрисдикции, не ограничены каким-либо сроком. В связи с изложенным, в науке уголовного процесса высказывается справедливая позиция, что «отсутствие пресекательного срока на обращение в суд кассационной инстанции может сделать процесс вступления решения в законную силу неопределенно долгим, что также способно подорвать авторитет судебной власти» [3, с. 93].

Кроме того, нельзя поддержать и решение законодателя о сокращении возможностей кассационного обжалования итоговых судебных решений областных судов и окружных (флотских) военных судов лишь до сплошной кассации сразу в соответствующей судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. Особенно странным такое решение видится при сравнении порядка кассационного обжалования итоговых судебных решений областных судов и окружных (флотских) военных судов (однократное обжалование в порядке выборочной кассации в соответствующую судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации) и промежуточных решений областных судов и окружных (флотских) военных судов (двукратное обжалование в порядке выборочной кассации сначала в кассационный суд общей юрисдикции или Кассационный военный суд, затем в соответствующую судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации). В данном отношении актуальным представляется позиция Л. В. Головки,

который ранее уже отмечал существующую неравномерность в обжаловании итоговых судебных решений. Такая неравномерность в возможностях обжалования итоговых судебных решений выражается в том, что по уголовным делам о менее тяжких преступлениях допускается больше возможностей обжалования, а по сложным уголовным делам об особо тяжких преступлениях таких возможностей меньше [1, с. 60]. Отрицательно существующее положение оценивает и А. А. Рукавишников [2, с. 85].

Как представляется, объективных причин для существующей неравномерности в возможностях обжалования итоговых судебных решений в уголовном процессе нет, более того, такая неравномерность противоречит и буквальному толкованию положений судоустройственных законов. В частности, в соответствии со ст. 12.2 ФКЗ «О военных судах в Российской Федерации», Кассационный военный суд рассматривает дела в качестве суда кассационной инстанции по жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты гарнизонных военных судов, окружных (флотских) военных судов и апелляционного военного суда, а также дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам и осуществляет иные полномочия в соответствии с федеральными законами. Схожее положение содержится и в ст. 23.2 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Таким образом, как представляется, действующее уголовно-процессуальное законодательство должно быть приведено в соответствие с судоустройственным законодательством и по каждому итоговому судебному решению областных судов, окружных (флотских) военных судов должна быть обеспечена возможность их двукратного последовательного обжалования в кассационном производстве: сначала в порядке сплошной кассации, затем в порядке выборочной кассации.

Следующее несоответствие существующей в процессуальном законодательстве инстанционной связи судов общей юрисдикции судоустройственному законодательству выражается в соотношении компетенции общегражданских судов и военных судов. Как известно, в системе судов общей юрисдикции выделяется две самостоятельные подсистемы: система

общегражданских судов и система военных судов. При этом судебные звенья, входящие в каждую из указанных подсистем, связанные инстанционно только с судебными звеньями внутри той же подсистемы и не связаны с судебными звеньями из другой подсистемы.

Следуя общему смыслу описанной выше инстанционной связи внутри подсистем судов общей юрисдикции, были сформулированы и положения судоустройственных законов, закрепивших компетенцию созданных апелляционных и кассационных судов. В частности, в соответствии со ст. 23.10 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» апелляционный суд общей юрисдикции рассматривает дела в качестве суда апелляционной инстанции по жалобам, представлениям на судебные акты областных судов, принятые ими в качестве суда первой инстанции и не вступившие в законную силу. Согласно ст. 12.10 ФКЗ «О военных судах в Российской Федерации», Апелляционный военный суд рассматривает дела в качестве суда апелляционной инстанции по жалобам, представлениям на судебные акты окружных (флотских) военных судов, принятые ими в качестве суда первой инстанции и не вступившие в законную силу. Таким образом, апелляционный суд общей юрисдикции выступает вышестоящим по отношению к областным судам в подсистеме общегражданских судов, Апелляционный военный суд — вышестоящим по отношению к окружным (флотским) военным судам в подсистеме военных судов.

Вместе с тем, ряд положения гражданского и административного процессуального законодательства противоречат вышеприведенной логике инстанционной связи судов общей юрисдикции. Так, например, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 331 ГПК РФ частные жалобы (апелляционные жалобы, подаваемые на определения суда первой инстанции) на определения областного суда и окружного (флотского) военного суда рассматриваются апелляционным судом общей юрисдикции. Иными словами, в указанной норме предусматривается, что определения окружного (флотского) военного суда должны обжаловаться в апелляционном порядке не в Апелляционном военном суде, а в апелляционном суде общей юрисдикции,

а значит, апелляционный суд общей юрисдикции выступает в этом отношении вышестоящим по отношению к окружным (флотским) военным судам, что противоречит разделению системы судов общей юрисдикции на две самостоятельные подсистемы.

Аналогичное правило предусмотрено и в КАС РФ. В частности, в соответствии с положениями п. 3 ч. 2 ст. 313 КАС РФ частные жалобы подаются на определения областного суда, окружного (флотского) военного суда в апелляционный суд общей юрисдикции. Кроме того, КАС РФ наделил апелляционный суд общей юрисдикции правом проверки не только определений окружных (флотских) военных судов, но и некоторых судебных решений. Согласно п. 1 ч. 3 ст. 260 КАС РФ апелляционный суд общей юрисдикции рассматривает апелляционные жалобы на решения областных судов и окружных (флотских) военных судов по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Вместе с тем, следует признать, что частное обжалование в гражданском и административном процессе является лишь разновидностью апелляционного обжалования, которая выделяется именно ввиду специфичного объекта обжалования — определения, вынесенного до итогового решения по гражданскому и административному делу. Соответственно, поскольку объективных причин для дифференциации компетенции вышестоящих судов в зависимости от вида обжалуемого судебного решения в гражданском и административном процессе в настоящее время нет, существующее положение закона должно быть исправлено и Апелляционный военный суд должен быть наделен полномочиями по пересмотру всех судебных решений (как окончательных, так и промежуточных) окружных (флотских) военных судов. То же относится и к апелляционному рассмотрению судебных решений по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Таким образом, все вышеописанные проблемы современной инстанционной связи судов общей юрисдикции в различных видах судопроизводства позволяют сформулировать следующие предложения:

1) в уголовном процессе следует предусмотреть двукратное кассационное обжалование итоговых судебных решений областных судов и окружных (флотских) военных судов. Для областных судов проверка итогового судебного решения в порядке сплошной кассации должна осуществляться в кассационном суде общей юрисдикции, в порядке выборочной кассации — в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Для окружных (флотских) военных судов в порядке сплошной кассации — в Кассационном военном суде, в порядке выборочной кассации — в Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации;

2) в уголовном процессе вместо двукратного пересмотра промежуточных судебных решений в порядке выборочной кассации необходимо ввести общий порядок их обжалования: первоначальный пересмотр осуществлять в порядке сплошной кассации в кассационном суде общей юрисдикции, Кассационном военном суде; последующий пересмотр в порядке выборочной кассации — в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, в Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации;

3) в гражданском и административном судопроизводствах необходимо предусмотреть, что частное обжалование определений окружных (флотских) военных судов должно осуществляться в Апелляционном военном суде;

4) в административном процессе следует изменить правила пересмотра судебных решений по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. В частности, должно быть закреплено, что апелляционное рассмотрение апелляционных жалоб на судебные решения окружных (флотских) военных судов осуществляется в Апелляционном военном суде.

Как представляется, скорейшее принятие законодательных указаний в настоящей статье предложений позволит обеспечить более стройную систему судебных инстанций в уголовном, гражданском и административном судопроизводствах.

Литература

1. Головкин Л. В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 51–61.
2. Рукавишников А. А. Дифференциация производства в суде кассационной инстанции: проблемы и перспективы // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 84–88.
3. Рукавишников А. А. Место реформированного производства в суде кассационной инстанции в системе обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе России // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2019. № 4 (35). С. 89–95.
4. Червоткин А. С. Новый порядок пересмотра судебных решений: что изменится в апелляции и кассации // Уголовный процесс. 2018. № 9. С. 46–53.

ОТ I К X ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ СУДЕЙ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ГЛАЗАМИ СУДЕЙ

Е. А. Пилипенко

Новосибирский областной суд
и.о. председателя суда

Аннотация. Статья посвящена истории развития судебной системы, начиная с 1991 года и по настоящее время, формированию органов судейского сообщества как необходимой гарантии независимости судебной власти. Автором приведены принимаемые Всероссийским съездом судей решения, оказавшие наибольшее влияние на реализацию стоящих перед судами задач.

Ключевые слова: судебная реформа, органы судейского сообщества, съезд, закон.

Abstract. The article is devoted to the history of the development of the judicial system, from 1991 to the present, the formation of the bodies of the judicial community as a necessary guarantee of the independence of the judiciary. The author lists the decisions taken by the All-Russian Congress

of Judges that had the greatest impact on the implementation of the tasks facing the courts.

Key words: judicial reform, bodies of the judicial community, congress, law.

Созданная в Российской Федерации система судов является самоуправляемой — посредством формирования, из числа судей, органов судейского сообщества.

В Федеральном законе «Об органах судейского сообщества» закреплено, что основными задачами органов судейского сообщества являются: содействие в совершенствовании судебной системы и судопроизводства; защита прав и законных интересов судей; участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности. В соответствии со ст. 6 данного закона высшим органом судейского сообщества признан Всероссийский съезд судей [1].

Проведение Десятого юбилейного съезда судей запланировано на ноябрь–декабрь 2022 г. в г. Москва.

Для понимания всей значимости предстоящего события и роли данного органа судейского сообщества в формировании независимой судебной власти представляется необходимым вернуться к истокам — к тем, событиям, которые проходили как в нашем государстве, так и в судебной системе в 1990–1991 гг.

12 июня 1990 г. Съезд народных депутатов принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР [2].

По прошествии 9 месяцев — 17 марта 1991 г. был проведен Всероссийский референдум, по итогам которого был введен пост Президента РСФСР и в июне этого же года им стал Б. Н. Ельцин. В период с 28 марта по 5 апреля 1991 г. был созван Третий (внеочередной) съезд народных депутатов РСФСР [3].

Выступая перед депутатами, Борис Николаевич Ельцин сформулировал основные программные принципы и направления деятельности, к числу которых, были отнесены необходимость реальной департизации органов прокуратуры, юстиции, КГБ, армии, государственного аппарата; запрет на совмещение партийных должностей с руководящими должностями в органах власти и управления, в том числе и для Президента;

введение системы разделения властей как начала строительства правового государства [4].

В целях реализации решений указанного съезда в апреле 1991 г. коллегией Министерства юстиции РСФСР и Президиумом Верховного Суда РСФСР было принято решение о необходимости проведения в сентябре–октябре 1991 г. первого съезда судей РСФСР с повесткой дня: концепция и основные правовые акты судебной реформы; о правовой и социальной защищенности судей.

I съездом судей было принято решение о создании представительного органа судейского сообщества — Совета судей, который был призван содействовать проведению судебной реформы в России, защищать интересы судей, представлять их в других органах государственной власти [5].

Главными итогами первого съезда Судей России явились выработка основных положений концепции судебной реформы, которая 24 октября 1991 г. была одобрена Верховным Советом РСФСР.

Вот как в указанной концепции изложено существующее на тот момент положение дел в юстиции: правоохранительные органы явно не справляются с выпадающим на их долю фронтом работ. В 1990 г. судами РСФСР рассмотрено по первой, второй и надзорной инстанциям более 4 миллионов гражданских и уголовных дел, материалов об административных правонарушениях, а также других материалов. Таким образом, народный судья ежемесячно слушал около 42 дел и материалов, член краевого, областного суда в 1990 г. рассмотрел около 176 уголовных и гражданских дел. Среднегодовая нагрузка на одного государственного арбитра составляла в 1990 г. 686,2 дела.

Правоохранительные органы и суды, не справляясь с такой нагрузкой, постоянно нарушают процессуальные сроки рассмотрения дел.

При этом во всех правоохранительных органах сохраняется большое количество вакансий. Тяжелые условия труда — причина «бегства» следователей и судей из правоохранительных органов. В 1980–1989 годах за время от выборов до выборов в суды (5 лет) выбывало около половины народных

судей. Весной 1989 г. заявили о своем отказе от переизбрания на новый срок 20 % российских судей. В 1990 г. уволились по собственному желанию 11,5 % народных и 4,7 % вышестоящих судей РСФСР. Служение правосудию становится все менее престижным. Недостает и народных заседателей.

Нищета юстиции перерастает из проблемы технической в процессуальную. Так, почти половина судей РСФСР из-за отсутствия залов судебного заседания вынуждена рассматривать уголовные и гражданские дела в кабинетах, нарушая принцип гласности. Применяемый способ изготовления протоколов судебного заседания ведет к затягиванию времени нахождения дела в суде первой инстанции, затрудняет принесение замечаний на протокол, а также кассационное обжалование, открывает простор фальсификациям. Из-за того, что даже самый добросовестный секретарь поневоле упускает в рукописном тексте около 50% значимой информации, прозвучавшей в ходе процесса, сводятся на нет гарантии кассационного и надзорного производства.

Концепция судебной реформы 1991 г. предполагала, что суд должен занять центральное место в системе правоохранительных органов, осуществляя как прямой, так и косвенный контроль за несудебным (досудебным) производством.

В качестве форм прямого контроля требовалось законодательно закрепить:

- санкционирование следственных действий, связанных с возможностью ограничения конституционных прав и свобод граждан;
- последующую проверку законности и обоснованности таких действий и решений органов расследования;
- разрешение споров между органами, ведущими процесс, и рассмотрение жалоб граждан на органы уголовного преследования.

Одновременно суд должен был быть освобожден от любых рудиментов функции уголовного преследования.

Косвенный контроль должен выражаться в том, что стандарты доказывания и решения дел в суде будут служить на ранних стадиях процесса как эталон, несоблюдение которого

при направлении суду материалов сводило бы на нет шансы выиграть дело.

Краеугольным камнем преобразований должна стать несменяемость судей, распространяемая на всех судей, кроме мировых, для которых будет восстановлена выборность населением на пятилетний срок.

Прочие судьи будут назначаться Президентом РСФСР на срок до отставки в связи с достижением установленного возраста. Будет упразднен институт отзыва судей (кроме мировых).

Представление кандидатур судей на должности председателей судов и другие судебные должности, возбуждение дисциплинарного производства и постановка вопроса об освобождении судей от должности, как и об их перемещении, должны быть прерогативами судейской корпорации.

Предлагалось также запретить принадлежность судей к политическим организациям и движениям, активную политическую деятельность сотрудников правоохранительных органов, образование партийных организаций в прокуратурах, органах дознания, судах; предоставить судьям право налагать штрафы за неуважение к суду на месте совершения правонарушения — в зале суда — путем внесения соответствующей записи в протокол с последующим взысканием по правилам производства по делам об административных правонарушениях; обеспечить судей форменной одеждой (мантиями), усилить торжественность ритуала судопроизводства (приведение свидетелей к присяге, форменная одежда сторон и т. п.); присваивать квалификационные классы судьям независимо от усмотрения властей, исходя из объективных и простых показателей: стажа работы и должности судьи; создавать в судах комнаты отдыха, восстановления сил и психологической разгрузки персонала, а также обеспечить иными мерами социальной поддержки (обеспечение жилья, оплата проезда к месту отдыха и обратно, ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью до 45 рабочих дней); признать право работников правоохранительных органов на отставку с получением после 10–20 лет работы на соответствующих должностях [6].

Первым итогом данной судебной реформы стало принятие 26 июня 1992 г. Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», которым предусмотрено, что судебная власть в Российской Федерации принадлежит только судам. Судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной власти [7].

Активную роль в принятии данного закона сыграл Совет судей Российской Федерации, который отчитался о первых итогах своей работы на втором Всероссийском съезде судей, состоявшемся 29–30 июня 1993 г. Впервые на данном съезде приняли участие судьи арбитражных и военных судов.

Данный съезд представляет интерес еще и потому, что на нем было утверждено первое Положение об органах судейского сообщества Российской Федерации, которые подлежали образованию в соответствии со ст. 17 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации». На первоначальном этапе судебной реформы к органам судейского сообщества относились: Всероссийский съезд судей, а в период между съездами — Совет судей Российской Федерации, съезды (конференции) судей, а в период между ними — соответствующие советы судей; собрания судей Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Высшая и иные квалификационные коллегии судей, действующие на основании Положения, утверждаемого Верховным Советом Российской Федерации. Специальное законодательное регулирование деятельности органов судейского сообщества произошло значительно позднее — в 2002 г.

Статья 3 данного положения закрепляла, что Всероссийский съезд судей созывается один раз в три года. Однако по решению Совета судей Российской Федерации, а также по требованию 1/3 общей численности судей общих или арбитражных, или военных судов может созываться внеочередной Всероссийский съезд судей [8].

Такой внеочередной (третий) съезд состоялся 24–25 марта 1994 г., ключевым поводом для созыва послужила убедительная просьба Президента России Б. Н. Ельцина выдвинуть кандидатов на вакантные должности судей Конституционного суда России.

Проведя тайное голосование, третий Всероссийский съезд судей представил 12 кандидатур на эти должности, среди которых был и Владимир Павлович Литвинский, занимавший на тот момент должность заместителя председателя Новосибирского областного суда.

На данном съезде было принято решение, которое повлияло на дальнейшее развитие судебной системы, позволив создать необходимую материально-техническую базу для отправления правосудия на высоком профессиональном уровне, а именно — о необходимости создания Судебного департамента в рамках Министерства юстиции Российской Федерации.

Создание специального органа было обусловлено объективными реалиями, поскольку работа с судами — это всего лишь одна из сторон деятельности органов юстиции, в то время как единственной задачей Судебного департамента должно было стать и стало (как мы видим сейчас) ресурсное, организационное и кадровое обеспечение судов, а формирование и деятельность Судебного департамента должны были происходить при участии и контроле со стороны органов судейского сообщества.

Внесены изменения и в Положение об органах судейского сообщества и прямо закреплено, что Советы судей избираются съездами (конференциями) судей общих, арбитражных и военных судов сроком на три года [9].

IV Всероссийский съезд судей состоялся 3–5 декабря 1996 г. и приобрел статус чрезвычайного по инициативе Совета судей Российской Федерации, поскольку отсутствие финансирования и другого обеспечения деятельности судов могло в ближайшее время привести к коллапсу судебной системы.

Как следует из доклада председателя Совета судей Российской Федерации Сидоренко Юрия Ивановича, «решение III-го съезда судей Министерство юстиции не выполнило. Положение с обеспечением деятельности судов продолжало ухудшаться, поэтому в октябре 1995 г. Совет судей вернулся к этому вопросу и пришел к выводу, что Министерство юстиции, органы юстиции на местах на протяжении ряда лет не справлялись с материальным, ресурсным, кадровым обеспе-

чением судов, а в настоящее время вообще уклоняются от решения этих вопросов».

При таких обстоятельствах, 18.10.1995 Совет судей России единодушно пришел к выводу о целесообразности и необходимости создания Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Это решение нашло поддержку и в Верховном суде Российской Федерации. Выступая перед участниками IV съезда, Вячеслав Михайлович Лебедев, председатель Верховного суда РФ, отметил, что «не только судебная система приостанавливает свои темы, но и даже приостанавливается деятельность судов. Главная причина в неудовлетворительном финансировании судов. Необходимо в быстрые сроки создать Судебный департамент при Верховном суде РФ».

Спустя год, в декабре 1997 г. Федеральный закон «О судебном департаменте» был принят и 8 января 1998 г. был подписан Президентом. 8 февраля 1998 г. с согласия Совета судей Председатель Верховного суда назначил Генерального директора Судебного департамента (Чернявский Валентин Семенович). На данном съезде было принято обращение к Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в котором делегаты Съезда высказали свою поддержку принятому Государственной Думой Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации».

Оценивая перспективы развития судебной системы, съезд отметил необходимость незамедлительного принятия следующих законов: «О судебной системе Российской Федерации», «О Верховном Суде Российской Федерации», «О судах общей юрисдикции», «О военных судах» [10].

По прошествии девяти лет после проведения I-го съезда, V съезд судей (27–29 ноября 2000 г.) констатировал, что судебная реформа в России состоялась.

Как отмечал в своем выступлении один из участников съезда (Председатель Высшего Арбитражного суда Российской Федерации В. Ф. Яковлев), «проводимая реформа по масштабам, глубине преобразований, по целям, основным принципам и достигнутым результатам весьма сходна с судебной реформой России 1864 г., получившей звание Великой. Пораз-

ительно совпадают принципы и средства достижения целей реформ. Они близки и к международным стандартам. Это, прежде всего, отделение судебной власти от исполнительной и законодательной, превращение ее в самостоятельную ветвь власти, т. е. ее независимость».

Делегаты данного съезда постановили, что в ближайшие годы усилия должны быть направлены на совершенствование уголовно-процессуального законодательства, введение сокращенного порядка судебного следствия и института «соглашения о признании вины», утверждение состязательности процесса, совершенствование гражданского и арбитражного процессуального законодательства, путем введения процедуры досудебного урегулирования споров, упрощения судебной процедуры по указанным в законе категориям дел.

V съезд судей утвердил Регламент Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, по которому данный орган судейского сообщества работает до настоящего времени [11].

Очередной VI съезд судей, состоявшийся 30 ноября — 4 декабря 2004 г., в условиях, когда средства массовой информации активно публиковали различные материалы по поводу коррупции в органах судебной власти, признал актуальность такой задачи как повышение авторитета судебной власти. В целях создания условий для предотвращения коррупции в органах судебной власти и негативного общественного мнения о работе судей признал целесообразным введения практики представления судьями сведений о своих доходах и имуществе. Как показывает дальнейшее развитие судебной системы, съезд справедливо счел, что для эффективного решения задач, стоящих перед судейским сообществом на том этапе, требовалось особое внимание судебной власти к работе в информационной сфере, значение которой для повышения авторитета судебных органов объективно возрастает. Была отмечена необходимость придать данной работе системный и научно обоснованный характер, установить практику ежегодного информирования общества через средства массовой информации о деятельности соответствующих судов.

Недостаточность финансирования судов и низкая заработная плата сотрудников аппарата судов также были предметом обсуждения делегатами съезда [12].

По мере развития судебной системы, на последующих съездах (VII в 2008 и VIII в 2012 гг.) ставились все более глубокие задачи по совершенствованию действующего процессуального законодательства, законодательства о статусе судей, в том числе вопросам защиты прав и законных интересов судей и работников аппаратов судов Российской Федерации, укреплению материально-технической базы судов.

IX съезд судей вошел в историю, поддержав концепцию дальнейшего развития судоустройства системы судов общей юрисдикции, подготовленную Верховным Судом Российской Федерации, о создании самостоятельных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, структурное выделение которых, не связанное границами административно-территориального деления позволит унифицировать построение судебной системы Российской Федерации и оптимизировать судебную нагрузку. С 1 сентября 2019 г. в Российской Федерации начали свою деятельность девяти Кассационных судов общей юрисдикции, пяти апелляционных судов общей юрисдикции, Военный кассационный суд и Апелляционный военный суд. Значение данной реформы трудно переоценить [13].

Приведенные исторические факты свидетельствуют о способности судебной системы к саморазвитию, когда соответствующая законодательная инициатива исходит «не сверху», а в большинстве случаев от высшего судебного органа государства — Верховного суда РФ.

В настоящее время перед государством и судебной системой стоит задача повсеместного внедрения электронного правосудия и организации онлайн-заседаний, что скажется на повышении эффективности защиты прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц, а также повышении доверия общества к судам. Не в малой степени решению данной задачи должен поспособствовать и Всероссийский съезд

судей, который как Высший орган судейского сообщества подводит итоги функционирования судебной системы и определяет приоритетные направления ее развития на современном этапе.

Литература

1. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18.03.2002, № 11, ст. 1022.
2. Декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.
3. Съезд народных депутатов России. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 19.06.2021).
4. Текст выступления Б. Н. Ельцина на III внеочередном съезде народных депутатов РСФСР 28 марта 1991 г. (расшифрованная правленая стенограмма с пленки радиостанции «Маяк»). URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/9247> (дата обращения: 20.06.2021).
5. I Всероссийский съезд судей (17–18 октября 1991 г.). URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/841> (дата обращения: 27.04.2021).
6. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
7. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 30.07.1992. № 30, ст. 1792.
8. II Всероссийский съезд судей (29–30 июня 1993 г.). URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/843> (дата обращения: 27.04.2021).
9. III (внеочередной) Всероссийский съезд судей (24–25 марта 1994 г.). URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/842> (дата обращения: 27.04.2021).
10. IV (чрезвычайный) Всероссийский съезд судей (3–5 декабря 1996 г.). URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/844> (дата обращения: 27.04.2021).
11. V Всероссийский съезд судей (27–29 ноября 2000 г.). URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/845> (дата обращения: 27.04.2021).
12. Постановление VI Всероссийского съезда судей г. Москва 2 декабря 2004 г. URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/830> (дата обращения: 27.04.2021).
13. Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/22596> (дата обращения: 27.04.2021).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. П. Скобелев

Белорусский государственный университет
заместитель декана по заочному обучению
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент
s_v_p@tut.by

Аннотация. В статье анализируются некоторые проблемные вопросы апелляционного производства по гражданским делам в контексте руководящих разъяснений, сделанных Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь.

Ключевые слова: гражданский процесс; апелляционное производство; Пленум Верховного Суда; руководящие разъяснения.

Abstract. The article analyzes some problematic issues of appeal proceedings in civil cases in the context of the guiding clarifications made by the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus.

Key words: civil procedure; appeal proceedings; the Plenum of the Supreme Court; guiding clarifications.

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь 31 марта 2021 г. принял постановление № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее — Постановление № 1). Появление подобного акта высшей судебной инстанции уже давно ожидалось всеми юристами, связанными со сферой гражданского судопроизводства.

Замена с 21 июля 2018 г. кассации на апелляцию привела к появлению в главе 32 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК) достаточно большого количества новелл, требующих разъяснений по их применению. Между тем прежний нормативный правовой акт, посвященный толкованию норм главы 32 ГПК — постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 4 «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса, регулирующих производство дел в кас-

сационном порядке» (далее — Постановление № 4), по вполне понятным причинам потерял актуальность и еще осенью 2018 г. был признан утратившим силу. Таким образом почти три года правила апелляционного производства реализовывались в отсутствие руководящих указаний высшего органа судебной системы.

По сравнению с иными постановлениями Пленума Верховного Суда, Постановление № 1 в меньшей степени ограничивается простым воспроизведением правил толкуемого нормативного правового акта (в данном случае — ГПК) и во многих случаях данные правила стремятся именно разъяснить для судов. Стоит сказать, что некоторые из содержащихся в Постановлении №1 разъяснений действительно очень ценны важны и. Однако есть и такие, которые имеют как минимум спорный характер.

Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее — Закон о НПА) предусмотрены требования нормотворческой техники, определяющие основные правила подготовки проектов нормативных правовых актов. В частности, при подготовке нормативного правового акта должны обеспечиваться ясность, простота и доступность языка его изложения, соблюдение норм белорусского и (или) русского языков, в том числе официально-делового стиля, единство терминологии в законодательстве (абз. 5, 6 п. 1 ст. 28, п. 1 ст. 29 Закона о НПА).

Со строго юридической точки зрения данные требования не являются обязательными при подготовке нормативных правовых актов Верховного Суда, поскольку, как указано в п. 2 ст. 1 Закона о НПА, данный Закон на акты Верховного Суда не распространяется. Тем не менее полагаем, что требования Закона о НПА не могут не приниматься во внимание (хотя бы в информационном плане) при подготовке постановлений Пленума Верховного Суда, и в этой связи относительно Постановления №1 хотелось бы высказать несколько замечаний.

В названии Постановления № 1 использовано, на наш взгляд, не вполне корректное с точки зрения русского языка выражение «производство дел в апелляционном порядке». Оно создает впечатление, будто дела в апелляционном

порядке производятся (т. е. изготавливаются, порождаются, создаются). В действительности, однако, в апелляционном порядке дела не производятся, по делам осуществляется производство.

Заметим, что словосочетание «производство дел» появилось в названии Постановления № 1 не случайно, в свое время оно присутствовало еще в названии Постановления № 4, а в названия данных постановлений выражение «производство дел» попало соответственно из прежней («Производство дел в суде кассационной инстанции») и нынешней («Производство дел в апелляционном порядке») редакций наименования главы 32 ГПК. К слову, аналогичную формулировку имеет и название главы 33 ГПК («Производство дел в суде надзорной инстанции», причем при изложении в 2018 г. главы 33 ГПК в новой редакции оно не изменилось).

Вместе с тем употребление в тексте ГПК не совсем верной терминологии еще не означает того, что она непременно должна быть воспроизведена и в разъясняющем ГПК нормативном правовом акте. Кстати, в самом ГПК более устоявшимся и привычным является другое выражение — «производство по делам (делу)» (см. п. 6 ст. 1, ч. 1 ст. 4, ст. 8, ч. 1 ст. 55, ч. 1 ст. 65, ст. 66 и др.). Поэтому в названии Постановления №1 вместо фразы «производство дел в апелляционном порядке» было бы целесообразно использовать словосочетание «производство по делам в апелляционном порядке» или, как вариант, «рассмотрение дел в апелляционном порядке».

В ч. 2 п. 1 Постановления №1 закреплено следующее положение: «Решение суда первой инстанции может быть обжаловано (опротестовано) в апелляционном порядке полностью или в части (в том числе о распределении судебных расходов между сторонами, порядке и способе исполнения решения)». Как видно, текст в скобках не согласован с предшествующим ему текстом, что становится особенно очевидно, если скобки убрать. Получается, что решение суда первой инстанции может быть обжаловано (опротестовано) в апелляционном порядке в том числе о распределении судебных расходов между сторонами, порядке и способе исполнения решения. Полагаем, что нормы русского языка требовали изложения содержаще-

гося в скобках текста в такой редакции: «(в том числе в части распределения судебных расходов между сторонами, порядка и способа исполнения решения)».

Согласно ч. 2 п. 18 Постановления № 1 «под нарушением или неправильным применением норм материального права следует, в частности, понимать ошибку суда в примененной норме права ввиду неправильной юридической квалификации взаимоотношения сторон; применения нормы, утратившей силу; разрешения дела в противоречие с нормами действующего законодательства». Фраза «ошибку суда в примененной норме права» содержит в себе внутренне противоречие.

Ошибка в примененной норме права — это ошибка, которая присутствует в самом тексте нормы права. Но подобная ошибка не может быть совершена судом, ее источником способны быть только нормотворческий орган, разработавший соответствующую норму права. Суд допускает ошибки лишь в ходе применения уже «готовых» правовых норм, и, как следует из общего контекста ч. 2 п. 18 Постановления, именно такие ошибки там и имеются в виду. Поэтому вместо фразы «ошибку суда в примененной норме права» более правильно было использовать словосочетание «ошибку суда при применении (или в ходе применения) норм права.»

Кроме того, не вполне точным видится использование в ч. 2 п. 18 Постановления № 1 предлога «ввиду». Ведь та часть предложения, которая идет после «ввиду», описывает не причину, а содержание (суть) допущенной судом при применении норм права ошибки. Следовательно, на месте предлога «ввиду» должен был быть другой текст: «, заключающуюся в» или «, состоящую в».

Положения ч. 2 п. 11 Постановления № 1 предписывают апелляционной инстанции возвращать дело в суд первой инстанции, если последний, в частности, «не разрешил вопросы об исправлении описки или явной счетной ошибки, о дополнительном решении». Фраза «о дополнительном решении» представляется не вполне точной, более правильно было бы написать «о вынесении дополнительного решения».

Согласно ч.3 п.16 Постановления № 1 выход апелляционной инстанции за пределы доводов жалобы (протеста) допускается в случаях, когда «судом первой инстанции были нарушены правила действия материального закона во времени, пространстве и по кругу лиц». Хотя более корректно говорить «правила о действии материального закона», нежели «правила действия материального закона».

В ряде случаев в Постановлении № 1 употреблена неточная терминология. Так, ч. 5 п. 12 Постановления указывает на необходимость своевременного извещения участвующих в деле лиц о времени и месте проведения судебного заседания в суде апелляционной инстанции. Термин «участвующие в деле лица (лица, участвующие в деле)» был характерен для гражданского процессуального законодательства советского периода, и в современном ГПК законодатель отказался от него в пользу термина «лица, юридически заинтересованные в исходе дела» (см. ст. 54 ГПК).

Упоминание в ч. 5 п. 12 Постановления об участвующих в деле лицах можно объяснить только некритическим воспроизведением правила ч. 4 ст. 415 ГПК («по окончании подготовки дела суд апелляционной инстанции извещает лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания»), где термин «лица, участвующие в деле» употребляется вследствие нормотворческой ошибки, допущенной при подготовке Закона Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З, которой глава 32 ГПК при замене кассации на апелляцию была изложена в новой редакции.

В ч. 4 п. 18 Постановления № 1 говорится про отмену в апелляционном порядке «определения суда об окончании дела мировым соглашением сторон». Однако определение именно с таким наименованием гражданскому процессуальному законодательству не известно, в ГПК можно найти только «определение о прекращении производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения сторон» (см. п. 2 ч. 1 ст. 164, п. 3 ст. 245).

Нужно заметить, что в структурном отношении Постановление № 1, по сравнению с Постановлением № 4, имеет более системный характер, изложение в нем материала соот-

ветствует постадийному развитию апелляционного производства, при этом начинается Постановление № 1 (чего не было в Постановлении № 4) с краткого указания на значение и задачи деятельности судов второй инстанции.

В ч. 1 п. 1 Постановления № 1 внимание судов прежде всего обращено на то, что правильное и своевременное рассмотрение гражданских дел в апелляционном порядке является необходимым условием реализации предусмотренного ч. 3 ст. 115 Конституции Республики Беларусь права юридически заинтересованных в исходе дела лиц на обжалование судебных постановлений. И далее указано, что «строгое соблюдение судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих апелляционное производство, призвано обеспечивать законность и обоснованность судебных постановлений, справедливость судебного разбирательства, повышение качества и доступности правосудия».

По поводу последнего указания, фактически формулирующего задачи апелляционного производства, нужно сделать несколько замечаний. На наш взгляд, решение данных задач не способно обеспечить одно только «строгое соблюдение судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих апелляционное производство». Судам второй инстанции необходимо также строго соблюдать нормы материального права, регулирующие ставшие предметом судебного разбирательства спорные правоотношения, поскольку в противном случае им не удастся дать правильную оценку результатам применения судами первой инстанции норм материального права и своевременно отреагировать на допущенные при этом ошибки.

Безусловно, следует согласиться с тем, что апелляционное производство призвано обеспечивать законность и обоснованность судебных постановлений, поскольку, как видно из ч. 1 ст. 418 ГПК, проверка правильности установления судами первой инстанции фактических обстоятельств дела, применения норм материального и процессуального права составляет основную и непосредственную задачу апелляционных судов.

Способствует апелляционное производство и повышению качества правосудия, так как, во-первых, деятельность

апелляционных инстанций направлена на выявление судебных ошибок; во-вторых, суды второй инстанции во многих случаях имеют полномочия и возможность эти ошибки самостоятельно исправить (см. п. 2–4 ст. 423, п. 2, 3 ст. 434 ГПК); в-третьих, направляя дело на новое рассмотрение в нижестоящий суд, апелляционная инстанция разъясняет допущенные им ошибки и может дать указания, как их устранить.

Правда, реализация последнего полномочия (дать указания суду первой инстанции) в настоящее время может быть сопряжена с определенными сложностями, поскольку нормы, закреплявшие такое полномочие судов второй инстанции, при изложении Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З главы 32 ГПК в новой редакции (в связи с заменой кассации на апелляцию) по неизвестным причинам оказались исключенными из нее [1, с. 19; 2, с. 33–34], а в Постановлении № 1 на этот счет никаких разъяснений не дано.

Весьма дискуссионным является вопрос, действительно ли «строгое соблюдение судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих апелляционное производство, призвано обеспечивать ... повышение ... доступности правосудия». Если под доступностью правосудия здесь понимается возможность беспрепятственного обращения за судебной защитой, то доступность правосудия в первую очередь зависит от строго соблюдения норм, регулирующих производство в суде первой инстанции (равно как и от самого содержания данных норм и прежде всего норм, регламентирующих возбуждение производства по делу), так как за судебной защитой заинтересованные лица обращаются именно в суды первой инстанции. В этом плане апелляционное производство может способствовать доступности правосудия лишь через отмену неправильных определений судов первой инстанции об отказе в возбуждении дела, о прекращении производства по делу и т. д., что составляет не очень большой процент в общем количестве рассматриваемых судами второй инстанции дел.

Если же в ч. 1 п. 1 Постановления № 1 под доступностью правосудия подразумевается возможность беспрепятственного получения реальной судебной защиты, т. е. признания

судом существующих в действительности материальных прав и охраняемых законом интересов сторон спора, то в данном смысле апелляционное производство в самом деле способствует доступности правосудия, так как деятельность судов второй инстанции направлена на установление истины в споре. Но тогда «повышение доступности правосудия» охватывается уже упомянутой в ч. 1 п. 1 Постановления № 1 категорией «повышение качества правосудия» и дополнительно писать о повышении доступности правосудия становится лишним.

Еще более спорным в ч. 1 п. 1 Постановления № 1 является утверждение о том, что «строгое соблюдение судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих апелляционное производство, призвано обеспечивать ... справедливость судебного разбирательства». Во-первых, судебное разбирательство — это стадия рассмотрения дела по существу судом первой инстанции (см. название главы 27 ГПК). В апелляционном производстве судебного разбирательства нет, соответственно, строгим соблюдением норм, регулирующих апелляционное производство, обеспечить те или иные качества (в том числе и справедливость) судебного разбирательства невозможно.

Во-вторых, совершенно неясно, что именно предполагает (достижение каких целей и решение каких задач) категория справедливости применительно к гражданскому судопроизводству в целом и к судебному разбирательству в частности. Дело в том, что нигде в ГПК термин «справедливость» не употребляется. В Постановлении № 1 значение выражения «справедливость судебного разбирательства» не раскрыто. В других постановлениях Пленума Верховного Суда, касающихся гражданского судопроизводства и использующих термин «справедливость», по этому поводу тоже нет никаких разъяснений.

Например, в ч. 1 п. 14 постановления Пленума Верховного Суда от 25 июня 2009 г. № 4 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» говорится, что вопрос о соединении и разъединении нескольких требований суду следует решать в интересах наиболее полного и справедливого разрешения дела. Согласно ч. 1 п. 1 постановления Пленума

Верховного Суда от 20 декабря 2013 г. № 11 «Об обеспечении гласности при осуществлении правосудия и о распространении информации о деятельности судов» соблюдение требований международных договоров и актов законодательства о гласности судебного разбирательства, обеспечение доступа к информации о деятельности судов способствуют законному, обоснованному и справедливому разрешению дел в судах.

В последнее время о справедливости в гражданском судопроизводстве достаточно много пишут (преимущественно в форме обобщенно-абстрактных суждений) и на страницах юридической печати. В частности, указывается, что «требование справедливости судебных решений прямо заложено в процессуальных кодексах», что это «сложное понятие, включающее в себя не только правовые аспекты, но и нормы морали, нравственности, представления о чести и совести» [3, с. 9]. Отмечается также, что «судебное решение не может быть признано справедливым и правосудным, если допущена судебная ошибка», что институт апелляции станет «дополнительной гарантией вынесения по всем гражданским делам законных, обоснованных и справедливых судебных постановлений» [4, с. 4, 7].

Как видно, конкретики по вопросу о справедливости в гражданском процессе не много, причем термин «справедливость» в основном используется (и в постановлениях Пленума Верховного Суда, и в литературе) для характеристики результатов гражданского процесса — решений судов. Поэтому весьма проблематично будет сказать, в чем заключается справедливость судебного разбирательства (т. е. справедливость самого процесса, а не его результатов), и как можно ее обеспечить через соблюдение норм, регулирующих пересмотр дел в апелляционном порядке.

Литература

1. Скобелев В. Новеллы гражданского судопроизводства и вопросы эффективности нормотворчества // Юридический мир. 2018. № 4. С. 11–21.
2. Скобелев В. Апелляционная форма проверки судебных постановлений по гражданским делам: еще раз о новеллах // Юстиция Беларуси. 2018. № 7. С. 27–34.

3. Сукало В. Развитие системы судов общей юрисдикции в современных условиях: новые требования — новый уровень ответственности // Судовы веснік. 2019. № 2. С. 7–11.
4. Апелляция в гражданском процессе: готовиться к изменениям нужно уже сегодня (интервью с заместителем Председателя Верховного Суда Республики Беларусь А. А. Забарой) // Судовы веснік. 2017. № 3. С. 3–7.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАК ПОЛНОЦЕННЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПЕРЕВОДА

Н. В. Смылова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
smyslovanatali@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты участия лиц с ограниченными возможностями в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, обеспечения гарантий законности и уважения прав и интересов лиц с ограниченными возможностями как полноценных участников уголовного судопроизводства, а также ответственность переводчика за осуществление перевода с языка лица с ограниченными возможностями, не являющегося речевой формой.

Ключевые слова: лицо с ограниченными возможностями, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, участник уголовного судопроизводства, инвалиды, права и законные интересы участников процесса.

Abstract. The article consider aspects of the participation of persons with disabilities in the criminal proceedings of the Russian Federation, ensuring guarantees of legality and respect for the rights and interests of persons with disabilities as full participants in criminal proceedings, as well as the responsibility of the translator for translating from the non-speech form of language of a person with disabilities.

Key words: person with disabilities, criminal proceedings, criminal proceedings, participants in criminal proceedings, persons with disabilities, rights and legitimate interests of participants in the process.

Для законодательного регулирования в Российской Федерации обеспечение защиты прав и законных интересов субъектов уголовного судопроизводства является одной из наиважнейших задач, что обуславливает наличие развитой системы нормативных правовых актов, регламентирующих эту самую защиту через установление гарантий, прав и обязанностей. Уголовно-процессуальное законодательство, основываясь на принципе состязательности сторон обвинения и защиты, фактически обходит стороной такую категорию лиц, как лица с ограниченными возможностями, которые могут относиться к одной из указанных сторон, а также быть другими участниками уголовного судопроизводства, что обуславливает актуальность темы исследования по причине несовершенства действующего законодательства Российской Федерации.

Лица с ограниченными возможностями выступают полноценными участниками уголовного судопроизводства, несмотря на тот факт, что в силу состояния здоровья, которое обуславливает полную или частичную потерю отдельных функций организма, делающую невозможной реализацию процессуальных прав и несение процессуальных обязанностей в соответствующей мере. Следовательно, законодатель предусмотрел ряд норм, которые, с одной стороны, предоставляют некоторое снисхождение к лицам с ограниченными возможностями по причине наличия этих ограничений, но, с другой, делающих проблематичными установление ответственности другого лица, способствующего реализации процессуальных прав и несению процессуальных обязанностей.

Другим лицом, о котором было упомянуто, по смыслу уголовно-процессуального законодательства является переводчик как лицо, владеющее специальными познаниями и навыками по переводу с одного языка на другой. Проблема заключается в том, что согласно ч. 1 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации языками уголовного судопроизводства выступают русский и языки республик, входящих в состав Российской Федерации [2], но при этом отсутствуют указания относительно особого вида языка — языка жестов, который для лиц с ограниченными возможностями выступает часто чуть ли не единственным способом общения.

Языков жестов нормативно закреплен в ратифицированной Российской Федерации Конвенции о правах инвалидов, принятой резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 дек. 2006 г., в которой в ст. 2 указано на то, что язык — это система, куда помимо речевых форм языков, входят жестовые и неречевые формы [1]. Следовательно, обеспечение возможности реализовать возможность общаться с помощью языка жестов в уголовном судопроизводстве не может быть не предусмотрено законом, но одного наличия норм мало для того, чтобы можно было говорить о «рабочем» характере этих самых норм.

Из текста ст. 59 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прямо не усматривается разграничение направленности деятельности переводчик по речевым и неречевым формам языков, что позволяет сделать предположение о том, что законодатель «тайно» подразумевает назначение переводчика и для лиц с ограниченными возможностями. Однако, возникают вопросы относительно ответственности переводчик за неправильный перевод, так как процессуальным законом ответственность возникает лишь за заведомо неправильный перевод, но не неточный перевод. И в случае неточности перевода, когда речь идет о наличии переводчика с языка жестов, как должна измеряться точность перевода, и можно ли тогда привлекать переводчика за такой перевод к ответственности за фактическое нарушение процессуальных интересов лица с ограниченными возможностями? Или же точность перевода измеряется не понимание жестов переводчиком, а способностью самого лица с ограниченными возможностями с помощью жестов передать информацию? В последнем случае, фактически, переводчик не должен быть ни при каком условии субъектом ответственности, однако, должен ли он быть им в случае неточного, но непреднамеренного перевода? И в таком случае, кто должен быть лицом, которое «упрекнет» переводчика в неточности перевода, допущенной по ошибке: само лицо с ограниченными возможностями, суд, противоположная сторона в процессе или вовсе другой субъект?

Эти вопросы говорят о том, что язык жестов для лиц с ограниченными возможностями — более сложное с точки зрения правового регулирования явление, чем привычные письменная или устная речь. Следовательно, возникает целесообразность разработки и принятия мер, которые могли бы способствовать наибольшей обеспеченности соблюдения прав и законных интересов лиц с ограниченными возможностями как участников уголовного судопроизводства.

На настоящий момент в юридической литературе подобный вопрос достаточным образом не освещен, что не позволяет проанализировать подходы различных авторов относительно поставленного вопроса или схожей тематики. Несмотря на это, полагается целесообразным предложить самостоятельное виденье разрешения обозначенной задачи с целью повышения эффективности действующего законодательства.

Закон прямо не говорит, но подразумевает, что «активным», т. е. исполняющим свои процессуальные обязанности в отношении одного конкретного лица с ограниченными возможностями переводчиком может быть только один, а его отвод, т. е. фактическое отстранение, осуществляет в порядке, предусмотренном ст. 69 и 61 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Следовательно, одновременно двух переводчиков, связанных с одним лицом с ограниченными возможностями закон не предусматривает. Однако, именно этот момент полагается целесообразным изменить в действующем законодательстве для того, чтобы суд мог оценить соотношение перевода одного и того же языка, а само лицо с ограниченными способностями — заявить об отводе переводчика, осуществляющего неточный перевод. Фактически, суд, как и само лицо с ограниченными возможностями, смогут сопоставить два перевода, установив сходства и различия. Первые, в свою очередь, помогут установить достоверность и точность перевода, последние — определить либо степень возможности самого лица с ограниченными возможностями владеть языком жестов для понимания другими, либо компетентность переводчика в осуществлении перевода. В случае неточного перевода, в зависимости от того, насколько существенным будет сказываться эта неточность на принятии судом объ-

активного решения, возможно, целесообразным будет отвод наиболее неточного переводчика и замена его другим, если суд посчитает такую замену необходимым. Следовательно, изменения должны коснуться как ст. 69, так и ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Подводя итог к рассмотренному вопросу, можно сделать вывод о том, что лица с ограниченными возможностями в силу того обстоятельства, что сам суд не владеет соответствующими навыками перевода, создают некоторые трудности в судебном процессе, что можно преодолеть только с помощью квалифицированной помощи переводчиков, которые, в свою очередь, также могут не в совершенстве владеть этими навыками, что только актуализирует необходимость создания нового подхода к переводу.

Литература

1. Конвенция о правах инвалидов: принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 13 дек. 2006 г.: ратифицирована Федеральным законом от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ: вступила в силу для Российской Федерации 25 окт. 2012 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 6. Ст. 468.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Государственной Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 05 дек. 2001 г. / ред. от 30 апр. 2021 г. // Рос. газ. 2001. № 249 (22 дек.).

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГАРМОНИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА»

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ РЫНКА КОГЕНЕРАЦИИ В РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

С. В. Матиящук

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права,
доктор юридических наук

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки возникновения и эволюции рынка когенерации в России. По мнению автора, рынок когенерации находится на стадии становления, но необходимо учитывать, что он является составной частью рынков электрической и тепловой энергии. Благодаря экономическим и экологическим преимуществам когенерация становится одним из основных направлений развития энергетики России.

Ключевые слова: когенерация, тепловая энергия, электрическая энергия, рынок, правовое регулирование.

Abstract. The article discusses the prerequisites for the emergence and evolution of the cogeneration market in Russia. According to the author, the cogeneration market is at the stage of formation, but it should be taken into account that it is an integral part of the electric and thermal energy markets. Due to its economic and environmental advantages, cogeneration is becoming one of the main directions of energy development in Russia.

Key words: cogeneration, thermal energy, electric energy, market, legal regulation.

По оценкам, из всех видов вырабатываемой энергии в нашей стране наиболее широкое использование находят два

вида энергии — электрическая энергия и тепловая энергия. Для организации рационального энергоснабжения страны особенно важное значение имеет когенерация, являющаяся наиболее совершенным технологическим способом производства электрической и тепловой энергии [1]. Под термином когенерация понимается энергоснабжение на базе комбинированной (совместной) выработки электрической и тепловой энергии. В настоящее время совмещение деятельности по производству тепло- и электроэнергии принято именовать когенерацией (**от** англ. *cogeneration* — совместная генерация), а в советский период развития энергетики данный процесс именовался теплофикацией.

В нашей стране рынок когенерации находится на стадии становления, но необходимо учитывать, что он является составной частью рынков электрической и тепловой энергии. Обращение к истории возникновения и развития рынков электрической и тепловой энергии России, — необходимый компонент процесса формирования новых экономических отношений в условиях развития когенерации, а также разработки адекватных правовых конструкций и институтов для их регулирования. История рынков тепловой и электрической энергии, а в широком смысле история моделей организации оборота тепло- и электроэнергии, — это интересная тема, ибо современная цивилизация основана на электричестве, и зависимость человека от тепловой и электрической энергии со временем лишь увеличивается. Знание истории дает возможность обнаружить закономерности развития рынков тепло- и электроэнергии и на основании тенденций развития с определенной долей вероятности предвосхитить будущие их преобразования.

В 20-е годы прошлого столетия в крупных городах развернулось строительство, и встал вопрос о рациональном способе теплоснабжения жилых зданий и промышленных предприятий. Острый топливный кризис вынуждал искать новые, более эффективные способы снабжения потребителей тепловой энергией. Большая заслуга в разрешении этой технической проблемы принадлежит инженеру В. В. Дмитриеву, который обосновал целесообразность использования отрабо-

танного пара от электростанций для отопления. Еще в 1903 г. по его проекту впервые в стране была сооружена уникальная система, отапливавшая 13 корпусов детской больницы принца Ольденбургского (ныне больница им. Раухфуса), на основе отработанного пара турбины местной электростанции [3].

Суть этого технического решения заключается в том, что при выработке электрической энергии образуются тепловые отходы (тепловая энергия отработанного пара), которые можно использовать для снабжения потребителей теплом. Это и положило начало формированию процесса централизованного теплоснабжения на базе комбинированной, т. е. объединенной выработки тепловой и электрической энергии, который стал

Особенно большое развитие когенерация (теплофикация) и централизованное теплоснабжение получили в послевоенный период. Начиная с 1950 г., началось резкое нарастание темпов строительства. Осуществление сплошной теплофикации городов и промышленных центров позволило создать в СССР самую мощную систему теплофикации и централизованного теплоснабжения, отличающуюся по масштабам от систем других стран мира. Главных причин сооружения крупных систем теплофикации и централизованного теплоснабжения в подавляющей части крупных и средних городов нашей страны было три.

Первая. Основные запасы органического топлива (угля, нефти, газа) расположены в восточной части страны, чаще всего в труднодоступных районах. Поэтому экономически более целесообразно было развивать централизованное теплоснабжение за счет строительства мощных ТЭЦ и котельных, что позволило получать значительную экономию топлива. Кроме того, комбинированное производство тепловой и электрической энергии на ТЭЦ обеспечивает значительно более эффективное использование органического топлива по сравнению с их отдельным производством.

Вторая. Отсутствие частной собственности на землю в СССР способствовало без особых проблем прокладке под землей трубопроводов, а также строительству станций, котельных и т. п. Например, сооружение централизованных систем тепло-

снабжения в западных странах было осложнено процедурами согласования с собственниками земельных участков вопросов по прокладке на их территориях тепловых сетей, а также и их содержания. Наглядной иллюстрацией тому является Германия, в которой на протяжении десятилетий не могли сформировать централизованную систему теплоснабжения, и только после вмешательства государства удалось создать необходимые условия для централизованного снабжения потребителей тепловой энергией [4].

Третья. На крупных теплоэнергетических установках (ТЭЦ, котельных) можно организовать экологически чистое сжигание низкосортных видов топлива, что практически неосуществимо на автономных мелких тепловых установках.

В итоге теплофикация и централизованное теплоснабжение приобрело доминирующую роль в обеспечении энергией городов и промышленных комплексов страны. Во многих городах были созданы уникальные по своим размерам системы централизованного теплоснабжения, охватывающие всю городскую инженерную инфраструктуру.

Сформированная теплоэнергетическая система характеризовалась рядом особенностей:

- сооружение крупных теплоэнергетических установок экономически было целесообразно лишь при наличии большого количества централизованных потребителей тепловой энергии, а в населенных пунктах с малой плотностью застройки эффективно было строить автономные, т. е. децентрализованные тепловые установки;

- основным теплоносителем (в отличие от практики других стран) в централизованных системах теплоснабжения нашей страны была горячая вода. Пар же, как теплоноситель, применялся только на промышленных объектах, где это обуславливалось нуждами производства;

- государство, оказывая экономическую поддержку работам по созданию централизованных систем теплоснабжения и используя для этого все рычаги государственного регулирования, создало систему государственного управления и контроля в сфере снабжения потребителей тепловой энергией;

- плата за потребленную тепловую энергию для населения была в несколько раз ниже себестоимости, и все расходы покрывались как за счет увеличения тарифов для промышленных потребителей, так и за счет бюджетных средств.

Начиная с 1975 г. темпы строительства источников тепло-энергообеспечения объектов стали замедляться, и одновременно начал нарастать процесс старения основных фондов.

Перестройка политической системы и преобразования в экономике, начавшиеся в 1990-е гг. обуславливают начало четвертого этапа развития рынка тепловой энергии. На этом этапе одной из составляющих государственной политики в области теплоснабжения потребителей России стало формирование нового механизма управления этим сектором экономики.

Первые реформы, которые изменили экономическую среду в российской энергетике, были осуществлены в начале — середине 1990-х гг. В отрасли было проведена частичная приватизация предприятий. Были созданы региональные акционерные общества энергетики и электрификации (АО-энерго). Для управления энергетическим комплексом в 1992 г. было создано Российское акционерное общество энергетики и электрификации «Единая энергетическая система России» (далее — РАО «ЕЭС России»). Магистральные трубопроводы вместе с ТЭЦ в большинстве своем были переданы в ведение региональных дочерних предприятий РАО «ЕЭС России» (ОАО «Мосэнерго», ОАО «Алтайэнерго» и т. п.), а котельные, распределительные сети и т. п. — в ведение муниципальных предприятий. Одной из главных задач реформы, проводимой в сфере снабжения потребителей тепловой энергии, явилось формирование нового рыночного механизма управления этим сектором, а также обеспечение рентабельной и безубыточной работы теплоснабжающих организаций и эффективное использование топливных ресурсов.

В итоге с 1990 по 1999 гг. не было построено ни одной теплоэлектроцентрали, а отпуск тепловой энергии от действующих ТЭЦ сократился более чем на 34 %. Этот период характеризовался преобладающим развитием децентрализованных автономных систем с использованием в основном

импортного оборудования, а также разрушением десятилетиями складывающейся городской инженерной инфраструктуры [2].

Оценивая состояние в сфере отечественной теплофикации и централизованного теплоснабжения, следует, во-первых, отметить высокую степень физического и морального износа основного технологического оборудования систем теплофикации и централизованного теплоснабжения. Их неоптимальные схемные и конструктивные решения, включая внутридомовые сети отопления и горячего водоснабжения, местные и центральные тепловые пункты, магистральные и распределительные тепловые сети, домовые, квартальные и районные котельные, а также теплоэлектроцентрали.

Во-вторых, то, что в результате рыночных преобразований сложилась ситуация, при которой объекты систем теплофикации и централизованного теплоснабжения оказались разделенными между владельцами различных форм собственности.

В-третьих, необоснованное увеличения тарифов на тепловую энергию, что привело, в частности, к сооружению многими промышленными предприятиями собственных котельных и отказа от тепловой энергии, производимой в режиме комбинированной выработки.

В-четвертых, большие потери тепловой энергии в теплосетях при ее транспортировке.

В-пятых, снижение качества теплоснабжения из-за несоблюдения теплоснабжающими организациями температурных графиков и перепадов давления воды в сетях.

В-шестых, ликвидацию государственной системы управления и контроля в сфере снабжения потребителей тепловой энергией.

В 2003 г. был принят Закон об электроэнергетике, положивший начало реструктуризации электроэнергетической отрасли. Закон закрепил основы и процедуры преобразования организаций этого сектора. Главной задачей реформы было создание новой системы организации торговли электрической энергией на конкурентной основе.

Реализация этой модели привела к созданию на базе активов ОАО РАО «ЕЭС России» (01 июля 2008 г. прекратило

свое существование) новых субъектов рынков электроэнергетики: территориальные генерирующие компании (ТТК); магистральные сетевые компании (МРСК); генерирующие компании оптового рынка электроэнергии (ОГК), в число которых вошли ТЭЦ, производящие электрическую и тепловую энергию в режиме комбинированной выработки. Однако, несмотря на серьезное обновление законодательства, регулирующего отношения на энергетических рынках страны, анализ его положений говорит о неопределенности в вопросе правового регулирования отношений по комбинированной, т. е. объединенной выработке тепловой и электрической энергии.

По мнению ряда специалистов, новая система организации торговли электрической энергией на «конкурентной основе» создается без учета особенностей производства электрической и тепловой энергии в режиме комбинированной выработки. Так, например, в ночные часы, когда спрос на электроэнергию снижается и экономически может оказаться выгодным ТЭЦ временно остановить, и как следствие, потребители останутся без тепла [2]. Кроме того, не безосновательно высказываются сомнения о возможности формирования в стране конкурентного рынка тепловой энергии, поскольку деятельность по централизованному снабжению потребителей тепловой энергией относится к числу естественномонопольных.

Следует также отметить, что рыночные механизмы для обеспечения стабильной работы централизованного теплоснабжения в России непригодны, поскольку свободное перемещение тепловой энергии в этом секторе экономики невозможно. Причина в том, что неразрывность во времени процессов производства, передачи и потребления тепловой энергии определяет невозможность создания ее запасов. Отмечается также, что экономическая неэффективность передачи тепловой энергии на большие расстояния обуславливает создание только местных (локальных) ее рынков в отличие от рынка электрической энергии, имеющего двухуровневую структуру. И, наконец, сооружение и эксплуатация тепловых энергоустановок, предназначенных для выработки тепловой энергии, а также тепловых сетей и систем теплоснабжения, требует огромных затрат капитала, что делает невозможным прове-

дение двух или трех параллельных друг другу систем теплоснабжения между одними и теми же пунктами.

Более того, конкуренция предполагает наличие избыточных мощностей, т. е. неполную загрузку тепловых источников (ТЭЦ, котельных и др.). Однако недозагрузка теплоисточников приводит к повышению затрат на производство тепловой энергии.

Конкуренция также базируется на свободном ценообразовании. Но даже самые смелые реформаторы отстаивают идею либерализации рынка только при условии обеспечения бытовых потребителей тепловой энергией по регулируемым ценам, поскольку вопросы, связанные с теплоснабжением, затрагивают интересы энергетической безопасности России.

Итак, можно утверждать, что попытка внедрить рыночные начала в теплоэнергетическое хозяйство, привела к разрушению сложившейся инженерной инфраструктуры, а также к необоснованному увеличению тарифов на тепловую энергию и др. Очевидно также, что бесперебойное и надежное теплоснабжение потребителей в России возможно только при обязательном государственном регулировании. Когенерация является более рациональным методом использования топливных ресурсов страны для электро- и теплоснабжения. Благодаря экономическим и экологическим преимуществам когенерация становится одним из основных направлений развития энергетики России.

Литература

1. Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующее меры по снижению углекислого газа в атмосфере с 2020 года [электронный ресурс]. URL: www.unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian.pdf (дата обращения: 05.07.2020).
2. Белобородов С. С., Дудолин А. А. Перспективы комбинированного производства тепловой и электрической энергии на теплоэлектроцентрали в современной энергосистеме // Вестн. Моск. энергетического ин-та. Вестн. МЭИ. 2020. № 5. С. 54–66.
3. Егорова Д. А. Экономический эффект когенерации в рамках энергоснабжения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7. № 8А. С. 34–41.
4. Налбандян Г. Г., Жолнерчик С. С. Ключевые факторы эффективного применения технологий распределенной генерации в промышленности // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 1 (104). С. 80–87.

ЧАСТНОЕ ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Д. А. Савченко

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
профессор кафедры уголовного права
и национальной безопасности,
доктор юридических наук, доцент
s-d-63@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты анализа дефиниции информационного общества и цифровой экономики под углом зрения современных глобальных тенденций развития частного права. Отмечаются элементы информационного общества в предшествующих экономических укладах, а также ключевые направления изменения правовой системы современного общества, обусловленные его цифровой трансформацией.

Ключевые слова: частное право, цифровая экономика, доступ к информации, трансформация системы права, правовая защита цифровых отношений.

Abstract. The article presents the results of the analysis of the definition of the information society and the digital economy from the point of view of modern global trends in the development of private law. The elements of the information society in the previous economic structures are noted, as well as the key directions of changing the legal system of modern society due to its digital transformation.

Key words: private law, digital economy, access to information, transformation of the legal system, legal protection of digital relations.

1. Современная цифровая трансформация общества влечет за собой изменения механизма правового регулирования общественных отношений, которые сопровождаются изменениями как правовой системы в целом, так и ее основных элементов, в том числе, частного права. Эти изменения определяются отличительными чертами цифрового общества как общего объекта правового воздействия.

Цифровое общество можно охарактеризовать как современный этап развития информационного общества [2, 6, 7], базисным признаком которого является формирование цифровой экономики. Поэтому исходным пунктом правового исследования цифрового общества выступает общество

информационное в его юридическом измерении и интерпретации. При этом необходимо опереться, прежде всего, на официальную трактовку основных признаков информационного общества, изложенную в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г., утвердившем Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

В указанной Стратегии под информационным понимается такое общество, в котором «информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан» [5].

А цифровая экономика (цифровое хозяйство) в свою очередь трактуется как такой тип экономики (хозяйствования), в которой сведения в цифровой форме являются «ключевым фактором производства». Обработка их больших объемов и использование результатов их анализа позволяют «существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» — по сравнению с «традиционными формами» хозяйствования [5].

Изменение факторов производства (производительных сил) трансформирует производственные отношения, а вслед за ними — и всю совокупность общественных отношений.

2. Анализ изложенного в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы официального определения понятия информационного общества, оценка его отдельных признаков при их преломлении к предшествующим экономическим укладам показывает, что отличительные характеристики информационного общества могут быть обнаружены в отношениях между людьми на всех этапах их становления и развития [3, с. 84].

Ведь информация — это важнейшая часть объективной реальности (материи). Во все времена информация и уровень ее применения очень значимо (кардинально) влияли на условия жизни людей. Без получения, накопления и обмена информацией (в различных ее формах) жизнедеятельность человека как существа социального была бы невозможна.

Соответственно и доступ к информации также всегда был важным фактором социально-экономического развития. Он имел свое юридическое выражение, в частности, в праве на доступе к книгам, к обучению, в том числе в праве на выезд за границу для обучения, в регламентации вопросов охраны тайны и др.

Поэтому не будет преувеличением утверждение о том, что элементы информационного общества [1] можно обнаружить и в рамках предшествующих экономических укладов развития человечества.

При этом на всем протяжении истории изменения форм и способов закрепления и передачи сведений влекли за собой значимые социальные модернизации. Так, изобретение письменности, а затем книгопечатания, а в последующем фото- и видео-фиксации постепенно существенно меняли как информационную природу социума, так и отношения между отдельными людьми, что оказывало соответствующее влияние на появление новых и развитие ранее сложившихся норм и институтов частного права.

Индустриальное и постиндустриальное общество отличалось значительным ростом объемов информации, применяемой в экономике и культуре, а также заметной и постоянно растущей долей в ней информации определенного содержания — информации о закономерностях функционирования природы и общества (т. е. научной информации). Поэтому и индустриальное, и постиндустриальное общество вполне может быть названо информационным. Информационные отношения были значимым объектом частноправового регулирования

Вместе с тем, доступность информации в рамках этих экономических укладов характеризовалась ограниченностью, относительностью и избирательностью, что было обусловлено имевшимися в распоряжении людей формами и способами закрепления и передачи сведений. Для получения, анализа и использования информации требовались значительные временные затраты.

С появлением способов и средств преобразования информации в цифровую форму произошли действительно принци-

пиальные, качественные изменения. Появились совершенно новые возможности накопления и передачи больших и очень больших объемов информации и, как следствие, ее использования как в публичном (социально значимом), так и в частном (личном, социально-нейтральном, автономном) поведении человека.

Именно доступность для людей значительных — несоизмеримых с прежними — объемов информации и стала толчком качественной трансформации общества, который позволил говорить об обновленном его состоянии. Цифровая форма сделала информацию принципиально новым фактором системного изменения социума и, как следствие, правовой системы.

Базой этих изменений является становление и развитие цифровой экономики, в которой сведения в цифровой форме являются «ключевым фактором производства» [5]. Речь идет о новой — цифровой — модернизации экономики, а значит и основанного на экономике общественного сознания и правовой системы. Начало этой модернизации относится к 90-м годам XX в. [4, с. 53].

3. Как в отношении любой модернизации, применительно к модернизации цифровой речь не идет о полном исключении старого (традиционного) и сплошном замещении его новым (цифровым).

Исторический опыт модернизаций свидетельствует о том, что традиционные формы не исчезают полностью. Они преобразуются, «перемешиваются», становятся более сложными, получают новые смыслы и функции.

Количественные изменения постепенно переходят в качественные, поэтому на протяжении жизни одного поколения модернизация проявляется во внедрении экономически, политически и психологически приемлемых для общества инноваций с сохранением прежних, традиционных инструментов — до тех пор, пока они остаются полезными и не вредят развитию.

В политическом и юридическом отношении «старина», длительность и многократность применения всегда считалась признакам социальной ценности правовых норм. Политиче-

ская власть стремилась и стремится опираться на «старину» и эксплуатировать приверженность населения традициям в своих интересах.

Поэтому модернизации и трансформации в юридической области как нигде характеризуются постепенностью и комплексным характером. Это в полной мере относится к изменениям правовой системы общества, вызванным его цифровой модернизацией.

4. Обусловленные цифровой модернизацией изменения частного права как важнейшего элемента правовой системы общества, на наш взгляд, имеют три основные тенденции:

Во-первых, существенное повышение роли и значения такого личного неимущественного права как право на доступ к информации в общей системе прав человека и гражданина. Как в свое время личная свобода (право на личную свободу) стала важным условием развития капиталистической экономики и заняло ключевое место в системе прав и свобод человека индустриального общества, так в современной перспективе таким юридическим фактором становится свобода информации. В цифровом обществе эта частноправовая по своей природе свобода выходит, по нашему мнению, на уровень одного из основных (конституционных) прав человека.

Во-вторых, трансформация сложившейся в нашей стране системы права (системы отраслей и подотраслей права). Информации сама по себе обладает комплексной природой. Ее сущность имеет как материальные (информация как форма материи), так и нематериальные аспекты, а правовая природа в равной мере характеризуется как имущественными (гражданско-правовыми), так и управленческими (административно-правовыми) чертами. Поэтому как следствие в информационном обществе интеграция частноправовых и публично-правовых начал выступает ведущей тенденцией трансформации традиционной отечественной системы права.

В-третьих, усложнение механизма правовой охраны общественных отношений, в котором появляется и становится все более значимой самостоятельная комплексная подсистема правовых средств защиты новых цифровых общественных отношений. Ее основа — ответственность за потенциаль-

ную опасность накопления и применения больших объемов информации в цифровой форме, которая должна наступать в отношении тех хозяйствующих субъектов, чья экономическая деятельность базируется на сведениях в цифровой форме. Ведущую роль здесь призвана сыграть имущественная ответственность за вред, причиненный применением цифровых технологий. Эта гражданско-правовая по своей природе ответственность должна презюмироваться — по аналогии с презюмируемой ответственностью за вред, причиняемым источником повышенной опасности.

А создание механизмов, основанных на применении больших объемов цифровой информации, функционирование которых способно выйти из-под контроля человека, требует специального правового режима их владения, производства и эксплуатации (по аналогии, например, с режимом ядерной безопасности). Реализация этого режима требует тесного взаимодействия частноправовых и публично-правовых средств воздействия на общественные отношения. Несоблюдение требований в этой сфере должно влечь не только гражданско-правовую (имущественную), но и административную, а также уголовную ответственность.

Литература

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994. 336 с.
2. Воронина Т. П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы. М., 1995. 111 с.
3. Вольфсон Ю. Р., Вольчина А. Е. Проблема классификации теорий информационного общества // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2017. Т. 8. № 3. С. 80–110.
4. Паньшин Б. Цифровая экономика: понятия и направления развития // *Наука и инновации*. 2019. № 3. С. 48–55.
5. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2017. № 20. Ст. 2901.
6. Сухов Е. И. Информационное общество как новое общество // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 7. С. 101–103.
7. Уэбстер Ф. Теории информационного общества М.: Аспект Пресс, 2004. 399 с.

РОЛЬ И МЕСТО ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА (НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ОПЫТА СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)¹

С. А. Куликова

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
профессор кафедры конституционного и муниципального права,
доктор юридических наук, доцент
kulikovasveta@inbox.ru

Е. В. Бердникова

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
доцент кафедры конституционного и муниципального права,
кандидат политических наук, доцент
berev79@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли и места общественного контроля в развитии экономической системы современной России с точки зрения институциональной преемственности опыта осуществления народного контроля в СССР.

Ключевые слова: демократия, народный контроль, общественный контроль.

Abstract. The article is devoted to the study of the role and place of public control in the development of the economic system of modern Russia from the point of view of the institutional continuity of the experience of exercising popular control in the USSR.

Key words: democracy, popular control, public control.

Проблематика общественного контроля на сегодняшний день весьма популярна, поскольку постоянно актуализируется в выступлениях первых лиц государства, научных трудах ученых, речах представителей общественности. Нужно отметить, что общественный контроль в Российской Федерации прошел достаточно долгий путь от научной концепции, популярной, а иногда и популистской идеи, до квинтэссенции своего развития, получив самостоятельное закрепление в отдельном

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43027).

федеральном законе и став полноценным правовым институтом в 2014 г. Его роль в системе демократического государства определяется высоким функциональным потенциалом, обеспечивающим участие граждан в управлении делами государства, открытость деятельности публичной власти и принятия политических решений. Решению задач вовлеченности граждан в систему властеотношений способствует достаточно сложный в институциональном и организационном смыслах механизм общественного контроля, включающий в себя разнообразие его субъектов и направлений реализации, форм и способов его осуществления.

Общественный контроль реализуется в самых разнообразных сферах, начиная с обеспечения обороны страны и безопасности государства и заканчивая защитой прав потребителей. Задачи общественного контроля, связанные с обеспечением прозрачности и открытости деятельности органов публичной власти, противодействием коррупции, повышением эффективности деятельности органов и организаций, должны оказывать благоприятное воздействие на развитие экономической системы нашего государства, препятствовать совершению экономических правонарушений и преступлений, нивелировать стагнационные и застойные процессы развития экономических отношений, обеспечивать защиту прав и свобод участников экономической и предпринимательской деятельности.

Потенциал влияния общественного контроля на развитие экономики является весьма широким с точки зрения субъектов, осуществляющих участие в разнообразных формах общественного контроля. Объектом в данном случае практически всегда выступает деятельность федеральных, территориальных, региональных органов исполнительной власти. Зачастую при решении задач соблюдения государственной финансовой дисциплины, неэффективности расходов бюджетных средств либо управления и распоряжения федеральной собственностью наряду с осуществлением государственного контроля в этой области задействуются и общественные механизмы участия, позволяющие выявлять экономические деликты в сфере публичного управления. Сочетание форм государственного и общественного контроля в данном процессе выглядит

весьма эффективным организационно-правовым средством борьбы со злоупотреблениями публичными полномочиями, обеспечивающим соблюдение принципа законности и верховенства права в системе управления делами государства. Причем эффективность и целесообразность данной методики была всесторонне обоснована и активно использовалась еще во времена советской власти.

Широкую аргументацию использования общественных ресурсов на благо развития экономики государства выработал В. И. Ленин, который подчеркивал, что при социализме — первой стадии на пути к коммунистическому обществу — учет и контроль являются главными факторами его функционирования [1, с. 199]. Социалистический контроль, предполагающий вовлечение широких масс трудящихся в процесс управления, ставился в противовес контролю государственному буржуазному, основной целью которого, по мнению апологетов марксистско-ленинской философии, было обеспечение законности и целесообразности эксплуататорских отправлений органов государственной власти [2, с. 8].

Он играл важную роль в демократизации управления производством, способствовал преодолению застойных явлений и негативных тенденций в сфере социально-экономического развития общества. Общественная собственность на средства производства, плановая основа развития народного хозяйства при социализме, участие народных масс в управлении экономикой предопределили создание подлинно народного, социалистического контроля, являющегося действенным средством укрепления государственной, плановой, финансовой и трудовой дисциплины [3, с. 6].

Именно экономические потребности нового государства, образовавшегося с приходом к власти большевиков, сыграли определяющую роль в развитии социалистической модели контрольного механизма в системе публичного управления. Социалистический контроль в институциональном выражении не был статичен, на протяжении всего периода своего существования он менялся и трансформировался в зависимости от политического мировоззрения первых лиц советского государства, а также от эволюционной стадии экономической

зрелости советского общества. Его основы первоначально были заложены в институте рабочего контроля над производством, а также над финансовой стороной предприятия, который вводился первыми декретами советского государства в интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и прочих предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом [4]. Рабочий контроль осуществлялся всеми рабочими предприятия посредством учреждения выборных органов: заводских, фабричных комитетов, советов старост и т. п. В каждом крупном городе, губернии или промышленном районе создавались местные Советы Рабочего Контроля. Органы рабочего контроля обладали широкими полномочиями, которые заключались в наблюдении за производством и в частичном управлении производственными и экономическими процессами на предприятии, охватывали контроль всей деловой переписки предприятия. Весомым фактором являлось то, что их решения носили обязательный характер для всех владельцев предприятий.

Декретом ВЦИК РСФСР от 7 февраля 1920 г. был образован единый орган социалистического контроля — Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской инспекции. В документе говорилось, что задача социалистического государства, направленная на быстрое и целесообразное осуществление декретов и постановлений Советской власти во всех областях хозяйства и государственного управления, может быть выполнена только при условии привлечения к делу государственного контроля широких рабоче-крестьянских масс, что одновременно создаст возможность подготовить и приучить их к управлению государственным аппаратом [5]. Борьба с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях, усиление фактического контроля в сфере административного управления и в хозяйственной области, наблюдение за исполнением декретов и постановлений советской власти — стали основными задачами нового органа социалистического контроля.

Квинтэссенция развития социалистического контроля произошла с внедрением в советскую систему управления

института народного контроля в СССР, который был создан в 1965 г. и просуществовал вплоть до 1990 г. Органы народного контроля занимали важное место в советском обществе, представляя одну из форм социалистической демократии. Посредством вовлечения в их деятельность широкие массы трудящихся получили возможность на практике реализовать право контроля в области экономики, хозяйственного и культурного строительства, участвуя в управлении делами государства.

Правовая природа органов народного контроля базировалась на сочетании государственного контроля с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях. Рабочие, колхозники и служащие работали в группах, постах и комитетах народного контроля, проверяли исполнение директив КПСС и советского правительств, участвуя в деле борьбы за всемерный подъем экономики и одновременно стремясь к укреплению государственной дисциплины и социалистической законности.

Органы народного контроля осуществляли систематический контроль за ходом выполнения государственных планов и заданий, выявляли резервы народного хозяйства, вели борьбу за повышение эффективности общественного производства, экономное расходование трудовых, материальных ресурсов и денежных средств, внедрение в производство всего нового, прогрессивного. Их деятельность была направлена против нарушений государственной дисциплины, проявлений местничества, ведомственного подхода к делу, бесхозяйственности и расточительства, любых попыток обмана государства, посягательств на социалистическую собственность. Они строго пресекали проявления бюрократизма и волокиты, добивались совершенствования работы государственного аппарата и его удешевления, внедрения научной организации труда и управления, четкой постановки ведомственного контроля [6].

Анализ современного состояния государственного управления экономическими процессами позволяет прийти к выводу, что советский институт народного контроля, обеспечивающий структурно-функциональную коллаборацию государственного и общественного контроля, трансформирован

современной практикой публичного управления экономическими процессами и выражается в ряде институтов, направленных на решение задач в сфере развития российской экономической системы. Несмотря на то, что политико-правовая природа социалистического контроля была напрямую детерминирована плановым характером советской экономики, сам принцип сочетания государственного и общественного контроля вполне приемлем и в условиях современной рыночной системы. Ключевым отличием в сложившихся условиях является используемый организационно-правовой инструментарий: осуществление народного контроля в первую очередь предполагало ревизии и проверки, а современная государственно-общественная практика преимущественно использует публичные консультации.

Так, оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов (ОРВ) и оценка фактического воздействия действующих нормативных правовых актов (ОФВ) являются очевидными примерами государственно-общественного контроля.

В ходе ОРВ происходит определение и оценка возможных положительных и отрицательных последствий принятия проекта акта, а также выявление в проекте акта положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации [7].

Она организуется и проводится федеральными органами исполнительной власти, однако обязательным этапом ее реализации являются публичные слушания, осуществляемые как электронной форме, так и в очной в рамках заседания Экспертного Совета при Правительстве РФ.

Оценка фактического воздействия, в отличие от ОРВ, проводится в отношении вступивших в законную силу нормативных правовых актов федеральными органами испол-

нительной власти, осуществляющими функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в соответствующих сферах или разработавшими нормативный правовой акт. Вместе с тем задачи ее осуществления также связаны с выявлением в официальных документах положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и иной экономической деятельности или приводящих к возникновению необоснованных расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации [8].

Следует констатировать, что в настоящее время многие из закрепленных в федеральном законе от 21.07.2012 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» форм общественного контроля содержат элементы, так называемого, «государственного участия» в их осуществлении, так как предполагают их инициирование либо организацию органами публичной власти либо должностными лицами [9]. Кроме того, подавляющее число субъектов общественного контроля формируются на смешанной общественно-государственной основе.

В числе основных отличий социалистической модели контроля и современной системы общественного контроля необходимо указать на тот факт, что решения органов народного контроля предполагали обязательный характер их исполнения, а решения, принимаемые по итогам осуществления основных форм общественного контроля в Российской Федерации носят характер рекомендательный, что во многом снижает функциональность и потенциал его реализации.

Перспективным направлением организационно-институционального совершенствования системы общественного контроля в Российской Федерации видится развитие государственно-общественных форм контроля. С 1 июля 2021 г. вступает в силу федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», направленный на правовое обеспечение достижения общественно значимых результатов, связанных с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, вызванного нарушениями обязательных требований [10]. В этой связи, пред-

ставляется весьма оправданным и целесообразным включение в процедуры организации и проведения ряда форм и мероприятий государственного и муниципального контроля элементов общественного участия, что позволит обеспечить открытость и прозрачность реализации данных форм, а также сможет повысить легитимность принимаемых решений по итогам контрольно-надзорной деятельности.

Литература

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 томах / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965). Т. 35. 600 с.
2. Ветошкин М. И. Что такое Рабоче-Крестьянская инспекция. Вологодское Отделение Государственного Издательства. 1921. 31 с.
3. Сашников В. И., Кузнецов В. С. Государственный контроль качества. Сер.: Всеобуч по качеству. М.: Изд-во стандартов, 1987. 104 с.
4. Положение о рабочем контроле от 14 ноября 1917 года // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос.изд-во полит. литературы. 1957. 625 с.
5. О Рабоче-Крестьянской инспекции: декрет ВЦИК РСФСР от 08 февраля 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 16. Ст. 94.
6. Положение об органах народного контроля в СССР: утв. Постановлением ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.12.1968 № 1020 // Основные законодательные акты и решения Правительства СССР по вопросам работы центральных учреждений Союза ССР и союзных республик, предприятий и организаций (по состоянию на 1 июля 1969 г.): СП СССР. 1969. № 1. Ст. 2.
7. О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации (вместе с «Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии»): постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 (ред. от 07.05.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7491; 2020. № 19, ст. 3016.
8. О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации (вместе с «Правилами проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов»): Постановление Правительства РФ от 30.01.2015 № 83 (ред. от 29.08.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 6, ст. 965; 2018. № 36 ст. 5639.

9. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213; 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8424.
10. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНИКА

Н. В. Безик

Юридический институт Иркутского государственного университета
доцент кафедры гражданского права,
кандидат юридических наук, доцент
NVBezik@yandex.ru

Аннотация. Согласно ГПК РФ, обращение взыскания на единственное жилое помещение должника запрещено. Конституционный Суд РФ указал на ограничения действия нормы. Однако нужен закон.

Ключевые слова: имущественный иммунитет; обращение взыскания; Конституционный Суд РФ.

Два последних года были очень тяжелыми с точки зрения экономики, именно этим, думается, обусловлен возросший интерес к нормам, влияющим на возможности кредиторов взыскать «свое» и правам должников законным образом «свое» не отдавать. Такое право должника основано на «имущественном иммунитете», что означает — обращение взыскания на единственное жилое помещение должника запрещено. В законе это правило содержится в ст. 446 ГПК РФ [1]: «Взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением жилого помещения, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание».

Это правило вызывает множество проблем у кредиторов, пытающихся получить от должников свои деньги. В 2020 г., обращаясь к этой теме [4], мы отмечали, что с позиций справедливости и баланса интересов иммунитет должен быть не исключительным, а его наличие не должно приводить к игнорированию имущественных прав кредиторов и защите «роскошного» жилья должника. Об этом было сказано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П [2]. В наших тезисах был сделан вывод о сложившихся на данный момент трех путях преодоления дисбаланса:

1. Посредством активной позиции кредиторов, в частности, при проведении процедуры банкротства. Кредиторы самостоятельно придумывали способы преодолеть иммунитет, найти замену единственному «роскошному» жилью должника, заменить его более дешевым. При этом они, посредством судебных инстанций, вырабатывали на практике критерии «роскошного» жилья должника, о котором говорил Конституционный Суд РФ.

2. Решение вопроса посредством судебного толкования. На удачности такого подхода настаивают многие правоприменители, однако Верховный Суд РФ в 2020 г. указал, что кредиторы фактически произвольно в отсутствие законодательного регулирования определили разумно достаточный уровень обеспеченности должника жильем, что не согласуется с позицией Конституционного Суда РФ [8]. Согласно позиции Верховного Суда РФ, дело судов — лишь применять букву закона, не задумываясь о ее справедливости [5].

3. Традиционный путь, который представляется самым правильным, дожидаться позиции законодателя. Соответствующий законопроект имеется [7], однако процесс принятия никак не завершится, к тому же в проекте не учтен накопленный за последний период опыт по данному вопросу.

Однако недавно Конституционный Суд РФ еще раз рассмотрел данный вопрос и, как отмечается многими, принял правильное постановление (далее по тексту — Постановление № 15-П [3]), поскольку суды «продолжают применять дефектную норму, а законодатель изменения вносить не торопится» [9]. В Постановлении № 15-П указано, что «Из части

четвертой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» следует, что до принятия нового нормативного акта, если решение Конституционного Суда Российской Федерации предписывает устранение пробела в правовом регулировании, непосредственно применяется Конституция Российской Федерации, в том числе в истолковании Конституционного Суда Российской Федерации».

Обоснованием принятия данного акта, с точки зрения Конституционного Суда РФ, является именно игнорирование законодателем указаний по принятию соответствующего нормативно-правового акта, что приводит к нарушению прав кредиторов и к необоснованному применению имущественного иммунитета к отдельным должникам, особенно при процедурах банкротства. «Абзац второй ч. 1 ст. 446 ГПК РФ в дальнейшем не может служить нормативно-правовым основанием безусловного отказа в обращении взыскания на жилые помещения, если суд считает необоснованным применение исполнительского иммунитета, в том числе при несостоятельности (банкротстве) гражданина-должника», отмечено в Постановлении № 15-П.

В целях единства применения судами Конституции РФ Суд сформулировал положения, которые необходимо придерживаться при решении вопроса о применении или об отказе в применении имущественного иммунитета. В частности, предложены следующие параметры исключения действия норм об иммунитете:

1. В зависимости от обстоятельств дела суд по ходатайству кредиторов должен назначить оценку рыночной стоимости жилого помещения, подпадающего под исполнительский иммунитет, поскольку установление этой стоимости может иметь решающее значение. Это значение состоит в том, что «судом должно быть учтено соотношение рыночной стоимости жилого помещения с величиной долга, погашение которого в существенной части могло бы обеспечить обращение взыскания на жилое помещение, поскольку отказ от исполнительского иммунитета должен иметь реальный смысл именно как способ и условие удовлетворения требований кредиторов, а не карательная санкция (наказание) за неисполненные

долги и не средство устрашения должника угрозой отобрания у него и членов его семьи единственного жилища» (п. 3 Постановления № 15-П).

2. При этом иммунитет должен распространяться на жилое помещение, которое по своим объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения. И поскольку нормативов до сих пор не установлено, то имеется в виду площадь «по крайней мере не меньшей, чем по нормам предоставления жилья на условиях социального найма» (п. 3.2 Постановления № 15-П). Эта норма определяется в каждом муниципальном образовании, исходя из конкретной социально-экономической обстановки и, согласно позиции Конституционного Суда РФ, это минимум, но точный размер зависит от конкретной ситуации.

3. Вследствие отказа в применении исполнительского иммунитета не должно происходить изменение места жительства (поселения) гражданина и членов его семьи, кроме случаев согласия с этим самого должника. Под местом поселения, видимо, понимается тот населенный пункт, который является местом жительства гражданина.

Таким образом, налицо критерии, многие из которых неточны и неоднозначно не могут гарантировать единства правил для всех граждан-должников. При этом юристы в целом поддерживают такую позицию высшего суда. Отмечается, что «поскольку право на жилье священо и неприкосновенно, то, если и следует делать какие-то исключения из правила об иммунитете единственного жилья, то лишь на уровне закона, а никак не судебного правотворчества. В целом предложенная Конституционным Судом РФ схема, согласно которой суд может делать разумные исключения из предусмотренного законом общего правила об иммунитете единственного жилья, представляется более справедливой, чем жесткое правило об абсолютном иммунитете. Остается посмотреть, как суды будут применять новое постановление Конституционного суда РФ, и сумеют ли они пресечь злоупотребления новым правилом со стороны кредиторов» [6].

Таким образом, еще один шаг вперед сделан, и основные идеи, заложенные Конституционным Судом РФ, уже начали применяться, а значит законодателю будет на что дополнительно опереться в процессе правотворчества. Поскольку все данные меры, все равно носят характер, недостаточных, этот вопрос, без сомнения должен быть разрешен в соответствующем законе, принять который необходимо, несмотря на все препятствия, стоящие перед депутатами Государственной Думы РФ.

Дополнительно стоит отметить моменты, не затронутые Конституционным Судом РФ, в своем Постановлении, однако требующие своего решения.

Во-первых, порядок обеспечения должника иным жильем (порядок замены жилья). Исходя из Постановления № 15-П ясно, что конкретный суд в конкретной ситуации должен разрешить эти вопросы, исходя из обстоятельств дела, возможностей кредиторов и позиции самого должника. Думается, это верно, однако единообразия практики это не придаст.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ разрешил снятие иммунитета не только в банкротных делах, но и в обычном исполнительном производстве. Следует согласиться с С. Л. Будылиным, что недопустимо «отбирать у должника единственное жилье, пока есть потенциальная возможность использования для расчетов с кредиторами других его активов. Именно в регулярной банкротной процедуре под контролем арбитражного суда изъятие роскошного единственно жилья в обмен на «обычное» жилье выглядит приемлемым шагом. Вопросы же изъятия жилья в исполнительном производстве будут решаться, как правило, судами общей юрисдикции, практика которых, мягко говоря, несколько хаотична» [6].

Следует полагать, что все эти положения будут отражены в новом законе.

В завершении следует обратить внимание еще на один момент Постановления № 15-П. Конституционный Суд РФ напомнил, что суды согласно «положениям ст. 17 Конституции РФ, которым корреспондируют и положения пп. 1, 2 ст. 10 ГК РФ, — вправе отказать гражданам-должникам в защите прав, образующих исполнительский иммунитет, если по делу

установлено, что само приобретение жилого помещения, формально защищенного таким иммунитетом, состоялось со злоупотреблениями, наличие которых позволяет применить к должнику предусмотренные законом последствия злоупотребления. Среди обстоятельств, которые могли бы иметь значение в соответствующей оценке поведения должника, предшествующего взысканию долга, суды, помимо прочего, вправе учесть и сопоставить, с одной стороны, время присуждения долга этому гражданину, в том числе момент вступления в силу соответствующего судебного постановления, время возбуждения исполнительного производства, а также извещения должника об этих процессуальных событиях и, с другой стороны, время и условия, в том числе суммы (цену) соответствующих сделок и других операций (действий), если должник вследствие их совершения отчуждал деньги, имущественные права, иное свое имущество, с тем, чтобы приобрести (создать) объект, защищенный исполнительским иммунитетом».

Таким образом, некоторые дела (например, о приобретении «роскошного» жилья после вынесения решения суда о взыскании долга) в настоящий момент можно разрешить, пользуясь уже имеющимися легитимными основаниями, предусмотренными в ГК РФ. Решение других же споров будет основываться на судебном усмотрении. Такую ситуацию нельзя назвать нормальной и следует лишь повторить, что суд должен принимать решение, основываясь на позиции законодателя, это представляется самым правильным.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. // Рос. газ. 2002. 20 нояб.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // Рос. газ. 2012. 30 мая.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апр. 2021г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // Рос. газ. 2021. 6 мая.

4. Безик Н. В. Вопросы обращения взыскания на единственное жилое помещение должника // Право в чрезвычайной ситуации: пределы и возможности: материалы Всероссийской научно-практ. конф. с междунар. участием 30 октября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44886324&pff=1> (дата обращения: 24.06.2021).
5. Будылин С. Единственный дворец должника. Постановление КС РФ от 26.04.2021 г. № 15П. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/27/edinstvennyj_dvorec_dolzhnika_postanovlenie_ks_rf_ot_26042021_15-p (дата обращения: 24.06.2021).
6. Будылин С. Единственное жилье при банкротстве: конец иммунитета? URL: https://zakon.ru/blog/2021/05/21/edinstvennoe_zhilyo_pri_bankrotstve_konec_immuniteta (дата обращения: 24.06.2021).
7. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве»: проект Федерального закона. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=59339> (дата обращения: 24.06.2021).
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 окт. 2020 г. № 309-ЭС20-10004 по делу № А71-16753/2017 [электронный ресурс]: Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Саликов М. Шаг к светлому будущему. Комментарий к постановлению Конституционного суда № 15-П от 26.04.2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/04/28/shag_k_svetlomu_buduschemu_kommentarij_k_postanovleniyu_konstitucionnogo_suda_15-p_ot_26042021 (дата обращения: 24.06.2021).

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНСАЙДЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И МАНИПУЛИРОВАНИЮ РЫНКОМ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ РФ

О. С. Беломытцева

Национальный исследовательский Томский
государственный университет
доцент кафедры финансов и учета,
кандидат экономических наук, доцент
olbel2001@mai.ru

Аннотация. В статье приведены актуальные вопросы противодействия недобросовестным практикам поведения на финансовых рынках,

включая новые механизмы совершения преступлений, меры по противодействию им.

Ключевые слова: инсайдерская информация, манипулирование рынком, недобросовестные практики поведения на финансовом рынке.

Abstract. The article presents topical issues of countering unfair practices in financial markets, including new mechanisms for committing crimes, measures to counter them.

Key words: insider information, market manipulation, unfair conduct in the financial market.

Вопросы противодействия использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком на финансовых рынках имеют огромное значение для развития финансового рынка и доверия к финансовой системе. Использование подобных практик в биржевой торговле ставит массового инвестора в заведомо проигрышное положение по сравнению с профессиональными недобросовестными игроками. Таким образом, противодействие использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком необходимо для защиты интересов инвесторов и предотвращения корпоративных мошенничеств. Особенно актуальным данный вопрос становится в ситуации притока значительного числа индивидуальных инвесторов на финансовый рынок РФ.

О понятиях инсайдерской информации и манипулирования рынком, необходимости их предотвращения и контролирующих органах

Термины «инсайдерская информация» и «манипулирование рынком» закреплены в Федеральном законе «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком» от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ, который вступил в действие в 2011 г. Упрощая юридические конструкции, мы можем определить инсайдерскую информацию как точные и конкретные сведения, ранее не опубликованные, которые могут существенно повлиять на цену финансовых инструментов, валют или товаров. Манипулирование рынком, в свою очередь, представляет собой заведомо умышленные действия, существенно искажающие цену, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, валютами, товарами. Примерами манипу-

лирования рынком можно считать распространение недостоверной информации, сговор участников торгов с целью роста или обвала цены какого-либо инструмента, а также многие другие. Подробнее данное понятие рассмотрены в работе автора [1]. Следует отметить, что многие прикладные аспекты использования инсайдерской информации и манипулирования рынком, особенно в плане последнего, остались за рамками закона, что требует разработки неких профессиональных стандартов их выявления.

Как правило, лица, использующие инсайдерскую информацию и манипулирующие рынком, преследуют цели личного обогащения либо организации корпоративного мошенничества. В последнем случае, как правило, происходит незаконное присвоение активов в результате введения в заблуждение собственника, злоупотребления его доверием, предоставления ему ложной информации.

В отношении использования инсайдерской информации и манипулирования рынком Банком России используется термин «недобросовестные практики поведения»; мы будем оперировать им в дальнейшем. Терминологию расширяет и НАУФОР, вводя понятие «недобросовестные и неправомерные практики поведения», не расшифровывая, однако, его смысла.

Вопросы теоретизации и потенциального вреда недобросовестных практик поведения на финансовых рынках недостаточно исследованы в отечественной литературе. При этом можно отметить работы авторов О. С. Беломытцовой и И. П. Супис [1], Ю. В. Калининой [2, 3], Е. А. Разумовской и К. В. Плетнева [4], А. Е. Сибякина [5]. Следует также оговорить, что в подобных исследованиях речь идет о междисциплинарном взаимодействии на стыке права и экономики, и достаточно часто — математических методов в экономике.

Если отечественные авторы безусловно придерживаются точки зрения о вреде недобросовестных практик поведения на финансовых рынках, то в среде зарубежных ученых нет согласия по данному вопросу. Так, некоторые иностранные авторы утверждают, что инсайдерская торговля приносит пользу инвесторам и рынку в целом за счет более быстрого вывода новой информации на рынок. Против легализации инсайдер-

ской торговли выступают С. Чакраварти С. и Дж. Дж. МакКоннелл [6], Д. Розенфельд [10]. Согласно Т. Хоанг, Э. Нойхаузер и Х. Варамини [7], в большинстве случаев инсайдеры действительно опережают рынок. В исследовании В. А. Хана, Х. К. Бейкера, М. Чаудри и С. К. Махешвари [8] исследуется взаимосвязь между инсайдерской торговлей и ликвидностью рынка акций NASDAQ. М. Манове [9] утверждает, что инсайдерская торговля препятствует корпоративным инвестициям и снижает их эффективность.

Мы придерживаемся традиционной точки зрения относительно пагубного влияния недобросовестных практик поведения на финансовые рынки вследствие создания асимметричности информации в пользу ограниченного круга лиц и возможности извлечения ими сверхприбыли. С точки зрения автора, задачи противодействия недобросовестным практикам поведения на финансовых рынках состоят в защите конкурентной среды и интересов потребителей финансовых услуг, развитии взаимного доверия участников рынка.

В плане контроля и выявления недобросовестных практик поведения на финансовых рынках в настоящее время существует альянс организаторов торгов и Банка России. В Банке России действуют Департамент противодействия недобросовестным практикам, ситуационный Центр мониторинга биржевых торгов, также при Банке России работает Экспертный совет по существенным рыночным отклонениям. Значительную роль в плане теоретизации и обсуждения недобросовестных практик поведения с профессиональным сообществом участников финансового рынка играет НАУФОР.

Ответственность за недобросовестные практики поведения на финансовых рынках в соответствии с УК РФ

Уголовная ответственность за недобросовестные практики поведения на финансовых рынках установлена ст. 185.3. (Манипулирование рынком) и ст. 185.6. (Неправомерное использование инсайдерской информации) УК РФ. При этом данные статьи конкретизируют такие термины как «излишний доход» и «избежание убытков», каковые и являются основаниями для наступления уголовной ответственности. Поэтому вопрос доказывания недобросовестных практик

поведения в основном сводится к доказыванию причинения ущерба / извлечения дохода / избежания убытков. При этом крупным ущербом, излишним доходом, убытками в крупном размере признаются ущерб, излишний доход, убытки в сумме, превышающей 3,75 млн руб., а в особо крупном размере — 15 млн руб.

В соответствии с информацией Банка России, за последние 10 лет было проведено более 170 расследований по использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком. При этом было выявлено более 100 случаев манипулирования рынком и 8 случаев инсайдерской торговли; по двум уголовным делам вынесены обвинительные приговоры [13].

На практике одним из наиболее резонансных уголовных дел является кейс Дмитрия Бергера, сотрудника АО «Сбербанк Управление активами», обвиняемого по ст. 185.3 и 185.6 и нанесшего по разным данным ущерб клиентам в размере 70 млн руб. [19] / 150 млн руб. [12]. Подробнее элементы данного кейса изложены в деловой периодике [12, 19].

О типологии недобросовестных практик поведения на финансовых рынках и данных для их анализа

Типология недобросовестных практик поведения на финансовых рынках в мае 2021 г. была представлена НАУФОР [16]. Типология НАУФОР содержит описания недобросовестных и неправомерных действий при совершении сделок с финансовыми инструментами и механизмы их выявления. Среди таких практик НАУФОР выделяет действия, направленные на дестабилизацию цен на финансовые инструменты, искусственное формирование стоимости финансового инструмента с использованием высокочастотных торговых алгоритмов, создание ложного или вводящего в заблуждение спроса / предложения на финансовые инструменты, создание видимости торговой активности. Акцент в типологии НАУФОР сделан на методы анализа форумов.

На сайте Банка России в разделе «Финансовые рынки» представлен раздел «Противодействие недобросовестным практикам» [15], в котором можно почерпнуть информацию о видах недобросовестных практик с их кратким описанием, а также о выявленных случаях неправомерного использова-

ния инсайдерской информации и манипулирования рынком. В июне Банком России также опубликован Обзор практик определения условий совершения инсайдерами и связанными с ними лицами операций с финансовыми инструментами [14]. Следует отметить, что разработки типологии недобросовестных практик поведения существенно упрощает задачи их выявления и предотвращения.

В качестве данных для анализа при выявлении неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком выступают биржевые статистические данные (цены и объемы торгов), информационный фон эмитентов, их отчетность, а также данные форумов, социальных сетей и иные тому подобные. Инструментами недобросовестных практик поведения чаще выступают ограниченно ликвидные инструментами, нежели активно торгуемые, что объясняется простотой совершения с ними манипулятивных действий.

Новое в недобросовестных практиках поведения и ответы регулятора. Отметим некоторые новые тренды в недобросовестных практиках поведения, практикуемые в зарубежной практике и ограниченно — в российской. К ним относятся следующие:

- создание ПИФов и ETF с составляющими их «плохими» активами;
- распространение недостоверных манипулятивных сведений через Telegram-каналы;
- массовая скупка акций индивидуальными инвесторами посредством призывов на форумах трейдеров (кейс Reddit — GameStop).

В плане ответов Банка России на вызовы рынка можно выделить ряд предпринятых регулятором мер:

- проект о широких полномочиях Банка России в плане борьбы с недобросовестными практиками поведения на финансовых рынках, включая некоторые полицейские полномочия;
- предоставление лицам, виновным или замешанным в недобросовестных практиках поведения на финансовых рынках, возможности для заключения сделки с регулятором [17];

- новая, расширенная трактовка термина «манипулирование рынком», включающего манипулирование посредством распространения информации на сайтах, в социальных сетях и посредством мессенджеров [11];
- передача части полномочий в плане предотвращения недобросовестных практик поведения на финансовых рынках профессиональным участникам рынка, в первую очередь — брокерам [18].

В ходе исследования мы пришли к следующим результатам:

1. Банком России в сотрудничестве с организаторами торгов проводится значительная и чрезвычайно важная работа в плане противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком;

2. Недобросовестные практики на финансовых рынках становятся более изощренными, что характерно как для РФ, так и для зарубежных рынков.

3. Закон «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком» дает нам лишь некие общие рамки недобросовестных практик; необходимы подробная разработка и дополнение их типологий, чем непосредственно и занимаются Банк России и НАУФОР.

4. Развитие финансовой грамотности инвесторов и передача части полномочий брокерам должны в комплексе способствовать пресечению недобросовестных практик поведения на финансовых рынках.

5. Необходимо развитие судебной экспертизы в плане анализа недобросовестных практик поведения на финансовых рынках, а также обучение сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. Беломытцева О. С., Супис И. П. Организация противодействия использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 3 (36). С. 238–244.
2. Калинина Ю. В. Понятие и признаки инсайдерской информации // Информационное право. 2017. № 1. С. 39–45.

3. Калинина Ю. В. Правовое понятие и формы манипулирования рынком // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4 (46). С. 67–73.
4. Разумовская Е. А., Плетнев К. В. Направления сдерживания манипулятивных сделок на российском финансовом рынке // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. 2018. № 8 (166). С. 67–75.
5. Сибякин А. Е. Предпосылки уголовной ответственности за использование инсайдерской информации // Закон и право. 2019. № 1. С. 101–104.
6. Chakravarty S., McConnell J. J. Does insider trading really move stock prices? // Journal of Financial and Quantitative Analysis. 1999. Vol. 34. No. 2. P. 191–209.
7. Hoang T., Neuhauser E., Varamini H. The linkage between insider trading activities, market efficiency, and stock information // Journal of Business and Economic Policy. 2017. Vol. 4, No. 3. P. 37–47.
8. Khan W. A., Baker H. K., Chaudhry M., Maheshwari S. K. The impact of insider trading on market liquidity in the NASDAQ market // Journal of Applied Business Research. 2005. Vol. 21. No. 4. P. 11–22.
9. Manove M. The harm from insider trading and informed speculation // Quarterly Journal of Economics. 1989. Vol. 104. No. 4. P. 823–845.
10. Rosenfeld D. The impact of insider trading on the market price of securities: some evidence from recent cases of unlawful trading // Journal of Corporation Law. 2018. Vol. 44. No. 1. P. 65–102.
11. Банк России предлагает дополнить перечень действий, относящихся к манипулированию рынком // Официальный сайт Банка России. URL: <http://cbr.ru/press/event/?id=9827> (дата обращения: 20.06.2021).
12. Ладыгин Д., Гайдаев В., Сарычева М. Трейдер воспользовался доверием. Клиенты «Сбербанк Управление активами» могли потратить 150 млн рублей // Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3821846> (дата обращения: 15.06.2021).
13. Мы решительно будем пресекать манипулирование на фондовом рынке. Интервью Валерия Ляха агентству экономической информации «Прайм» // Официальный сайт Банка России. URL: <http://cbr.ru/press/event/?id=9680> (дата обращения: 20.06.2021).
14. Обзор практик определения условий совершения инсайдерами и связанными с ними лицами операций с финансовыми инструментами. Информационно-аналитический материал // Официальный сайт Банка России. URL: http://cbr.ru/Content/Document/File/123797/review_20210625.pdf (дата обращения: 23.06.2021).
15. Противодействие недобросовестным практикам // Официальный сайт Банка России. URL: <http://cbr.ru/inside/> (дата обращения: 15.06.2021).
16. Сборник типологий недобросовестных и неправомерных практик, связанных с осуществлением сделок с финансовыми инструментами на рынке ценных бумаг // Официальный сайт НАУФОР. URL: <http://naufor.ru/tree.asp?n=21689> (дата обращения: 15.06.2021).

17. Сделка с регулятором: новый институт противодействия манипулированию и инсайду // Официальный сайт Банка России. URL: <http://cbr.ru/press/event/?id=9856> (дата обращения: 20.06.2021).
18. Смородская П. Брокеры присмотрят за клиентами. ЦБ усиливает борьбу с манипулированием // Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/doc/4815556?from=doc_vrez (дата обращения: 20.06.2021).
19. Трифонов В. Инсайд закончился в «Воднике». Завершено дело о манипулировании фондовым рынком // Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4593086> (дата обращения: 15.06.2021).

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. А. Дорожинская

Сибирский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
доцент кафедры гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент
dorozhinskaya-ea@ranepa.ru

Аннотация. Автор анализирует подходы к определению понятия «правовой инструмент» применительно к корпоративному договору. Его использование позволяет урегулирования отношения, предотвратить корпоративные конфликты и гарантировать соблюдение прав субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: правовой инструмент, корпоративный договор, субъекты предпринимательской деятельности.

Abstract. The author analyzes the approaches to the definition of the concept of «legal instrument» in relation to a corporate agreement. Its use allows the settlement of relations, prevent corporate conflicts and guarantee the observance of the rights of business entities.

Key words: legal instrument, corporate agreement, business entities.

Исследование гражданско-правовых инструментов осуществления предпринимательской деятельности изначально

предполагает определение содержания понятия «правового инструмента» с последующим «погружением» его в гражданско-правовую среду регулирования применительно к субъектам предпринимательства.

При выявлении сущности понятия «правового инструмента» приходится уйти в сторону от правовых теорий, нацеленных на догматическое исследование права. Современная юриспруденция, как никогда, должна учитывать актуальные потребности субъектов правореализационной деятельности. Стоит согласиться с мнением С. Ю. Филипповой, автором монографии «Частноправовые средства организации и достижения правовых целей», считающей, что «право создает и изучает модели, слепки с реальных жизненных ситуаций, мыслимые конструкции, препарируя множество повторяющихся ситуаций, отсекая ненужное, абстрагируясь, но деятельность живых людей редко совпадает с вымышленными моделями» [1, с. 5].

В ряду известных юридических категорий «правовой инструмент» занимает место рядом с «правовым средством», и оба они стремятся быть в тесной связке с правовой целью любого процесса (в том числе и процедуры). При этом традиционно правовые средства отражают связь между «возможным» и «действительным», связывая идеальное (цель) с реальным (результатом), включая одновременно как фрагменты идеального — инструменты (средства-установления), так и фрагменты реального — технологию (средства-деяния) [2, с. 174].

Исходя из этих умозаключений, правовые инструменты выступают разновидностью правовых средств. Интересно отметить, что при переводе с английского термин «legal instrument» получает как минимум два равнозначных используемых значения — «правовой инструмент» и «правовой документ» (который, как известно, традиционно позиционируется как одно из правовых средств). Безусловно, отмечается некоторое смешение понятий, но, тем не менее, в рамках представленного исследования правовые средства как деяния (технологии) рассматриваться не будут. Основное внимание будет уделено правовым инструментам-установлениям как

разновидности правовых средств именно в области гражданского права.

Для начала надо определить, какие виды гражданско-правовых инструментов можно применить в сфере осуществления предпринимательской деятельности.

С одной стороны, существуют общие правовые инструменты, применимые для любых субъектов предпринимательской деятельности (например, типичные виды договоров, используемые в гражданском обороте). С другой стороны, для определенных форм предпринимательской деятельности существуют особые «специальные» инструменты (на текущий момент в качестве примера можно привести особые процедуры банкротства, применяемые к индивидуальным предпринимателям). Стоит начать с общих правовых инструментов.

Говоря о массиве гражданско-правовых инструментов осуществления предпринимательской деятельности, можно утверждать, что они образуют единую систему, состоящую из определенных взаимосвязанных элементов, образующих совокупность нормативно закреплённых инструментов, направленных на эффективное осуществление предпринимательской деятельности.

Гражданско-правовые инструменты осуществления предпринимательской деятельности можно разграничивать в зависимости от стадии (этапа) осуществления этой деятельности конкретным субъектом.

Можно выделить стадии:

- создания субъекта (формирования статуса) и планирования деятельности;
- непосредственного осуществления деятельности субъекта;
- построения системы комплаенс-контроля, предупреждения споров и нарушений;
- разрешения конфликтов и споров (внутренних и с контрагентами);
- прекращение деятельности субъекта (утрата статуса) и т. д.

Есть смысл разделить правовые инструменты в гражданско-правовой сфере на несколько групп.

Группа 1. Инструменты, обеспечивающие непосредственное осуществление предпринимательской деятельности:

- нормативные правовые акты, регулирующие создание, реорганизацию и прекращение статуса субъекта, лицензирование его деятельности, инновационную и инвестиционную деятельность и т. д.

- договоры (гражданско-правовые, предпринимательские, корпоративные, соглашения в сфере ГЧП и т. д.)

- иные правовые институты, обеспечивающие осуществление предпринимательской деятельности (способы обеспечения исполнения обязательств и т. п.)

Группа 2. Инструменты, обеспечивающие правовую охрану интересов субъектов предпринимательства

- нормативные правовые акты, устанавливающие условия и закрепляющие механизмы предупреждения нарушения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности,

- гражданско-правовые презумпции (закрепленные в гражданско-правовой норме или в условии договора правила, содержащие предположение о характеризующем субъект гражданского правоотношения, объект гражданских прав или юридический факт признаке, который может быть опровергнут [3] либо закрепленные в правовой норме модели юридически значимых явлений (юридического факта, правоотношения и т. д.), основанного на предположении возможного) (презумпция авторства, презумпция добросовестности лица, презумпция невиновности по ст. 315 КТМ РФ и т. д.) [4, с. 110].

- гражданско-правовые фикции (внесение долга в депозит, ответственность должника за своих наемных работников, отсутствие просрочки должника вследствие просрочки кредитора, «неполученный» акцепт, неопределенный срок договора аренды, конклюдентные сделки (п. 2 и п. 3 ст. 158), вопросы представительства от имени юридического лица (ст. 174, п. 1 ст. 183) и т. д.

- иные правовые институты, обеспечивающие правовую охрану интересов субъектов предпринимательства (институт банкротства и т. д.).

Корпоративный договор традиционно служит договорным способом управления организацией, когда решение участников корпорации вместо обычного, в каждом отдельном случае обособленного друг от друга участника, принимается в соответствии с порядком, установленным в одном документе, подписанном сторонами этого договора.

Российские суды расценивают корпоративный договор как «легитимный инструмент для разрешения (недопущения) возможных конфликтов и разногласий между участниками общества в целях достижения главной цели деятельности коммерческой организации — извлечения прибыли и ее распределения между участниками» [5]

Важно учитывать вариативность состава участников корпоративного договора, предусмотренную пресловутой статьей 67.2 ГК РФ. Если договор заключается только несколькими участниками корпорации, возникают нюансы. Высока вероятность, что в данной корпорации идет борьба за корпоративный контроль, например, при изменении корпоративного контроля. Кроме того, оспаривать решение органа корпорации, противоречащее корпоративному договору, можно только в одном случае — при условии, что договор заключен всеми участниками общества.

Рассмотрим примеры условий договора, составляющих его предмет:

- регламентация направлений деятельности корпорации;
- самоотстранение участников от права на участие в управлении корпорацией в обмен на денежную компенсацию;
- регулирование отношений между «номинальным» участником и фактическим бенефициаром;
- определение объема прав, предоставляемых акциями, состава акционеров;
- обязательства предоставления вкладов в имущество корпорации;
- определение структуры совета директоров, правления,
- порядок разрешения «неустранимые разногласий» и т. д.;
- регулирование выплаты дивидендов, определения круга аудиторов, стандартов финансовой отчетности и т. д.;
- предоставление отчетности и иной информации акционерам;

- вопросы структурирования групп организаций — сторон договора (порядок создания дочерних компаний и регулирование отношений с ними;
- обеспечение интересов участников при банкротстве одного из них,
- изменение контроля (состава акционеров и т. д.);
- внесение участником неденежного вклада в имущество корпорации и т. д. [6, с. 122]

Соответственно, корпоративный договор на основании норм ст. 67.2 ГК РФ формирует конструкцию, представляющую сторонам неограниченные возможности в выборе правил поведения в пределах, установленных императивными нормами законодательства, при условии, что условия договора не посягает на баланс интересов участников корпораций и самой корпорации в целом.

В соответствии с представленной классификацией корпоративный договор можно позиционировать как инструмент договорного регулирования отношений субъектов, обеспечивающий непосредственное осуществление предпринимательской деятельности.

Литература

1. Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей: моногр. М.: СТАТУТ, 2011. 320 с.
2. Лапшинов Э. В. Понятие правовых средств в правовой традиции // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravovyh-sredstv-v-pravovoy-traditsii> (дата обращения: 09.04.2021).
3. Бронникова М. Н. Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. URL http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/31387/111106_4.pdf?sequence=-1&isAllowed=y (дата обращения: 18.05.2021).
4. Булаевский Б. А. Гражданско-правовые презумпции: понятие и функции // Юридическая техника. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-prezumpsii-ponyatie-i-funktsii> (дата обращения: 18.05.2021).
5. Постановление АС Приморского края от 14 июля 2020 г. по делу № А51-21762/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/court/A4pkIG58QBxN/> (дата обращения: 18.05.2021).
6. Добрачев Д. В. Корпоративный договор: трудные вопросы теории и практики. М.: Инфотропик Медик, 2020. 156 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО СЧЕТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Н. С. Карцева

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального
исследовательского Томского государственного университета
доцент кафедры гражданского права,
кандидат юридических наук, доцент
37korona@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемным аспектам заключения и исполнения договора банковского счета, в частности, процедуре открытия банковского счета в кредитных организациях.

Ключевые слова: банковский счет, идентификация клиентов, политика конфиденциальности.

Abstract. Article is devoted to the problematic aspects of the conclusion and execution of a bank account agreement, in particular, the procedure for opening a bank account in credit institutions.

Key words: bank account, customer identification, privacy policy.

В настоящее время одной из приоритетных задач государства является обеспечение стабильности рынка банковских услуг. При этом устойчивость гражданского оборота напрямую зависит от таких факторов как эффективность правового регулирования банковских отношений, среди которых можно выделить наиболее распространенные, возникающие из договора банковского счета, а также добросовестность сторон при выполнении ими своих обязательств.

Стоит сказать, что социально-экономические процессы, активно идущие сегодня в России, существенно изменили природу банковской деятельности. Уже невозможно представить себе банк без осуществления им деятельности по операциям со счетами клиентов.

Однако здесь необходимо обратить внимание на данные статистики. Так, в среднем, в день Центральному банку России приходят около 300 уведомлений о совершении несанкционированных операций, причем количество указанных обращений постоянно растет [8].

Действующее же законодательство, в частности, положения главы 8 Налогового кодекса [5], посвященные исполнению обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов, а также Федеральные законы «О банках и банковской деятельности» [12] и «Об открытии банковских счетов и аккредитивов, о заключении договоров банковского вклада, договора на ведение реестра владельцев ценных бумаг хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса и безопасности Российской Федерации, и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13], требуют от банков особого внимания к счетам, на которые переводятся денежные средства.

Конечно, российские банки осуществляют обмен информацией о фактах совершения несанкционированных переводов с целью предотвращения неблагоприятных последствий для своих клиентов, и абсолютное большинство несанкционированных операций не приводит к наступлению результата, на который рассчитывали недобросовестные лица, однако в этой сфере существует целый ряд проблем, требующих соответствующего осмысления и разрешения.

Итак, приведенные выше данные указывают в первую очередь на одну из наиболее важных проблем, связанных с договором банковского счета, а именно обеспечение безопасности при осуществлении банковских операций посредством установления определенных требований для идентификации клиента в ходе процедуры открытия банковского счета клиентам в кредитных организациях [10]. Отметим, что, в последнее время эту проблему пытались решить на законодательном уровне посредством наделения банков большим количеством, по сравнению с прошлыми годами, формальных оснований для отказа клиентам в заключении вышеназванного договора.

Так, в Положении Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [7] существует глава 6, которая подвергается постоянной корректировке в направлении расширения

ее объема. Данная глава содержит нормы об отказе в выполнении распоряжения клиента о совершении операции и по расторжению договора банковского счета (вклада).

Отметим, что в качестве условий, которые по отдельности или в совокупности, могут влиять на принятие кредитной организацией решения об отказе в заключении договора банковского счета (вклада) на основании абзаца второго пункта 5.2 статьи 7 Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [14] рассматриваются следующие ситуации:

а) юридическое лицо имеет размер уставного капитала равный или незначительно превышающий минимальный размер уставного капитала, установленный законом;

б) с даты регистрации юридического лица прошло менее шести месяцев, при этом юридическое лицо в рамках представления информации о целях установления и предполагаемом характере деловых отношений с данной кредитной организацией указало в качестве таковых осуществление сделок, связанных с проведением операций с денежными средствами в наличной форме и (или) международных расчетов, содержащих признаки, указанные в приложении к настоящему Положению, либо признаки, указывающие на необычный характер сделки, установленные кредитной организацией самостоятельно;

в) в качестве адреса (места нахождения) постоянно действующего исполнительного органа юридического лица (в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа юридического лица — иного органа или лица, имеющих право действовать от имени юридического лица без доверенности) указан адрес, в отношении которого имеется информация Федеральной налоговой службы о расположении по такому адресу также иных юридических лиц.

г) отсутствие по адресу юридического лица, указанному в едином государственном реестре юридических лиц, органа или представителя юридического лиц.

Таким образом, можно констатировать, что уровень требований, предъявляемых к юридическим лицам, открывающим

счета, постоянно растет, а это с одной стороны положительно влияет на стабилизацию имущественного оборота в стране и позволяет на первоначальном этапе пресечь развитие теневого сектора экономики, а с другой, напротив, усложняет возможности реализации прав добросовестных участников гражданского оборота, удлиняя процедуру открытия счетов в банках. Подчеркнем, что открытие счета юридическому лицу является одним из главных факторов в организации деятельности предприятия любой формы собственности, поскольку позволяет полноценно осуществлять в дальнейшем коммерческую деятельность.

В связи с чем, законодателю необходимо выстраивать грамотную правовую политику, которая бы предусматривала льготы и более упрощенную процедуру открытия банковских счетов именно тем юридическим лицам, которые имеют положительную историю осуществления операций в налоговых органах, существуют на протяжении длительного периода времени, зарекомендовали себя на рынке как положительные контрагенты. Напротив, юридическим лицам, имеющим проблемы уже на начальном этапе своей деятельности с дебиторской задолженностью, а также с задолженностью перед контрагентами, работниками, бюджетом или внебюджетными фондами, вовсе отказывать в процедуре открытия счета или подвергать перед этим дополнительной проверке.

Другая важная проблема, на которую необходимо обратить внимание, связана с исполнением договора банковского счета. Так, одной из новелл гражданского законодательства стало внедрение в гражданский оборот счета эскроу — специального счета, предназначенного для безопасного проведения расчетов между покупателем и продавцом, являющегося разновидностью договора банковского счета, наряду с номинальным счетом и публичным депозитным счетом. И здесь стоит остановиться на правовой регламентации возможности обращения взыскания на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, относительно которой налоговые органы разъясняют, что к отношениям сторон по открытию, обслуживанию и закрытию счета эскроу применяются общие положения о банковском счете. При этом из анализа положений ст. 860.7–

860.10 ГК РФ, раскрывающих суть отношений, вытекающих из счета эскроу, следует, что запрета на приостановление операций по счету эскроу в случаях, предусмотренных законом, не существует, а значит, можно сделать вывод, что руководитель или заместитель руководителя налогового органа, направившего требование об уплате налога, вправе вынести решение о приостановлении операций налогоплательщика-организации по счету эскроу в случае неисполнения им этого требования в установленный срок [2, с. 96].

Необходимо также отметить, что отсутствие законодательного регулирования требований к порядку и срокам осуществления банками проверки документов, предъявляемых бенефициаром при возникновении оснований передачи ему денежных средств, связанных со счетами эскроу, ведет к реализации недобросовестного поведения эскроу-агентов, так как нормы ГК РФ допускают возможность проведения проверки полученных от бенефициара документов в более сжатые сроки, чем те, которые позволили бы обнаружить разногласия и ошибки в документации. В свою очередь, такая недобросовестность со стороны эскроу-агентов порождает у налоговых органов определенные сомнения насчет «чистоты» проведения операций, а значит, может повлечь нарушение прав участников отношений.

Кроме того, у сторон могут возникнуть проблемы и при реализации положений законодательства, связанных с другим видом договора банковского счета, а именно номинальным счетом. Напомним, что номинальный счет — это вид банковского счета, который открывается с целью совершения операций с денежными средствами, где права на денежные средства, находящиеся на счете, принадлежат другому лицу, бенефициару, владельцами же данных счетов обычно являются опекуны, попечители, агенты и иные лица [5, с. 6].

И здесь, проблемным аспектом является возможность списания долга, возникшего в связи с обязательствами владельца такого счета, а также бенефициара. Отметим, что списание денежных средств, которые находятся на номинальном счете, осуществляется по решению суда, а также в иных случаях, которые могут быть предусмотрены как законом, так

и договором. Однако указанные положения Гражданского кодекса РФ [1] вступают в противоречие с положениями Налогового кодекса РФ [6], который предусматривает право налогового органа взыскивать задолженности по налогам и сборам с владельцев банковского счета (п. 1 ст. 46 НК РФ). При этом, п. 1 ст. 11 Налогового кодекса установлено, что нормы Налогового кодекса имеют приоритет в разрешении вопросов, отнесенных к его компетенции перед нормами иных законодательных актов. В результате чего банк не имеет правовых оснований отказывать в исполнении поручения о взыскании денежных средств с номинального счета, что в свою очередь ущемляет права такого участника правоотношений как бенефициар, который остается без правовой защиты, от более «сильного» участника отношений — государства, в лице налоговых органов.

В связи с чем представляется, что первостепенной задачей законодателя является установление не приоритета частных или публичных интересов, а их паритета, т. е. оптимального соотношения, баланса в целях обеспечения конституционных гарантий прав и свобод граждан. Паритет же может быть установлен только в случае, если определены правовые рамки интересов субъектов частного права, но при этом установлены ограничения государственно-правового вмешательства в частные дела. В результате чего была бы достигнута главная цель — наиболее полная и всесторонняя защита прав и интересов всех участников гражданского оборота [3, с. 110].

Таким образом, с целью упорядочения публичного вмешательства в частные дела субъектов банковских правоотношений и унификации норм, допускающих такое вмешательство, необходимо установить единые для всех субъектов банковского права общие правила поведения [11, с. 184]. Представляется, что данный акт позволит объединить подзаконные акты банковской сферы и будет способствовать созданию разумного баланса между публично-правовыми интересами, заключающимися в обеспечении стабильного функционирования банковской системы, и интересами самих кредитных организаций, а также их клиентов.

И, наконец, необходимо выделить еще одну значимую проблему, касающуюся обеспечения сохранности определенного объема информации о клиенте. Дело в том, что она никак не конкретизирована в законе. Отметим, что указанная информация не только составляет банковскую тайну, т. е. профессиональную тайну кредитной организации, но в этом качестве еще и является одной из разновидностей служебной тайны. Кроме того, закон «О банках и банковской деятельности» наделяет кредитные организации правом расширять объем сведений, составляющих банковскую тайну по согласованию с клиентом, что должно отражаться в дополнительном соглашении (т. е. установление режима банковской тайны в отношении определенных сведений). Однако, при этом закон не закрепляет никаких специальных требований к сотрудникам банка, в зависимости от возможного доступа к банковской тайне и не распределяет между ними обязанности по ее сохранению (например, руководитель кадровой службы банка имеет равное отношение к банковской тайне, как и нанятое банком агентство по подбору персонала) [9, с. 150]. Из этого следует, что обеспечение сохранности подобных сведений является обязанностью самой кредитной организации, которая вправе как ограничить, так и разрешить доступ отдельных сотрудников к определенной информации.

Думается, что банкам следует предоставить больше самостоятельности в выработке политики конфиденциальности в отношении сведений, составляющих банковскую тайну.

Таким образом, изменение законодательства в указанных направлениях будет способствовать совершенствованию норм, регулирующих договор банковского счета, а значит, «позволит защитить права и законные интересы участников соответствующих отношений» [4, с. 184].

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018) // Доступ из СПС «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 20.05.2021).
2. Ерохина М. Г. Новое в законодательстве: счета эскроу // Власть Закона. 2014. № 4 (20). С. 92–98.

3. Карцева Н. С., Синенко В. И. Действия в обход закона: понятие и правовая природа // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сб. ст. по мат-лам ежегодной междунар. науч.-практ. конф.: в 3 т. 2016. С. 105–111.
4. Карцева Н. С., Апарина М. Ю. Отдельные проблемы правового регулирования участия в долевом строительстве многоквартирных домов // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 3 (15). С. 180–184.
5. Моргачева М. Е. К вопросу о договоре номинального счета в Российской Федерации // Правозащитник. 2014. № 3. С. 1–11.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 06.06.2019) // Доступ из СПС «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 20.05.2021).
7. Положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изменениями и дополнениями) // Доступ из СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70162622> (дата обращения: 19.05.2021).
8. Прозрачные банки. Зампред Банка России Дмитрий Скобелкин — об атаках хакеров на банки и граждан [электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/02/12/skobelkin-bank-rf-smozhet-obrashchatsia-v-sud-dlia-zashchity-interesov-grazhdan.html> (дата обращения: 19.02.2019).
9. Резниченко А. Н. Правовые проблемы законодательства о банковской тайне // Журнал Закон. 2012. № 6. С. 149–158.
10. Сыропятова Н. В. Обеспечительная функция договора банковского счета // Вестн. Пермск. ун-та. Юридические науки. 2016. №3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechitel'naya-funktsiya-dogovora-bankovskogo-scheta> (дата обращения: 21.05.2021).
11. Ушкин Г. Н. Проблемы договора банковского счета: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2002. 204 с.
12. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 // Доступ из СПС «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 20.05.2021).
13. Об открытии банковских счетов и аккредитивов, о заключении договоров банковского вклада, договора на ведение реестра владельцев ценных бумаг хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса и безопасности Российской Федерации, и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 21.07.2014 № 213-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165807/ (дата обращения: 20.05.2021).
14. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165807/ (дата обращения: 20.05.2021).

НАЛОГОВЫЙ МАНЕВР ИТ-ОТРАСЛИ

А. Ю. Контев

ООО «Акстел Безопасность»
специалист по экономической безопасности
kay@axxtel.ru

Аннотация. Статья посвящена последним изменениям налогового законодательства, касающимся налоговых льгот ИТ-отрасли, и оценке их эффективности как с экономической, так и правовой точки зрения

Ключевые слова: ИТ-отрасль, налоговые льготы, незаконная налоговая оптимизация, налоговая ответственность.

Abstract. The article is devoted to the latest changes in tax legislation related to tax incentives for the IT industry, and the assessment of their effectiveness from both an economic and legal point of view.

Key words: IT industry, tax breaks, illegal tax optimization, tax liability.

Залогом успешного развития бизнеса в стране является безопасность инвестиций, свобода предпринимательства и адекватность налоговых ставок. Выполнение обозначенных условий является одной из приоритетных задач государства. С 01.01.2021 вступили в силу поправки к Налоговому кодексу Российской Федерации, предусматривающие новые налоговые льготы для российских ИТ-компаний [1]. По мнению авторов данного закона, это значительно улучшит налоговые условия для ИТ-бизнеса.

Коротко о нововведениях:

- снижена ставка налога на прибыль с 20 до 3 %;
- снижена общая нагрузка по страховым взносам с 14 до 7,6 %;
- освобождается от НДС реализация прав на программное обеспечение, включенное в специальный реестр отечественного ПО.

Фактически внесенные в НК РФ поправки поддерживают только отечественные компании, которые являются разработчиками ПО одновременно увеличивая налоговую нагрузку для такой существенной части ИТ-отрасли как системные интеграторы в силу того, что на ряду с озвученными поправками были изменены условия применения этих преферен-

ций. Так, исходя из новой редакции НК РФ новыми льготами смогут воспользоваться только те компании, у которых 90 % выручки приходится на продажу и внедрение ПО собственной разработки. По факту в общей структуре расходов системных интеграторов высока доля расходов на персонал, в связи с чем увеличение суммы страховых взносов, подлежащих уплате в бюджет, является наиболее чувствительным моментом для таких организаций. До 2021 г. участники ИТ-отрасли имели право применять пониженные тарифы страховых взносов в размере 14 %, что позволяло им активно развивать технологические компетенции своих сотрудников, реализовывать сложные проекты, требующие квалифицированных инженерных кадров, инвестировать в новые проекты, выплачивать высокую и что немаловажно — «белую» заработную плату. Начиная с 2021 г. те ИТ-организации, которые не являются разработчиками ПО, вынуждены исчислять страховые взносы по тарифам в 15 % (фактически 17,1 %) для субъектов малого и среднего предпринимательства, либо по общеустановленным тарифам в размере 30,2 % от ФОТ, что ставит такие организации перед необходимостью пересмотра как структуры собственного бизнеса, так и устоявшихся бизнес-процессов. При этом большинство отечественных разработчиков ПО являются резидентами фонда «Сколково», предоставляющего не менее привлекательные налоговые льготы, в связи с чем меры поддержки ИТ-компаний требуют некоторых доработок. Нельзя допустить, чтобы в итоге получали поддержку те, кто и без нее справляется, и, наоборот, лишать тех, кто в ней остро нуждается.

В отношении налога на добавленную стоимость хотелось бы обратить внимание на следующее. Внесенные поправки освобождают от НДС реализацию прав на программное обеспечение (далее — ПО), включенное в реестр отечественного ПО. Формирование указанного реестра осуществляет Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее — Министерство). Таким образом, обязательным условием применения ставки 0 % по НДС при реализации ПО, является его наличие в реестре российского ПО. Все вроде предельно ясно, ПО содержится в рее-

стре — продаем без НДС, в реестре ПО нет — продаем с НДС, но как обычно трудности в мелочах. Дело в том, что указанный реестр ведется с указанием лишь наименования ПО, без конкретных релизов и версий программ. Более того, 02.02.2021 Министерство разъяснило, что при выпуске новой версии программы производителю не требуется повторно подавать заявку на включение в реестр российского ПО, за исключением случаев если новая версия обладает отличительными функциональными характеристиками и, как следствие, относится к другому классу ПО, построена на иных технологических стеках, а также если исключительные права на новую версию программного обеспечения принадлежат различным правообладателям. В то же время в отгрузочных документах, при реализации ПО, продавцами указываются лицензии и названия программ очень подробно — вплоть до запятой.

Исходя из практики администрирования НДС налоговыми органами можно уверенно предположить, что при проведении камеральной налоговой проверки декларации по НДС инспектор будет проверять основания отнесения выручки от реализации ПО в необлагаемый оборот по НДС. Соответственно инспектор будет сличать информацию о ПО содержащуюся в реестре с наименованием ПО, указанным в отгрузочных документах и выявит несоответствие как минимум в номере версии. Навряд ли сотрудник налогового органа выявленное несоответствие будет трактовать в пользу организации и признает неправомерным реализацию ПО с применением ставки 0% по НДС, при этом проверяющие скорее всего будут исходить из следующей логики.

Согласно ст. 1261 ГК РФ программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата.

При создании новых версий программного обеспечения фактически создается новое программное обеспечение со своими данными и командами, отличными от первоначального программного обеспечения, которое в силу правил ведения бухгалтерского учета становится самостоятельным объектом

учета с отдельным, условно инвентарным номером. Следовательно, этот объект, отличается от объекта учета, включенного в реестр российского ПО, и не может быть реализован с нулевой ставкой НДС.

Так же на помощь налоговому инспектору придет Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», нормами которого установлены обязательные реквизиты первичного документа. Одним из которых является содержание факта хозяйственной жизни, т. е. документ должен содержать информацию об реализуемом объекте, которая позволит такой объект однозначно идентифицировать (полное наименование, его версию, релиз и т. д.).

Исходя из сложившейся ситуации на плечи налогоплательщика дополнительно ложится бремя доказывания своей правоты по указанной проблематике, при этом остается открытым вопрос каким образом доказать, что новая версия программы не обладает различными функциональными характеристиками по сравнению со старой и самое главное каким документом, поскольку (опять же исходя из практики) налоговый орган воспринимает только документально подтвержденные доказательства.

На сегодняшний день необходимо констатировать тот факт, что для ИТ-отрасли наступило не только время активного развития (пандемия стала драйвером нарастающей цифровизации бизнеса) но и время пристального внимания со стороны государства. Введенные значительные налоговые преференции для отечественных разработчиков ПО и их правомерное использование безусловно станет объектом пристального внимания со стороны контролирующих органов. Так, например, ФНС России уже в январе 2021 года выпустило письмо, в котором сообщается, что создание ИТ-компаний в результате реорганизации существующих юридических лиц будет исследоваться в каждом отдельном взятом случае на предмет дробления бизнеса. Все это неизбежно приведет к увеличению налоговых споров в ИТ-отрасли и как следствие к серьезному увеличению трудозатрат ИТ-компаний на поддержание соответствия новому законодательству, что требует

пересмотра и усовершенствования нормативно-правового регулирования налогообложения указанной отрасли.

Литература

1. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 265-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358732/ (дата обращения: 14.05.2021).

НАСЛЕДОВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ИМУЩЕСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Н. П. Ковалёва

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
npkovaleva@mail.ru

Аннотация. Анализируется законодательство, регулирующее вопросы наследования имущества и имущественных прав унитарного предприятия как имущественного комплекса, а также рассматриваются отдельные вопросы оформления наследства.

Ключевые слова: предприятие, имущественный комплекс, наследник, наследодатель, наследство.

Abstract. Analyzes the legislation governing inheritance of property and property rights of a unitary enterprise as a property complex, and also considers individual issues of inheritance clearance.

Key words: enterprise, property complex, heir, testator, inheritance.

Гражданский кодекс Республики Беларусь определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную деятельность юридических и физических лиц, осуществляемую ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ и оказания услуг, если эти работы и услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

Имущество унитарного предприятия (далее — УП), находится в собственности учредителя этого УП и принадлежит УП на праве хозяйственного ведения. Наследство открывается в день смерти учредителя УП [1, ч. 2 ст. 1035], следовательно, состав наследственного имущества также определяется именно на день смерти.

Если УП имеет статус предприятия как имущественного комплекса, то соответственно наследуется именно предприятие как объект гражданского права. При этом предприятие, как имущественный комплекс, должно быть зарегистрировано в Национальном кадастровом агентстве Республики Беларусь.

В состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его использования на осуществление предпринимательской деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудования, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги, а именно: фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором.

Исходя из содержания пункта 1 статьи 132 Гражданского кодекса, состав предприятия можно разделить на материальные и нематериальные объекты, входящие в него и образующие его имущественный комплекс, на основании которых можно говорить о четырех группах объектов:

1) это вещи, предназначенные для деятельности предприятия, которые длительное время, неоднократно или постоянно в неизменной форме используются в производстве, без существования которых невозможно достижение целей предпринимательской деятельности;

2) имущественные права и обязанности заключающиеся в том, что при наследовании в состав имущественного комплекса могут входить имущественные права и обязанности. Под ними понимаются, права требования собственника предприятия к должникам, связанные с уплатой им денежных сумм, выполнением работ и оказанием услуг, права пользования обособленными природными объектами: земельными участками, природными ресурсами;

3) исключительные права, права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги, фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания, принадлежащие собственнику предприятия на основании лицензий права пользования такими средствами индивидуализации, а также иные права на объекты интеллектуальной собственности, возникающие у авторских и иных договоров на произведения науки, литературы, искусства и объекты смежных прав, прав на промышленные образцы, изобретения и так далее;

4) особые нематериальные элементы: деловая репутация, деловые связи (клиентела), фактическое положение на рынке.

Предприятие может рассматриваться в двух контекстах: как субъект прав и как объект недвижимости. В первом случае подразумевается юридическое лицо в форме УП, которое функционирует с целью получения прибыли. Во втором — имущественный комплекс, который используется в качестве базы для ведения коммерческой деятельности. Только предприятие во втором варианте может полностью или частично подвергаться правовым сделкам, в число которых входит передача по наследству [2].

На практике встает вопрос об оформлении наследственных прав на имущество УП, которое не зарегистрировано как имущественный комплекс. Необходимо определить, что является в этом случае предметом наследования, и каким образом должно быть подтверждено принадлежность этого вида наследства наследодателю. На наш взгляд, данный вопрос законодательством никаким образом не урегулирован.

На наш взгляд необходимо закрепить положения о том, что будет предметом наследования, в случае если Частное унитарное предприятие не зарегистрировано как имущественный комплекс. Полагаем, что это будет имущество УП находящееся на его балансе, на день открытия наследства, а также права учредителя предприятия. Для оформления такого имущества было бы правильным предусмотреть в главе 16 Постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 № 63 «Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий», что документом подтвержда-

дающим состав наследства является баланс предприятия, составленный на день открытия наследства, либо заключения независимого эксперта (аудитора).

УП как имущественный комплекс либо имущество УП могут передаваться по наследству в целом одному наследнику или доли его — нескольким. Предприятие как объект недвижимости подлежит наследованию на общих основаниях, т. е. передается преемникам по закону и по завещанию. По закону предприятие наследуется в случае, если оно не было включено в текст завещания или если завещание не было составлено. Тогда на него могут претендовать наследники наиболее близкой по родству очереди к наследодателю.

Для оформления своих прав на наследство, наследники должны обратиться к нотариусу с заявлением о принятии наследуемого имущества и о выдаче свидетельства о праве на наследство. Свидетельство о праве на наследство по общему правилу выдается наследникам по истечении шести месяцев со дня открытия наследства. В течение этого срока УП продолжает существовать и, как правило, осуществлять свою хозяйственную деятельность [1, ч. 1 ст. 1084]. Наследники, по истечении шести месяцев получают здания, сооружения, оборудование, сырье, материалы и иное имущество, которые находились на балансе УП в момент смерти его учредителя. Но, возможно, они не получают тот имущественный комплекс, который предназначен для осуществления предпринимательской деятельности, так как такая деятельность будет затруднена либо может не быть.

Также следует учесть, что «приостановка» предпринимательской деятельности УП на шестимесячный срок в связи со смертью его учредителя, безусловно, никак не должна отражаться на интересах кредиторов УП. Следовательно, кредиторы УП в указанный шестимесячный период все равно будут обладать правом требовать надлежащего исполнения УП принятых им на себя обязательств перед ними. Неисполнение же таких обязательств повлечет применение указанными кредиторами мер гражданско-правовой ответственности по отношению к УП и, прежде всего, взыскание убытков, неустойки (штраф, пеня), процентов за пользование чужими денежными средствами.

Все вышесказанное может привести к тому, что наследники не только не смогут получить имущественный комплекс, предназначенный для осуществления предпринимательской деятельности, но и не получают имущество, так как это имущество может пойти на расчеты с кредиторами УП, особенно если они будут наряду с основным долгом требовать взыскания убытков, неустойки, процентов. Единственным правильным решением, на наш взгляд, будет заключение договора доверительного управления в рамках наследственного дела.

Меры по охране наследства или управлению им принимаются нотариусом по заявлению одного или нескольких наследников, исполнителя завещания, органа местного управления и самоуправления или других лиц, действующих в интересах сохранения наследственного имущества. Нотариус вправе по собственной инициативе принять меры по охране наследства или управлению им [1, ч. 1, 2 ст. 1066].

Объектом доверительного управления могут быть предприятия и другие имущественные комплексы, отдельные объекты, относящиеся к недвижимому имуществу, ценные бумаги, права, удостоверенные бездокументарными ценными бумагами, исключительные права и другое имущество, в том числе имущественные права.

Наследники умершего учредителя вправе принять на себя управление предприятием только в случае заключения на основании поданного заявления с одним из них, выступающим в качестве доверительного управляющего, нотариусом, выступающим в качестве вверителя, соответствующего договора доверительного управления наследственным имуществом. Суть управления заключается во временной передаче прав на наследуемое имущество одними лицами другому лицу с намерением получения прибыли.

К сожалению, понятие доверительного управления наследственным имуществом законодательством Республики Беларусь не закреплено. Но исходя из общего определения «договора доверительного управления», мы можем рассматривать договор доверительного управления наследственным имуществом, как разновидность договора доверительного управления имуществом, оставшимся после смерти граж-

данина, которое требует охраны и управления. Заключение договора доверительного управления имуществом осуществляется нотариусом по месту открытия наследства на основании заявления о принятии мер по управлению им одного или нескольких наследников, исполнителя завещания или других лиц, действующих в интересах сохранения наследственного имущества. Договор доверительного управления заключается на срок, определяемый нотариусом с учетом характера и ценности наследства, времени, которое необходимо наследникам для оформления наследственных прав, но не более чем на один год со дня составления описи, если опись составлялась. На наш взгляд, срок действия договора доверительного управления имуществом требует более конкретного определения. При этом необходимо исходить из шестимесячного срока принятия наследства и учитывать мнение лиц, которые обратились с заявлением о принятии мер по управлению наследством.

Заключение данного договора имеет значение для выгодоприобретателя, так как им по договору выступает наследник. Передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему, так как право собственности на имущество получают наследники по истечению срока для принятия наследства. Стоит также учесть, что наследники, получая свою долю наследства, получают также долги и обязательства наследодателя. Следовательно, если наследник принял наследство, в состав которого входит предприятие с долгами, то он несет ответственность по выплате задолженности как собственник [1, ст. 1175].

Таким образом, во-первых, наследовать предприятие могут наследники как по закону, так и по завещанию; во-вторых, для охраны и управления наследством нотариус или исполнитель завещания по инициативе наследников предпринимают меры по охране и управлению, в том числе посредством заключения договора доверительного управления и в-третьих, если наследники приняли наследство, то они обязаны рассчитаться по долгам наследодателя предприятия, но в рамках размера доли каждого.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 29.06.2020 № 33-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2020. 2/2749
2. Киселев А. А. Наследование по праву представления // Нотариус. 2014. № 10. С. 2–6.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ОСПАРИВАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ФАКТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ИХ ИСПОЛНЕНИЯ: СИСТЕМНЫЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Д. И. Михайлов

Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Dimin.Mitr@yandex.by

Аннотация. В данной статье анализируются проблемы, которые могут возникнуть в связи с закреплением в Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года (далее ГК Беларуси) правила, ограничивающего право на оспаривание сделок, а также на иск о признании договора незаключенным для принявшей исполнение стороны, в зависимости от степени добросовестности предшествующего поведения всех участников сделки.

Ключевые слова: эстоппель, недействительная сделка, оспоримая сделка, незаключенный договор, добросовестность, разумность, встречное исполнение, запрет, ограничение, защита интересов.

Abstract. This article analyzes the problems that may arise in connection with the consolidation in the Civil Code of Belarus of December 7, 1998 of the rule restricting the right to challenge transactions, as well as to a claim for recognizing the contract as not concluded for the party that accepted the performance, in depending on the degree of good faith of the previous behavior of all participants in the transaction.

Key words: estoppel, invalid transaction, disputed transaction, non-concluded contract, good faith, reasonableness, counter-performance, prohibition, restriction, protection of interests.

Проектом изменений подраздела 2 раздела 3 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее ГК) предусматривается, в частности, ряд правил, направленных на имплементацию в систему гражданского права Беларуси принципа «эстоппель», сформировавшегося в рамках англо-саксонской правовой системы [1; 2]. Сущность принципа «эстоппель» (от англ. estop — «лишать права выдвигать возражения») заключается в том, что лицо лишается права заявлять о юридически значимых фактах, а также пользоваться принадлежащим ему правом вопреки своему предшествующему поведению [1; 2]. Данным законопроектом предусмотрена норма (ст. 401-1 ГК), согласно которой принявшая исполнение сторона оспоримого недействительного договора, заключенного при осуществлении предпринимательской деятельности, утрачивает право на его оспаривание и применение последствий недействительности, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренным статьями 174, 179 и 180 ГК Беларуси [3]. При этом условиями применения указанного правоограничения являются:

- полное или частичное неисполнение оспоримого договора стороной, намеревающейся оспорить его в суде;
- отсутствие заведомо недобросовестных действий стороны, осуществляющей исполнение оспоримого договора.

В соответствии с другой нормой указанного законопроекта, основанных на этом принципе, лицо, принявшее исполнение по незаключенному договору при осуществлении предпринимательской деятельности, утрачивает право на иск о признании соответствующего договора незаключенным при условии, если такое требование будет противоречить принципам добросовестности и разумности.

Данное правило нашло отражение в п. 3 ст. 401-2 редакции ГК Беларуси, которую предполагается сформировать в соответствии с ст. 135 проекта Закона о внесении измене-

ний в кодексы Республики Беларусь [3]. Аналогичное правило ранее было закреплено в п. 3 ст. 432 Части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [4]. Однако данной нормой ГК России ограничение права на оспаривание факта заключения договора поставлено в зависимость от добросовестности его реализации, но не от разумности. Основным целевым назначением правила п. 3 ст. 401-2 ГК Беларуси является стимулирование сохранения договорных отношений, особенно в случаях неэквивалентного исполнения договоров, существенные условия которых не согласованы, но могут быть подтверждены с той или иной степенью достоверности посредством доказательств, определенных ст. 163 ГК.

Целью данной работы является анализ возможных неблагоприятных последствий законодательного закрепления норм, устраняющих право участника сделки, принявшего исполнение, на защиту его интересов посредством признания недействительности оспоримой сделки, применения последствий ее недействительности, а также устраняющих право на защиту интересов стороны договора посредством заявления требования о признании договора незаключенным.

Законодательное закрепление вышеуказанных норм, основанных на принципе «эстоппель», значительно осложнит защиту интересов ряда категорий субъектов имущественно-стоимостных отношений. К данным субъектам следует отнести, прежде всего, кредиторов экономически несостоятельного должника, чьи интересы будет сложнее защитить посредством оспаривания антикризисным управляющим неблагоприятных сделок должника и участников (акционеров) хозяйственных обществ, защита интересов которых посредством оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью аффилированных лиц также будет осложнена.

Оспаривание антикризисным управляющим неблагоприятных оспоримых сделок должника будет осложнено рассматриваемым запретом «эстоппель», главным образом, в связи со значительной сложностью доказывания факта недобросовестности предоставления исполнения контрагентом организации-должника по неблагоприятной сделке, совершенной в преддверии банкротства. Правила ст. 109 и 110 Закона Респу-

блики Беларусь от 13 июля 2012 г. «Об экономической несостоятельности (о банкротстве)» (далее Закон о банкротстве) предусматривают в качестве составляющих оснований для оспаривания неблагоприятных сделок должника факт осведомленности контрагента об увеличении неплатежеспособности должника в результате исполнения сделки или о заведомой неэквивалентности обязательств сторон [5, с. 76–80]. Доказанный факт осведомленности контрагента может быть интерпретирован как обстоятельство, подтверждающее заведомую недобросовестность предоставления исполнения с его стороны. Исключением являются оспоримые сделки, совершенные за 6 месяцев до возбуждения дела о банкротстве и направленные на предпочтительное удовлетворение требований одних кредиторов перед другими (абз. 2 ч. 1 ст. 109 Закона о банкротстве). Заключая, например, договор поставки, с условием о предоплате всех партий товаров, принимая при этом соответствующую предоплату и поставляя первую партию товара, поставщик может добросовестно заблуждаться относительно степени платежеспособности покупателя.

Аналогично правилам об оспоримых сделках несостоятельного должника на специфике волеизъявления юридических лиц основаны нормы Закона от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах» о сделках с заинтересованностью аффилированных лиц и крупных сделках, а также правило ст. 175 ГК об оспоримых сделках с превышением полномочий органа управления юридического лица и представителя.

Законодательное закрепление запрета на оспаривание сделок принявшей исполнение стороной поставит защиту интересов хозяйственного общества, нарушенных неблагоприятными последствиями сделок с заинтересованностью, в зависимость от доказывания факта недобросовестного предоставления исполнения со стороны контрагентов по таким сделкам. В этом случае вероятность доказывания будет зависеть от типа и степени взаимосвязи между контрагентом общества и его аффилированным лицом. Если контрагентом общества по неблагоприятной сделке будет выступать само аффилированное лицо и оно, в силу своих полномочий, будет предположительно осведомлено о неблагоприятности

сделки для общества, то доказывание заведомой недобросовестности предоставления исполнения таким контрагентом существенно не усложнит процессуального положения истца. Доказывание факта заведомой недобросовестности принятия исполнения контрагентом общества по сделке с заинтересованностью существенно усложнится в случае, если в качестве такового выступит юридическое лицо, значимым участником будет являться организация-аффилированное лицо общества. В этом случае субъекту, оспаривающему сделку с заинтересованностью, потребуется доказывание следующих фактов:

- осведомленности организации-контрагента об участии одного из его участников в уставном фонде хозяйственного общества;
- неодобрения сделки с заинтересованностью высшим или наблюдательным органом общества;
- угрозы возникновения неблагоприятных для общества последствий исполнения сделки.

Закрепленное в итоговом варианте рассматриваемого законопроекта ограничение права на оспаривание недействительных договоров значительно усложнит защиту интересов хозяйственного общества, нарушенных совершением неблагоприятной для него крупной сделки, в отсутствие одобрения ее высшим органом. Это будет обусловлено тем, что доказывание факта осведомленности контрагента значительно усложнится, в сравнении со сделками с заинтересованностью, по причине отсутствия взаимосвязи между обществом и его контрагентом. Контрагент общества по крупной сделке не обязан запрашивать информацию о соотношении суммы данной сделки и стоимости активов хозяйственного общества на момент ее совершения. При этом именно для крупных сделок вероятность неполного встречного исполнения со стороны добросовестного хозяйственного общества исключительно высока именно по причине значительного объема неденежного обязательства и (или) суммы денежного обязательства.

Аналогичным образом усложнится также оспаривание сделок, совершенных исполнительным органом любого юридического лица с превышением его уставных полномочий, т. е. не одобренных высшим или наблюдательным органами

данного лица в случаях, прямо предусмотренных в его уставе. Доказывание факта заведомой недобросовестности предоставления исполнения противоположной стороной при этом будет означать доказывание фактов ознакомления контрагента с уставом юридического лица и получения им информации о неодобрении (ненадлежащем одобрении) сделки.

Таким образом, запрет оспаривания сделок принявшим исполнение субъектом значительно усложняет или исключает защиту интересов юридических лиц и их участников несмотря на то, что заключение недействительных сделок, а также принятие их исполнения обусловлено недобросовестными действиями руководителей и, возможно, отдельных участников.

В другой из названных ранее норм (п. 3 ст. 401-2 проекта изменений ГК), предлагаемой к законодательному закреплению, предусмотрено ограничение права на иск о признании договора незаключенным [3]. Прекращение данного права ставится в зависимость от соответствия его реализации принявшей исполнение стороной принципу добросовестности и разумности [3]. В проекте рассматриваемой нормы об ограничении права на оспаривание факта заключения договора закрепление отсылки к принципу добросовестности и разумности не обусловлено аналогией права. Такая отсылка является способом преодоления ряда значимых проблем, которые могут возникнуть при прекращении права субъекта предпринимательской деятельности на иск о признании незаключенным договора, полностью или частично исполненного в пользу данного субъекта.

Согласно мнению А. А. Чукреева, принцип добросовестности означает обязанность участника гражданских правоотношений при реализации своих прав заботиться о соблюдении прав и законных интересов других участников [6, с. 100–104]. Исходя из этой точки зрения, принцип добросовестности и разумности как раз и предназначен для ограничения права на оспаривание факта заключения договора, исходя из степени соблюдения интересов обеих сторон. В то же время, в отсутствии надлежащего согласования условия о предмете, принятие исполнения может быть обусловлено как добросовестным, так и недобросовестным поведением принимающей стороны.

При этом соответствие действий принимающего исполнение субъекта принципу разумности во многом будет зависеть от того, являются ли эти действия добросовестными или нет.

Однако оценка соответствия данному принципу не действий по принятию исполнения, а исковых требований о признании договора незаключенным, порождает большую правовую неопределенность в квалификации поведения принявшей исполнение стороны. Предъявление иска о признании договора незаключенным стороной, принявшей его исполнение, может соответствовать принципу добросовестности и разумности в зависимости от ряда факторов:

- вида, предполагаемого сторонами договорного обязательства;
- сущности согласованных условий заключаемого договора;
- степени несогласованности существенного условия договора, а также наличия письменных доказательств, позволяющих в минимально достаточной степени восполнить данную несогласованность;
- степени исполнения договора, которая может быть подтверждена в аспекте количественной составляющей правоотношения как применительно к предполагаемому сторонами обязательству, так и в отношении его аналогов;
- соотношения неблагоприятных экономических последствий, которые возникнут у обеих сторон в результате исполнения договора, с одной стороны, и признания договора незаключенным — с другой;
- степени добросовестности действий стороны, принявшей исполнение по незаключенному договору.

Само по себе наличие такого количества факторов, которые могут не только соответствовать, но также противоречить друг другу, с точки зрения степени соответствия принципу добросовестности и разумности (его составляющим), представляет собой сложнейшую задачу для правоприменителя. Однако данная задача будет дополнительно осложнена производным характером применения принципа добросовестности и разумности. Установление несоответствия реализации права на иск о признании договора незаключенным

принципу добросовестности и разумности будет зависеть от соответствия тому же принципу действий обладателя данного права по принятию исполнения по договору лишь отчасти. При этом добросовестность и разумность действий по принятию исполнения по незаключенному договору может исключить недобросовестность и (или) неразумность реализации права на иск о признании договора незаключенным только в зависимости от иных, вышеперечисленных факторов. В этой связи следует отличать прямое действие принципов гражданского права, в том числе принципа добросовестности и разумности, при регламентации отношений, носящих заведомо оценочный характер, а также тех, которые наделены оценочными свойствами той или иной правовой нормой. Как справедливо отмечает Н. Л. Бондаренко, использовать основные начала гражданского законодательства, закрепленные в ст. 2 ГК Республики Беларусь, следует не только в случаях применения аналогии права, но и в качестве самостоятельного регулирующего компонента гражданско-правового регулирования [7, с. 47–48].

Анализ прогнозируемых последствий законодательного закрепления правил, запрещающих принявшей исполнение стороне требовать признания недействительности сделки или признания договора незаключенным, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Закрепление указанного правоограничения поставит оспаривание управляющим неблагоприятных сделок несостоятельного должника, совершенных в преддверии банкротства, в зависимость от доказывания факта осведомленности (недобросовестности) контрагента, что существенно усложнит, например, оспаривание договоров, направленных на предпочтительное удовлетворение денежных требований одних кредиторов перед другими.

2. Внесение рассмотренных изменений в ГК существенно усложнит защиту интересов юридических лиц, руководители которых действовали в ущерб их интересам как на момент совершения сделок с превышением полномочий, так и на момент принятия их исполнения.

3. Для разрешения означенных проблем следует усовершенствовать указанные правила по следующим направлениям:

- установление запретов на признание недействительности сделки и реституцию по инициативе принявшей исполнение стороны в зависимости не только от заведомой недобросовестности передающей имущество стороны, но также от степени добросовестности принимающей исполнение стороны;

- ограничение действия данного правила в отношении неблагоприятных оспоримых сделок несостоятельного должника посредством изъятий из презумпции добросовестности контрагентов несостоятельного субъекта по таким сделкам.

4. Не отрицая роли принципов гражданского права, в том числе, добросовестности и разумности, в качестве самостоятельного регулятивного компонента следует признать, что возможная конкретизация условий прекращения права на иск о признании договора незаключенным, соответствующих принципу добросовестности и разумности, позволит минимизировать рассмотренные проблемы при реализации данного права на основании принципа «эстоппель».

Литература

1. О Словаре юридической терминологии для государств — участников МПА СНГ: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества независимых государств от 23 ноября 2012 г. № 38-23 // Эталон — Беларусь [электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021. URL: <http://www.pravo.by> (дата доступа: 20.04.2021).
2. Белявский С. Ч. Обзор планируемых к принятию новелл Гражданского кодекса Республики Беларусь // Эталон — Беларусь [электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020. URL: <http://www.pravo.by> (дата доступа: 20.04.2020).
3. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь: проект Закона Республики Беларусь. URL: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf (дата доступа: 21.04.2020).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: принята Государственной Думой 22 декабря 1995 года (по состоянию на 25 марта 2017 г.) // Гражданский кодекс Рос. Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, 2017. 624 с.

5. Михайлов Д. И. Сделки с заинтересованностью в отношении должника, влекущие причинение ущерба его кредиторам // Вестн. Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. 2013. № 2. С. 73–81.
6. Чукреев А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 100–104.
7. Бондаренко Н. Л. О роли принципов гражданского права в нормотворческой и правоприменительной деятельности: постановка проблемы // Юридический журнал. 2005. № 1. С. 45–48.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ КОНТРАКТУ НА ПОСТАВКУ ТОВАРА

М. Г. Чуприн

Томский институт повышения квалификации работников
Федеральной службы исполнения наказаний
старший преподаватель кафедры исполнения наказаний,
не связанных с лишением свободы и правового обеспечения
деятельности уголовно-исполнительной системы
E-mail: chuprin08@inbox.ru.

Аннотация. Цель статьи заключается в изучении особенностей гражданско-правового регулирования исполнения обязательств по государственному контракту на поставку товара для государственных нужд. Предметом исследования явился вопрос правового регулирования государственного контракта на поставку товара для государственных нужд. Анализируя действующее гражданское законодательство, автор отмечает, что правовое регулирование отношений по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд не ограничивается только правилами о договоре поставки.

Ключевые слова: государственный контракт, поставка, розничная купля-продажа, исполнение обязательств, условия исполнения обязательств.

Abstract. The purpose of the article is to study the features of civil law regulation of the fulfillment of obligations under a state contract for the supply of goods for state needs. The subject of the research was the issue of legal regulation of the state contract for the supply of goods for state needs. Analyzing the current civil legislation, the author notes that the legal regulation of relations for the supply of goods for state or municipal needs is not limited only by the rules on the supply contract

Key words: state contract, supply, retail sale and purchase, fulfillment of obligations, terms of fulfillment of obligations.

В настоящее время среди ученых-правоведов сложилось единое мнение, что государственный контракт представляет собой гражданско-правовой договор. В этой связи, рассматривая государственный контракт как сугубо цивилистическое понятие, нельзя обойти стороной вопрос о правовом регулировании исполнения обязательств, возникших из него. Общие положения ст. 1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон 44-ФЗ) определяют, что отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд, не ограничиваются только поставкой товара, выполнением работ или оказанием услуг. Иначе говоря, объектом закупки могут выступать аренда имущества, наем жилого помещения, страхование, предоставление права использования объектов интеллектуальной собственности и иные объекты со свойственными им видами договорных конструкций. Согласно ч. 2 ст. 525 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) правовое регулирование отношений по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд осуществляется правилами о договоре поставки, если иное не определено нормами ГК РФ. В этой связи актуальным представляется вопрос о гражданско-правовом регулировании исполнения обязательств по государственному контракту на поставку товара.

Представляя государственный контракт в качестве договора поставки и исходя из содержания ст. ст. 525, 506 ГК РФ можно утверждать, что поставщик по государственному контракту — это продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, а государственный заказчик — это покупатель, приобретающий товар для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием.

Диспозиция ст. 525 ГК РФ содержит указание о том, что к отношениям по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд в части, не урегулированной § 4 гл. 30 ГК РФ, применяются иные законы. Основой законодательства о контрактной системе является Закон 44-ФЗ. Общие положения ст. 3 Закона 44-ФЗ дают основание утверждать, что в качестве участника закупки может выступать любое юридическое или любое физическое лицо, в том числе зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, соответствующее общим требованиям ст. 31 Закона 44-ФЗ.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что специальный Закон 44-ФЗ расширяет круг лиц, относящихся к поставщику товара по государственному контракту, ими являются не только субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность, но и некоммерческие организации, физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, а также лица, не обладающие статусом предпринимателя.

Анализ правоприменительной практики позволил выявить зависимость выбора квалификации правоотношения от субъекта исполнения обязательств по государственному контракту. Так, рассматривая вопрос о правовой квалификации отношений, связанных с поставкой товара, Пленум Высшего арбитражного суда Российской Федерации обратил внимание на то, что если организацией или индивидуальным предпринимателем приобретаются товары, направленные на обеспечение своей деятельности, то назначение этой закупки подпадает под определение «иных целей» ст. 506 ГК РФ. Однако, в этом случае, как отметил суд, если продавцом товара является лицо, реализующее товар в розницу, то данные правоотношения регулируются нормами о розничной купле-продаже [2].

Проецируя данное решение на рассматриваемые обязательственные отношения по поставке товаров для государственных нужд, можно заключить следующее: если субъектом исполнения обязательств выступает продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, то правовое регулирование исполнения обязательств осуществляется с применением специальных норм § 2 гл. 30 ГК РФ. Это указывает на существование еще одной

разновидности государственных контрактов: государственный контракт купли-продажи товаров со свойственными ему особенностями гражданско-правового регулирования исполнения обязательств.

Следует отметить, что отдельными специалистами в сфере закупок высказывалось мнение о том, что поставщик обязательно должен продавать товары оптом, причем это является особенностью контракта на поставку товара [1]. Однако, как представляется, данное утверждение не только не соответствует общим принципам контрактной системы, но и ведет к нарушению антимонопольного законодательства. Кроме того, в гражданско-правовой доктрине, классифицирующей договоры на виды по основанию их нормативно-правового значения, государственный контракт рассматривается не как договор поставки, а скорее как разновидность договора купли-продажи.

Важным отличительным признаком государственного контракта купли-продажи товара является момент его заключения и момент исполнения обязательств по нему. Правилами ст. 493 ГК РФ установлено, что исполнение обязательства по оплате товара и предоставление продавцом документа, подтверждающего исполнение указанного обязательства, определяют момент заключения договора. Примечательно, что в отдельных случаях, указанных в ч. 15 ст. 34 Закона 44-ФЗ, момент заключения государственного контракта и момент возникновения обязательств могут не совпадать, например, когда товар приобретается за наличные денежные средства, выданные в отчет.

Сравнивая договор поставки и договор розничной купли-продажи, следует отметить одну особенность, которая касается возможности для поставщика восполнить недопоставленное количество товаров в следующем периоде (периодах) в пределах срока действия договора. Так, в силу ч. 1 ст. 511 ГК РФ поставщик имеет право восполнить недопоставленное количество товаров в следующем периоде (периодах) в пределах срока действия государственного контракта, если иное не предусмотрено условиями контракта, тогда как в силу ст. 466 ГК РФ в государственном контракте купли-продажи товара

у продавца такая возможность отсутствует, если иное не определено условиями контракта.

Еще один аспект, связанный со сроком исполнения обязательств по государственному контракту, — это взаимосвязь даты поставки товара со сроком действия государственного контракта, а также влияние этой связи на правовое регулирование исполнения обязательств. Анализ судебной практики показывает, что согласно ч. 1 ст. 511 и ч. 3 ст. 425 ГК РФ обязанность поставщика восполнить недопоставку сохраняется только на период действия государственного контракта, все, что поставляется за пределами этого срока, надлежит квалифицировать как разовую сделку купли-продажи товара [3]. Из этого следует вывод о том, что поставку товара, являющегося предметом завершившего свое действие государственного контракта, следует рассматривать как исполнение обязательств по сделке, находящейся в сфере правового регулирования норм ГК РФ о розничной купле-продаже товаров.

В числе условий исполнения обязательств по государственному контракту надлежит рассмотреть способ исполнения обязательств. Сравнительно-правовой анализ норм § 2 и 3 гл. 30 ГК РФ дает основание заключить, что передача товара в рамках сделки по купле-продаже может осуществляться как путем выборки товара, так и на условиях доставки. Отличительным признаком поставки являются положения специальной нормы ст. 510 ГК РФ, обязывающей поставщика организовать доставку товара при отсутствии соответствующих условий в договоре. Для обязательств купли-продажи товара согласно ч. 3 ст. 458 ГК РФ обязанность продавца по передаче товара считается исполненной в момент сдачи товара перевозчику или организации связи для доставки покупателю.

Таким образом, различный объем обязанности должника в каждом из рассматриваемых обязательств определяет не только момент перехода права собственности на товар, но и расходы, связанные с доставкой товара, потому как положения ч. 3 ст. 458 ГК РФ не предполагают наличие обязанности должника нести расходы, связанные с доставкой товара.

Важной особенностью исполнения обязательств в государственных контрактах купли-продажи товара является обязан-

ность государственного заказчика вернуть упаковку (тару). Ни в общих положениях о купле-продаже товара, ни в специальных нормах § 2 гл. 30 ГК РФ не содержится требований, обязывающих покупателя вернуть соответствующую упаковку (тару) при отсутствии в государственном контракте соответствующих условий. Это означает, что в силу ст. 481, 309.2 ГК РФ независимо от свойств упаковки государственный заказчик не обязан возвращать ее, поскольку стоимость упаковки (тары) включена в стоимость товара.

Таким образом, правовое регулирование отношений по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд может осуществляться правилами о договоре розничной купли-продажи, если иное не определено нормами ГК РФ.

Литература

1. Мухина М. В. Рекомендации по проведению конкурса. Успешный опыт и практика // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 2011.
2. О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки: пост. Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 [электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Судебная практика. М., 1997. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.04.2021).
3. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.02.2010 по делу № А45-4509/2009; Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.08.2011 по делу № А29-7882/2010 [электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Судебная практика. М., 2011. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.04.2021).

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ КАК ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

С. А. Митроченко

Новосибирский государственный университет
экономики управления
студентка четвертого курса
s.a.mitrochenko@gmail.com

Аннотация. В настоящее время экстерриториальность не является достаточно изученным правовым явлением, хотя на фоне продолжающейся судебной реформы необходимость доктринального обоснования существования такого подхода к организации судебной власти имеет существенное значение для определения перспектив развития судебной системы.

Ключевые слова: экстерриториальность, апелляционное производство, кассационное производство, судебный округ, обжалование, принцип, подход, правовая доктрина.

Abstract. Currently, extraterritoriality is not a sufficiently studied legal phenomenon, although against the background of the ongoing judicial reform, the need for a doctrinal justification for the existence of such an approach to the organization of the judiciary is essential for determining the prospects for the development of the judicial system.

Key words: extraterritoriality, appeal proceedings, cassation proceedings, judicial district, appeal, principle, approach, legal doctrine.

В настоящее время экстерриториальность не является достаточно изученным правовым явлением, хотя на фоне продолжающейся судебной реформы необходимость доктринального обоснования существования такого подхода к организации судебной власти имеет существенное значение для определения перспектив развития судебной системы.

Для того чтобы определить место принципа экстерриториальности в системе организационных принципов судебной власти, необходимо выявить, в чем состоит сущность изучаемого правового явления.

Исследователи прошлых лет используют понятие «принципа экстерриториальности» применительно к порядку действия национального права за пределами конкретного государства [6], однако наука права претерпевает колоссальные изменения, в связи с чем в настоящее время применение указанного понятия допущено и в отношении порядка организации судебной системы внутри отдельно взятого государства.

Принцип экстерриториальности применительно к организации судебной системы заключается в особом механизме распределения судебной нагрузки на территории государства — таким образом, чтобы границы судебных округов, сформированных для реализации судебной функции государственных органов, не совпадали с границами административно-территориального деления, предназначенного для наиболее качественной реализации функции исполнительной.

Тем не менее, указанный принцип применим и к порядку формирования судов общей юрисдикции, а также арбитражных и военных судов, что позволяет нам говорить не только о приведении к единому механизму формирования всей судебной системы в стране, но и о результативности такого механизма. Примечательно, что подобная система формирования судов изначально была внедрена при разрешении дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, экономических споров, затем — в военных судах, а в недавнем прошлом вся судебная система была приведена к единому виду.

Думается, что реализация принципа экстерриториальности необходима для исполнения конституционной гарантии о судебной защите прав и находит свое подтверждение в порядке формирования специфических судебных округов.

Как указывается в юридическом словаре, понятие «округ» стоит раскрывать не иначе, как территорию, на которую распространяется компетенция определенных государственных или муниципальных органов [7]. Во французском языке судебный округ переводится как «*district judiciaire*» — юрисдикция.

Понятие «судебного округа» можно трактовать и как любую территорию внутри государства, на которую распространяется юрисдикция (подсудность, компетенция) соответ-

ствующего суда — в том числе и судебные районы, судебные участки, территории соответствующих субъектов РФ, а также те территории, на которые распространяется судебная власть постоянных судебных присутствий. Так, например, Пятый апелляционный суд общей юрисдикции находится в г. Новосибирск, однако его юрисдикция распространяется не только на территорию Новосибирской области или Сибирского федерального округа, но и на регион Дальнего Востока, охватывая, таким образом, 21 субъект РФ.

Необходимо отметить, что размер судебных округов не одинаков и охватывает различные по площади территории, и причина подобного деления, как думается, вытекает из особенностей развития государства и распределения плотности населения по территории страны — очевидно, что количество уголовных и гражданских дел, рассмотренных судами второй инстанции, в Москве или на Дальнем Востоке существенно разнится. Это подтверждает и статистика Судебного Департамента — если, например, в I полугодии 2020 г. Девятым арбитражным апелляционным судом (г. Москва) было рассмотрено 299 дел, то Шестым арбитражным апелляционным судом (г. Хабаровск) — всего 18 [10].

Иными словами, принцип экстерриториальности состоит в том, чтобы определить территорию (отличную от административно-территориального деления государства) судебного округа таким образом, чтобы обеспечить равномерное распределение нагрузки на судебную власть и тем самым гарантировать наибольшую ее эффективность.

Однако, называть экстерриториальность «принципом» с позиции теории права необходимо довольно осторожно — определенное количество исследователей относят подобный порядок организации судебной власти к одному из проявлений более крупного, закрепленного в законе принципа — принципа независимости судебной власти.

Для раскрытия содержания понятия «принцип» и его правовой природы необходимо, прежде всего, выявить те признаки, которые характеризуют его как таковой.

В первую очередь необходимо иметь ввиду, что все принципы образуют целостную правовую систему, поскольку они

едины по своей сущности и назначению, а также взаимосвязаны и взаимообусловлены: нарушение одного принципа приводит, как правило, к нарушению другого принципа или даже нескольких.

Важно заметить, что в системе принципов одни из них являются одновременно гарантиями реализации других. Например, принцип законности выступает гарантией осуществления всех других принципов, а принцип независимости судей, в свою очередь, гарантирует надлежащую реализацию принципа осуществления правосудия только судом, подчинения его только Конституции и закону.

Кроме того, обязательной характеристикой принципа является его объективность, поскольку социальные, политические и экономические закономерности развития выступают основой их формирования. Фактически, в принципах отражаются нравственные, политические, правовые идеи, царящие в конкретном государстве и обществе. Под объективностью принципа многие понимают охват указанным понятием объективных свойств и причинно-следственных связей реальности. Принципы обладают и субъективной стороной, что выражается в их реализации посредством закрепления в нормативно-правовых актах, которые, в свою очередь, выражают волю законодателя, даже если она основана на восприятии законодателем объективных реалий жизни государства и общества. Иными словами, законодатель не придумывает принципы с нуля, а формулирует их на основе содержания самого права [5].

Еще одним специфическим признаком принципа выступает его фиксация в законодательстве, в связи с чем можно говорить о его нормативности.

Наконец, принципы обладают императивностью, т. е. являются общеобязательными и носят властно-распорядительный характер. Совокупность специфических черт принципа отражена в законодательстве о судостроительстве и судопроизводстве, которое регламентирует правовой статус судей и порядок их деятельности.

Исходя из вышесказанного становится ясно, что экстерриториальность выступает как одно из проявлений закреплен-

ного законом принципа независимости, но не может быть отнесено к категории принципов — в том числе, из-за недостаточного доктринального обоснования.

Стремясь определить, что из себя представляет принцип независимости, необходимо обратиться к документам, законодательно закрепляющим существование независимости как принципа.

Одним из фундаментальных правовых актов международного права, в которых содержится разъяснение содержания изучаемого понятия, и положения которого дублируются в национальном законодательстве, являются Бангалорские принципы поведения судей, согласно которым «независимость судебных органов является предпосылкой обеспечения правопорядка и основной гарантией справедливого разрешения дела в суде. Следовательно, судья должен отстаивать и претворять в жизнь принцип независимости судебных органов в его индивидуальном и институциональном аспектах» [1].

В рамках изучения судебной системы интерес представляет институциональный аспект независимости судебных органов — причем не столько независимость судебной власти от других ветвей, сколько независимость судебных органов внутри самой системы друг от друга. Так, в силу п. 1.4 указанных Принципов «в тех случаях, когда решение по делу должно быть принято судьей самостоятельно, он действует независимо от мнения других коллег по составу суда».

Исходя из того, что вынесение решения по делу предполагает определенную степень самостоятельности отдельно взятого судьи, руководствующегося своей совестью, [8] принцип судебной независимости требует не только независимости судебной власти как института от других ветвей власти, но и того, чтобы судьи были независимы друг от друга.

Таким образом, независимость судей зависит не только от отсутствия ненадлежащего постороннего воздействия извне, но и от отсутствия ненадлежащего воздействия позиции других судей. Может показаться, что это предположение противоречит принципу единства судебной практики, раскрываемое, к примеру, Н. А. Гущиной как «единообразное, правильное истолкование и применение законодательства и иных норма-

тивных актов судами общей юрисдикции в рамках правового пространства РФ» [4].

Хотя формально указанный принцип не закреплен в нормах права, «неправильное», т. е. отличное от толкования вышестоящих судебных органов, истолкование норм права, норм права служит основанием для отмены или изменения судебного решения, приговора или определения вышестоящей инстанцией, которой предоставлено право проверять правильность истолкования материального и процессуального закона в порядке, закрепленном процессуальными Кодексами. В административном процессе при апелляционном обжаловании неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях высших судебных органов, влечет отмену судебного решения, что указывает нам на стремление к единообразию толкования права, закрепленного актами высших органов судебной системы. Аналогичным образом неправильное применение и предшествующее ему толкование закона является основанием для отмены или изменения решения в кассационной инстанции.

Однако, хотя судья иногда может посчитать необходимым подчеркнуть у своих коллег возможные варианты решения поставленного перед ним сторонами правового казуса, ответственность за вынесение конкретного судебного решения несет отдельный судья, включая каждого из судей, заседающих в судебных коллегиях апелляционных и кассационных судов [9].

Принцип независимости судебной власти также реализуется путем экстерриториального подхода к формированию судебной системы — «перемешивание» судей внутри судебной системы при формировании судейского корпуса отдельного суда апелляционной или кассационной инстанции, различная по объему юрисдикция отдельного судьи каждой из инстанций позволяет разрушить неформальные социальные и иерархические связи, пресекая влияние на судью как коллег, равных по рангу, так и обладающих большей полнотой власти председателей суда.

Думается, что экстерриториальность имеет значение и для реализации всех остальных аспектов принципа независимости, и, безусловно, преследует те же цели. Тем не менее, есть основания полагать, что выделение принципа экстерриториальности как отдельного судеустройственного (организационного) принципа не является необходимым в силу несоответствия его признакам принципа, выделенным ранее. Этой же позиции придерживается Глава Совета судей и секретарь Пленума Верховного Суда РФ В. В. Момотов, признавая экстерриториальность судебной власти аспектом независимости суда [11].

Организация судебной системы может быть отражена в том, как соотносится административно-территориальное деление государства и юрисдикция отдельно взятого суда на конкретной территории. Думается, что безоговорочное отрицание при формировании судебных округов территориальных единиц государства вряд ли так уж необходимо и обязательно, поскольку сильно влияет на доступ гражданских лиц к честному и справедливому разрешению дела, т. е. к правосудию.

Полярным вышеуказанному подходу является такой, при котором административно-территориальное деление государства и территориальная юрисдикция судов совпадают безоговорочно, как правило, критикуется за оставленную возможность постановки судов в зависимое от местных исполнительных органов положение.

Наиболее рациональным, как следует из вышесказанного, является смешанный подход, при котором границы административно-территориальных единиц государства и территориальная юрисдикция судов совпадают в части. Такой подход подкупает процессуальной экономией, возникающей в силу распространения юрисдикции на несколько административно-территориальных единиц (если это суды основного звена) или же территории нескольких регионов, образующих судебный округ (если это суды среднего звена). Указанный подход к распределению юрисдикции на территории государства и именуется экстерриториальностью, сформированной и введенной с недавних пор окончательно во всей судебной системе России.

Что касается соотношения звеньев судебной системы и инстанций, то здесь может быть представлена модель полиинстанционности (один суд — несколько инстанций, одна инстанция — несколько звеньев судебной системы) или моноинстанционности (один суд — одна инстанция). Сложность российской судебной системы в этом смысле является классическим примером полиинстанционности судов, поскольку один суд, как правило, выполняет функции различных инстанций.

Тем не менее, учитывая последние процессуальные и структурные изменения, внесенные в систему судов, нельзя не обратить внимание на переход к смешанной системе — в свете фундаментальных изменений, внесенных Федеральным конституционным законом от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» [2] Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», [3] изменения в структуре судов были в первую очередь направлены на увеличение влияния моноинстанционного подхода при рассмотрении дел, поскольку апелляционные и кассационные суды могут рассмотреть дела лишь после вынесения решения судом первой инстанции, хотя на уровне районных судов и судов субъекта РФ ситуация остается прежней и сочетает в себе рассмотрение дел в качестве суда первой и апелляционной инстанции в одном суде.

Метод формирования судов «один суд — одна инстанция» уже зарекомендовал себя при рассмотрении дел арбитражными судами, поэтому логика законодателя в данном случае прослеживается весьма четко. Думается, что развитие судебной системы будет направлено на дальнейшее упрощение системы судов в целях унификации судебной практики и распределения судебной нагрузки в равных долях на все суды государства.

Таким образом, под принципом экстерриториальности применительно к организации судебной системы понимается особый механизм распределения судебной нагрузки на территории государства — таким образом, чтобы границы судебных

округов не совпадали с границами административно-территориального деления.

Однако, называть экстерриториальность «принципом» с позиции теории права не совсем верно, поскольку она не обладает достаточным доктринальным обоснованием, не содержит в себе основных признаков правового принципа — закрепленности в нормах права и фундаментальности, т. е. такой важности и ценности для системы права, без соблюдения которой система фактически перестанет функционировать надлежащим образом.

Экстерриториальный порядок организации судебной власти выступает одним из проявлений более крупного, закрепленного в законе принципа независимости — при чем не только в аспекте независимости судебной власти как института от других ветвей власти, но и в аспекте независимости судей друг от друга при принятии решений.

Литература

1. Бангалорские принципы поведения судей (одобрены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г.)
2. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. 30.07.2018. № 31. Ст. 4811.
3. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 28 ноября 2018 г.
4. Гущина Н. А. Формирование единства практики реализации юридических норм и правовых позиций высшей судебной власти при рассмотрении гражданских дел // Современное право. 2014. № 10. С. 84–89.
5. Кожевников С. Н., Кузнецов А. П. Общеправовые и отраслевые принципы: сравнительный анализ // Право и политика. 2000. № 4. С. 64.
6. Самарин А. А. Экстерриториальное действие права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 229 с.
7. Юридический словарь. 2-е изд. М.: Гос. изд-во юрид. лит. 1956. Т. 1. 687 с.
8. Perrot R. The role of the Supreme Court in guaranteeing the uniform interpretation of the law, Sixth Meeting of the Presidents of European Supreme Courts (Warsaw, October 2000).

9. Комментарий к Бангалорским принципам поведения судей [электронный ресурс]. URL: <http://www.judicialintegritygroup.org/images/resources/documents/ru-commentary-to-the-bangalore-principles.pdf>
10. Отчет о работе апелляционных арбитражных судов за I полугодие 2020 г. URL: <http://www.cdep.ru/>
11. Саблинская И. Момотов: один и тот же суд не должен рассматривать дело в разных инстанциях. URL: <https://pravo.ru/>

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДОМ КРУГА ВОПРОСОВ, ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ

И. А. Городилов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
аспирант
kropotkina2311@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами определения круга вопросов в спорах, связанных с воспитанием детей. Обоснована необходимость обязательного рассмотрения судом о порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя при рассмотрении споров об определении места жительства ребенка.

Ключевые слова: интересы ребенка, определение места жительства ребенка, порядок общения, воспитание детей.

Abstract. The article discusses issues related to the problems of determining the range of issues in disputes related to the upbringing of children. The necessity of compulsory consideration by the court on the procedure for communicating with the child of a separately residing parent when considering disputes on determining the place of residence of the child has been substantiated.

Key words: interests of the child, determination of the child's place of residence, order of communication, raising children.

Согласно п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка во всех действиях в отношении ребенка независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка [2].

В соответствии с п. 1 ст. 61 Семейного кодекса РФ родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей [4].

Согласно п. 3 ст. 65 Семейного кодекса РФ место жительства детей при раздельном проживании родителей устанавливается в соответствии с указанным принципом равенства прав и обязанностей, соглашением родителей. А при отсутствии такого соглашения спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей [4].

Одним из первых и значимых, действующих на сегодняшний день, актов, более подробно, нежели в Семейном кодексе, определяющим критерии соблюдения интересов ребенка, стало Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», согласно которому суд должен принимать во внимание: «возраст ребенка, его привязанность к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим членам семьи, нравственные и иные личные качества родителей; отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (с учетом рода деятельности и режима работы родителей, их материального и семейного положения, имея в виду, что, само по себе, преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения требований этого родителя), а также другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей» [5].

Анализ приведенного перечня обстоятельств, подлежащих установлению, указывает на то, что при рассмотрении споров по данной категории дел одним из ключевых экспертных понятий является привязанность ребенка к родителям.

С точки зрения психологии, понятие «привязанность» чаще всего рассматривается в рамках теории привязанности Дж. Боулби, согласно которой потребность новорожденного в эмоциональной близости с ухаживающими за ним взрослыми обусловлена биологически [12].

Однако, понятие «привязанность» в семейном законодательстве не может и не должно использоваться в том же смысле, что и в психологической литературе.

При разрешении споров, связанных с детьми важно определить не только наличие/отсутствие и степень, но природу и причины такой привязанности. То есть, в ходе установления привязанности к каждому из родителей суду следует устанавливать не биологически обусловленную потребность в близости, а психическое отношение ребенка к каждому из родителей, что в свою очередь более соответствует значению привязанности, которое дано в словаре С. И. Ожегова — «чувство близости, основанное на глубокой симпатии, преданности кому-чему-нибудь» [10].

При этом, по мнению автора самым действенным, а в большинстве случаев и единственным необходимым инструментом для установления вышеуказанных обстоятельств, гарантирующим вынесение решения, соответствующего интересам ребенка, является судебная экспертиза. В то же время, участие ребенка в судебном процессе, проведение в отношении него судебной экспертизы (судебно-психологическая, судебно-психиатрическая, психолого-психиатрическая, психолого-педагогическая, социально-психологическая) не может не сказываться на его психическом и физическом состоянии.

Как было сказано выше, в Российском законодательстве закреплён принцип равенства прав родителей по воспитанию детей, что нашло свое отражение как в Конституции (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ), так и в Семейном кодексе (п. 1 ст. 61 СК РФ)

Следовательно, вынесение судом объективного, справедливого и основанного исключительно на интересах ребенка решения об определении места жительства ребенка не отменяет закреплённого в законодательстве принципа равенства прав обоих родителей в воспитании ребенка.

Однако, ни для кого не секрет, что обращению в суд практически всегда предшествует конфликтная ситуация, в некоторых случаях достаточно продолжительная по времени.

В связи с чем высока вероятность того, что действительные мотивы тех или иных действий сторон связаны в первую очередь с личными амбициями, обидой, озлобленностью на

бывшего супруга, мстью и т. п., а не с интересами ребенка. Так на основе анализа 90 комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз авторы многих работ по психологии, в том числе детской, О. А. Русаковская, Ф. С. Сафуанов, Н. К. Харитоновна указывают, что только 10 % родителей могут отделять собственные нужды от нужд ребенка [11].

А в этом случае действия сторон данного правоотношения, скорее всего, будут обусловлены не объективной необходимостью, разумной рациональностью и интересами детей, а желанием доставить как можно больше моральных материальных и иных неудобств противной стороне.

Никто не может помешать проживающему отдельно родителю ежедневно в любое удобное для него время общаться с ребенком. Указанные действия, совершаемые без цели заботы исключительно о ребенке, безусловно, будут негативно отражаться на соблюдении привычного для ребенка уклада жизни, распорядка дня, на процессе формирования правильного восприятия семейных ценностей, и как следствие на его физическом и психическом развитии. С другой стороны, и тот родитель, с которым проживает ребенок, может чинить препятствия в общении с ребенком, ссылаясь на различные формальные и/или выдуманные причины

Но на практике указанные действия родителей, сами по себе не являются препятствием для произвольного использования родителями всего комплекса предоставленных ему прав даже с целями, идущими в разрез с интересами ребенка.

Возможность причинения вреда ребенку теми или иными действиями одного из родителей может быть установлена только в судебном порядке. И только в судебном порядке на родителей может быть возложена обязанность по реализации своего права на общение с ребенком в определенном порядке, отвечающем интересам ребенка и целям его нормального развития.

Таким образом, после определения места жительства ребенка с одним из родителей, для надлежащего обеспечения соблюдения прав ребенка и лишения родителей возможности злоупотребления своими правами по отношению к другому родителю, необходимо еще раз обратиться в суд с соответствующим иском.

При рассмотрении данного вопроса нельзя не обратить внимание на пассивную роль органов опеки и попечительства.

Примечательно, что в Семейном кодексе РФ нет отдельного раздела, регулирующего деятельность органов опеки и попечительства по защите прав и интересов детей. Полномочия данных органов содержатся в отдельных статьях Семейного кодекса РФ, в частности:

- в п. 1 ст. 8 СК РФ, предусматривающем защиту семейных прав (в том числе и прав ребенка), которая осуществляется органами опеки и попечительства в случаях, предусмотренных законом;
- в п. 2 ст. 65 СК РФ, согласно которому при наличии разногласий между родителями по вопросам, касающимся воспитания и образования детей, они вправе обратиться за разрешением этих разногласий в орган опеки и попечительства;
- п. 3 ст. 80 СК РФ, который устанавливает, что при отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов, при непредставлении содержания несовершеннолетним детям и при непредъявлении иска в суд орган опеки и попечительства вправе предъявить иск о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей к их родителям или одному из них;
- п. 1 ст. 121 СК РФ, устанавливающий, что органы опеки и попечительства выявляют детей, оставшихся без попечения родителей, ведут учет таких детей и исходя из конкретных обстоятельств утраты попечения родителей избирают формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, а также осуществляют контроль за условиями их содержания, воспитания и образования. [8]

Согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» у органов опеки и попечительства широкий круг полномочий [9]. Несмотря на это, в действительности, их роль в судах в большинстве процессов сводится к простому присутствию, что противоречит задачам органов опеки и попечительства, установленным в ст. 7 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ.

Исследуя далее круг вопросов, подлежащий обязательному выяснению при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, считаю необходимым обратить внимание на следующее.

Согласно п. 2 ст. 24 Семейного кодекса РФ в случае, если между супругами отсутствует соглашение по вопросам, указанным в пункте 1 настоящей статьи, а также в случае, если установлено, что данное соглашение нарушает интересы детей или одного из супругов, суд обязан:

- определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода;
- определить, с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на их детей;
- по требованию супругов (одного из них) произвести раздел имущества, находящегося в их совместной собственности;
- по требованию супруга, имеющего право на получение содержания от другого супруга, определить размер этого содержания [4].

То есть, действующим законодательством на суд возложена обязанность при отсутствии соглашения между родителями определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода. В то же время обязанность рассмотреть вопрос об определении порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя на суд не возложена.

Однако, определяя место жительства ребенка с одним из родителей и не рассматривая при этом вопрос о том, каким образом будет происходить общение с ребенком другого родителя, участники процесса тем самым создают ситуацию, в которой очередной судебный спор между теми же сторонами практически неизбежен. Что в свою очередь повлечет не только ненужное увеличение количества дел в судах, и без того перегруженных, но и привлечение ребенка к участию еще в одном судебном процессе, а возможно и необходимость проведения в отношении него еще одной экспертизы, что, не может не сказаться на его психическом состоянии.

В связи с чем представляется необходимым внести соответствующие изменения в статью 24 Семейного кодекса РФ, предусматривающие необходимость исключительно комплексного рассмотрения вопросов об определении места

жительства ребенка и порядке его общения с отдельно проживающим родителем.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Конвенция о защите прав ребенка (принята резолюцией № 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989) // СПС КонсультантПлюс.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 25.11.2013, с изм. от 31.01.2014) // 1996. № 1. Ст. 16.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 6) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.
6. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей: утв. Президиумом Верховного Суда: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015 (ред. от 26.04.2017).
8. Ильина О. Ю. Частноправовые и публично-правовые презумпции интересов ребенка в Семейном кодексе РФ // Бизнес в законе. 2005. № 1. С. 120–125
9. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ [электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/7b12ef1c2016e9e0300decb11b4baded59c971c9/
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.
11. Русаковская О. А., Сафуанов Ф. С., Харитоновна Н. К. Социально-психологические особенности высококонфликтных разводов, сопровождающихся судебным спором о порядке воспитания и месте жительства ребенка // Юридическая психология. 2011. № 3. С. 11–16.
12. Свило Я. В. Влияние развода родителей на личность ребенка в рамках теории привязанности // Проблемы науки. 2020. № 4 (52). С. 100–101.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ

И. В. Захарова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
аспирант
ziv_1974@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется вопрос о изменениях и развитии института судебного представительства в семейных спорах с учетом внесенных изменений в нормы процессуального законодательства. А также вопрос о том, осуществляет ли представитель в суде защиту прав и законных интересов самого несовершеннолетнего, действуя в интересах его законного представителя. Вопрос о том, кто вправе представлять и защищать права и законные интересы несовершеннолетнего в судебном порядке.

Ключевые слова: юридическая помощь, адвокат, адвокатская деятельность, представительство, семейные споры, орган опеки и попечительства, лишение родительских прав.

Abstract. This article examines the changes and development of the institution of judicial representation in family disputes, taking into account the changes made to the norms of procedural legislation. And also the question of whether the representative in court protects the rights and legitimate interests of the minor himself, acting in the interests of his legal representative. The question of who has the right to represent and protect the rights and legitimate interests of a minor in court.

Key words: legal aid, lawyer, advocacy, representation, family disputes, guardianship and guardianship authority, deprivation of parental rights.

В нормы ГПК РФ о представительстве в суде были внесены некоторые изменения в 2019 г. (Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ). Теперь интересы заявителя в большинстве споров могут представлять только лица, которые имеют юридическое образование. Такие полномочия есть у адвокатов и других юристов. Ранее, к сожалению, в качестве представителей могли быть допущены любые лица чьи полномочия оформлены надлежащим образом, что сильно затрудняло осуществление правосудия.

Изменения коснулись главы 5 ГПК РФ о представлении интересов в суде и статьи 49. Гражданин или организация

вправе действовать самостоятельно или через представителей (ст. 48 ГПК РФ). Однако, представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности (ч. 2 ст. 49 ГПК РФ).

В соответствии со ст. 37 ГПК РФ, способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю (гражданская процессуальная дееспособность) принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет, и организациям.

При этом, несовершеннолетний может лично осуществлять свои процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности в суде со времени вступления в брак или объявления его полностью дееспособным (эмансипации) (ч. 2 ст. 37 ГПК РФ).

Таким образом, законодатель определяет круг лиц, которые вправе самостоятельно защищать свои права и законные интересы в судебном порядке, а также иметь представителей.

Однако, в статье 8 СК РФ указано о том, что защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства.

То есть, законодатель в семейных спорах вводит дополнительный институт защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в виде государственных органов, которые вправе представлять интересы ребенка в суде.

Кроме того, законодатель идет дальше и предоставляет в семейных правоотношениях право на защиту своих прав самому несовершеннолетнему. Так, ст. 56 СК РФ устанавливает, что ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов.

При этом, определен круг представителей и указано, что защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, пред-

усмотренных настоящим Кодексом, органом опеки и попечительства, прокурором и судом.

Также, несовершеннолетний, признанный в соответствии с законом полностью дееспособным до достижения совершеннолетия, имеет право самостоятельно осуществлять свои права и обязанности, в том числе право на защиту.

Кроме того, в исключительных случаях, законодатель снижает возраст несовершеннолетнего, предоставляя ему право на защиту своих прав и законных интересов, в том числе в судебном порядке. Так, при нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд.

Таким образом, в семейном праве институт судебного представительства определен шире, и представителями несовершеннолетнего, действующие в защиту его прав и законных интересов являются:

- родители (лица их заменяющие- опекуны, попечители);
- прокуратура;
- органы государственной власти, в том числе орган опеки и попечительства;
- суд.

Между тем, особый интерес вызывает вопрос о том, компетентности лиц, которые призваны законом защищать права и интересы ребенка.

Споры, возникающие в рамках семейных правоотношений, носят различный характер. Из всех дел по семейным спорам, например, на 2019 г. 29,8 % составили дела об алиментных обязательствах, 4,3 % дела о лишении родительских прав, 2,7 % споры, связанные с воспитанием детей.

Так, спор о взыскании алиментов носит имущественный характер, поскольку речь идет о некой денежной сумме, которая предполагается на содержание несовершеннолетнего ребенка. Казалось бы, максимально понятно. Один из роди-

телей (лицо, его заменяющее) путем получения судебного акты, понуждает недобросовестного родителя к надлежащему исполнению своих алиментных обязательств по содержанию ребенка.

В рамках указанных споров, заявитель как правило не часто прибегает к институту представительства, обращаясь за оказанием ему правовой помощи к адвокатам либо юристам, поскольку образцы заявлений имеются у каждого мирового судьи.

Однако, сложность вызывает ситуация, когда не исполняющий своих обязательств родитель не работает и не имеет постоянного источника дохода. Именно в таких случаях, как правило, привлекаются представители.

Между тем, в рамках данной категории спора, возникает масса вопросов, которые не разрешены на законодательном уровне, но поднимаются в ходе рассмотрения дел.

Например, при взыскании алиментов, ответчик задает вопрос о предоставлении ему отчета о расходах. Денежные средства, взысканные как алименты, должны быть потрачены в полном объеме на нужды ребенка. Казалось бы, чего проще предоставить отчет о таких затратах. Однако, законодательно такая обязанность лица, в пользу которого взыскиваются алименты, не предусмотрена, и в предоставлении такого отчета обоснованно отказывает суд и сам взыскатель.

Между тем, большое количество споров по оплате алиментов, возникает именно на почве недоверия одного родителя к другому, поскольку семейные споры отягощены эмоциональной окраской, неприязнью отношений и невозможностью общения между родителями.

Кроме того, имеют место случаи, когда взыскатель действительно, получаемые денежные средства тратит не на нужды ребенка, а на свои. В частности лица, которые ведут антисоциальный образ жизни.

Таким образом, в данном случае, автору представляется, что права и законные интересы несовершеннолетнего, защиту которых осуществляет его законный представитель и/или приглашенный им адвокат либо юрист, не в полной мере защищены на законодательном уровне. Отсутствие права

в силу закона требовать и получают отчет о потраченных алиментных денежных средств, влечет не желание исполнения алиментных обязательств.

Далее, споры по лишению родительски прав и вопросов, связанных с воспитанием детей. Эти категории судебных дел наиболее сложные, требующие специальных познаний в области педагогики и психологии. К сожалению, мало кто, из обладающих правом на защиту прав и законных интересов детей, такими знаниями не обладает. Возникает вопрос чьи же интересы, в первую очередь представляю в суде лица, обратившиеся с заявлением.

Спор об определении места жительства ребенка либо по определению порядка общения с ним возникает как правило между бывшими супругами, которые не могут, в силу личных неприязненных отношений, договориться мирным путем. Автор считает, что в большинстве случаев данных споров, дети становятся заложниками эмоциональных выплесков своих родителей. Интересы детей, как правило отходят на второй план.

По такой категории судебных дел обязательно участие представителя органа опеки, который дает свое заключение по существу спору. Но возникает вопрос: кто этот представитель, чтобы определять с кем ребенку жить либо сколько раз и каким образом общаться с папой или мамой?!

Очень часто представитель органа опеки и попечительства — это инспектор, не обладающий педагогическим и психологическим образованием, впрочем, как и судья. Полномочия такого представителя сводятся к тому, что он составляет акт обследования жилищных условий у обоих родителей и дает свое заключение о согласии либо нет с исковыми требованиями. Часто, такими представителями являются лица без определенного жизненного опыта, в силу возраста. В связи с чем, при рассмотрении таких споров очень важно мнение самого ребенка. Между тем, законом разрешен допрос несовершеннолетнего с 7 лет, а его мнения с 10 лет (ст. 57 СК РФ). Следовательно, в более младшем возрасте разрешение спора в полном объеме лишь на усмотрение суда.

Институт судебного представительства в данном случае представляют адвокаты и профессиональные юристы, к которым за оказанием правовой помощи обращаются стороны. Однако, немногие юристы специализируются именно на ведение «семейных» дел. В связи с чем, у них также отсутствуют специальные знания в области психологии и педагогики, что значительно осложняет рассмотрение дел.

Конечно, суд прибегает к помощи специалистов, назначая судебные психолого-педагогические экспертизы, по результатам которой, по сути, и выносит решение.

Между тем, разнообразие экспертных организаций, работающих в них специалистов-экспертов, методик проведения экспертиз не позволяет прийти к единообразию применения той или иной нормы закона. В связи с чем одинаковые по существу споры могут быть разрешены судом абсолютно с противоположенным судебным актом.

Еще вызывает особый интерес вопрос о том, насколько представитель родителя в судебном споре защищает права и интересы ребенка?! Каждый из родителей, заключив соглашение с представителем на ведение дела в суде, излагает свою позицию и требования, которые, по его мнению, подлежат удовлетворению.

Между тем, существо спора — это интересы ребенка. Следовательно, действуя в интересах родителя, адвокат действует и в интересах несовершеннолетнего. Требуется ли в этом случае учет мнения ребенка?! А если это сторона, у которой нет возможности общаться с несовершеннолетним? Тогда невозможно выяснить его мнение. В связи с чем один из представителей, очевидно, что действует лишь в интересах родителя, независимо от желания самого ребенка.

Например, в практике автора на разрешение суда был вынесен спор об определении порядка общения матери с дочерью (11 лет). Однако, сам ребенок категорически не желала такого общения, о чем напрямую заявила при допросе в судебном заседании. Казалось бы, чего проще принять во внимание мнение несовершеннолетней и постановить судебный акт.

Между тем, судом по ходатайству матери и органа опеки была назначена судебная психолого-педагогическая экспер-

тиза. При этом, на разрешение экспертов были поставлены вопросы относительно психологического портрета родителей, самого ребенка, влияния каждого из родителей на ребенка. Заключение экспертов было предсказуемо, поскольку оба родителя социально адаптированные личности, с образованием, любящие дочь. Но, мать в раннем возрасте дочери ушла из семьи, оставив ее с отцом, что ребенок не мог простить. Каково же решение судьи в данном случае?! Определить порядок общения и предоставить матери возможность видаться с дочерью.

Однако, суд не разъяснил каким образом исполнить данный судебный акт, если девочка не желает встречаться и общаться с матерью. В данном случае, на стадии исполнения решения, судом заведомо создана ситуация неразрешимости, поскольку нельзя принудительно ребенка передать матери для общения, как нельзя заставить ребенка, собственно, общаться с ней.

Автор полагает, что такого рода судебные акты, не являются способом защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Напротив, они усугубляют положение ребенка, делая его более психотравмирующим.

В связи с чем, для разрешения проблем в ходе рассмотрения судебных споров, связанных с лишением родительских прав либо вопросами воспитания, необходимо создание специализированного судебного органа (судебной коллегии), члены которого обладали бы не только юридическим, но и педагогическим и психологическим образованием, хотя бы на уровне профессионального повышения квалификации. Также, представителей государственных органов, и в обязательном порядке, органа опеки и попечительства необходимо отбирать только со специальным образованием.

Кроме того, видится не лишним и обязательное участие педагога и психолога при рассмотрении таких категорий дел. Данное условие может позволить судье, еще на стадии рассмотрения дела, в ходе общения с участниками процесса, определить психологический климат семей, в которых может находиться несовершеннолетний после принятия судебного акта.

В настоящее время, в Верховном суде Российской Федерации создан специальный судебный состав по семейным делам и делам о защите прав детей, что, по мнению судьи Верховного Суда РФ И. Юрьева, с учетом социальной значимости семейных споров «позволяет более оперативно выявлять проблемы, возникающие в судебной практике по данной категории дел, и реагировать на них как можно быстрее». Однако, автор полагает, что создание таких коллегий необходимо в каждом судебном органе.

Вызывает не мало вопросов и проблем, участие несовершеннолетних лиц в гражданском процессе, объем правомочий которых определяются в зависимости от возраста ребенка. В ст. 37 ГПК РФ указано, что ребенок вправе самостоятельно обратиться в суд, достигнув возраста 14 лет, и только в случаях, предусмотренных федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, публичных и иных правоотношений.

Однако, право выбирать себе представителя, содержащееся в диспозиции ч. 1 ст. 37 ГПК РФ, является особенностью реализации субъективного процессуального права, поэтому положения ГК РФ о выдаче доверенности (о сделкоспособности), содержащиеся в ст. 26, 27 ГК РФ, не имеют отношения к доверенностям при ведении дел в суде (в гражданско-процессуальных отношениях). Подобное заключение вытекает из того, что в ГПК РФ отсутствует прямое указание о возможности применения к данному вопросу главы 10 ГК РФ, а во-вторых, процессуальная дееспособность — это дееспособность публичного права, в то время как дееспособность по ГК РФ — частного права.

Иначе, по ГК РФ гражданские правоотношения возникают между равноправными субъектами, по ГПК РФ процессуальные правоотношения носят двусторонний характер и одним из субъектов всегда выступает суд (публичный орган); поэтому одно — из области частного права (гражданско-правовые отношения), другое — из области публичного права (гражданско-процессуальные отношения). Подобная «дифференциация» публичного и частного права вызывает определенные сложности потому, что публичному праву зачастую присущи

иные правовые принципы и, как правило, в нем отсутствует представительство по доверенности (подать паспорт на регистрацию можно только лично и нельзя предъявить паспорт по доверенности). Если в гражданском праве можно действовать по доверенности, то в публичном праве — только если это прямо разрешено. Указанное свидетельствует о том, что дееспособность в частном и публичном праве по своему содержанию различны.

С практической точки зрения возникает вопрос, кто и как должен выдавать доверенность от имени несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. Так, П. В. Крашенинников отмечает, что ГПК РФ не предусматривает деления гражданской процессуальной дееспособности на такие виды, как частичная, ограниченная и т. д. Но в то же время положения ч. 3 ст. 37 ГПК РФ устанавливают разный объем процессуальной дееспособности в зависимости от возраста.

В ч. 4 ст. 37 ГПК РФ дана широкая формулировка, «в случаях, предусмотренных законом», не понятно, какое правовое содержание за ней стоит? Нормативно необходимо предусмотреть более четко, что-либо несовершеннолетний вправе предъявлять иски о защите своих прав (наследственных, трудовых, семейных прав), либо будет достаточно того, что несовершеннолетний лично, но с согласия законного представителя вступает в конкретные правоотношения и иски в разрешении споров из таких правоотношений предъявляет тоже лично.

Поскольку ст. 37 ГПК РФ говорит о процессуальной дееспособности, при выборе представителя ребенок реализует процессуальную дееспособность, а не материальную по отношению к суду, поэтому положения ГК РФ о выдаче доверенности к таким отношениям в принципе неприменимы, причем с точки зрения не только дееспособности, но и содержания такой доверенности. Следует также отметить, что гражданско-правовая сделка (договор услуг адвоката) также будет заключена лично (без согласия законного представителя несовершеннолетнего), так как такая сделка является следствием реализации процессуальной дееспособности и будет подчинена ст. 37 ГПК РФ.

При этом, согласие законного представителя в материальном праве основано на необходимости обеспечения интересов ребенка и недопустимости его обмана, но подобное присуще только свободному гражданскому обороту с его правовыми принципами, закрепленными в ст. 1 ГК РФ, поэтому здесь родители контролируют отношения ребенка в таком обороте. Наступление указанных негативных обстоятельств в гражданском процессуальном праве не требует контроля законного представителя, права ребенка обеспечивает суд как гарант законности и справедливости. И именно суд в силу ст. 2, 12 ГПК РФ установит подлинную волю несовершеннолетнего, его мотивы и основанные на них правовые цели. Поэтому здесь не существует тех опасений, ради которых установлено в ГК РФ согласие родителей. С учетом того, что такие доверенности регламентируются нормами ст. 37 ГПК РФ, то нормы ГК РФ, определяющие выдачу доверенности, не применяются. В указанных случаях нотариус должен руководствоваться нормами ГПК РФ и не требовать согласия законных представителей на выдачу доверенности, так как выдача процессуальной доверенности в соответствии с ГК РФ (где требуется согласие законного представителя) противоречит гражданско-процессуальному закону. Между тем, на практике, несовершеннолетнему практически невозможно самостоятельно оформить доверенность.

В связи с чем, возможность реализации несовершеннолетним своего права на защиту в судебном порядке ставится под сомнение.

Об этом же говорит и судебная практика, которая основывается на том, что в силу ч. 2 ст. 37 ГПК РФ, несовершеннолетний может лично осуществлять свои процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности в суде со времени вступления в брак или объявления его полностью дееспособным (эмансипации).

Кроме того, суды привлекают к участию законных представителей несовершеннолетних, основываясь на ч. 4 ст. 37 ГПК РФ, согласно которой суд вправе привлечь к участию в делах, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений, по которым, несовершеннолетние в

возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы, законных представителей несовершеннолетних.

В связи с чем возникает противоречие между нормой процессуального права и семейного (ст. 56 СК РФ), согласно которой ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд. При этом законодатель не ставит никакого условия об участии законных представителей.

Таким образом, институт судебного представительства в делах по семейным спорам неоднозначен, требует внесения ряда изменений и уточнений на законодательном уровне, с целью создания объективных условий для защиты прав и законных интересов детей в судебных органах Российской Федерации.

Литература

1. Троицкий А. А. Некоторые особенности процессуальной дееспособности несовершеннолетних детей // Семейное и жилищное право. 2013. № 3.
2. Крашенинников П. В. Правовой статус гражданина в частном праве: постатейный комментарий главы 3 ГПК РФ. М., 2009. С. 8.
3. <https://www.law.ru/article/22733-kakie-pravila-o-predstavitelstve-v-sud-soderjit-gpk>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ, СОГЛАСНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Е. А. Николаева

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова»
доцент, кандидат юридических наук, доцент
katrimm@yandex.ru

М. В. Русинова

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова»
студентка 1 курса МП ИИП
marina.feiler@mail.ru

Аннотация. На основе законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан в статье проведен анализ правового регулирования имущественных отношений супругов с целью выявления достоинств и недостатков такого регулирования.

Ключевые слова: имущество, супруги, брак, развод, законодательство.

Abstract. in order to identify the advantages and disadvantages, the analysis of the legal regulation of property relations between spouses, in accordance with the laws of Russia and Kazakhstan.

Key words: property, spouses, marriage, divorce, legislation.

Согласно статистическим данным, в 2020 г. во всем мире, от Китая до Великобритании процент разводов увеличился в среднем на 20 %. Ученые связывают этот факт с карантинными ограничениями, согласно которым семьи несколько месяцев были вынуждены провести взаперти в домашних условиях. К большому удивлению, в Республике Казахстан такого не случилось. Наоборот, в 2020 г., с января по сентябрь, процент разводов уменьшился на 20 %: было зарегистрировано только 17,3 тысячи разводов (что ниже обычного показателя в 2,6 раз) и 87,6 тыс. браков. Для сравнения — в 2018 г. в Казахстане было зарегистрировано 137,8 тыс. браков и 54,8 тыс. разводов (40%). В 2019 г. — 139,5 тыс. браков и 59,8 тыс. разводов (43 %), т. е. каждый второй брак распадался [5].

В России процент разводов на протяжении трех лет — с 2018 по 2020 г. — стабильно высокий и составляет, согласно данным Федеральной службы по статистике, 65 % от всех заключенных браков. Каждый второй брак, в России, также, как и в Казахстане в 2018–2019 годах, согласно статистике, заканчивается разводом [4].

Можно сделать вывод, что на среднегодовую статистику разводов Российской Федерации условия пандемии коронавируса не повлияли. А на статистику разводов в Республике Казахстан, согласно имеющимся данным на сегодняшний день — повлияли положительно. Для того чтобы понять при-

чину снижения количества официально расторгнутых браков в Казахстане, необходимо будет проанализировать динамику разводов после снятия всех карантинных ограничений; в настоящее же время по этому поводу можно делать лишь предположения.

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, каждый пятый гражданин считает, что в случае развода могут возникнуть юридические трудности, главной из которых является раздел имущества. Скорее всего, именно по этой причине, раздел имущества в судебном порядке оформляют лишь 4 % всех разведенных лиц Российской Федерации [4]. В Казахстане же, наоборот, разделом имущества сопровождается большая часть разводов [10].

Следовательно, вопрос о том, как обезопасить себя от потери недвижимости в случае развода, становится актуальным как для России, так и для Казахстана.

Обратимся с этим вопросом к законодательству.

В законодательстве Российской Федерации есть два основных нормативных акта, закрепляющих правила регулирования семейных отношений супругов и порядок разделения имущественных активов при расторжении брака — это Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) и Семейный кодекс РФ (СК РФ) [1–3].

В статье 256 ГК РФ закреплено то, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества (эти же положения содержатся в ст. 33 СК РФ).

Однако, имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также полученное одним из супругов во время брака в дар или в порядке наследования, является его собственностью (эти же положения содержатся в ст. 36 СК РФ).

Имущество каждого из супругов может быть признано судом их совместной собственностью, если будет установлено, что в течение брака за счет общего имущества супругов или личного имущества другого супруга были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имуще-

ства (капитальный ремонт, реконструкция, переоборудование и т. п.) — эти же положения содержатся в ст. 37 СК РФ. Настоящее правило не применяется, если брачным договором между супругами предусмотрено иное [1, 3].

Правила определения долей супругов в общем имуществе при его разделе и порядок такого раздела устанавливаются семейным законодательством.

Обратимся к семейному законодательству РФ, а именно к главе 7 СК РФ. Помимо дублирования положений ст. 256 ГК РФ, в СК РФ, в ст. 34, содержится конкретное разъяснение того, что относится к общему имуществу супругов.

Раздел общего имущества осуществляется по правилам раздела совместной собственности, однако, согласно ст. 39 СК РФ, суд вправе отступить от начала равенства долей в общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей и (или) исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности, в случаях, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи [2].

В республике Казахстан все нюансы разделения имущества между бывшими супругами регулируются Гражданским кодексом и Кодексом РК от 26 декабря 2011 г. № 518-IV «О браке (супружестве) и семье» (КоБС РК) [6, 8].

Ст. 32-38 КоБС РК содержат положения, аналогичные закрепленным в ст. 33–39 СК РФ [3, 8].

Вспоминая о том, что и Россия, и Казахстан до 1991 г. входили в состав СССР, можно предположить, что законодательство этих государств, в части законного режима имущества супругов, будет идентично. Однако, это не совсем так.

Согласно ст. 35 КоБС РК, имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак является собственностью каждого из супругов, однако пунктом 2 ст. 33 КоБС РК закреплен перечень имущества, относящегося к совместно нажитому супругами во время брака: в этом перечне содержатся суммы доходов с отдельного имущества каждого из супругов, следовательно, денежные средства, вырученные от продажи личного имущества каждого из супругов становятся совместно нажитым имуществом [8].

Обращаясь к законодательству Российской Федерации, рассматривая личную собственность каждого из супругов, мы не находим прямого указания на то, к какому режиму собственности относятся денежные средства, вырученные от продажи личного имущества каждого из супругов, после вступления в брак [3].

Также, в Республике Казахстан, согласно изменениям, внесенным 26.01.2012 в п. 6 ст. 22 Закона Республики Казахстан «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» от 26.07.2007 № 310, для регистрации прав другого супруга, данные о котором не содержатся в правоустанавливающем документе, заявитель, достигший брачного возраста, в заявлении на регистрацию должен указать сведения об отсутствии фактов состояния в брачных отношениях, либо сведения о своем супруге с приложением копии документа, подтверждающего наличие брачных отношений. Следует отметить, что рассматриваемая поправка была принята в целях обеспечения прав на недвижимое имущество другого супруга, так как ранее при приобретении имущества в браке, его регистрация проводилась только за тем супругом, который был указан в качестве покупателя [7].

Таким образом, регистрация прав на недвижимое имущество согласно законодательству Республики Казахстан с мая 2012 г. осуществляется за обоими супругами, даже если в договоре купли-продажи в качестве покупателя указан только один из супругов.

В Российской Федерации регистрация прав на недвижимое имущество осуществляется за тем супругом, на которого оформлен договор-купли продажи этого имущества, что существенно усложняет процесс раздела этого имущества при расторжении брака.

Не одинаковы и сроки исковой давности, установленные законодательствами Республики Казахстан и Российской Федерации.

Оспорить сделку по распоряжению имуществом, требующую государственную регистрацию, совершенную одним из супругов без получения нотариального согласия другого супруга, в Казахстане, согласно п. 3 ст. 34 КоБС РК, можно

в течение трех лет с того дня, как второй супруг узнал о совершении этой сделки. В Российской же Федерации, согласно п. 3 ст. 35 СК РФ, для признания вышеописанной сделки недействительной предусмотрен всего один год [3, 8].

Положительным в законодательстве Казахстана, в отличие от законодательства России, согласно п. 3 ст. 37 КоБС РК, является то, что при разделе имущества супругов в судебном порядке, в первую очередь учитываются интересы несовершеннолетнего ребенка [8].

Проанализировав правовые нормы законодательства России и Казахстана в области законного режима имущества супругов, можно предположить, что заранее обезопасить себя от проблем с разделом имущества в случае развода можно с помощью соблюдения следующих рекомендаций:

1. Перед регистрацией брака необходимо заключить брачный договор.

2. При получении имущества в дар, будучи в брачных отношениях, обязательно заключать договоры дарения с соблюдением установленной формы.

3. В период брака не отчуждать имущество, находящееся в личной собственности каждого из супругов и не производить вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества.

Однако, соблюдение вышеперечисленных рекомендаций не гарантирует положительного результата:

1. И законодательство России (ст. 42–44 СК РФ), и законодательство Казахстана (ст. 41–43 КоБС РК) содержат нормы, согласно которым брачный договор может быть признан судом недействительным [3, 8].

2. Правил заключения договора дарения, который было бы невозможно оспорить, не существует. Согласно Гражданскому кодексу РК (ст. 508), договор дарения может быть совершен устно (исключение составляет движимое имущество, которое будет подарено в будущем или даритель которого является юридическим лицом) [6]. Аналогичное положение содержат пункты 1 и 2 ст. 574 ГК РФ. Отличительной чертой является то, что законодательство России (п. 3 ст. 574 ГК РФ) предусматривает государственную регистрацию договора

дарения недвижимости [2]. Однако, обращаясь к судебной практике, мы наблюдаем то, что практически невозможно доказать существование договора дарения, заключенного как, в устной, так и в письменной формах.

3. Очень сложно на практике соблюдать и третью рекомендацию, так как любой вид недвижимости требует регулярных вложений на ремонт, модернизацию обслуживающих коммуникаций и т. д.

Следовательно, страх населения по поводу того, что в случае развода могут возникнуть юридические трудности с раздел имущества — оправдан. Виной этому являются существенные недоработки законодательств как России, так и Казахстана, сложившихся в результате единого процесса становления права.

В результате исследования можно сделать вывод, что законодательство Казахстана в области правового регулирования имущественных отношений супругов по отношению к законодательству России, имеет более конкретный, более жесткий характер, что ставит его на ступень выше. И если в 1998 г., разрабатывая ранее существовавший Закон РК «О браке и семье» законодатели Республики Казахстан опирались на российский опыт, то в настоящее время законодателям Российской Федерации для совершенствования СК РФ стоит учесть положительный опыт Казахстана, согласно которому в 2011 г. был разработан КоБС РК [9].

Литература

1. Гражданский кодекс Рос. Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Государственной Думой 21 окт. 1994 г.: введ. Федер. законом от 30 нояб. 1994 г. № 52-ФЗ: в ред. Федер. закона от 08.12.2020 № 427-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Рос. Федерации. Часть вторая от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Государственной Думой 22 дек. 1995 г.: введ. Федер. законом от 26 янв. 1996 г. № 15-ФЗ: в ред. Федер. закона от 09.04.2009 № 56-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: принят Государственной Думой 08 дек. 1995 г.: введ. Федер. законом от 29.07.2018 г. № 224-ФЗ: в ред. Федер. закона от 04.02.2021 № 5-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Антонова К. Развод в цифрах — статистика разводов в России // Электронная юридическая компания «Планета Закона». 2021. URL:

- <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/> (дата обращения: 12.03.2021).
5. Браки и разводы. Январь–сентябрь 2020 // Ranking.kz. 2021. URL: <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/v-kazahstane-pandemii-razvodov-ne-sluchilos-v-koronavirusnyj-period-kolichestvo-razvodov-v-strane-sokratilos-pochti-vtroe-v-zhe-vremya-umenshilos-i-chislo-brakov-nolish-na-16> (дата обращения: 20.02.2021).
 6. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 г. (с изм. и доп. по состоянию на 16.01.2021) [электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 20.02.2021).
 7. Закон Республики Казахстан от 26 июля 2007 г. № 310-III «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.01.2021) [электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 20.02.2021).
 8. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518-IV «О браке (супружестве) и семье» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2021) [электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 20.02.2021).
 9. Кумысбекова Ж. Т. Сравнительная характеристика норм института брака по семейному законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации. 2017. URL: [http://journaldogma.esrae.ru/pdf/2017/1\(1\)/7.pdf](http://journaldogma.esrae.ru/pdf/2017/1(1)/7.pdf) (Дата обращения 20.02.2021).
 10. Ордабаев Айдос. Раздел имущества при разводе: // zakon.kz. 2017. URL: <https://www.zakon.kz/4878217-razdel-imushchestva-pri-razvode-aydos.html> (дата обращения: 20.02.2021).

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

А. С. Беликова

Новосибирский государственный университет
экономики управления
студентка 2 курса магистратуры
anna.beli@bk.ru

Аннотация. В статье на примерах определены недочеты при осуществлении государственных заказов. Отражены элементы влияющие на эффективность системы закупок.

Ключевые слова: бюджет, коррупция, государственные закупки, размещение госзаказа, эффективность.

Abstract. The article uses examples to identify shortcomings in the implementation of government orders. The elements that affect the effectiveness of the procurement system are reflected.

Key words: budget, corruption, the public procurement, placement of state orders, effectiveness.

Государственный заказ в РФ — заказ на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг за счет бюджетных средств и внебюджетных фондов, направленный на удовлетворение потребностей РФ, ее субъектов или муниципальных образований для осуществления необходимых функций и полномочий (в том числе для реализации региональных, федеральных и международных целевых программ) [2]. Помимо непосредственного удовлетворения государственных нужд, институт государственного заказа выполняет ряд функций, направленных на стимулирование и стабилизацию экономической системы на федеральном и региональном уровнях, в том числе, ценовое регулирование в области определенных товаров или услуг; поддержка и стимулирование национальных производителей; регулирование, стимулирование экономики в тех или иных отраслях или регионах; реализация социально-политической политики государства, в том числе привлечение частного предпринимательства к решению актуальных социально-экономических задач; стимулирование инноваций путем формирования экономической предпосылки для создания принципиально новой технологии, товара, услуги [2].

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими порядок размещения и исполнение государственных заказов, являются ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ФЗ от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и т. д. Законодательно предусмотрены два типа процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя): конкурентные способы (кон-

курсы, аукционы, запрос котировок, запрос предложений) и закупки у единственного поставщика. Согласно статистическим данным портала zakupki.gov.ru, в 2019 г. при распределении цен заключенных контрактов по способам определения поставщика доля электронного аукциона составила 53,53 %, закупка у единственного поставщика 24,64 %, открытых конкурсов в электронной форме 15,34 %, конкурс с ограниченным участием в электронной форме 5,34 %, запрос предложений в электронной форме 0,96 % и иные способы 0,21 % (рис.) [1].

ЦЕНА ЗАКЛЮЧЕННЫХ
КОНТРАКТОВ ПО СПОСОБАМ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОСТАВЩИКА, ₽

Год: 2021 ▼

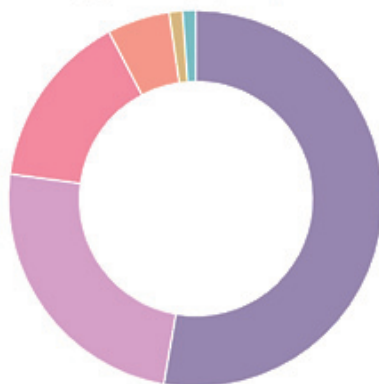
Регион: Все ▼

Статус контракта: Все ▼

- Электронный аукцион
- Закупка у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика)
- Открытый конкурс в электронной форме
- Конкурс с ограниченным участием в электронной форме
- Запрос предложений в электронной форме
- Иные способы

2,1 трлн ₽

Цена контрактов, заключенных по всем
способам определения поставщика, в 2021 году

Распределение цен заключенных контрактов
по способам определения поставщика

Одной из ключевых причин высокого интереса к конкурентным способам определения поставщика является возможностью экономии за счет снижения цены — победителем в большинстве случаев становится участник, предложивший наименьшую цену контракта (ст. 24 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ).

Однако, как показывает практика, ценовой подход к выбору поставщика несет серьезные риски. Главным образом это — риск заключения контракта с участником, предлагающим низкую цену и, соответственно, ненадлежащее качество товаров (работ, услуг), либо отсутствие у победителя аукциона реальной возможности исполнить возложенные на него

обязательства (ввиду отсутствия требования подтверждения наличия необходимых ресурсов) [4]. Не менее серьезной проблемой является победа участника, изначально не нацеленного на выполнение контрактных обязательств, а преследующего иные, зачастую неправомерные, цели.

Так, в целях обеспечения государственных нужд на поставку противопожарных металлических дверей был выбран способ определения поставщика — запрос котировок, в соответствии с п. 2 ст. 72 Закона № 44-ФЗ начальная цена контракта, при котором не должна превышает пятьсот тысяч, а годовой объем закупок, осуществляемых таким способом, не должен превышать десять процентов совокупного годового объема закупок заказчика и не должен составлять более чем сто миллионов рублей. Размещено советующее извещение о проведении запроса котировок в электронной форме. Вместе с извещением приложены описание объекта закупки, обоснование начальной максимальной цены контракта и проект контракта. Заказчик в документации о закупке указал функциональные, технические характеристики, объем необходимых работ (доставка противопожарных дверей, погрузочно-разгрузочные работы, демонтаж старых дверных коробок, монтаж дверей, врезка замков и установка ручек и пр.). В течение одного рабочего дня, следующего после даты окончания срока подачи заявок на участие, котировочной комиссией рассмотрено и принято две соответствующие требованиям заявки на участие в запросе. Победителем запроса был признан участник закупки, предложивший наиболее низкую цену — ООО «П». С указанной организацией подписан контракт. Поставщик в соответствии с условиями контракта обязан своевременно предоставлять достоверную информацию о ходе исполнения своих обязательств, в том числе о сложностях, возникающих при исполнении контракта, а также к установленному контрактом сроку обязан предоставить заказчику результаты поставки товара и выполнения работы, предусмотренные контрактом. При согласовании поставки дверей поставщик, невнимательно ознакомившись с техническим заданием, которое он подписал, упустил факт демонтажа и монтажа дверей, о чем сообщил посредством электронной

почты. Согласно условиям контракта поставка товара (включая результаты сопутствующих работ по контракту) должна была состояться не позднее 26 марта, но Поставщик умышленно уходил от ответа и не предоставлял никакой информации о фактах исполнения контракта. По состоянию на 8 апреля Поставщик к выполнению своих обязательств не приступил, на основании чего заказчиком принято решение об одностороннем отказе от исполнения контракта и передаче соответствующих материалов в антимонопольный орган. Подобная ситуация отчасти стала возможной потому, что недобросовестные участники закупок для победы в закупке часто занижают цену контракта по сравнению с конкурентными организациями, которые не намерены этого делать в ущерб себе. Кроме того, негативным последствием подобного поведения является снижение качества и невозможность надлежащего исполнения контракта. Такие участники заключают много контрактов и не успевают обеспечивать их исполнение. В свою очередь, экономия на качестве приводит к поломкам, что в дальнейшем требует ремонта и новых капиталовложений.

Еще один нюанс, влияющий на эффективность государственных закупок, это сложность процедуры их проведения, недоступность для отдельных потенциальных участников. К примеру, услуги по уборке помещений — в закупках как правило участвуют клининговые компании, у которых цена за квадратный метр уборки значительно выше, чем у физических лиц. Однако в силу возраста, отсутствия специальных познаний, технических средств и денежных ресурсов на обеспечительный платеж, последние не являются конкурентоспособными.

Практика прокурорского надзора свидетельствует также о том, что широкое распространение электронных аукционов привело к уходу от традиционных способов хищения бюджетных средств, иных коррупционных проявлений, к появлению новых схем мошенничества при осуществлении закупочной деятельности. Недобросовестный участник закупок обращается к добросовестным участникам непосредственно до их проведения с предложением за определенную плату отозвать ранее поданную заявку либо в случае отказа сбить цену,

доведя ее до критического уровня, не позволяющего покрыть себестоимость товаров, работ, услуг. В случае отказа в передаче «отката» и реализации угрозы, контракт заключается с недобросовестным участником, как правило не приступающим к выполнению работ ввиду отсутствия материальных, человеческих и иных ресурсов. И хотя в вышеприведенной ситуации цель недобросовестных участников электронного аукциона не достигнута — «откат» не получен, возможны негативные последствия в виде присвоения части бюджетных средств при наличии в контракте условия о предоплате, в виде срыва государственных социально-экономических программ и пр.

Практика показывает, что часто выявляются факты хищения денежных средств и заключение контрактов по завышенным ценам путем применения различных схем, включая сговоры участников и использование фирм-однодневок. К признакам сговоров при размещении заказов можно отнести: подтвержденные факты начала выполнения работ по планируемому государственному заказу до момента проведения торгов; создание видимости правомерной закупки у единственного поставщика при отсутствии на то правовых оснований; нарушения при вскрытии конвертов, изменения содержания заявок участников торгов членами конкурсных комиссий; нарушения, явно свидетельствующие о создании благоприятных условий для допуска на рынок закупок отдельных хозяйствующих субъектов, вытеснении с рынка «неудобных» участников; включение в конкурсную документацию условий, которым отвечает конкретное юридическое лицо и т. д. Значительным остается количество нарушений, связанных с завышением стоимости и объемов выполненных работ. В целях ухода от проведения конкурсных процедур применяется искусственное дробление заказов на стадии исполнения контрактов, нарушаются сроки выполнения работ либо существенно изменяются условия заключенных контрактов.

Резюмируя изложенное, хотелось отметить, что действующая система государственных закупок товаров, работ, услуг требует дальнейшей проработки в целях решения обозначенных проблем, препятствующих достижению поставленных целей по повышению эффективности и результативности

закупок, а также предотвращению коррупции и других злоупотреблений со стороны их участников.

Литература

1. Аналитические данные Единой информационной системы в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Багмет А. М. Аналитические данные Единой информационной системы в сфере закупок. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2015. 250 с
3. Квалификация коррупционных преступлений в сфере экономики: курс лекций.
4. <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 01.03.2021).
5. Кондраткова Н. В. Правонарушения при проведении электронных аукционов: проблемы привлечения виновных лиц к ответственности // Альманах современной науки и образования. 2014. № 12 (90). С. 58–61.
6. Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОЛЛЕКТИВНО- ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

М. С. Минакова

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС
Minakova.rita97@yandex.ru

Научный руководитель: **М. А. Горожанкина**, канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли и эффективности применения коллективного договора, как правового механизма регулирования трудовых отношений между работником и работодателем. Выявлены проблемы социально-трудовых отношений в России. Дается оценка роли и значения коллективного договора в регулировании труда персоналом. На основе анализа лучших отечественных практик социально-партнерских отношений определены перспективные формы и методы коллективно-договорного регулирования трудовых отношений.

Ключевые слова: коллективный договор, социальное партнерство, социальный проект, представители работников, профсоюз, эффективность.

Abstract. The article is devoted to the study of the role and effectiveness of the application of the collective agreement as a legal mechanism for regulating labor relations between employees and the employer. The problems of social and labor relations in Russia are revealed. An assessment of the role and significance of the collective agreement in the regulation of labor by personnel is given. Based on the analysis of the best domestic practices of social and partnership relations, promising forms and methods of collective-contractual regulation of labor relations are identified.

Keywords: collective agreement, social partnership, social project, employee representatives, trade union, efficiency.

Эффективность деятельности по управлению персоналом современной организации во многом зависит от того, насколько полно и обстоятельно защищены трудовые права работников и соблюдаются ли интересы. В силу экономически и организационно неравноправного положения работников и работодателей, проблема реализации социально-трудовых гарантий работников стоит особо остро, тем более, в условиях нацеленности российской экономики на либерально-экономические преобразования. Основными чертами либеральной модели российской экономики является курс на минимизацию социальных гарантий граждан со стороны государства и социально-трудовых прав работодателя перед наемным работником, о чем указывает Э. Н. Соболев [6, с. 407]. В таких условиях снижается ценность наемного труда, нередко многочисленные нарушения со стороны работодателя.

Трудовое законодательство Российской Федерации не адаптировано к современным реалиям жизни. Это обстоятельство выступает одним из факторов, усиливающим противоречия между работниками и работодателями. В отдельных случаях итогом противоречий является трудовой конфликт, развитие которого способно при определенных обстоятельствах вызвать трудовой спор, а его нерешенность становится предметом судебного разбирательства. Обе стороны трудовых отношений наделены правами, которые любая из сторон склонна нарушать. Чаще всего в этом плане инициативу проявляют работодатели. В связи с этим широкое распространение получает практика защиты трудовых прав и законных интересов в судах со стороны работников.

В ситуациях, когда работники боятся или не хотят обращаться в органы государственной власти (трудовую инспекцию, прокуратуру, суд) и конфликт остается нерешенным, у работников может появиться чувство подавленности, стресс, снижается мотивация к труду. У работодателя же в этой ситуации появляется чувство безнаказанности и вседозволенности. В совокупности это способствует дальнейшим нарушениям трудового законодательства.

Распространение в мире пандемии коронавируса в 2020 г. оказало сильное влияние на характер трудовых отношений и состояние экономики. Риск заразиться коронавирусной инфекцией вызвал кризисные явления в социально-экономической сфере: пандемия внесла разлад в межличностное общение людей, характер и условия жизни и трудовой деятельности работодателей и работников резко изменились. Как следствие, конкуренция в бизнесе принимает нечестные формы, повышается число рабочих мест на «удаленке», закрывается частный бизнес, которому запрещают работать в условиях пандемии, а специальных нормативных актов, регулирующих процедуру увольнения во время пандемии, пока не принято. Иногда доходит до абсурда: факт повышенной температуры у работника может стать поводом для его увольнения, что, бесспорно, незаконно.

Решение данной проблемы способствует расширению института коллективно-договорного регулирования труда персонала. Развитие коллективно-договорного регулирования происходит в рамках социального партнерства. Сейчас систему социального партнерства образует Генеральное соглашение, 64 федеральных отраслевых соглашений, 79 региональных трехсторонних соглашений, 1814 территориальных трехсторонних соглашений, 4599 отраслевых соглашений регионального и территориального уровней, 130 727 коллективных договоров [7].

Сейчас практика социального партнерства в значительной степени выражена в институте коллективного договора. В ст. 40 Трудового кодекса РФ [1] понятие коллективного договора дано в ключе локального нормативного акта, которым урегулированы если не все, то большая часть социально-тру-

довых отношений между наемным работником и работодателем. Данный договор заключается представителями наемных работников и работодателя и должен содержать как обязательство работников, так и обязательства работодателя. Характер этих обязательств значительно шире, чем это предусмотрено трудовым договором. Поскольку трудовой договор регулирует лишь трудовые отношения между определенным работником и работодателем, в рамках трудового договора невозможно предусмотреть все социальные и трудовые гарантии, которые могут быть предоставлены работнику. Чаще всего в трудовом договоре вообще могут отсутствовать какие-либо социальные гарантии со стороны работодателя. Этот пробел восполняется коллективным договором.

Содержание коллективного договора устанавливается в ст. 41 ТК РФ. Сфера обязательств, в рамках которых стороны трудовых отношений или их представители приходят к согласию, весьма широк и включает как оплату труда, так и выплату пособий, компенсаций, обеспечение занятости и переобучения, повышения квалификации, рабочее время и время отдыха, а также иные условия, направленные на улучшение труда наемного работника. Как указано в литературе [5, с. 357], «целью коллективного договора является установление взаимных обязательств работников и работодателя по защите социально-трудовых прав и профессиональных интересов работников и установление дополнительных социально-экономических, правовых и профессиональных гарантий, льгот и преимуществ для работников, а также создание более благоприятных условий труда по сравнению с трудовым законодательством, что в целом отвечает задачам заключения коллективного договора». Между тем, заключение коллективного договора не гарантирует, что интересы и права работников будут должным образом соблюдаться и защищаться работодателем. Эффективность коллективного-договорного регулирования персоналом определяется не столько тем, что в коллективном договоре отражены в полной мере трудовые гарантии наемного работника, а столько реальным механизмом реализации этих прав в условия осуществления трудовой деятельности. Если работодатель гарантирует работнику воз-

возможность повышения квалификации и переобучения, однако не имеет соответствующих ресурсов (кадровых, финансовых и управленческих), данная гарантия не будет реализовываться на практике. Чаще всего закреплённые в коллективном договоре гарантии и обязательства работодателя могут оставаться пустыми обещаниями без соответствующей материальной, финансовой и кадровой их проработки.

Для того, чтобы персонал современной организации мотивировать на эффективный труд, следует не только отразить в тексте коллективного договора социально-трудовые гарантии и права, но и разработать конкретные направления реализации социальных программ, а также формы и методы взаимодействия между представителями сторон коллективного договора.

Обратимся к практике крупных отечественных предприятий, в которых успешно реализуются программы социального партнерства и используются самые различные его формы.

В ПАО «Газпром» используются следующие формы сотрудничества работодателя и персонала:

- проведение семинаров-совещаний работников службы управлению персоналом;
- организация горячей линии по вопросам противодействия мошенничеству, коррупции и корпоративным хищениям;
- проведение периодических встреч представителей трудовых коллективов и работодателя по наиболее важным аспектам деятельности компании;
- организация международного сотрудничества по вопросам обучения персонала, повышения и квалификации [2].

Кроме того, в ПАО «Газпром» успешно работает профсоюзная организация «Газпром профсоюз». Согласно условиям Генерального коллективного договора, урегулированы вопросы реализации социальной политики. В настоящее время успешно реализуются такие направления социального партнерства, как:

- совершенствование и развитие механизма коллективных переговоров участников трудовых отношений,

- создание системы эффективной мотивации персонала компании.

Более того, в ПАО «Газпром» действует такая эффективная форма социального партнерства, как совместная разработка и реализация корпоративных социальных программ. Совместное участие работников и работодателя позволяет выработать наиболее перспективные направления социальных программ и снизить риск немотивированных увольнений и дискриминации, связанных с оплатой труда и предоставлением мер социальной поддержки разным категориям работников.

Не менее интересной и полезной является практика реализация социального партнерства в ПАО «Норильский никель». Принципом корпоративного управления в компании провозглашено соблюдение баланса интересов акционеров, менеджмента, работников компании и иных заинтересованных сторон. Направлением управленческой стратегии являются мероприятия, направленные на повышение уровня вовлеченности персонала в процесс принятия решений, стимулированию работников совершенствовать профессиональные навыки.

В ПАО «Норильский никель» на данный момент реализуются следующие направления социальных программ:

- переквалификация высвобождаемого персонала в целях трудоустройства на других производствах компании;
- поддержание работников и членов их семей, а также бывших работников предприятий;
- совершенствование управленческих компетенций руководителей высшего уровня;
- развитие целевых групп персонала, к которым относятся молодые сотрудники, линейные руководители, высококвалифицированные рабочие [4].

Итак, в заключении можно сделать вывод о том, что эффективность коллективно-договорного регулирования персоналом определяется следующими факторами: уровнем и формами взаимодействия представителей работников и работодателя, разработанными социальными проектами и практиками, направленными на улучшение трудовых условий работников. В результате анализа деятельности крупных

отечественных организаций можно выделить следующие наиболее успешные практики реализации обязательств коллективных договоров: ведение коллективных переговоров, организация и проведения совместных консультаций между представителями работодателя и работников, реализация социальных проектов и программ. Следует отметить, что не все работодатели в состоянии обеспечить персоналу наилучшие условия труда. В этом плане имеется множество нерешенных проблем и трудностей как финансового, так и организационного характера. Между тем, следует отметить положительное значение коллективного договора, как правовой формы взаимодействия сторон трудовых отношений, нацеленных на улучшение труда персонала и повышение мотивации его трудовой деятельности.

Литература

1. Трудовой кодекс РФ: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. В интересах человека: отчет о деятельности в области устойчивого развития за 2018 г. [электронный ресурс] // ПАО «Газпром». URL: <https://sustainability.gazpromreport.ru/2018> (дата обращения: 05.05.2021).
3. Лобок Д. В., Бирженюк Г. М., Васецкий А. А. и др. Коллективный договор как механизм предотвращения социально-трудовых конфликтов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб., 2018. 182 с.
4. Новый Норникель: стратегия в действии. Отчет об устойчивом развитии 2018 г. [электронный ресурс] // ПАО «ГМК «Норильский Никель». URL: https://www.nornickel.ru/files/ru/CSOpdf/NN_SR2018.pdf (дата обращения: 05.05.2021).
5. Присекин А. В., Новиков А. С. Проблемы реализации коллективного договора в трудовом законодательстве // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 4. С. 356–360.
6. Соболева Э. Н. Проблемы регулирования социально-трудовых отношений в современной России // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3. С. 407–413.
7. ФНПР сегодня. От IX к X съезду ФНПР (2015–2019 гг.): информационный сборник. М., 2019. 132 с. [электронный ресурс] // Федерация независимых профсоюзов России. 2019. 18 июня. URL: <http://www.fnpr.ru/n/316/17892.html> (дата обращения: 14.01.2020).

ОСНОВАНИЯ АФФИЛИРОВАННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

С. А. Романов

Московский финансово-юридический университет МФЮА
магистрант кафедры гражданско-правовых дисциплин
saromanov1986@yandex.ru

Аннотация. Отнесение субъектов права к аффилированным сталкивается с проблемой оснований, согласно которым лицо признается аффилированным. Основания аффилированности представляют собой юридические факты, с которыми право связывает возникновение аффилированности. В настоящее время сформировано два подхода к способу выявления аффилированности: по фактическим обстоятельствам и по формальным, которые закреплены законодательно. Учитывая невозможность закрепления в законодательстве всех обстоятельств, влекущих аффилированность, представляется обоснованным подход, согласно которому аффилированность необходимо выявлять по фактическим основаниям, учитывая, что основания могут быть закреплены в специальном законодательстве.

Ключевые слова: аффилированность, связанность, группа лиц, аффилированные лица, правоотношение.

Abstract. The classification of subjects of law as affiliated faces the problem of the bases according to which a subject is recognized as affiliated. The bases for affiliation are legal facts with which the law connects the emergence of affiliation. Currently, two approaches have been formed to the method of identifying affiliation: according to actual circumstances and according to formal ones, which are enshrined in law. Taking into account the impossibility of fixing in the legislation all the circumstances entailing affiliation, it seems reasonable to apply approach, according to which affiliation must be identified on factual bases, taking into account that the bases can be enshrined in special legislation.

Key words: affiliation, connectedness, group of persons, affiliated persons, legal relationship.

Аффилированность принято рассматривать как особый вид правовой связанности, который возникает на основании конкретных обстоятельств. Согласно общетеоретическому подходу различные обстоятельства, которые являются значимыми в юридическом отношении и которые всегда влекут юридические последствия, признаются юридическими фактами [1]. Признание аффилированности в ст. 53.2 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет актуальность определения оснований ее возникновения.

В настоящее время сформировано два базовых подхода к выявлению аффилированности: по формальным обстоятельствам (что закреплено законодательно) и по фактическим обстоятельствам. Однако, существует проблема определения оснований, согласно которым субъекты права признаются аффилированными лицами.

К. В. Городулин полагает, что правильнее придерживаться подхода о квалификации аффилированности по фактическому содержанию, и также утверждает о возможности установления аффилированности в том числе и в судебном порядке, даже если по формальным обстоятельствам лицо нельзя отнести ни к одному из видов аффилированных лиц [2]. Такая точка зрения автора отражает подход, при котором аффилированность можно устанавливать по фактическим обстоятельствам.

Формальный же подход не позволяет установить факт аффилированности по основаниям, которые не закреплены в действующем законодательстве, так как аффилированность носит системный характер и представляет собой системную связь лиц, которая существует в независимости от факторов, внешних и внутренних, носящих ситуативный характер. Так, Е. А. Суханов полагает, что квалификация аффилированности по фактическим признакам может повлечь неопределенность субъектов гражданского оборота [3]. Таким образом, сторонники данного подхода считают, что для обеспечения принципа определенности права в рамках регулирования правовых связей субъектов права необходимо использовать подход признания аффилированности именно по формальным обстоятельствам.

А. В. Габов полагает, что подход определения факта аффилированности по фактическим основаниям необоснован, но одновременно с этим отмечает, что проблема формального подхода заключается в том, что описать все возможные связи хозяйствующего субъекта невозможно [4].

Интересным представляется рассмотрение взгляда И. С. Шиткиной. Сначала она выступала за дифференцированный подход к определению оснований аффилированности, отмечая проблематичность применения открытого перечня таких оснований [5]. Позднее И. С. Шиткиной было отмечено,

что суды должны быть наделены правом устанавливать факт связанности лиц с учетом фактических обстоятельств, опираясь на примерный перечень оснований признания аффилированности [6]. Таким образом, И. С. Шиткина по сути признала необходимость установления аффилированности по фактическим обстоятельствам.

В. Н. Корнев считает, что в условиях современной парадигмы правоприменения необходим постепенный переход от юридического позитивизма к юриспруденции оценок, которая как раз и наделила бы суды возможностью проведения поиска стандартов, способных дать оценку норм позитивного права, в целях прав и законных интересов субъектов права [7]. Именно такой подход позволяет определять аффилированность посредством оценки фактически существующих фактов с признаками аффилированности. Здесь стоит отметить, что необходима именно оценка фактов, а не их подведение под норму права, основанное на субъективных умозаключениях.

Открытый перечень видов субъектов, соответствующих признакам аффилированности, сделает возможным учет не только устойчивых экономических связей, но и ситуативных отношений. Таким образом, представляется целесообразным создание открытого перечня оснований для признания факта аффилированности, в котором будут закреплены и конкретные основания.

В целях правоприменения особо важно, чтобы понятие аффилированности и понятие ее признаков были определенными, тогда как установление аффилированности необходимо производить по фактическим основаниям — жизненным обстоятельствам, результат оценки которых будет являться базой для принятия решения о соответствии этих оснований признакам аффилированности.

Квалификация аффилированности по фактическим обстоятельствам делает проблему определения и классификации оснований аффилированности актуальной. В научной литературе господствует достаточно устоявшийся подход к классификации оснований аффилированности. Так, И. В. Григораш указывает на четыре формы (характера) зависимости: имущественно-финансовый характер, договорной, личный и органи-

зационный. В основе такой классификации лежат структура и характер отношений между субъектами права, т. е. механизм и инструменты контроля одного лица по отношению к другому [8]. И. С. Шиткина приводит похожий перечень оснований аффилированности, отмечая, что истоком возникновения зависимости одного субъекта от другого являются отношения различного характера: имущественные, договорные, организационно-управленческие, родственные [9].

Приведенный выше перечень оснований аффилированности отражает действительно все возможные обстоятельства, которые могут повлечь аффилированность. Однако, анализ этих оснований не позволяет выявить определенный критерий для их классификации. Например, при рассмотрении ситуации приобретения контрольного пакета акций по договору основание аффилированности нельзя определить однозначно. Данное основание можно отнести как к имущественным, так и к договорным.

Такая неопределенность критериев классификации оснований аффилированности говорит об отсутствии четкой связи основания аффилированности с местом и ролью аффилированного лица в системе управления юридическим лицом. Если лицо признать аффилированным, не учитывая оснований аффилированности, то тогда юридическое лицо воспринимается как образование, которое не имеет ни внутренней структуры, ни уровней органов управления. В таком случае возникает сомнение в необходимости сохранения этого юридического лица в качестве самостоятельного субъекта, так как это лицо может быть учтено как промежуточный элемент в системе отношений участников хозяйственного оборота (в том числе аффилированных лиц), что больше характерно для зарубежного права, определяющего юридическое лицо как связку договоров.

Например, Д. И. Степанов полагает, что юридическое лицо представляет собой связку контрактов [10]. Такой подход к определению сущности юридического лица размывает различие принципов и норм, которые регулируют корпоративные и договорные отношения. Данный взгляд не соответствует сложившимся представлениям о юридических лицах и является дискуссионным.

Применение договорной модели ко всем юридическим лицам не обосновано, в первую очередь, с экономической точки зрения. Сфера действий индивидуального договорного регулирования отношений ограничивается правовым регулированием организации юридического лица, поэтому рассмотрения лица в качестве связки договоров достаточно условно и имеет ограничения в области своего применения.

С другой же стороны, Е. А. Суханов отмечает, что сама сущность и структура юридического лица не может быть определена лишь экономическими параметрами, так как налицо существование необходимости учета особенностей истории развития правопорядка и системы регулирования в каждой отдельной стране [11].

В качестве вывода хотелось бы отметить, что идея рассмотрения юридического лица как связки договоров может привести к неуместному расширению понятия юридического лица и к потере учета такого параметра как организационное единство юридического лица. Поэтому описанная выше концепция не может быть воспринята в российском праве в полной мере.

Отечественное право традиционно понимает юридическое лицо достаточно последовательно, различая его внутреннее и внешние стороны и учитывая такие его признаки, как внутреннее организационное единство и внешняя автономия. Под первым признаком О. А. Красавчиков понимал систему существенных взаимных связей структурных подразделений юридического лица, а также их подчинение руководству. Внешнюю автономию юридического лица указанный автор рассматривал как некую меру самостоятельности в действиях по отношению к другим (третьим) лицам [12].

Анализируя подход, предложенный О. А. Красавчиковым, можно говорить о том, что внутреннее организационное единство определяет внутреннее устройство лица, а также представляет это лицо как единое целое перед другими субъектами оборота. При этом стоит отметить, что факт аффилированности не разрушает юридическое лицо как образование, а только указывает на механизм влияния на деятельность лица через его органы управления с учетом внутренней структуры этого лица и иерархического характера органов управления.

Иерархии органов лица уделяется немало внимания, ведь именно это свидетельствует о дифференциации управления лицом на уровни, идею которой используют для описания установления контроля в группе лиц. Так, М. А. Егорова отмечает, что объективные критерии для формирования группы лиц базируются на компетенциях корпоративного управления, которые определяют наличие возможности установления контроля внутри этой группы. По мнению автора, эти компетенции, согласно уровню управления лицом, имеют четыре градации: установление контроля на уровне высшего органа управления, коллегиальных органов управления (или коллегиального исполнительного органа), единоличного исполнительного органа и установление контроля на основаниях, вынесенных из договоров корпоративного содержания [13].

Описанный подход говорит о том, что контроль в группе лиц может возникнуть на разных уровнях управления лицом. Следовательно, субъекты, которые входят в группу лиц с юридическим лицом, имеют в отношении этого лица разные права, характер которых будет зависеть от компетенции органа управления, на уровне которого устанавливается контроль.

Отметим, что функционирование органов управления лица, помимо контроля, который характерен для группы лиц, означает и любое другое влияние, оказываемое аффилированными лицами. Проводя параллель, можно сказать, что эти обстоятельства говорят о том, что и аффилированность также может возникнуть на разных уровнях органов управления лица. Следование данному подходу позволяет сделать вывод о том, что все юридические факты, которые влекут за собой аффилированность на конкретном уровне управления, характеризуют права аффилированных лиц по перечню вопросов, которые входят в компетенцию этого органа управления. Так, в качестве критерия классификации оснований аффилированности логично может быть применен критерий определенности органа управления юридического лица, на которое может оказать влияние аффилированное лицо. Тогда эти основания могут быть разделены на те, при которых орган лица опреде-

лен и не определен в момент возникновения факта аффилированности.

Другим критерием возникновения оснований аффилированности являются особенности структуры внешних договорных отношений субъекта с третьими лицами. Договор — это тот юридический факт, в силу которого возникновение влияния не определено вхождением аффилированного лица в систему управления юридическим лицом на уровне конкретного органа управления. При этом влияние осуществляется в процессе деятельности субъекта как единого целого, а не в процессе внутреннего принятия решения, поэтому уровень органа лица остается неопределенным в момент возникновения аффилированности.

Таким образом, основания аффилированности представляют собой юридические факты, с которыми право связывает возникновение аффилированности. Учитывая невозможность закрепления в законодательстве всех жизненных обстоятельств, влекущих аффилированность, представляется обоснованным подход, согласно которому аффилированность необходимо выявлять по фактическим основаниям, учитывая, что в определенных целях основания могут быть закреплены в специальном законодательстве.

Литература

1. Габов А. В. Регулирование аффилированности в гражданском законодательстве: проблемы и перспективы. М.: Издательская группа «Юрист», 2014 [электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/57574266/> (дата обращения: 10.03.2021).
2. Габов А. В., Егорова М. А., Могилевский С. Д. и др. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве. М.: Юстицинформ, 2015.
3. Городулин К. В. Правовой статус аффилированных лиц по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2007. 181 с.
4. Григораш И. В. Зависимые юридические лица в гражданском праве: опыт сравнительно-правового исследования. М.: Волтерс Клувер, 2007.
5. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
6. Корнев В. Н. Философские и правовые основания понимания и применения международного и внутригосударственного права // Российское правосудие. № 4. М., 2011.

7. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения. М.: Наука, 1966.
8. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2-х т. Т. 2. М.: Статут, 2017. 494 с.
9. Марченко М. Н. Теория государства и права: учеб. М.: Проспект, 2015. 640 с.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 [электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15062016-n-308-es16-1475-po-delu-n-a53-8852014/> (дата обращения: 10.03.2021).
11. Письмо ФАС РФ от 27.03.2007 № АК/4056 «Об отнесении Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований к аффилированным лицам» [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126157/ (дата обращения: 10.03.2021).
12. Положение Банка России от 20.07.2007 № 307-П (ред. от 30.09.2019) «О порядке ведения учета и представления информации об аффилированных лицах кредитных организаций» (зарегистрировано в Минюсте России 28.08.2007 № 10061) [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70733/ (дата обращения: 10.03.2021).
13. Положение Банка России от 30.12.2014 № 454-П (ред. от 25.05.2018) «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2015 № 35989) [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175536/ (дата обращения: 10.03.2021).
14. Приказ ФАС России от 26.06.2012 № 409 (ред. от 05.09.2013) «Об утверждении Порядка предоставления бирже списка аффилированных лиц хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на соответствующем товарном рынке, аккредитованным и (или) участвующим в торгах (в том числе путем подачи заявок на участие в торгах брокеру, брокерам)» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.07.2012 № 24972) [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133219/ (дата обращения: 10.03.2021).
15. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/58024599/> (дата обращения: 10.03.2021).
16. Степанов Д. И. Экономический анализ корпоративного права // Вестн. экон. правосудия Российской Федерации. № 9. М., 2016.
17. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2016. 456 с.
18. Суханов Е. А., Ем В. С., Витрянский В. В. Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2016. 1208 с.

19. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 24.02.2021) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 10.03.2021).
20. Шиткина И.С. Корпоративное право. М.: Статут, 2017. 976 с.
21. Шиткина И. С. Межотраслевая унификация понятий, обозначающих экономическую зависимость, вовсе не обязательна // Вестн. Арбитражного суда Московского округа. № 4 М., 2016.
22. Шиткина И. С. Правовое регулирование экономической зависимости // Рос. газ. № 238–239. М., 1994.

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ДОГОВОРА БЕЗВОЗМЕЗДНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКОМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В. А. Сукало

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
аспирант
rc-21@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы недействительности договора безвозмездного пользования земельным участком из публичной собственности, связанные с нарушением порядка его заключения; возможные пути решения выявленных противоречий.

Ключевые слова: договор безвозмездного пользования земельным участком, недействительность договора, пробелы законодательства.

Abstract. The article considers the problems of invalidity of the contract of gratuitous use of land from public ownership, related to the violation of the order of its conclusion; possible ways to resolve the identified contradictions.

Key words: the contract for the gratuitous use of the land plot, the invalidity of the contract, the gaps in the legislation.

Общие положения о договоре безвозмездного пользования содержатся в главе 36 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ).

Статьей 39.10 Земельного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ЗК РФ) установлен перечень оснований предоставления земельных участков в безвозмездное пользование, причем этот перечень является исчерпывающим [1].

В данной статье мы исследуем недействительность договора безвозмездного пользования публичным земельным участком, связанную с нарушением порядка его заключения только при предоставлении участка в безвозмездное пользование гражданину для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства или осуществления крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности. Это самое распространенное на практике основание заключения договора безвозмездного пользования земельного участка, оно установлено пп. 6 ч. 2 ст. 39.10 ЗК РФ.

Предоставление земельного участка в безвозмездное пользование по вышеуказанному основанию допускается только в муниципальных образованиях, определенных законом субъекта Российской Федерации, и только на срок не более шести лет.

Например, ст. 14.1 Закона Красноярского края от 04.12.2008 № 7-2542 «О регулировании земельных отношений в Красноярском крае» [2], определены муниципальные районы, где это возможно. Перечень районов, по нашему мнению, спорный, так как в него входят как действительно отдаленные территории (Туруханский, Эвенкийский районы), так и местности, где спрос на публичные земельные участки достаточно велик (Боготольский, Манский, Пировский районы).

Основной интерес уполномоченных органов публичной власти в передаче земельных участков в безвозмездное пользование состоит в том, что на пользователя ст. 695 ГК РФ [3] возложена обязанность по содержанию и использованию по целевому назначению за свой счет такого недвижимого имущества. Органы публичной власти заинтересованы в предоставлении в безвозмездное пользование земельных участков, расположенных в отдаленных районах, с неразвитой транспортной и иной инфраструктурой, не пользующихся спросом, для того чтобы земельные участки использовались по назначению, не зарастали сорной растительностью, не выбывали из оборота и т. п.

Согласно п. 1 ст. 422 Гражданского кодекса Российской Федерации договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными пра-

вовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения [4].

В соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна [4].

В пунктах 74, 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5] даны разъяснения о том, что ничтожной является сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность.

Применительно к статье 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды.

Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы.

Следовательно, установленный законом порядок заключения договора безвозмездного пользования земельным участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности, направлен на обеспечение публичных интересов, заключенная с его нарушением сделка является ничтожной в силу статьи 168 ГК РФ.

Порядок предоставления в безвозмездное пользование земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов установлен статьей 39.14 ЗК РФ [1]. Эта же статья регулирует и предоставление публичных земельных участков без торгов и в

собственность, и в аренду, и в постоянное (бессрочное) пользование. Таким образом, законодатель объединяет нормы, регулирующие порядок предоставления участков из публичной собственности без проведения торгов на совершенно разном праве, имеющим как возмездный (собственность, аренда, постоянное пользование), так и безвозмездный характер, что, по нашему мнению, является спорным, приводит к различному толкованию.

Большинство уполномоченных органов публичной власти считают, что никаких извещений по поводу предоставления участка в безвозмездное пользование публиковать не надо, так как при наличии соответствующих оснований предоставление земельного участка в безвозмездное пользование осуществляется без проведения торгов. То есть, при наличии заявления заинтересованного лица договор безвозмездного пользования земельным участком заключается в отсутствие какого-либо извещения о возможном предоставлении участка.

В то же время, согласно пункту 8 статьи 39.14 ЗК РФ [1], предоставление земельных участков гражданам для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта, садоводства, для осуществления крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности осуществляется с учетом особенностей, установленных ст. 39.18 ЗК РФ, которая предполагает опубликование извещения о намерении предоставления участка, предоставление месячного срока для сбора заявлений от иных лиц, а при поступлении таких заявлений участок не может быть предоставлен без торгов.

Если толковать буквально нормы ст. 39.18 ЗК РФ [1], то следует признать, что данные нормы рассчитаны на случаи предоставления без торгов земельных участков для соответствующих целей на праве собственности либо аренды, но никак не безвозмездного пользования участком.

С 2019 г. в Российской Федерации сложилась судебная практика, по сути приравнивающая порядок предоставления участков без торгов на безвозмездном и возмездном праве для индивидуального жилищного строительства, ведения

личного подсобного хозяйства или осуществления крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности на основании ч. 8 ст. 39.14 ЗК РФ и ст. 39.18 ЗК РФ, что, по нашему мнению, является спорным.

Такая судебная практика сложилась на основании пробела в законодательстве, который выражается в отсутствии правового института торгов на приобретение права на заключение договора безвозмездного пользования земельным участком, отсутствия нормативного регулирования полномочий органов публичной власти при поступлении заявлений о намерении приобрести участок от иных лиц в случае публикации извещения о намерении предоставить участок именно в безвозмездное пользование.

Так, в решениях Арбитражного суда Красноярского края, постановлениях Третьего арбитражного апелляционного суда, постановлениях Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа, определении Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2020 г. № 302-ЭС19-27335 по делу № А33-1101/2019 [6] указано, что договор безвозмездного пользования земельным участком с заявителем может быть заключен только в случае отсутствия иных претендентов на получение этого же земельного участка, наличие (отсутствие) которых может быть установлено только посредством проведения публичной процедуры публикации извещения о предоставлении испрашиваемого земельного участка в безвозмездное пользование. Наличие иных лиц, заинтересованных в приобретении прав на указанный объект недвижимого имущества и подавших заявление о намерении приобрести земельный участок, является основанием для проведения аукциона на право заключения договора безвозмездного пользования земельным участком, находящимся в публичной собственности.

Заключенный без проведения процедуры публичного информирования, предусмотренной ст. 39.18 ЗК РФ, договор безвозмездного пользования земельным участком для соответствующих нужд, по мнению судов, является недействительным в силу ничтожности в силу ст. 168 ГК РФ.

Таким образом, суды, восполняя пробел в законодательстве, приравнивают порядок предоставления земель-

ного участка без проведения торгов на совершенно различном праве — на возмездном и безвозмездном праве, что, по нашему мнению, спорно и не соответствует правовой природе договора безвозмездного пользования земельным участком.

В связи с различным толкованием норм права, наличием пробелов в законодательстве возникают существенные трудности в правоприменении.

Так, при обязательном опубликовании извещения о возможном предоставлении участка в безвозмездное пользование нередки случаи поступления в ответ на такое извещение заявлений от иных лиц, как реально заинтересованных в получении участка, так и от «профессиональных заявителей», которые действительно не имеют намерения использовать такой участок. Так как такой правовой институт как аукцион на право заключения договора безвозмездного пользования земельным участком противоречит правовой сути такого договора, то становятся невозможными любые последующие действия с данным участком, он так и остается никому не предоставленным, что противоречит целям, которые преследуют органы публичной власти при предоставлении земельных участков в безвозмездное пользование.

С другой стороны, если ввести в ч. 8 ст. 39.14 ЗК РФ изменение, заключающееся в нераспространении данной нормы на случаи предоставления земельных участков без проведения торгов в безвозмездное пользование, либо не применять эту норму, то открывается большой простор для злоупотреблений со стороны органов публичной власти, нарушаются принципы справедливости, публичности, открытости и прозрачности процедуры предоставления публичных земельных участков.

Каким образом соблюсти принципы предоставления публичных земельных участков и сохранить правовую суть договора безвозмездного пользования земельным участком, цели его заключения? Нам видится следующий путь устранения вышеуказанной проблемы.

Необходимо прямо и недвусмысленно указать в ст. 39.18 ЗК РФ, что при поступлении заявления о предоставлении земельного участка в безвозмездное пользование для индивидуального жилищного строительства, ведения личного под-

собного хозяйства или осуществления крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности, уполномоченный орган публикует извещение о его возможном предоставлении с правом заинтересованных лиц подавать заявления о намерении его приобретения.

Чтобы исключить подачу заявлений о намерении приобретения участка от лиц, действительно не заинтересованных в приобретении и использовании соответствующего земельного участка, так называемых «профессиональных заявителей», необходимо ввести, по аналогии с реестром недобросовестных участников аукционов, реестр недобросовестных заявителей, в который включались бы заявители, выразившие намерение в приобретении участка, но в дальнейшем, при назначении и проведении аукциона, неоднократно уклонившие от подачи заявлений на участие в торгах или от участия в аукционе. При поступлении от лиц, включенных в такой реестр, заявлений о намерении приобрести участок, уполномоченный орган просто не будет их учитывать.

Если же на извещение о намерении предоставить земельный участок в безвозмездное пользование будут поданы заявления о намерении получить такой участок от иных лиц, действительно заинтересованных в его использовании и не включенных в реестр недобросовестных заявителей, это должно являться основанием для назначения и проведения аукциона на право заключения уже договора аренды такого земельного участка, так как участок пользуется спросом, он не пригоден для достижения целей публичного органа в предоставлении такого имущества в безвозмездное пользование.

Неоднократное поступление заявлений от иных лиц в отношении участков, расположенных в каком-то муниципальном образовании, должно являться основанием для исключения соответствующей территории из перечня местностей, установленного законом субъекта Российской Федерации, где возможно предоставление земельных участков без торгов в безвозмездное пользование для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства или осуществления крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности.

Пути совершенствования правового регулирования порядка заключения и условий действительности договора безвозмездного пользования земельным участком должны стать предметом научной дискуссии.

Литература

1. Земельный кодекс Рос. Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ: принят Государственной Думой 28 сент. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 10 окт. 2001 г.: введ. Федер. законом от 25 окт. 2001 г. № 137-ФЗ: в ред. Федер. закона от 30.12.2020 № 505-ФЗ // Рос. газ. 2001. 30 окт.; 2020. 31 дек.
2. Закон Красноярского края от 04.12.2008 № 7-2542 «О регулировании земельных отношений в Красноярском крае»: в ред. Закона Красноярского края от 22.04.2021 № 11-4945 // Наш Красноярский край. 2008. 23 дек.; 2021. 27 апр.
3. Гражданский кодекс Рос. Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ: принят Государственной Думой 22 дек. 1995 г.: одобрен Советом Федерации 8 дек. 2006 г.: введ. Федер. законом от 26 янв. 1996 г. № 15-ФЗ: в ред. Федер. закона от 27.12.2019 № 489-ФЗ // Рос. газ. 1996. 6, 7, 8 февр.; 2019. 30 дек.
4. Гражданский кодекс Рос. Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Государственной Думой 21 окт. 1994 г.: одобрен Советом Федерации 8 дек. 2006 г.: введ. Федер. законом от 30 нояб. 1994 г. № 52-ФЗ: в ред. Федер. закона от 08.12.2020 № 427-ФЗ // Рос. газ. 1994. 8 дек.; 2020. 14 дек.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Рос. газ. 2015. 30 июня.
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2020 г. № 302-ЭС19-27335 по делу № А33-1101/2019 // Официальный сайт Картоотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/98d93bde-6597-456d-b568-d18b4fc35b8a/4540e533-5970-4524-900d-2aa18ec46b44/A33-1101-2019_20200203_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.05.2021).

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Е. Ю. Усольцев

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
usoltsev_egor@bk.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема определения места предпринимательского права в юридической системе через рассмотрение концепции дуализма права и соотношения предпринимательской и иных видов общественной деятельности.

Ключевые слова: предпринимательское право, предпринимательская деятельность, систематическое извлечение прибыли, дуализм права, комплексная отрасль права.

Abstract. The article deals with the problem of determining the place of business law in the legal system by considering the concept of dualism of law and the relationship between business and other types of social activity.

Key words: business law, entrepreneurial activity, systematic profit making, dualism of law, complex branch of law.

В самом широком смысле предпринимательское право представляет собой совокупность общеобязательных формально-определенных правил поведения, направленных на урегулирование общественных отношений в сфере осуществления предпринимательской деятельности. На первый взгляд, данное понятие простое и лаконичное и не имеет видимых изъянов. Вместе с тем оно не отвечает на один из самых сложных вопросов юриспруденции: является ли предпринимательское право самостоятельной отраслью права или занимает иное положение в системе российского права? И если признавать преемственность предпринимательского права по отношению к торговому и хозяйственному, то получается, что история данного вопроса насчитывает не одно десятилетие, охватывая дореволюционный, советский и современный периоды развития отечественной юриспруденции.

Одними учеными категорически отрицается возможность придания предпринимательскому праву характера самостоятельного [4, с. 74]. И, надо полагать, в данном случае оно

может рассчитывать лишь на статус гражданско-правового института, потому что в традиционном понимании структуры гражданского права говорить о существовании в нем соответствующей подотрасли также весьма затруднительно. Другие, напротив, без колебаний признают за ним значение комплексной отрасли права, представляющей собой некий «конгломерат частноправовых и публично-правовых начал в регулировании общественных отношений» [1, с. 15]. При этом предпринимательское право — не единственный «нормативный массив», в отношении которого разгораются подобные споры. Схожая участь преследует жилищное, транспортное, банковское, международное частное право. В последнее время предпринимаются даже попытки объявить обособленным потребителю право [5, с. 22; 13], что, конечно, ни с научной, ни с практической точек зрения не является жизнеспособным.

Для определения места и роли предпринимательского права в правовой системе России, как указывает проф. В. С. Белых, необходимо уяснить два принципиальных момента: а) явление дуализма в праве; б) разграничение понятий предпринимательской, коммерческой и торговой деятельности [1, с. 17]. Соглашаясь в целом с приведенным тезисом, все же отметим необходимость его незначительной корректировки, поскольку, учитывая содержание современных исследований в данном направлении, научный интерес вызывает не только соотношение предпринимательской деятельности с торговой или коммерческой, но и с экономической, хозяйственной и профессиональной видами деятельности.

Концепция дуализма права, предполагающая деление его на частное и публичное, если принимать во внимание всю совокупность критериев такого размежевания (защищаемый правом интерес, предмет и метод правового регулирования и др.), не исключает возможность взаимопроникновения частноправовых начал в сферу публичного права, а публично-правовых — в сферу частного права. Более того, в современной правовой доктрине все большее распространение получает тема конвергенции частного и публичного права [см.: 2]. В конце концов, наличие в уголовном праве института

примирения или частного обвинения не свидетельствует же о комплексном его характере? Почему тогда, к примеру, наличие в Законе РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [7] положения о штрафе, взыскиваемом в пользу потребителя за неисполнения в добровольном порядке его требований, должно служить основанием для признания потребительского права самостоятельной правовой отраслью?

Очевидно, что основным катализатором спора вокруг юридической природы предпринимательского права является публично-правовой элемент, широко представленный в механизме правового регулирования предпринимательских отношений. Это касается порядка регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, правил об ответственности субъектов предпринимательства, положений о публичном договоре, антимонопольных требований и пр. Вот почему многие авторитетные ученые-юристы считают, что предпринимательское право уже не уместается внутри гражданского или даже частного права, для которых прежде всего характерен диспозитивный тип правовой регламентации, и поэтому признают за ним роль комплексной отрасли права. Но может быть вектор развития всего частного права, а не только сферы предпринимательства, повернут в сторону его публицизации? Ведь для такого утверждения, действительно, имеются все основания, если внимательно присмотреться к транспортным, страховым или к тем же потребительским правоотношениям. Если соглашаться с таким выводом, можно ли тогда всерьез воспринимать идею обособления предпринимательского права от гражданского? Вопрос очень сложный, если вообще разрешимый, по крайней мере при современном состоянии правовой мысли.

Для размежевания предпринимательской, экономической, хозяйственной коммерческой, торговой и профессиональной деятельности необходимо определиться с признаками, при помощи которых стало бы возможным отделить предпринимательскую от любой другой разновидности общественной деятельности.

Понятие «предпринимательская деятельность» является основным для предпринимательского права, оно «раскрывает

его предмет и сущность, предопределяет содержание предпринимательских отношений, лежит в основе понимания свободы предпринимательской деятельности и других принципов предпринимательского права, позволяет установить предпринимательский характер отдельных договоров и отнести их к числу предпринимательских» [6, с. 31]. Его определение содержится в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ: «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [3]. Как видим, законодатель предусмотрел три основных признака такой деятельности: а) самостоятельность; б) наличие риска; в) направленность на систематическое получение прибыли.

Самостоятельность как признак предпринимательской деятельности раскрывается через имущественную самостоятельность, предполагающую наличие у предпринимателя определенного имущества, составляющего его экономическую основу, и организационную самостоятельность, обеспечивающую его независимость в принятии решений в процессе осуществления своей деятельности. Наличие у предпринимателя риска означает, во-первых, возможность наступления неблагоприятных имущественных последствий от предпринимательской деятельности: неполучение ожидаемых доходов, возникновение убытков и пр., и, во-вторых, вероятность наступления событий, в результате которых продолжение осуществления данной деятельности станет невозможным [6, с. 32].

Однако и самостоятельность, и рискованность присущи и другим видам деятельности, поэтому самым важным, но одновременно и спорным, является критерий направленности на систематическое получение прибыли. Но на практике встречаются случаи, когда действующая коммерческая организация в течение нескольких лет не получает прибыль. Тем не менее, навряд ли, можно говорить, что она перестает при этом осуществлять предпринимательскую деятельность. И, наоборот, сдача гражданином в наем принадлежащего ему жилого помещения или реализация сельскохозяйственной продукции, произведенной и переработанной им при веде-

нии личного подсобного хозяйства, не признаются предпринимательской деятельностью [см.: 8; 10]. Следовательно, данный признак в одиночку также не способен полностью отгородить от предпринимательской иную другую деятельность, имеющую стоимостной характер.

До внесения в 2017 г. изменений в ст. 2 ГК РФ еще одним легальным признаком предпринимательской деятельности была легитимация, т. е. необходимость государственной регистрации его субъектов. Действующая же редакция анализируемой правовой нормы не предусматривает такого признака, хотя и указывает, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено Гражданским кодексом РФ. Кроме того, согласно п. 1 ст. 23 ГК РФ гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя за исключением случаев, когда в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя [3]. Вместе с тем законодательство, которое бы определяло такие виды предпринимательской деятельности, до сих пор не принято.

В юридической литературе в качестве одного из признаков предпринимательской деятельности, правда, не имеющего законодательного закрепления, называется профессионализм. Причем ряд авторов отмечают его сущностный характер [см.: 11, с. 11–13]. Однако такой подход противоречит логике закона, поскольку не любая профессиональная деятельность признается им предпринимательской: адвокатская, нотариальная, деятельность оценщиков, арбитражных управляющих, медиаторов, арбитров в третейском разбирательстве и т. д. Кроме того, Федеральный закон РФ от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» также разграничивает понятия предпринимательской и профессиональной деятельности, ставя между ними союз «или» [9].

Поэтому в основе профессиональной деятельности прежде всего лежат трудовые навыки или нацеленность на выполнение публично значимых функций, а не извлечение прибыли. Отсюда профессиональную деятельность нельзя ни отождествлять с предпринимательской, ни сравнивать их по принципу «общее-частное» [12, с. 21].

Таким образом, изучение признаков предпринимательской деятельности, как перечисленных в законе, так и сформулированных в теории, не добавляет ясности в вопросе разграничения предпринимательской, экономической, хозяйственной, торговой, коммерческой и профессиональной видов деятельности. Единственный консенсус здесь наблюдается лишь по соотношению предпринимательской и экономической деятельности как части и целого. Следовательно, уяснение двух «принципиальных моментов», предложенных проф. В. С. Белых, к сожалению, не позволяет решить проблему определения места предпринимательского права в системе отечественного права. Большого успеха в данном направлении скорее можно добиться, переключив исследовательское внимание на предмет и метод правового регулирования предпринимательских отношений. В любом случае данная проблема является актуальной и требует дальнейшей научной проработки.

Литература

1. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: моногр. М.: Проспект, 2017. 432 с.
2. Богдан В. В., Манукян А. Р., Алымов А. А. К вопросу о системе права: проблемы конвергенции частного и публичного права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 165–170.
3. Гражданский кодекс РФ (часть первая): федер. закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Рос. газ. № 238-239. 1994. 8 декабря.
4. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. А. Белов. 2-е изд., стер. М.: Издательство Юрайт, 2020. 484 с.
5. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учеб. / под ред. Е. А. Васильева, А. С. Комарова. 4-е изд. Т. 1. М.: Международные отношения, 2004. 556 с.
6. Лисица В.Н. Предпринимательская деятельность: понятие, проблемы и пути их разрешения // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14. № 2. С. 31-39.

7. О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
8. О личном подсобном хозяйстве: федер. закон РФ от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2881.
9. О саморегулируемых организациях: федер. закон РФ от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» [электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1253895/> (дата обращения: 21.05.2021).
11. Предпринимательское право. Курс лекций / под ред. Н. И. Клейн. М.: Юрид. лит., 1993. 480 с.
12. Рубцова Н. В. Предпринимательская = профессиональная деятельность: pro et contra // Бизнес, менеджмент и право. 2020. № 2 (46). С. 18–21.
13. Цехер Г. Я. Потребительское право — новая комплексная отрасль российского права (к постановке вопроса) // Рос. юрид. журн. 1999. № 1. С. 51–64.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ГРАНИЦ БАЛАНСОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ЭКСПЛУАТАЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Л. А. Красникова

Новосибирского государственного университета
экономики и управления
аспирант
кафедра гражданского и предпринимательского права
«НИНХ» amore0105@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы об определении «понятий» границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности сетей водоснабжения и водоотведения в рамках договора холодного водоснабжения и водоотведения между абонентами и организациями водопроводно — канализационного хозяйства, соотношение данных понятий между собой, определение их в соответствии с нормативно — правовыми актами, регулирующими отношения в сфере водоснабжения и водоотведения, толкование данных понятий судами. Также раскрывается понятие «бесхозных сетей» водоснабжения и водоотведения. Рассматривается позиция абонентов об отсутствии у них правоустанавливающих документов на сети водоснабжения и водоотведения по причине не включения в план приватизации данных сетей. В статье проанализированы, в том числе и понятия бесхозных центра-

лизованных систем водоснабжения и водоотведения и в каких случаях расходы на их содержания включаются в тариф на услуги водоснабжения и водоотведения.

Ключевые слова: границы балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности, бесхозяйные сети, технологическое присоединение.

Abstract. This article discusses the issues of defining the “concepts” of the boundaries of the balance ownership and operational responsibility of water supply and sanitation networks within the framework of the cold water supply and sanitation contract between subscribers and organizations of water supply and sewerage facilities, the relationship of these concepts to each other, their definition in accordance with regulatory legal acts regulating relations in the field of water supply and sanitation, the interpretation of these concepts by courts. The concept of “ownerless networks” of water supply and sanitation is also revealed. The article considers the position of subscribers about the lack of title documents for water supply and sanitation networks due to the non-inclusion of these networks in the privatization plan. The article analyzes, among other things, the concepts of ownerless centralized water supply and sanitation systems and in which cases the costs of their maintenance are included in the tariff for water supply and sanitation services.

Key words: boundaries of balance ownership and operational responsibility, ownerless networks, technological connection.

Абоненты, объекты капитального строительства которых подключены (технологически присоединены) к централизованной системе холодного водоснабжения и к централизованной системе водоотведения, заключают с гарантирующими организациями договоры холодного водоснабжения и водоотведения часть 2 и 5 статьи 7 Закона о водоснабжении и водоотведении.

Существенными условиями договора холодного водоснабжения и водоотведения является, в том числе и границы балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по водопроводным и канализационным сетям между абонентом и организацией водопроводно-канализационного хозяйства пункт 8 части 5 статьи 13 и пункт 11 части 5 статьи 14 Закона о водоснабжении.

Таким образом, федеральный законодатель предусмотрел, что холодное водоснабжение и водоотведение осуществляется на основании договора холодного водоснабжения и водоотведения с обязательным установлением границ балан-

совой принадлежности и эксплуатационной ответственности по водопроводным и канализационным сетям.

Утверждение правил холодного водоснабжения и водоотведения в силу пункта 1 статьи 4 Закона о водоснабжения и водоотведения относится к полномочиям Правительства Российской Федерации.

Реализуя предоставленные ему полномочия, Правительство Российской Федерации постановлением от 29 июля 2013 г. № 644 утвердило Правила холодного водоснабжения и водоотведения, которые регулируют отношения в сфере холодного водоснабжения и водоотведения по предоставлению холодной (питьевой и (или) технической) воды из централизованных и нецентрализованных систем холодного водоснабжения и по отводу сточных вод в централизованную систему водоотведения (далее по тексту — Правила № 644) [2].

В пункте 2 Правил № 644 определены понятия границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности.

Под границей балансовой принадлежности понимается линия раздела объектов централизованных систем холодного водоснабжения и (или) водоотведения, в том числе водопроводных и (или) канализационных сетей, между владельцами по признаку собственности или владения на ином законном основании.

При этом граница эксплуатационной ответственности это линия раздела объектов централизованных систем холодного водоснабжения и (или) водоотведения, в том числе водопроводных и (или) канализационных сетей, по признаку обязанностей (ответственности) по эксплуатации (обеспечению эксплуатации) этих систем или сетей, устанавливаемая в договоре холодного водоснабжения, договоре водоотведения или едином договоре холодного водоснабжения и водоотведения, договоре по транспортировке холодной воды, договоре по транспортировке сточных вод.

Таким образом, федеральный законодатель разделил понятия «граница балансовой принадлежности» и «граница эксплуатационной ответственности» поскольку исходя из определения понятия «границы эксплуатационной ответ-

ственности», она может устанавливаться по соглашению сторон, реализуя принцип свободы договора, что нельзя сказать о границе балансовой принадлежности определяя понятие данной границы, законодатель исходил именно из установления факта принадлежности абоненту на каком либо праве собственности или законом владении сетей водоснабжения и водоотведения.

В настоящий момент на практике между организацией водопроводно-канализационного хозяйства и абонентами часто возникают разногласия относительно определения границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности, данные разногласия сводятся к тому, что абоненты ссылаются на отсутствие у них правоустанавливающих документов на сети водоснабжения и водоотведения, обеспечивающие холодное водоснабжение и водоотведения их объектов.

В доктрине гражданского права понятия границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по сетям водоснабжения и водоотведения между абонентами и организацией водопроводно канализационного хозяйства мало становились объектом научного исследования это обусловлено, прежде всего, тем, что данные понятия были внесены в нормативно-правовых акты, регулирующие отношения в сфере водоснабжения и водоотведения лишь в 2013 г. Вопросы об определении границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности были предметом исследований следующих авторов. Так, Е. В. Шоломова в статье [10]: «Согласование границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности», рассматривает данные вопросы между ресурсоснабжающей организацией и управляющие организации, ТСЖ, ЖСК, где автор приходит к выводу о том, что граница балансовой принадлежности по сетям водоснабжения и водоотведения объекта капитального строительства — многоквартирного дома, должна проходить с учетом пункта 8 Правил № 491 по стене многоквартирного дома, а граница эксплуатационной ответственности в месте соединения ОПУ с соответствующей инженерной сетью, входящей в МКД. В продолжение рассмотрения данных вопросов Е. В. Шоломова в статье [15]: «Добиваемся изменения границ»,

также пришла к тем же выводам, что и в предыдущей статье. С данным мнением нельзя согласиться по причине того, что основополагающим при определении данных границ между РСО и управляющими организациями, ТСЖ, ЖСК должно быть технологическое присоединение централизованным системам водоснабжения и водоотведения и установления точек подключения к таким системам.

Д. О. Семенов разбираясь в вопросе о порядке переноса границ эксплуатационной ответственности по договору водоснабжения, заключенному между гарантирующей организацией и собственником нежилого здания, в интересах последнего в своей работе пришел к выводу о том, что «если водопроводные и канализационные сети находятся за пределами здания абонента, но в рамках земельного участка, принадлежащего абоненту на праве собственности или аренды, границы балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности должны проходить по границе земельного участка, принадлежащего абоненту» [12] и с данным выводом согласиться нельзя по причине того, что для объектов капитального строительства, которые построены и введены в эксплуатацию до 2013 г. точка технологического присоединения, располагалась не на границе земельного участка. После утверждения новых правил холодного водоснабжения и водоотведения технологическое присоединение осуществляется на основании типового договора о подключении (технологическом присоединении) к централизованным системам водоснабжения и водоотведения. Технологическое присоединение объекта капитального строительства осуществляется за плату и на границе земельного участка правообладателя.

Принимая во внимание значимость и возникающие проблемы при определении границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности, недостаточное правовое регулирование и отсутствие должной доктринальной проработанности данного вопроса представляется существенным упущением и отрицательным образом сказывающимся на соблюдении баланса между абонентами и организациями водопроводно-канализационного хозяйства.

Строительство большинства объектов капитального строительства на территории России осуществлялось еще в советский период, где в действующем на тот период законодательстве приоритетным была государственная собственность, т. е. все объекты капитального строительства вместе с сетями водоснабжения и водоотведения находились в собственности государства и, следовательно, вопрос относительно эксплуатации сетей водоснабжения и водоотведения не возникал, поскольку действующие в тот период организации и предприятия являлись государственным.

После распада СССР и организации независимого Российского государства в декабре 1991 г., с сохранением правопреемственности, была введена частная собственность и взят курс на рыночную экономику, т. е. стали издаваться нормативно правовые акты, предусматривающие переход права в отношении государственного имущества в частную собственность граждан и юридических лиц [3].

Так 24 декабря 1990 г. был принят Закон РСФСР «О собственности в РСФСР», который установил, что имущество может находиться в частной, государственной, муниципальной собственности, а также в собственности общественных объединений (организаций) пункт 3 статьи 2 [4]. В целях создания эффективной, социально ориентированной рыночной экономики 03 июля 1991 г. введен в действие Закон Российской Федерации № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» [5].

Во исполнение требований Законов РСФСР «О собственности РСФСР» и «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» Верховным Советом РФ и с целью ускорения процессов приватизации утверждено Постановление Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» [6].

Данное постановление разграничивает объекты государственной собственности на федеральную, собственность субъектов в составе Российской Федерации и муниципальную с указанием на то, что независимо от того, на чьем балансе они находятся, и от ведомственной подчиненности предприятий, относятся исключительно к той категории собственности, которая установлена в соответствующих Приложениях к нему.

Как указано в определении Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 266-О данное постановление исходя из конкретно-исторического контекста и целей его принятия, было призвано лишь разграничить публичную собственность и упорядочить возникающие в связи с таким разграничением отношения между публично-правовыми образованиями, а отнюдь не определить юридическую судьбу созданного до вступления в силу данного нормативного правового акта имущества субъектов, не относящихся к категории публично-правовых образований (в частности, общественных организаций), и не исключает рассмотрения судами вопросов о принадлежности этого имущества в случае спора.

Таким образом, при возникновении спора между абонентами и организацией водопроводно-канализационного хозяйства приоритетным все-таки является наличие правомочий собственника на сети водоснабжения и водоотведения, т. е. установления факта законного владения абонентом сетями водоснабжения и водоотведения в рамках норм права, регулирующие основания возникновения права собственности.

В настоящий момент на территории Российской Федерации возникновения права собственности регулируются Гражданским кодексом РФ [1] и другими нормативно-правовыми актами, принятыми в соответствии с ним, при этом положения данных нормативно-правовых актов, устанавливающих основания, в силу которых гражданин, либо юридическое лицо наделяется правомочиями собственника.

Гражданский кодекс выделяет первоначальный и производный способы приобретения права, первоначальный применительно к объекту капитального строительства является в случае, если лицо произвело его строительства за счет собственных денежных средств, а производный способ в свою

очередь выражается в случае приобретения другим лицом по договору купли-продажи и других, в том числе и в случае приватизации государственного имущества юридическими или физическими лицами (статья 218 Гражданского кодекса РФ).

Исходя из преамбулы Гражданского кодекса РСФСР 1964 г., советское гражданское законодательство призвано активно, содействовать разрешению задач строительства коммунизма. Оно способствует укреплению социалистической системы хозяйства, социалистической собственности и развитию ее форм в единую коммунистическую собственность, при этом личная собственность является производной от социалистической собственности и служит одним из средств удовлетворения потребностей граждан. Следовательно, в советском государстве приоритетным являлась коммунистическая (государственная) собственность. Также был наложен запрет на осуществление предпринимательской деятельности, коммерческое посредничество и другие, т. е. та деятельность, которая в настоящий момент в стране является законной.

Абоненты, обосновывая свою позицию тем, что они не являются собственником и балансодержателем спорных сетей, ссылаются на отсутствие в документах о приватизации указаний о передаче этого имущества им. Как указано в абзаце 4 пункта 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» факт нахождения имущества на балансе лица сами по себе, не являются доказательствами права собственности или законного владения. Следовательно, отсутствие на балансе абонента спорных сетей, а, равно как и нахождение их на его балансе не может подтвердить факт наличия правомочий собственника у абонента, поскольку нахождение спорных сетей на балансе лица носят учетный, а не правопорождающий характер. При этом суды зачастую поддерживают вышеуказанную позицию абонента.

Исходя из данного подхода по определению границ балансовой принадлежности сетей водоснабжения и водоотведе-

ния объектов абонента, либо орган местного самоуправления, либо организация водопроводно — канализационного хозяйства вынуждена содержать спорные сети водоснабжения и водоотведения, расходы на содержания данных сетей, согласно правовой позиции судов, она вправе включить в тариф на водоснабжение и водоотведение.

Однако с данным подходом нельзя согласиться по следующим причинам, в соответствии с пунктом 6 статьи 8 Закона № 416-ФЗ расходы организации, осуществляющей горячее водоснабжение, холодное водоснабжение и (или) водоотведение, на эксплуатацию бесхозяйных объектов централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, учитываются органами регулирования тарифов при установлении тарифов в порядке, установленном основами ценообразования в сфере водоснабжения и водоотведения, утвержденными Правительством Российской Федерации.

Понятие централизованной системы водоотведения, в том числе и централизованной системы водоотведения поселения или городского округа закреплено в пункте 28 и 28.1 статьи 2 Федерального закон № 416-ФЗ в силу которых это комплекс технологически связанных между собой инженерных сооружений, предназначенных для водоотведения с территории поселения или городского округа.

Согласно пункту 2 статьи 2 Федерального закона № 416-ФЗ водоотведение — это прием, транспортировка и очистка сточных вод с использованием централизованной системы водоотведения.

Таким образом, централизованная система водоотведения признается, комплекс технологически связанных между собой инженерных сооружений, предназначенных для приема, транспортировки и очистки сточных вод. При этом федеральный законодатель не включает в данное понятие сети водоснабжения и водоотведения, необходимые для нормального функционирования объектов капитального строительства.

Поскольку федеральный законодатель предусмотрел эксплуатацию бесхозяйных объектов централизованных систем водоотведения и правовая позиция судов основывается на

применении пункта 6 статьи 8 Закона о водоснабжении и водоотведении, которая предоставляет право организации водопроводно-канализационного хозяйства включить расходы на эксплуатацию таких объектов в тариф, то необходимо обратиться к понятию «бесхозной вещи». В силу статьи 225 Гражданского кодекса Российской Федерации, бесхозной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался. Из содержания указанной нормы следует, что вещь не имеет собственника, в том случае, когда собственник или любое иное лицо, претендующее на указанную вещь, фактически отсутствуют.

Исходя из смысла статьи 236 Гражданского кодекса Российской Федерации, отказ от права собственности заключается в полном отстранении собственника от принадлежавшей ему вещи, а не в отказе только от титула собственника при возможном сохранении отдельных правомочий.

Таким образом, с учетом действующего законодательства для наделения сетей водоснабжения и водоотведения статусом бесхозного имущества, необходимо установить тот факт, что собственник данных сети неизвестен и (или) отсутствует, либо собственник от права собственности на сети отказался, т. е. отстранился полностью от владения и пользования ими.

Ю. В. Виниченко, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Байкальский государственный университет в своей работе «Бесхозность вещей: *de jure vs. de facto*» [8], опубликованной в 2018 г., определяет «бесхозную вещь», как фактическое состояние вещи, безотносительное к праву собственности на нее, при котором эта вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует интерес со стороны конкретного лица. Соответственно, вещь, имеющая владельца, не должна рассматриваться в качестве бесхозной.

Вопрос об отсутствии или неизвестности, либо отказа от права собственности правообладателя, например, в отношении земельного участка, когда собственник фактически им

не пользуется и не владеет, не возникает, ведь оно явствует из реальной определенности и установлении данных обстоятельств, путем визуального осмотра и составления соответствующих документов, позволяющих подтвердить данный факт. Чего нельзя сказать о сетях водоснабжения и водоотведения объектов капитального строительства, ведь данные сети связывают его с централизованными системами водоснабжения и водоотведения, обеспечивая ему надлежащее функционирование.

В силу подпункта «г» пункта 17 Правил № 644 абонент к заявке на заключение договора прилагает копии документов, подтверждающих подключение (технологическое присоединение) объектов абонента к централизованным системам холодного водоснабжения и (или) водоотведения на законных основаниях, в том числе договора о подключении (технологическом присоединении), условий подключения (технологического присоединения) к централизованным системам водоснабжения и (или) водоотведения (далее — условия подключения (технологического присоединения)).

Предусматривая данное положение, федеральный законодатель исходил из того, что технологическое присоединение к централизованным системам водоснабжения и водоотведения основано на принципе однократности, который состоит в необходимости учета физической природы и конкретных технических параметров процесса технологического присоединения, как технологической операции, которая совершается однократно. При строительстве объекта капитального строительства правообладатель земельного участка обращается в организацию водопроводно — канализационного хозяйства с заявлением о выдаче ему технических условий о подключении к централизованным системам водоснабжения и водоотведения, в которых определяются точки подключения к централизованным системам. Данные точки подключения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения необходимы для того, чтобы предусмотреть в проекте на строительство объекта капитального строительства работы по строительству сетей водоснабжения и водоотведения, через которые будет осуществляться снабжение холодной водой

и отвод сточных вод объекта капитального строительства. И впоследствии составить сметный расчет и определить размер денежных средств, необходимых для выполнения данных работ.

Следовательно, владелец объекта капитального строительства после завершения строительства объекта и ввода его в эксплуатацию в соответствии с действующим законодательством становится собственником объекта, включая, в том числе и наружные сети водоснабжения и водоотведения, которые необходимы для нормального его функционирования, ведь они были запроектированы совместно с ним и являлись его неотъемлемой частью.

В этой связи при смене владельца объекта капитального строительства с учетом принципа однократности технологического присоединения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения, новый собственник является владельцем объекта капитального строительства как целостного, а в случае разделения его на части без учета данного принципа, порождает ситуации, в которых сети водоснабжения и водоотведения, необходимые для снабжения водой и отвод сточных вод только данного объекта, приобретают статус «бесхозного».

При изучении зарубежных правовых проблем по определению границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по сетям водоснабжения и водоотведения на примере страны Великобритании, так вот такая проблема отсутствует, данный вывод следует из того, что согласно данным свободной энциклопедии «Википедия» в Лондоне и близлежащих графствах южной Англии компания, осуществляющая услуги водоснабжения и водоотведения, является Thames Water Utilities Limited. Данная компания была основана в 1989 г. в результате приватизации компании Thames Water. Ей принадлежат 30 водохранилищ, 288 водонасосных станций 350 очистных сооружений, 2530 канализационных насосных станций. Абонентская сеть компании охватывает 14 млн потребителей, в штате 4,5 тысяч работников. В Лондоне обслуживает магистральные водоводы Темзенского

водопроводного кольца, завод по опреснению воды и городские очистные сооружения.

Также согласно данным с официального сайта Thames Water является крупнейшей в Великобритании компанией по водоснабжению и водоотведению. При этом на ее сайте отсутствует, какая-либо информация о том, что между компанией и потребителями имеются разногласия в части определения границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности. Данное обусловлено, прежде всего, тем, что в Великобритании становление рыночной экономики началось еще в конце XV в. начало XVI в., в отличие от России, в которой переход к рыночным отношениям произошел только лишь в 1989–1990 годах XX в.

Более того, Закона 1991 г. о водной промышленности, который касается водоснабжения и обеспечения очистки сточных вод услуг в Англии и Уэльсе, прямо предусматривает, что в случае завершения строительства объектов вместе с канализационными и водопроводными сетями собственником данных сетей становиться застройщик.

С учетом вышеизложенного приходим к следующему выводу: для более точного определения понятий границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности необходимо обратиться в первую очередь к технической стороне, без которой невозможно найти истинное определение данных понятий, и, следовательно, внести соответствующие изменения в нормативно-правовые акты, регулирующие отношения в сфере водоснабжения и водоотведения, позволяющие установить границу балансовой принадлежности в точке подключения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения, согласно технических условий, выданных организацией водопроводно-канализационного хозяйства, правообладателю земельного участка.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.09.2021) // Собрание законодательства. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 2013 г. № 644 «Правила холодного водоснабжения и водоотведения, которые регулируют отношения в сфере холодного водоснабжения

- и водоотведения по предоставлению холодной (питьевой и (или) технической) воды из централизованных и нецентрализованных систем холодного водоснабжения и по отводу сточных вод в централизованную систему водоотведения» // Собрание законодательства РФ. 12.08.2013. № 32, ст. 4306.
3. https://ru.wikipedia.org/wiki/История_Российской_Федерации
 4. О собственности в РСФСР: Закон РСФСР // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30, ст. 416.
 5. О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации Закон Российской Федерации № 1531-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 04.07.1991. № 27. Ст. 927.
 6. О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность: постановление Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 3020-1 // Рос. газ. № 8. 11.01.1992.
 7. Определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 266-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общественной организации писателей «Общероссийское Литературное сообщество» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем первым пункта 1 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», а также пунктом 3 раздела I и пунктом 2 раздела II Приложения 1 к данному Постановлению».
 8. Виниченко Ю. В. Бесхозяйность вещей: de jure vs. de facto // Вестн. Перм. ун-та. Юридические науки. 2018. № 2. С. 225–239.
 9. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011.
 10. Шоломова Е. В. Согласование границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 4. С. 30–42.
 11. Шоломова Е. В. Добиваемся изменения границ // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 6. С. 36–44.
 12. Семенов Д. О. Перенос границ эксплуатационной ответственности по инициативе собственника нежилого здания // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2017. № 3. С. 67–75.

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ФОРМЫ СДЕЛОК

Е. П. Шевчук

Российский государственный университет правосудия
старший преподаватель кафедры гражданского права
Elena-shevchuk-1978@mail.ru

Д. О. Павлова

Российский государственный университет правосудия
студентка Юридического факультета
dar.pavlova2000@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются понятие сделок, правила, касающиеся формы сделок, а также виды и формы сделок.

Ключевые слова: гражданское право, сделка, правовые отношения, классификация сделок, форма сделок.

Annotation. This article analyzes the concept of transactions, the rules concerning the form of transactions, as well as the types and forms of transactions.

Key words: civil law, transaction, legal relations, classification of transactions, form of transactions.

В гражданском праве сделка признается юридическим фактом, т. е. считается основанием для возникновения правовых отношений. Сделки — это наиболее распространенные основания правоотношений, поэтому в ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) они занимают первую строчку в перечне оснований [2].

Согласно ст. 153 ГК РФ, сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Такое определение является широким и позволяет рассматривать в качестве сделок большой круг явлений: начиная от завещаний и договоров, заканчивая заявлениями о регистрации прав и отказами от иска.

Классифицировать сделки можно по различным основаниям. Так, в зависимости от числа сторон на: односторонние для совершения которой достаточно действия одной стороны, двухсторонние и многосторонние [5]. А по соотношению возникающих из сделки прав и обязанностей на: возмездные,

порождающие правоотношения, в которых каждая из сторон вправе требовать от другой так или иначе определенного имущества предоставления и безвозмездные сделки — без такого предоставления.

Также можно разграничить сделки по моменту их совершения на: консенсуальные для которых достаточно волеизъявления сторон по существенным условиям сделки и реальные сделки — для которых необходима передача вещи. А также по значению основания сделки на каузальные и абстрактные сделки.

Способ, посредством которого выражается воля сторон при совершении сделки, называется формой сделки.

Форма сделок может быть устной и письменной. Воля может быть выражена также путем совершения действий или молчания. Письменная форма бывает простой и нотариальной. По общему правилу, для простых бытовых сделок достаточно устной формы. В простой письменной форме должны совершаться все сделки организаций между собой и с гражданами. Для признания сделки действительной она должна отвечать ряду условий: необходимо, чтобы ее участники были правоспособными и дееспособными; содержание сделки не должно противоречить закону; воля и волеизъявление должны совпадать; сделка должна быть совершена в установленной форме.

С 1 января 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 16.12.2019 №430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], который фактически закрепляет «презумпцию добросовестного приобретателя» и предусматривает полноценный механизм защиты его права собственности.

ГК РФ пополнился понятием «добросовестный приобретатель». Закон устанавливает, что добросовестным покупателем недвижимости является тот, кто при ее приобретении полагался на данные Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН).

Согласно новой редакции ст. 302 ГК РФ исключается возможность истребования имущества у добросовестного приобретателя органами публичной власти в случае, если при его приобретении человек полагался на сведения из ЕГРН.

В указанной статье содержится конкретное основание для отказа в иске со стороны органов власти к правообладателям недвижимости по истечении трехлетнего срока со дня выбытия помещения из государственной или муниципальной собственности.

Кроме того, с 1 января 2020 г., согласно принятым поправкам в Федеральном законе от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [3], предусмотрена возможность получения добросовестными приобретателями компенсации за утраченную недвижимость. При этом сумму компенсационных выплат пострадавший имеет право выбрать самостоятельно: по общему правилу, размер компенсации определяется судом исходя из суммы реального ущерба, однако добросовестный приобретатель может потребовать исчислить компенсацию в размере кадастровой стоимости жилья. Максимальный размер компенсации не установлен. Убытки добросовестного приобретателя могут заключаться, например, в сумме, уплаченной продавцу (реальный ущерб), а также в неполученных доходах, на которые он мог рассчитывать, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) [6].

Механизм правовой защиты распространяется в том числе на добросовестных приобретателей, которые приобрели недвижимость безвозмездно, например, в порядке дарения, а также по делам об изъятии выморочного имущества в пользу государства (выморочными называют квартиры умерших граждан, у которых нет наследников). При отсутствии наследников, такое жилье должно переходить в собственность государства, но часто бывает, что никто не оформляет на него положенные права, и квартира остается бесхозной. Этим пользуются мошенники, оформляя поддельные документы, и продавая квартиру от своего имени. Аналогичный механизм компенсации применяется и в случае, если изъятие у добросовестного приобретателя недвижимости произошло по вине Росреестра.

В наше время сделки приобретают актуальное значение, так как объем и значимость с каждым годом возрастают. Немаловажное место должно занимать правовая просвещенность граждан по поводу совершения сделок.

Так как в наше время появилось большое количество частных компаний и организаций, а также лиц, вступающих во взаимоотношение между ними и между собой, правильность совершения сделки с юридической точки зрения приобретает большой смысл. Порок любого или нескольких элементов сделки приводит к ее недействительности.

Следует отметить, что при заключении сделок необходимо уделить большое внимание условию о форме сделок, поскольку ее несоблюдение влечет отрицательные последствия для сторон, вступающих в отношения по исполнению такой сделки. Так, при несоблюдении простой письменной формы сделки стороны лишаются права ссылаться в подтверждении сделки и ее условий на свидетельские показания.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, 14.03.2020 № 144-ФКЗ) // Собрание законодательства. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.09.2021) // Собрание законодательства. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4385.
4. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ (действующая редакция) // Собрание законодательства. 2019. № 51 (ч. I). Ст. 7482.
5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.
6. Колокольников Д. Сделки с недвижимостью: проблемы безопасности // Директор по безопасности. 2014 [электронный ресурс]. URL: <http://old.s-director.ru/publ/view/43.html#top> (дата обращения: 19.05.2015).

КАМПАНИЯ ПО ЛИШЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В СССР В ПЕРИОД «ГОЛОВОКРУЖЕНИЯ ОТ УСПЕХОВ» (МАРТ 1930 Г.)

А. А. Кожяева

Новосибирский государственный университет
студент четвертого курса, группа 17801,
кафедра Отечественной истории
a.kozhaeva18@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению основных направлений и причин трансформации государственной политики в сфере лишения избирательных прав весной 1930 г. Крестьянский протест заставил осознать власть слабость своих позиций в деревне и проблемы с легитимностью. Государство признало «перегибы» в лишении избирательных прав. Борьба с «перегибами» проходила по технологиям мобилизационных кампаний и имела кратковременный, в значительной мере имитационный характер.

Ключевые слова: «лишенцы», дискриминация, сталинизм, СССР.

Abstract. The article is devoted to identifying the main directions and reasons for the transformation of state policy in the sphere of deprivation of voting rights in the spring of 1930. The peasant protest made the authorities realize the weakness of their positions in the countryside and problems with legitimacy. The state recognized “excesses” in deprivation of voting rights. The fight against “excesses” was carried out according to the technologies of mobilization campaigns and had a short-term, largely imitative nature.

Key words: “disenfranchised”, discrimination, Stalinism, USSR.

Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., устанавливала принципиально отличную от прежней структуру государства. Все сферы общественно-политической жизни претерпели изменения, в том числе и избирательная система государства. Советы официально стали главными институтами местного и центрального управления, а принять участие в выборах в них могли граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста, вне зависимости от имущественного положения, пола и вероисповедания. Мечта о всеобщем избирательном праве наконец осуществилась, однако 65 статья Конституции [5, с. 29] сразу же ограничила это достижение революции, определив категории лиц, которые этого права лишались.

Всего было определено 7 категорий «лишенцев»: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором. Кроме того, слишком общие и неточные критерии «лишенцев», а также сами формулировки Конституции 1918 г. создавали возможность для широкого толкования категорий. Так, например, статья 23 дала возможность лишать избирательных прав тех лиц, которые используют их «в ущерб интересам социалистической революции» [5, с. 29]. Такая широкая формулировка фактически открыла возможность для различного рода интерпретаций государственной политики, исходя из личных интересов местных органов власти.

Данная дискриминационная политика государства, направленная на преобразование нового общества с классовых позиций трудящихся, со временем не только не сокращалась, но и ужесточалась. Каждая новая Конституция подтверждала лишение избирательных прав части населения, кроме того к категории «лишенцев» причислялось все большее число населения. Инструкцией о выборах городских и сельских советов 1925 г. законодательно закреплено лишение избирательных прав категории «членов семей лиц, лишенных избирательного права» [8, ст. 212]. Кризис хлебозаготовок 1927–1928 годов, а также последующая политика государства по ликвидации «эксплуататорских классов» привели к стремительному росту количества «лишенцев» и ограничений в различных сферах их жизни. «Лишенцы» становились заложниками системы, которая их отторгала. Лишение избирательных прав воспринималось дискриминированными как «клеймо» и «позор», от которого они желали избавиться, но выбраться из маргиналь-

ного положения становилось практически невозможно из-за длительного бюрократического разбирательства в комиссиях спорных дел «лишенцев».

Все вышесказанное привело к тому, что в первые месяцы 1930-х годов центральная власть «обнаружила» несоответствие между постановлениями и практическим осуществлением политики «лишенчества». Государство достаточно долго пыталось игнорировать проблему «лишенчества» и включилось в устранение недостатков данной дискриминационной политики после массовых донесений о январских крестьянских волнениях на местах (в Майкопском округе [9, с. 94–98], в Татарии [9, с. 140–141], в Украине [9, с. 156–158] и пр.). И если еще в декабре 1929 г. правительство решило, что «необходимо ни в коем случае не ослаблять борьбы с кулаком» [9, с. 65], усугубляя это усилением ликвидации для них «как активного, так и пассивного избирательного права» [9, с. 65], то уже в конце января 1930 г. власть начинает чувствовать крестьянский отпор, о чем говорит директива И. В. Сталина от 30 января 1930 г. об опасности увлечения «раскулачиванием» в ущерб коллективизации [9, с. 131]. Таким образом, партийная верхушка вынужденно включилась в борьбу против административного произвола в политике коллективизации и «лишенчества» гораздо позже самих крестьян, и именно протест последних подтолкнул государство к необходимости сделать шаг назад и изменить подход к проводимой политике.

В марте 1930 г. проблема «лишенчества» появилась в дискурсе власти, однако данная тема все еще не рассматривалась властью как нечто требующее немедленного решения, поскольку власть акцентировала свое первостепенное внимание на других проблемах: спецпоселения, высылка, хлебозаготовки и пр. «Перегибы» в политике «лишенчества» гораздо чаще рассматривались совместно с другими недостатками государственной политики, редко являясь темой отдельных постановлений правительства. В связи с этим особый интерес представляет докладная записка по вопросу о «лишенцах» секретаря Президиума Центрального исполнительного комитета СССР А. С. Енукидзе, адресованная И. В. Сталину, от 1 марта 1930 г. [6, с. 125–132]. Следует отметить, что на следующий день вышла знаменитая статья И. В. Сталина «Голо-

вокруге от успехов. К вопросам колхозного движения» [7, с. 191–199]. Данные документы логически взаимосвязаны, хотя докладная записка А. С. Енукидзе акцентирует внимание на проблемах «перегибов» кампании «лишенчества», тогда как в статье И. В. Сталина рассматриваются «перегибы» партийной политики в деревне. Однако и тот, и другой понимали необходимость смягчить социальную напряженность и протесты в обществе, вызванные государственным насилием и дискриминациями.

Енукидзе отмечает две основных проблемы политики «лишенчества». Во-первых, рост количества дискриминированного населения автор связывает с произволом местных властей, составляющих списки «лишенцев» на основе мотивов, «ничего общего с классовой установкой не имеющих» [6, с. 125]. Действительно, кампания по лишению избирательных прав напрямую способствовала расколу в селе. Давние личностные конфликты не раз становились причиной дискриминации, когда у власти в сельском совете оказывались люди, которые руководствуясь «личными счетами», приписывали своим противникам не совершаемые ими деяния (использование наемной силы батраков, сдача в аренду сельскохозяйственных машин и пр.). «Лишенцы» со своей стороны пытались бороться с такого вида дискриминацией, делая акцент на несправедливости таких решений местных избирательных комиссий: «считаю не законным лишение избирательных прав лишь только по личным счетам» [3, л. 3].

Второй проблемой, выделенной Енукидзе, является «дополнительное поражение в правах лишенцев» [6, с. 129], имея в виду излишние ограничения в различных сферах их жизни. Так, он обращает внимание на то, что в законе указано, что дополнением к лишению избирательных прав является исключение их профсоюзов, лишение права состоять в сельскохозяйственных кооперациях (колхозах) и невозможность занятия руководящих должностей в органах потребительской кооперации. Отдельно в записке акцентируется внимание на том, что «никаких дополнительных правопоражений по отношению к лишенцам закон не знает» [6, с. 129]. Политика местных властей, нацеленная на уничтожение «классового врага», расширяла ограничения: конфискация имущества, высылка,

лишение продовольствия, исключение из школ детей «лишенцев», запрет на застройку и пр. «Лишенцы», оставшиеся без средств к существованию, оказывались в безвыходном положении: «сельский совет отобрал домашнюю мелочную посуду сапоги шерстянную пряжу и всякие припасы <...> не дают мне квартиры и никакой копейки для пропитания» [4, л. 6]. Множество крестьянских хозяйств оказались заброшенными, поскольку «лишенцы» уходили из села в города или шахты, чтобы хоть что-то заработать на пропитание себе и своей семье. Государство, стремившееся развивать сельское хозяйство, своими действиями уничтожало тех, кто мог бы помочь в осуществлении данной задачи. Но местные власти, стремившиеся выполнить «заказ» государства по уничтожению классового врага в лице «кулака», слишком увлеклись и в дискриминированном положении оказались и другие слои населения (середняки и беднота). Именно поэтому Енукидзе подчеркивает, что «лишенные избирательных прав не являются обязательно хозяевами-кулаками» [6, с. 130], обозначая необходимость более тщательной проверки списков «лишенцев».

Логическим продолжением докладной записки Енукидзе стало постановление ЦК ВКП (б) от 10 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», согласно которой местные партийные организации и избирательные комитеты обязывались «немедленно проверить списки лишенных избирательных прав и исправить ошибки в отношении середняков, учителей и других трудящихся» [9, с. 304], а также рассмотреть вопрос о восстановлении в правах незаконно дискриминированных «лишенцев». Государство не объявило об отмене правовой дискриминации, а лишь вносило коррективы в ее реализацию, поскольку она оставалась инструментом борьбы с «эксплуататорскими классами». Возникает вопрос — как существенно маневры власти повлияли на реальную ситуацию в данной сфере весной 1930 г.

Таблица составленная на основе авторской выборки «лишенцев» Маслянинского района (16,2 % от 992 личных дел «лишенцев» в фонде исполкома Маслянинского района), показывает незначительное уменьшение лишений избирательных прав в период осуществления политики по «устранению

перегибов». Однако уже через три месяца политика «лишенчества» вновь усилилась и достигла пика в 1931 г., поскольку именно в этот год, по мнению власти, сплошная коллективизация должна была быть завершена. Складывалась ситуация, когда при усилении давления «сверху» (уровень государства) происходило увеличение «перегибов снизу» (уровень местной власти). В связи с этим волнообразность дискриминационной динамики с ее спадом весной 1930 г. и новым подъемом во второй половине 1930 и в 1931 гг. можно считать производной от императивов Центра (в первом случае снизить крестьянский протест, а во втором возобновить дискриминации и репрессии в отношении деревенских «верхов» с тем, чтобы вновь принудить массу крестьянство к вступлению в колхозы). Таким образом, компенсаторная политика государства весны 1930 г. несущественно повлияла на действия местных властей, которые послушно реагировали на «колебания линии партии»

**Численность лиц, лишенных избирательных прав
в Маслянинском р-не в 1928–1935 гг.
(на основе авторской выборки)**

Год	Количество лиц, лишенных избирательных прав
1928 г.	14
1929 г.	25
Январь–май 1930 г.	9
Июнь–декабрь 1930 г.	20
1931 г.	62
1932 г.	19
1933 г.	3
1934 г.	3
1935 г.	2

Однако временное, ситуативное ослабление политики «лишенчества» повлияло на позиции «лишенцев», получивших легальную возможность доказать ошибочность действий местных органов власти. Ходатайства «лишенцев» во власть показывают то, что они были знакомы с постановлениями власти о «перегибах» в политике «лишенчества». «Но раз это ошибка, она как сказал тов. Сталин в 1930 г. в статье «Головокружение от успехов» должна немедленно быть исправлена»

[2, л. 25]. Дискурс власти нередко используется «лишенцами» в качестве тактики борьбы против правовой дискриминации. Говоря с властью на языке ее постановлений, «лишенцы» надеялись добиться желаемого результата, т. е. восстановления в правах: «[лишение] я считаю грубой ошибкой по искривлению нашей крестьянской середняцкой линии» [1, л. 9].

Модернизационную политику преобразований аграрной экономики методами принуждений и насилия нельзя назвать теоретически продуманной и реалистичной. Крестьянский протест заставил власть в определенный момент ощутить слабость и непрочность собственной легитимности в деревне. Предпринятая ею дискриминационная «передышка» позволила выиграть некоторое время, провозгласив «перегибами» собственные наиболее одиозные отступления от своих же официальных норм и установлений. Сама же борьба с «перегибами» проходила по известным технологиям любых мобилизационных кампаний и имела кратковременный, в значительной мере имитационный характер. И хотя кампания дала «лишенцам» оружие в виде ссылки на официальные постановления правительства, однако последнее оставило за собой «командные высоты» — маневрировать ими в собственных интересах.

Литература

1. ГАНО Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 7. Л. 10. Заявление Андреевой Е. С. в Районный исполнительный комитет [июль 1930 года].
2. ГАНО Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 32. Л. 24–25. Заявление Барсукова Е. А. в Западно-Сибирскую Краевую избирательную комиссию, а также писателю М. Горькому [1930 год].
3. ГАНО Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 78. Л. 3. Заявление Архипова Г. К. в Районный исполнительный комитет [1930 г.]
4. ГАНО Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 107. Л. 6. Заявление Бойцова И. П. в Районный исполнительный комитет от 24 апреля 1930.
5. Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 г. Ст. 65. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940.
6. Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг.: в 2-х кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с.
7. Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949.
8. СУ РСФСР 1930 г. № 19.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. ноябрь 1929 — декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999–2006. 901 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Международная научно-практическая конференция «Эволюция семейного права: традиции и ожидаемые новеллы семейного законодательства»

Ильина О. Ю.

Эволюция семейного права и законодательства:
цели и маршрутизация процесса 3

Косова О. Ю.

Семейно-правовая защита в аспекте отношений
родителей и детей 9

Сартаева Н. А.

Правовые основы государственного управления
в сфере семейной политики: опыт Республики Казахстан..... 21

Тарусина Н. Н.

Семейное законодательство: парадоксы и скачки эволюции..... 36

Балабушевич Г. К.

Пределы прав, обязанностей и ответственности родителей
и других родственников детей — участников
образовательных отношений 47

Войтович Е. П.

Имя: коллизионные семейно-правовые аспекты 53

Громоздина М. В.

Правовые тенденции защиты семьи и детей 57

Зайцева Ю. А.

Требования к усыновителям: новое в законодательстве 64

Карцева Н. С.

Проблемные аспекты совершенствования
семейного законодательства в сфере регулирования
алиментных обязательств..... 76

Ковалёва Н. П.

Социальная поддержка семей с детьми по законодательству
Республики Беларусь 82

Курбатова Г. В., Иванова О. В.

Актуальные проблемы государственной защиты прав
и интересов ребенка 88

Маркеев А. И.

Раздел имущества супругов, осложненный ведением
предпринимательской деятельности..... 96

<i>Мерзлякова И. С.</i> Этико-правовая грань эволюции семейного законодательства России.....	108
<i>Михайлов Д. И., Нагорная Н. А.</i> Презумпция согласия супруга на отчуждение отдельных категорий имущества: в аспекте защиты интересов участников совместной собственности	120
<i>Саенко Л. В.</i> Эволюция семейного законодательства на постсоветском пространстве.....	132
<i>Таран Ю. Н.</i> Роль Уполномоченного по правам ребенка в Липецкой области в детско-родительских отношениях	146
<i>Токарева Е. В.</i> Процессуальные особенности рассмотрения дел, вытекающих из семейных правоотношений	153
<i>Ульянова М. В.</i> Осуществление прав и исполнение обязанностей родителями, проживающими раздельно.....	159

**Международная научно-практическая конференция
«Судоустройство и судебные реформы:
международный и национальный опыт»**

<i>Васильев Д. С., Саламатова М. С.</i> Судейский корпус Новосибирской области: социально-демографические характеристики, условия работы и профессиональное развитие	166
<i>Голикова О. А.</i> Деятельность ЕСПЧ в условиях пандемии	184
<i>Джусупова Р. С.-А.</i> Повышение качества судейского корпуса как один из приоритетов нового этапа судебной реформы в Республике Казахстан.....	188
<i>Исаев В. И.</i> Проблемы формирования судейского корпуса в судах Сибири в 1920-е гг.....	195
<i>Комлев Е. Ю.</i> Право органов местного самоуправления на обращение в конституционный суд: опыт Испании.....	204

<i>Кирющенко И. И.</i> Процедура отбора кандидатов на должности судей: международные стандарты, российский и зарубежный опыт	211
<i>Кричевцев М. В.</i> Учреждение специальных военных советов и борьба с дезертирством во Франции начала XIX в.: к истории военной юстиции наполеоновской эпохи	223
<i>Макарова О. В.</i> Должность судьи: понятие и виды	235
<i>Михеев Д. Ю., Нестеренко И. А.</i> Суды Сибири в борьбе за качество судебного правоприменения в начале 1930-х гг.	241
<i>Мурашкин И. Ю.</i> Обеспечение законности судебного решения — задача судебного процесса на современном этапе.	252
<i>Нехороших М. Е.</i> Проблемы инстанционной связи в системе судов общей юрисдикции	262
<i>Пилипенко Е. А.</i> От I к X Всероссийскому съезду судей: основные вехи истории развития судебной системы глазами судей.	271
<i>Скобелев В. П.</i> Некоторые проблемы апелляционного производства в гражданском процессе Республики Беларусь	282
<i>Смыслова Н. В.</i> Обеспечение соблюдения прав и законных интересов лиц с ограниченными возможностями как полноценных участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации при осуществлении перевода	291

**Международная научно-практическая конференция
«Гармония частного права:
современные глобальные тенденции развития
международного и национального права»**

<i>Матиящук С. В.</i> Предпосылки становления рынка когенерации в России и проблемы его образования	296
<i>Савченко Д. А.</i> Частное право и цифровая экономика: некоторые тенденции развития	304

<i>Куликова С. А., Бердникова Е. В.</i> Роль и место общественного контроля в развитии экономической системы государства (на основе сравнительного опыта СССР и Российской Федерации)	310
<i>Безик Н. В.</i> Еще раз к вопросу об обращении взыскания на единственное жилое помещение должника	318
<i>Беломытцева О. С.</i> Вопросы противодействия использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком на финансовом рынке РФ	324
<i>Дорожинская Е. А.</i> Корпоративный договор как гражданско-правовой инструмент осуществления предпринимательской деятельности	332
<i>Карцева Н. С.</i> Проблемные аспекты правовой регламентации договора банковского счета в современном русском законодательстве	338
<i>Коптев А. Ю.</i> Налоговый маневр ИТ-отрасли	346
<i>Ковалёва Н. П.</i> Наследование предприятия как имущественного комплекса	350
<i>Михайлов Д. И.</i> Ограничение права на оспаривание действительности и факта заключения договоров в связи с принятием их исполнения: системный и правоприменительный аспекты.....	356
<i>Чуприн М. Г.</i> Особенности гражданско-правового регулирования исполнения обязательств по государственному контракту на поставку товара.....	365

Трибуна молодого ученого

<i>Митроченко С. А.</i> Экстерриториальность как подход к организации судебной власти.....	371
<i>Городилов И. А.</i> Некоторые проблемы определения судом круга вопросов, при рассмотрении дел, связанных с воспитанием детей	380
<i>Захарова И. В.</i> Тенденции развития судебного представительства в семейных спорах.....	387

<i>Николаева Е. А., Русинова М. В.</i> Сравнительный анализ правового регулирования имущественных отношений супругов, согласно законодательству Российской Федерации и законодательству Республики Казахстан.....	397
<i>Беликова А. С.</i> К вопросу об эффективности системы закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	404
<i>Минакова М. С.</i> Оценка эффективности коллективно-договорного регулирования персоналом	410
<i>Романов С. А.</i> Основания аффилированности юридических лиц	417
<i>Сукало В. А.</i> Недействительность договора безвозмездного пользования земельным участком, находящимся в публичной собственности	425
<i>Усольцев Е. Ю.</i> О юридической природе предпринимательского права	433
<i>Красникова Л. А.</i> Юридическая природа границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности.....	439
<i>Шевчук Е. П., Павлова Д. О.</i> Понятие, виды и формы сделок.....	453
<i>Кожаева А. А.</i> Кампания по лишению избирательных прав в СССР в период «головокружения от успехов» (март 1930 г.)	457

Научное издание

ПРАВО И ЭКОНОМИКА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Сборник статей

по итогам III Новосибирского международного юридического форума
(27–28 мая, 10 июня 2021 г.)

Часть 2

Издается в авторской редакции

Верстка Ю. А. Кувшинова

Дизайн обложки А. Ю. Болдина

Гарнитура PT Serif. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 27,20.

Подписано в печать 19.11.2021. Тираж 300 экз.

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56.